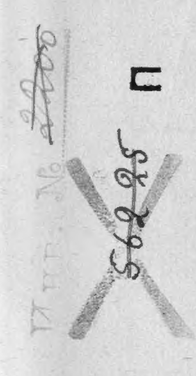
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ
и
ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ

въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ.



п

Томъ первый

РЕДАКЦІЯ

Е. Смирнова.

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

им Горького
[redacted]
М. Г. У.
ПР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Предлагаемый русскому читателю сборникъ статей по политическимъ учрежденіямъ и объясняющимъ ихъ соціальнымъ состояніемъ государствъ Западной Европы—имѣетъ цѣлью пополнить большой пробѣлъ въ нашей литературѣ, вообще скудной по общественнымъ наукамъ. Въ данномъ случаѣ пробѣлъ особенно чувствителенъ, такъ какъ и европейская литература не богата сочиненіями соціально-политическаго содержанія, что можетъ показаться страннымъ, въ виду двухъ хорошо извѣстныхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, научная мысль дебютировала, можно сказать, въ области обществознанія сочиненіями о существѣ государственной власти, о суверенитетѣ и другихъ чисто-политическихъ вопросахъ, такъ что о всемъ обществознаніи можно было долго говорить, что оно начиналось и кончалось политикой. Вовторыхъ, нигдѣ предметъ изученія не стоялъ въ такой близкой и тѣсной связи со всей совокупностью общественныхъ отношеній и не требовалъ въ такой мѣрѣ соображенія всѣхъ этихъ отношеній или, иными словами, соціологическихъ пріемовъ изслѣдованія, какъ именно въ области политики.—Между тѣмъ, за расцвѣтомъ политической литературы въ XVI, XVII и XVIII в. в., наступилъ въ XIX вѣкѣ періодъ упадка и отчужденія этой литературы отъ другихъ отраслей обществознанія, которыя какъ разъ въ это время стали складываться въ научныя дисциплины и находить въ признаніи своей взаимозависимости тотъ могучій ферментъ развитія, который возбуждалъ прежде и политическую литературу, но теперь

совершенно заброшенъ новой и, преимущественно, нѣмецкой политической наукой.

Объяснить это на первый взглядъ странное явленіе можно только отчасти различіемъ представленій, связывавшихся прежде и связываемыхъ теперь съ понятіемъ „политики". Прежде господствовало представленіе, ведущее свое начало отъ Аристотеля и называющее политикой „науку о государствѣ", въ смыслѣ всѣхъ относящихся къ государству явленій и знаній. Теперь съ расширеніемъ области и предметовъ нашего знанія, стало невозможнымъ соединять въ одну науку о государствѣ всю совокупность накопленныхъ о немъ знаній, и это мѣсто одной науки о государствѣ заняла въ настоящее время цѣлая серія государственныхъ наукъ, въ разрядъ которыхъ относятъ обыкновенно общее ученіе о государствѣ, государственное право, международное право, политическую экономію, науку о финансахъ, объ управленіи и т. д. Политикѣ принадлежитъ въ ряду этихъ наукъ мѣсто такой же спеціальной отрасли знанія, какъ и всѣмъ остальнымъ государственнымъ наукамъ, и потому еще Р. Моль говорилъ, что возвращаться въ наши дни къ первоначальному, т. е. Аристотелевскому, смыслу слова „политика" было бы непростительнымъ смѣшеніемъ понятій. Этому смѣшенію понятій политика обязана, однако, блескомъ своего прошлаго, такъ какъ, объединяя въ себѣ тогда всѣ государственныя знанія, она не изолировала отдѣльныхъ сторонъ и функцій государственной жизни и искала пониманія каждой изъ нихъ во всей полнотѣ этой жизни. Но если такая широкая постановка политики въ прошломъ, въ связи съ соотвѣтствующими теченіями философской мысли, объясняетъ ея прежніе успѣхи, то послѣдовавшее затѣмъ ограниченіе предмета и задачи политики не можетъ еще объяснить ея упадка. Почему политическая экономія, исторія учрежденій, наука о финансахъ и другія такъ называемыя государственныя науки, выдѣляясь изъ прежде единой науки о государствѣ, не перестаютъ считать себя каждая—вспомогательной наукой для другой, и предполагать въ своей работѣ знаніе какъ этой другой науки, такъ и государства въ его цѣломъ, и по-

чему мы не видимъ того же въ политикѣ? Почему, благодаря сознанію и практикѣ взаимозависимости и солидарности всѣхъ общественныхъ знаній, политическая экономія, исторія учрежденій и т. д. сдѣлали въ теченіе минувшаго вѣка огромные успѣхи и произвели необъятную и весьма цѣнную литературу, тогда какъ политика перестала въ общемъ признавать свою солидарность съ другими общественными науками и не только не прогрессировала, если судить о ней по общему состоянію новѣйшей литературы, но скорѣе регрессировала?—На этотъ вопросъ нѣкоторые писатели отвѣчаютъ отрицаніемъ самаго факта упадка политической литературы, указывая то на ея перемѣщеніе отъ многотомныхъ и величественныхъ трактовъ добраго стараго времени (vieu jeu!) на легкія, гнилыя и часто не мѣнѣе цѣнныя страницы газетныхъ и журнальныхъ статей, то на преимущества такъ называемаго „юридическаго метода", усвоеннаго новой политической литературой. Оба эти указанія не достигаютъ своей цѣли. Газетныя и журнальныя статьи, какъ бы талантливы и цѣнны онѣ иногда ни были, пишутся наскоро, подъ впечатлѣніемъ событій дня, безъ необходимаго для научнаго изслѣдованія аппарата, и представляютъ вообще наименѣе благопріятныя условія для серьезной научной работы. Преобладаніе такой литературы, если за ней не стоитъ другой, поставленной въ лучшія условія, работы, указываетъ прямо на слабость научной мысли и на необходимость искать иныхъ и болѣе серьезныхъ причинъ для объясненія явленія, о которомъ идетъ рѣчь. Кромѣ того, въ газетахъ и журналахъ пишутъ на экономическія и финансовыя темы не менѣе, чѣмъ на политическія, и это вовсе не мѣшаетъ экономической и финансовой наукѣ развиваться широко и внѣ газетной и журнальной литературы.—Что касается преимуществъ такъ называемаго „юридическаго метода" въ примѣненіи къ изученію политическихъ отношеній, то мы покажемъ ниже, что если бы эти преимущества были даже дѣйствительными въ области чисто юридическихъ дисциплинъ, каковы, напримѣръ, системы дѣйствующаго законодательства, то въ политикѣ они играютъ роль только отрицательнаго фактора, не

повышающаго, а, напротивъ, понижающаго уровень состоянія политической науки. Но прежде чѣмъ устанавливать эту связь „юридическаго метода“ съ его послѣдствіями въ политикѣ, будетъ не лишнимъ упомянуть еще о тѣхъ настроеніяхъ, которыя называютъ скептицизмомъ, фатализмомъ и квіетизмомъ, и которымъ также приписываютъ иногда рѣшающее вліяніе на судьбу политики. Что современныя условія политической дѣятельности и частая смѣна правительствъ, много обѣщающихъ передъ своимъ установленіемъ и мало исполняющихъ по своемъ утвержденіи, охлаждаютъ вѣру въ спасительность политическихъ формъ и приготовляютъ вѣрную почву для скептицизма и политическаго индиферентизма, это—фактъ, слишкомъ хорошо извѣстный для того, чтобы его слѣдовало подчеркивать. Но если идеальный государственный строй есть химера, и никакая политическая формула не можетъ дать одной своей силой счастія ни одной странѣ, то вліяніе политическихъ учрежденій на экономическія состоянія и нравственное и умственное развитіе народа, испытывающаго на себѣ ихъ дѣйствіе, извѣстно также слишкомъ хорошо для того, чтобы осужденіе этого скептицизма, по крайней мѣрѣ въ области практической политики, не напрашивалось само собою. Практическая политика выражается въ дѣйствіяхъ, которыя требуютъ энергіи, подрываемой скептицизмомъ, и поэтому послѣдній можетъ быть менѣе всего оправданъ въ практической политикѣ, особенно демократическихъ странъ, гдѣ политика есть дѣло всѣхъ и каждаго.—Что касается политической науки, то скептицизмъ въ ней умѣстенъ настолько же, насколько онъ умѣстенъ въ другихъ наукахъ, и не ему, конечно, отвращать насъ отъ этихъ наукъ или отвѣчать за ихъ недостатки. То же приблизительно можно сказать и о фатализмѣ, когда съ нимъ связываютъ представленіе о безплодности какъ политической дѣятельности, такъ и политической науки, разъ ни той, ни другой не дано возможности измѣнить что бы ни было въ предопредѣленномъ порядкѣ вещей. Прежде всего, фатализмъ не представляетъ собою ни научной, ни такой общераспространенной доктрины, вліяніемъ которой

могло бы опредѣляться положеніе цѣлой науки и цѣлой отрасли практической дѣятельности. Затѣмъ его нельзя смѣшивать съ детерминизмомъ, который не исключаетъ вовсе индивидуальнаго дѣйствія изъ числа событій, направляющихъ ходъ общественной жизни, но настаиваетъ лишь на подчиненности этого дѣйствія, наравнѣ со всѣми другими явленіями, универсальному закону причинности. Признаніе этого закона въ политикѣ, какъ и всюду, можетъ служить только благопріятствующимъ ея развитію обстоятельствомъ, а не тѣмъ мнимымъ препятствіемъ, какимъ оно является, въ глазахъ запоздалыхъ приверженцевъ двухъ противоположныхъ догматовъ: предопредѣленія и абсолютной свободы воли.

Въ неменьшую ошибку впадаютъ политическіе квіетисты или оптимисты, довольные и удовлетворенные существующимъ порядкомъ, видящіе въ немъ часто осуществленіе идеала и потому уже сторонящіеся отъ всякаго новаго усилія. Разъ задача рѣшена и достигнутъ идеалъ, то для чего бороться или отдаваться изслѣдованіямъ уже рѣшенныхъ вопросовъ! Эра революцій завершена, и новые народы, завоевавъ себѣ равенство, свободу, всеобщее голосованіе и представительныя учрежденія, пришли къ „лучшему изъ правительствъ", какія когда-либо существовали. Это убѣжденіе, особенно распространенное въ современной Франціи или, точнѣе, среди ея „ученыхъ" и умѣренныхъ политиковъ, задерживаетъ здѣсь, наряду, конечно, съ другими причинами, всѣ попытки ревизіи дѣйствующей теперь конституціи,—попытки, о которыхъ вожаки руководящихъ партій говорятъ, что онѣ не могутъ исходить ни отъ кого, какъ отъ „революціонеровъ по профессіи". Опровергать этотъ взглядъ нѣтъ необходимости, такъ какъ эволюція политическихъ формъ и учрежденій установлена теперь настолько прочно, что ее не приходится болѣе доказывать. Напомню только попутно о Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ, въ виду иллюстраціи того положенія, что ни представительное правленіе, ни парламентаризмъ не могутъ разсматриваться, какъ конецъ развитія и какъ окончательная форма современной демократіи. Насколько далека

Швейцарія отъ послѣдовательнаго проведенія въ своемъ политическомъ строѣ принципа представительства, этого періодическаго отчужденія народомъ своего верховенства въ пользу избираемыхъ имъ представителей, это показываетъ постоянный ростъ въ этой странѣ учрежденія, извѣстнаго подъ именемъ referendum'а или народной инціативы,—учрежденія, дающаго намъ форму прямой, а не представительной демократіи, такъ какъ народъ здѣсь предлагаетъ и утверждаетъ законы непосредственно и, слѣдовательно, также непосредственно отправляетъ свою верховную власть. Какъ та же Швейцарія далека отъ типа чисто-парламентскаго режима, основнымъ принципомъ котораго служитъ автономность исполнительной власти, только контролируемой властью законодательной, это свидѣтельствуется юридическимъ положеніемъ „федеративнаго совѣта", „кантональныхъ совѣтовъ" и „малыхъ совѣтовъ", этихъ органовъ союзной и кантональной исполнительной власти, совершенно лишенныхъ автономіи и поставленныхъ въ подчиненіе отъ назначающихъ ихъ представительныхъ собраній. Соединенные Штаты уклоняются не менѣе рѣшительно, хотя и въ другихъ формахъ, отъ господствующаго въ Европѣ представительнаго и парламентскаго режима: практика referendum'а и здѣсь утверждается и учащается въ дѣятельности внѣпарламентскихъ политическихъ организацій; законодательство Штатовъ ограничивается и теряетъ все болѣе и болѣе свое значеніе; напротивъ, губернаторы Штатовъ и федеральное правительство расширяютъ постоянно свои полномочія и власть, отправляя ихъ независимо отъ конгрессовъ и отрицая этимъ самый основной принципъ парламентаризма. Не представляетъ-ли намъ, наконецъ, и сама Франція доказательства временнаго значенія своей представительной и парламентской системы? Французскій сенатъ слышитъ каждый годъ отъ своего предсѣдателя на основаніи старшинства лѣтъ, по имени Валлона, называемаго также „отцомъ" дѣйствующей конституціи, жалобы на то, что произведеніе его рукъ изуродовано, и что на практикѣ примѣняется совсѣмъ не та конституція, которая объявлена основнымъ за-

кономъ страны. Что стало, въ самомъ дѣлѣ, съ перечисленными въ конституціи 1875 г. прерогативами президента республики: его правомъ распущенія палаты депутатовъ, отсрочки сессій обѣихъ законодательныхъ палатъ обращенія къ нимъ посланій, требованія новаго обсужденія законовъ, отставленія министровъ и т. д.? Все это вышло изъ употребленія, обратилось въ фикцію, и тогда, какъ исполнительная власть падаетъ все ниже и ниже, законодательная власть палатъ все растетъ и захватываетъ постепенно всѣ отрасли государственной дѣятельности. Такимъ образомъ, подъ современнымъ французскимъ парламентаризмомъ скрывается въ дѣйствительности другая правительственная система,— система, примѣнявшаяся Національнымъ Конвентомъ 1792 г. и находящаяся теперь на пути къ возрожденію.—Прежде всѣ думали, что представители народа не стѣснены ничѣмъ при отправленіи переданныхъ имъ функцій верховной власти, что они представляютъ эту послѣднюю не по полномочію отъ своихъ избирателей, а только по избранію и какъ бы по собственному праву. Представительство разсматривалось не какъ что-либо зависимое или производное отъ прямого участія народа въ управленіи самимъ собою, а какъ предпочтительная послѣднему и вполнѣ самостоятельная система. Теперь о подобномъ пониманіи представительства не можетъ быть и рѣчи. Теорія полномочія и, притомъ, повелительнаго (mandat impératif) получаетъ все болѣе и болѣе почвы подъ собою, вытѣсняя прежнюю теорію самостоятельнаго представительства; представители народа вступаютъ въ настоящее подчиненіе къ своимъ избирателямъ, и голоса въ пользу непосредственнаго участія народа въ правительствѣ раздаются все громче и громче. И это участіе, можно сказать, уже осуществляется, если еще не въ формѣ швейцарскаго referendum'а, то въ болѣе грубомъ образѣ власти общественнаго мнѣнія. Повсюду учреждаются органы для защиты мѣстныхъ и профессіональныхъ интересовъ: сельскій и рабочій классы организуются въ синдикаты и союзы синдикатовъ, диктующіе избираемымъ ими представителямъ свою волю; винодѣлы и винные торговцы многихъ департаментовъ со-

единяются въ общіе союзы и направляютъ на согласную своимъ интересамъ дѣятельность цѣлыя группы своихъ представителей въ обѣихъ палатахъ, въ числѣ 30, 40 и болѣе человѣкъ; то же дѣлаютъ торговыя палаты, союзы промышленниковъ и т. д. Политическія партіи собираются періодически на конгрессы, которые вырабатываютъ программы, навязываемыя ихъ представителямъ въ парламентѣ; для наблюденія за исполненіемъ этихъ программъ образуются даже особые руководящіе комитеты. Парламентъ въ этихъ условіяхъ только отражаетъ внѣшнія вліянія и, по выраженію одного депутата, играетъ роль простой регистратуры (bureau d'enregistrement). Это—не только власть общественнаго мнѣнія, но и настоящая, хотя еще грубая и невыработанная форма прямого, а не одного представительнаго участія общества въ управленіи собою.

Отсюда нельзя не сдѣлать въ отношеніи къ занимающему насъ вопросу того вывода, что современные квіетисты ошибаются, считая представительную демократію и парламентаризмъ послѣднимъ словомъ политической мудрости, какъ бы упраздняющимъ всѣ дальнѣйшія мысли и заботы о политикѣ. Больше значенія, нежели всѣ разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ мнѣнія объ уменьшеніи интереса къ политикѣ въ современномъ намъ обществѣ и въ современной намъ литературѣ имѣютъ указанія на преобладающую роль въ жизни человѣческихъ обществъ экономическихъ импульсовъ надъ всѣми другими и на сознаніе этой преобладающей роли, точно установленное только во второй половинѣ XIX вѣка К. Марксомъ и его послѣдователями. Намъ нѣтъ надобности входить въ оцѣнку выводимой отсюда доктрины такъ называемаго экономическаго матеріализма (это оцѣнка производилась уже слишкомъ много разъ, и она не нужна для цѣли нашей статьи), чтобы удостовѣрить дѣйствительно опредѣляющее значеніе экономическихъ отношеній какъ въ практикѣ современной политической жизни, такъ и въ направленной на изслѣдованіе экономическихъ и политическихъ отношеній работѣ мысли. Ограничимся опять нѣсколькими иллюстраціями. Обусловленность политическихъ

отношеній экономическими интересами выступаетъ теперь даже въ названіяхъ политическихъ партій. Прежде онѣ, напримѣръ, во Франціи, носили названія имперіалистовъ, монархистовъ, республиканцевъ, радикаловъ и т. д., смотря по различію чисто-политическихъ оттѣнковъ своихъ убѣжденій, откуда не слѣдуетъ, однако, заключать о безразличіи экономическаго критерія и для этихъ партій. Теперь политическія партіи называются консерваторами, прогрессистами, радикалами, радикалами-соціалистами, соціалистами и т. д., уже въ прямой зависимости отъ представляемыхъ ими экономическихъ интересовъ.

То же можно сказать и о политическихъ программахъ. Прежде онѣ опирались болѣе всего на ту или другую форму государственнаго строя, начиная отъ легитимной монархіи, проходя черезъ монархію безъ короля, умѣренную республику съ Тьеромъ, Дюфоромъ, Греви и т. д. и кончая демократіей въ формѣ конвента, безъ всякаго главы исполнительной власти. Теперь въ нихъ политическіе вопросы почти отсутствуютъ, и избирательная борьба ведется на почвѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ на подоходный налогъ, таможенный тарифъ, рабочіе законы и т. п.

Обратимся теперь на минуту къ Германіи, управляемой деспотически своимъ императоромъ, который пренебрегаетъ и союзнымъ совѣтомъ, представляющимъ верховенство союзныхъ государствъ, и рейхстагомъ, олицетворяющимъ верховенство и единство германскаго народа. Императоръ монополизируетъ въ своихъ рукахъ даже законодательную власть, поглощая въ себѣ почти исключительно инцiативу предложенія законовъ и пользуясь, если не легальнымъ, то реальнымъ и неограниченнымъ правомъ veto; онъ уклоняется также отъ вскаго контроля надъ собою, какъ бюджетнаго, такъ и правительственнаго и, не стѣсненный даже отвѣтственностью министровъ, остается чистымъ автократомъ въ странѣ, давно опередившей по своему культурному развитію такую форму государства. И при такомъ положеніи вещей 3-хмилліонная масса избирателей ведетъ агитацію не за политическую свободу и голосуетъ на выборахъ не за измѣненія въ госу-

дарственномъ строѣ, а сплачивается въ сильно организованную соціалистическую партію, которая требуетъ прежде всего экономическихъ реформъ и, приспособляясь къ управляющей ею полудеспотіи, заставляетъ эту послѣднюю служить своимъ классовымъ интересамъ. Есть писатели, которыхъ возмущаетъ этотъ пріоритетъ экономическихъ интересовъ передъ политическими и которые приписываютъ его наивно то развращенности нашего времени, сдѣлавшаго, какъ будто, изъ стремленія къ наживѣ и богатству главный рычагъ жизни; то упадку идеализма и торжеству матеріалистическихъ ученій, обращающихъ-де умы на одни чувственныя удовлетворенія, доставляемыя богатствомъ; то господству демократіи, которое предоставляетъ верховную власть „числу“, т. е. массѣ, и сообщаетъ этой массѣ желаніе пользоваться властью исключительно для себя, безъ всякой мысли объ улучшеніи существующей политической системы. Изъ несомнѣнно важнаго вліянія политической организаціи страны на всѣ стороны ея жизни эти писатели выводятъ часто заключеніе и о подчиненности экономическихъ отношеній политическимъ и о правѣ политики на первенствующее мѣсто въ ряду всѣхъ наукъ объ обществѣ. Эти заключенія не оправдываются своими посылками и опровергаются фактами дѣйствительной жизни. Кому не извѣстно, что даже войны ведутся въ настоящее время не изъ-за династическихъ, политическихъ религіозныхъ и т. п. споровъ, а изъ-за вопросовъ о новыхъ рынкахъ, о таможенныхъ тарифахъ, о сахарѣ, хлопкѣ, угольныхъ копяхъ и т. д.?

Переоцѣнивать значеніе государственнаго строя и формъ правительства можно было лишь въ то время, когда существовали поводы думать, какъ - это долго и имѣло мѣсто, что государство всесильно и властно распоряжаться по своему усмотрѣнію всѣми отношеніями соціальной жизни. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали, что сами правительства суть ничто иное, какъ средства для достиженія внѣ ихъ лежащихъ цѣлей, что строеніе и функціи этихъ правительствъ опредѣляются условіями развитія обществъ, регулируемыхъ ими только въ формальномъ смыслѣ, что, наконецъ, все го-

сударство и право принадлежатъ къ феноменамъ того же порядка, что и другіе общественные феномены, — съ тѣхъ поръ гегемоніи чисто-государственныхъ и юридическихъ наукъ долженъ былъ наступить естественный конецъ. На это и указываетъ дѣйствительность, свидѣтельствующая въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій о такихъ поразительныхъ успѣхахъ экономическихъ, историческихъ и даже юридическихъ дисциплинъ, которые исключаютъ всякую мысль о возможности для политики удержать свое прежнее привилегированное положеніе. Но между привилегированнымъ положеніемъ и упадкомъ есть посредствующая позиція, которая и должна быть занята политикой не только потому, что государственная дѣятельность была и остается однимъ изъ важнѣйшихъ соціальныхъ факторовъ, вліяющимъ безспорно на другіе факторы и требующимъ внимательнаго изученія, но и потому, что предметъ и предѣлы государственной дѣятельности постоянно передвигаются.

Государство—„ночной сторожъ",—этотъ идеалъ старыхъ либераловъ, надъ которымъ смѣялся Лассаль, — не имѣетъ подъ собою никакой почвы, и, если современное государство расширяетъ все болѣе и болѣе предоставляемыя индивиду сферы свободы, то оно же, для обезпеченія культурныхъ интересовъ этого индивида, ставитъ передъ собою все новыя и новыя задачи. Успѣхъ или провалъ этихъ задачъ зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ того или другого строя государства и отъ тѣхъ или другихъ способовъ его дѣятельности, и это обстоятельство указываетъ, въ лишній разъ, на пользу и возможность разработки политической науки. Но какъ ее разработывать? Вотъ вопросъ, отвѣтъ на который дастъ намъ настоящій ключъ къ объясненію неудовлетворительнаго состоянія современной литературы и укажетъ на выходъ изъ этого состоянія.

Способъ или методъ, которымъ политическая наука разработывается въ Германіи, во всѣхъ своихъ отдѣлахъ, а во Франціи—только въ нѣкоторыхъ, обнаруживая, однако, явную тенденцію проникнуть и въ другіе, — носитъ названіе „юридическаго метода" и представляетъ собою ничто иное,

какъ отдѣльный случай примѣненія старой апріорной методы, издавна принятой въ юридическихъ дисциплинахъ и перенесенной теперь въ политику. Крестнымъ отцомъ этой методы во вновь завоеванной ею территоріи былъ извѣстный нѣмецкій юристъ Лабандъ, давшій въ предисловіи къ своему обширному комментарію на государственное право Германской Имперіи и программу такъ называемаго „юридическаго направленія" въ государственной наукѣ, быстро реципированную почти всѣмъ современнымъ поколѣніемъ нѣмецкихъ публицистовъ. Вотъ серія логическихъ операцій, которыя должны быть обязательно произведены по этой программѣ каждымъ изслѣдователемъ государственнаго строя и государственной дѣятельности той или другой страны:

1) „анализъ данныхъ юридическихъ отношеній публичнаго права";

2) „точное установленіе юридической природы этихъ отношеній";

3) „раскрытіе болѣе общихъ юридическихъ принциповъ, подъ которые должны быть подведены эти же отношенія", и

4) „развитіе слѣдующихъ изъ этихъ принциповъ послѣдствій". Орудіемъ для всѣхъ этихъ операцій служитъ только „логика, которая не можетъ быть здѣсь замѣнена ничѣмъ; всѣ историческія, политическія и философскія соображенія не имѣютъ для юридическаго изслѣдованія никакого значенія и прикрываютъ часто недостатокъ конструктивной работы" [1]).

Эта программа, которой нельзя отказать въ рѣзкой и послѣдовательной постановкѣ ея основныхъ положеній, даетъ мѣсто слѣдующимъ неустранимымъ, на нашъ взглядъ, возраженіямъ. Во-первыхъ, она освящаетъ апріорную методу работы, осужденную современнымъ научнымъ знаніемъ—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ общественнымъ наукамъ—и, притомъ, апріорную методу въ худшемъ ея смыслѣ. Намъ не только рекомендуютъ, безъ повѣрки какимъ бы то ни было наблю-

---

1) P. Laband: „Das Staatsrecht des deutschen Reiches". 2 изд. Предисловіе, стр. 6, 7 и 11.

деніемъ, восходить чисто-логическимъ путемъ отъ менѣе общихъ къ болѣе общимъ юридическимъ понятіямъ и затѣмъ нисходить отъ этихъ болѣе общихъ понятій къ ихъ, непредвидѣннымъ законодательными текстами, послѣдствіямъ, но говорятъ еще, что эти общія понятія предполагаются всякой политической организацiей, что „нѣтъ такого учрежденія права, которое могло бы существовать, не подчиняясь впередъ опредѣляющему его общему понятію, что созданіе подобнаго учрежденія было-бы столь же невозможно, какъ открытіе новой логической категоріи или возникновеніе новой силы природы“ [1]). Мнѣ кажется, что „юридическій методъ“ нѣмецкихъ публицистовъ и ихъ многочисленныхъ послѣдователей въ разныхъ странахъ бьетъ себя достаточно самъ приведенной цитатой и что противъ его наивнаго апріоризма было бы трудно возразить сильнѣе, чѣмъ онъ самъ дѣлаетъ это въ своемъ манифестѣ. Труизмомъ было бы также указывать на образованіе общихъ понятій и типовъ учрежденій изъ наблюденій надъ конкретнымъ и представленій о конкретномъ, а не наоборотъ, и еще большимъ труизмомъ— вспоминать, напримѣръ, о парламентаризмѣ, который вовсе не существовалъ еще два столѣтія тому назадъ и, слагаясь постепенно въ англійской практикѣ, опрокидываетъ вверхъ дномъ предположеніе о невозможности существованія того, что не заключено уже въ существующемъ. Во вторыхъ, „юридическій методъ“ разрываетъ естественную связь между формой и содержаніемъ своего предмета изученія и, сосредоточивая всю работу на одной формѣ, онъ самъ закрываетъ передъ собою путь къ пониманію того, что не можетъ быть понято безъ соображенія его содержанія; въ то же время онъ освящаетъ опасный въ общественныхъ наукахъ культъ формальной логики. Форма и содержаніе составляютъ двѣ стороны одного и того же понятія, и если отдѣленіе ихъ возможно въ такихъ чисто спекулятивныхъ отрасляхъ знанія, какъ математика, то оно немыслимо въ соціальныхъ наукахъ, которыя имѣютъ дѣло съ фактическими отноше-

---

[1]) Ibid. 1-ое изд. Предисловіе, стр. 6.

ніями, допускающими самое различное содержаніе и столь же различное регулированіе, не исключающее, въ границахъ детерминизма, и свободной воли регулирующей власти. Какъ понять эти отношенія, не знакомясь съ ихъ содержаніемъ и довольствуясь только формой ихъ регулированія? Одной логикой здѣсь не обойтись, такъ какъ она не производитъ общественныхъ отношеній изъ себя и не даетъ критерія для ихъ контролированія. Со времени Іеринга никому не позволено игнорировать, что юридическія понятія суть не простыя логическія категоріи, а живыя историческія образованія, которыя возникаютъ изъ соціальныхъ отношеній и лишь послѣ своего возникновенія овладѣваются юридической діалектикой; напрасно приписывающей себѣ привилегію творчества на эти образованія. Культъ логики подмѣниваетъ реальныя силы, управляющія общественной жизнью, мертвой діалектикой и забываетъ, по мѣткому выраженію Іеринга, что не жизнь существуетъ для понятій, а понятія для жизни, и что общество и право повинуются не тому, что логично, а тому, что требуется жизнью и чувствомъ права. Злоупотребленіе же формальной логикой приводитъ послѣдователей „юридическаго метода" къ отождествленію политики съ государственнымъ правомъ, въ исключительномъ смыслѣ системы правъ и обязанностей различныхъ органовъ государственной власти, и къ предположенію въ этой системѣ одного стройнаго логическаго цѣлаго, въ которомъ все, какъ будто, связано между собою раціонально и сведено къ неразрывной цѣпи принциповъ и ихъ такъ называемыхъ „консеквенцій". Для устраненія этихъ представленій довольно указать, съ одной стороны, на присутствіе въ строѣ и дѣятельности государства, рядомъ съ юридическими, и такихъ элементовъ, въ которыхъ трудно усмотрѣть не только тождество, но и сходство съ правомъ. Что общаго съ нимъ имѣетъ, напр., веденіе войны, сооруженіе крѣпостей и броненосцевъ, производство публичныхъ работъ, фабрикація табаку и т. д., и можно-ли фактически считать главу верховной власти подчиненнымъ праву въ томъ же смыслѣ, въ какомъ ему подчинены его поданные? Съ другой стороны,

противъ торжества логики въ системѣ политическихъ учрежденій можно сослаться на самый процессъ ихъ образованія въ которомъ участвуютъ различные классы общества, съ ихъ противоположными истересами, и другія, не менѣе враждебныя между собою, силы, вступающія по необходимости во взаимные компромиссы и находящія въ этихъ компромиссахъ минимумъ удовлетворенія. Логика могла бы торжествовать въ политическихъ учрежденіяхъ только въ томъ случаѣ, еслибы одинъ разумъ руководилъ человѣческими дѣйствіями. Но такъ какъ людьми въ ихъ дѣятельности руководятъ въ гораздо большей степени, чѣмъ разумъ—интересы, и интересы, часто противоположные другъ другу, то неудивительно, что эта противоположность интересовъ налагаетъ свою печать и на политическія учрежденія. Вотъ почему эти послѣднія и представляютъ намъ обыкновенно не картину единства и стройной логической цѣли, а рядъ противорѣчій и комбинацій различныхъ принциповъ и теченій, уравновѣшивающихъ другъ друга или подчиняющихъ слабѣйшіе изъ нихъ сильнѣйшимъ.

Въ дополненіе къ характеристикѣ нѣмецкаго „юридическаго метода“ будетъ не лишнимъ привести нѣсколько примѣровъ его примѣненія. Въ главахъ, посвященныхъ германскому рейхстагу, Лабандъ озабоченъ, конечно, только „юридической природой“ этого собранія и силится ссылками на второстепенные законы доказать, что оно не имѣетъ характера представительнаго собранія, такъ какъ германскій народъ „не есть субъектъ права, который могъ-бы быть представленъ“. Депутаты рейхстага—не представители народа, такъ какъ „нѣтъ такого субъекта, который могъ-бы передать имъ свою власть или свои полномочія. Союзныя государства суть, напротивъ, субъекты права, и они могутъ поэтому выражать свою волю и осуществлять свои права въ Союзномъ Совѣтѣ, черезъ своихъ представителей. Но германскій народъ въ его цѣломъ не имѣетъ личности, отличной отъ Германской Имперіи (ея представитель—императоръ); онъ не субъектъ права, онъ лишенъ юридической воли и не обладаетъ поэтому возможностью ни передачи власти, ни осу-

ществленія правъ, ни выраженія воли черезъ представителей. Обозначеніе членовъ рейхстага „представителями“ германскаго народа не имѣетъ юридическаго значенія; въ юридическомъ смыслѣ члены рейхстага не представляютъ никого “ [1]). Въ другомъ мѣстѣ своего учебника Лабандъ, игнорируя силу обычаевъ и практики, объявляетъ интерпелляціи въ рейхстагѣ „лишенными съ конституціонной точки зрѣнія всякаго значенія и силы“, такъ какъ онѣ не предусмотрѣны конституціей; говорящія о нихъ статьи регламента рейхстага не имѣютъ юридической цѣны [2]).

Другой крупный представитель „юридическаго метода“ въ Германіи—Мейеръ находитъ достаточнымъ, при установленіи юридической природы государства, слѣдующее опредѣленіе: „государство есть лицо, т. е. субъектъ публичнаго права [3]). Этихъ примѣровъ довольно, чтобы видѣть, до чего можетъ доводить политическую науку методъ, изгоняющій изъ нея все, кромѣ законодательныхъ текстовъ и діалектическихъ манипуляцій надъ этими текстами. Разсматривая политическія учрежденія, какъ продукты логики, а не жизни, отказываясь отъ изученія ихъ въ той средѣ, въ которой они возникаютъ и функціонируютъ, и совершенно обособляясь отъ этой среды, подъ предлогомъ ея несотвѣтствія юридической точкѣ зрѣнія, политическая наука, становясь на этотъ путь, подписываетъ свой смертный приговоръ. И замѣчательно, что она становится на этотъ путь послѣ того, какъ его все болѣе и болѣе оставляетъ настоящая юриспруденція, имѣющая дѣло съ гражданскимъ правомъ, гдѣ такъ называемый „юридическій методъ“ и родился, и практиковался втеченіе тысячелѣтій, и уже съ 50-хъ годовъ XIX вѣка признавался главнымъ виновникомъ отсталаго состоянія тѣхъ отраслей знанія, къ которымъ онъ примѣнялся. Но въ то время, какъ гражданское право, благодаря, главнымъ образомъ, Іерингу и его школѣ, начинаетъ мало по малу раз-

[1]) P. Laband: „Das Staatsrecht des deutschen Reiches“. 1-е изд. стр. 332.
[2]) Ibid., стр. 285—6.
[3]) Meyer: „Lehrbuch des deutschen Staatsrechts“, стр. 9—41.

дѣлываться съ тираніей этого метода и находить въ признаніи связи съ другими общественными науками новыя силы для своего развитія и возвышенія на степень научнаго знанія, современная политическая литература въ Германіи проникается почти цѣликомъ этимъ методомъ и передаетъ его въ другія страны, гдѣ въ немъ видятъ иногда что-то не только безусловно правильное, но и новое, и прекрасное.

Между тѣмъ, довольно вспомнить, съ одной стороны, о вѣковомъ рабствѣ гражданскаго права подъ гнетомъ этого метода, и съ другой — о времени усвоенія его нѣмецкой политической наукой, — времени, совпадающемъ съ утвержденіемъ новой германской имперіи,—чтобы разсѣять всѣ возможныя на этотъ счетъ иллюзіи. Что указываемое совпаденіе не случайно, что „юридическій методъ“ служитъ въ рукахъ нѣмецкихъ публицистовъ средствомъ для выраженія въ псевдо-научной формѣ специфическаго патріотизма, что этотъ патріотизмъ имѣетъ предметомъ прославленіе новой имперіи и ея императора, — это легко демонстрировать почти на каждомъ изъ новыхъ нѣмецкихъ трактатовъ и учебниковъ по государственному праву, постоянно выдвигающихъ на такъ называемыхъ юридическихъ основаніяхъ первенство императора и подчиненность законодательныхъ собраній. О томъ, чтобы такіе трактаты и учебники составляли политику въ смыслѣ соціальной науки о цѣляхъ и средствахъ государственной дѣятельности, не можетъ быть, конечно, и рѣчи.

Во Франціи, если не говорить объ административномъ правѣ, политическая литература не доходитъ до крайностей нѣмецкаго „юридическаго направленія“. Но эта литература въ послѣднія десятилѣтія очень скудна, и въ ней также можно замѣтить теченіе, параллельное тому, которое развивается съ такой силой въ Германіи. И во Франціи прогрессивное движеніе открыто гражданскимъ правомъ: молодая школа юристовъ, слѣдующая за Іерингомъ и считающая въ своихъ рядахъ Саллейля, Жени, Ламбера и др., не перестаетъ указывать на неправильность изолированія права отъ

тѣхъ фактовъ, которые имъ регулируются, и на невозможность не только вести научныя изслѣдованія, но и упражнять практическую дѣятельность юриста иначе, какъ при соображеніи этихъ фактовъ. Однако въ административномъ правѣ,—отдѣляемомъ во Франціи отъ конституціоннаго, а не сливаемомъ съ нимъ, какъ въ Германіи,—старое юридическое направленіе не слабѣетъ, а скорѣе усиливается подъ нѣмецкимъ вліяніемъ и проникаетъ также въ конституціонное право, эту настоящую область политики, производя здѣсь тѣ же отрицательные результаты, что и въ Германіи. Объясняя это явленіе, одинъ молодой писатель, по имени H. Hauser, выпустившій въ 1903 году прекрасную книгу о преподаваніи соціальныхъ наукъ [1]), приписываетъ его, съ одной стороны, неблагопріятному, доходившему часто до запрещенія, отношенію почти всѣхъ французскихъ правительствъ къ преподаванію политическихъ наукъ, и съ другой— введенію этого преподаванія въ настоящее время на юридическихъ факультетахъ. Не возражая въ принципѣ противъ объединенія преподаванія юридическихъ и соціальныхъ наукъ, Hauser указываетъ справедливо на его опасности при настоящемъ положеніи юридическихъ факультетовъ, когда составляющіе ихъ юристы стараго закала относятся къ соціальнымъ наукамъ съ нескрываемымъ недовѣріемъ и грозятъ имъ большимъ ущербомъ—подаркомъ своего „юридическаго метода“ и вытекающаго изъ него догматизма. Кромѣ того, привычка къ постояннымъ комментированіямъ законодательныхъ текстовъ, въ виду ихъ точнаго примѣненія къ данному случаю, приводитъ юристовъ къ тому, что они видятъ въ исторіи права и общества ничтоное, какъ хронологическую и логическую цѣпь законодательныхъ текстовъ, юридическихъ формулъ, изреченія юристовъ и рѣшеній. И такъ какъ право можетъ быть разсматриваемо въ каждый историческій моментъ, какъ выраженіе и осадокъ данныхъ общественныхъ отношеній, то юристъ и думаетъ, что для знакомства съ учрежденіями и правами

---

[1]) H. Hauser: „L'enseignement des sciences sociales“. Paris, 1903.

того или другого народа, довольно изучить формулы, опредѣляющія въ данное время его юридическую жизнь; измѣненію въ этихъ формулахъ будетъ всегда соотвѣтствовать примѣненіе и въ общественныхъ состояніяхъ. Нельзя отрицать, что эта точка зрѣнія, благодаря большому таланту такихъ писателей, какими были, напр., Савиньи, Пухта, Брунсъ, Ф. де-Куланжъ, Ш. Жиро и др., оказалась чрезвычайно плодотворной, и ей мы обязаны, напр., обновленіемъ— при помощи институцій Гая, сборниковъ-формулъ, варварскихъ правдъ и т. д.,—всѣхъ нашихъ знаній о древнемъ римскомъ обществѣ, объ учрежденіяхъ эпохи Меровинговъ и т. д.

Но нужно въ тоже время помнить, что примѣненіе указанной точки зрѣнія требуетъ чрезвычайной осторожности, такъ какъ юридическія формулы рисуютъ намъ общество не такъ, какъ оно есть, а такъ, какъ оно представляется или кажется желательнымъ редакторамъ этихъ формулъ. Сколько бы, напримѣръ, ошибокъ надѣлалъ будущій историкъ французскаго общества XIX вѣка, если бы онъ вздумалъ писать эту исторію только на основаніи французскаго кодекса! Прочтя главы объ „отцовской власти“ и о „бракѣ“, онъ пришелъ бы къ заключенію, что отцовская власть въ наше время столь же неограниченна и страшна, какъ это было въ древнемъ Римѣ! Въ статьяхъ о договорѣ личнаго найма онъ увидѣлъ бы смѣшеніе найма прислуги съ наймомъ рабочихъ и отсюда, по примѣру Кювье съ его мамонтомъ, сдѣлалъ бы заключеніе объ отсутствіи во Франціи, при дѣйствіи ея гражданскаго кодекса, крупной капиталистической промышленности!

Законы и другія юридическія формулы выражаютъ, и то не всегда, соціальную дѣйствительность только того момента, который есть моментъ ихъ составленія; „они старѣютъ, – какъ выражается Hauser,—прежде, чѣмъ высыхаютъ чернила, которыми ихъ пишутъ“, и эволюція общества не задерживается тѣмъ, что какой нибудь „Моисей спускается со своего Синая“. Слѣдуетъ еще сказать, что не только учрежденія не перестаютъ развиваться послѣ своего закрѣпленія въ за-

конѣ, но и законъ можетъ въ день же своего рожденія не соотвѣтствовать современному ему состоянію общества.

Случается, что законодатель подчиняется юридическому архаизму и предписываетъ формулы, примѣнимыя лишь къ такому состоянію общества, которое отчасти уже исчезло. Это особенно имѣетъ мѣсто въ древнѣйшую эпоху, когда написанное обычное право переходитъ впервые въ писанный законъ. Законодатель не открываетъ этого послѣдняго, а лишь редактируетъ или записываетъ подъ диктовку стариковъ, хранящихъ традиціи, тѣ нормы соціальныхъ отношеній, которыя были уже давно изобрѣтены и удержаны памятью стариковъ также точно, какъ если бы онѣ были отпечатлѣны на камнѣ или бронзѣ. Поэтому въ принципѣ можно допустить, что всякое древнее законодательство запаздываетъ, и какъ не революціонны были, напримѣръ, 12 таблицъ, онѣ заключили въ себѣ безспорно, рядомъ съ живыми, и мертвыя уже положенія (напр. знаменитое in partes secare).

То же можно сказать отчасти и о новыхъ законодательствахъ, которыя уже не въ силу традиціи, а въ силу сознательной воли своихъ авторовъ или диктующихъ имъ свою волю общественныхъ группъ, также отстаютъ отъ современной имъ дѣйствительности и стараются закрѣпить отжившій свое время порядокъ вещей.

Напримѣръ, французскій гражданскій кодексъ не только не даетъ вѣрной картины современнаго намъ французскаго общества, но не отражаетъ вѣрно даже общества первой имперіи. Наполеонъ I велъ сознательно дѣло соціальной реакціи и думалъ, съ одной стороны, путемъ законодательства оживить нѣкоторыя старыя учрежденія, а съ другой—смягчить нѣкоторыя изъ соціальныхъ завоеваній первой революціи [1]): поэтому его кодексъ былъ несомнѣнно образомъ болѣе стараго общества, чѣмъ то, котораго онъ былъ современникомъ.

Всѣ законодательства страдаютъ въ большей или мень-

---

[1]) Sagnac: „La législation civile de la Révolution“.

шей степени боязнью къ нововведеніямъ, и въ 9-ти случаяхъ изъ 10-ти можно быть увѣреннымъ, что признаваемыя ими учрежденія существуютъ фактически задолго до ихъ признанія. Браки между патриціями и плебеями въ древнемъ Римѣ были въ полномъ ходу до появленія закона Канулейя—такъ же, какъ во Франціи браки между католиками и гугенотами не были, конечно, рѣдкостью и до изданія эдикта 1787 г. То же имѣло мѣсто въ отношеніи къ разводамъ, профессіональнымъ синдикатамъ и массѣ другихъ учрежденій, безспорно существовавшихъ на практикѣ ранѣе того, чѣмъ эта практика санкціонировалась закономъ. Правда, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—но это лишь на высшихъ ступеняхъ развитія,—законы могутъ и опережать соціальную дѣйствительность, обнаруживая склонность уже не къ архаизмамъ, а къ тому, что можно называть „законодательными неологизмами". Это мы видимъ, напримѣръ, въ современномъ политическомъ законодательствѣ Франціи, исходящемъ отъ предположенія объ абсолютномъ равенствѣ всѣхъ гражданъ,—и равенствѣ ихъ не только передъ закономъ, но и въ отношеніи къ полученію образованія, распредѣленію досуга, исповѣдыванію той или другой религіи и т. д.,—что вовсе не соотвѣтствуетъ еще дѣйствующей практикѣ. Эти исключительные случаи сходятся, однако, съ предыдущими, которые составляютъ общее правило, въ томъ, что тѣ и другіе колеблютъ одинаково юридическій догматъ о полномъ соотвѣтствіи законовъ соціальной дѣйствительности. Вотъ почему нѣкоторые изъ новыхъ историковъ права совѣтуютъ „не придавать кодифицированнымъ обычаямъ и законамъ иного значенія, кромѣ второстепеннаго, и опираться на частные акты юридической жизни, единственно-способные отражать вѣрно право въ его состояніи образованія и развитія".

Этотъ совѣтъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнную долю истины, такъ какъ частные акты болѣе измѣнчивы, гибки и лучше приспособляются къ подвижной обстановкѣ дѣйствительной жизни, чѣмъ законодательные тексты. Но это опять тексты, отличающіеся неменьшей тенденціей къ окостенѣнію,

что и законодательные тексты. Нотаріусы также не любятъ перемѣнъ, какъ и законодатели, и формулы частныхъ актовъ передаются часто изъ поколѣнія въ поколѣніе, удерживая въ себѣ многочисленные архаизмы и переживанія, не отвѣчающіе болѣе никакой дѣйствительности. Возстановлять по нимъ соціальную жизнь было бы столь же рискованно, какъ и возстановлять ее по текстамъ законовъ, откуда, въ связи со всѣмъ предшествующимъ, слѣдуетъ само собою, что „юридическій методъ“, даже освобожденный отъ своего апріоризма и понимаемый только въ смыслѣ оперированія надъ однимъ юридическимъ матеріаломъ, оказывается все-таки негоднымъ средствомъ для изученія какъ соціальныхъ наукъ вообще, такъ и политики въ частности. Поэтому, если мы хотимъ замѣнить схоластику предметнымъ знаніемъ, для насъ дѣлается обязательнымъ примѣненіе ко всѣмъ соціальнымъ, а въ ихъ числѣ—и къ юридическимъ наукамъ — методовъ наблюденія и историческаго изученія съ ихъ анализомъ, классификаціей, сравненіемъ и обобщеніемъ конкретныхъ фактовъ. Сознаніе этой обязательности распространяется теперь все далѣе и далѣе, и исторія, — эта „science maîtresse“ XIX столѣтія, какъ ее называлъ недавно парижскій профессоръ Эсменъ,—и притомъ, исторія подъ самыми различными названіями: исторія образованія, дипломатическая исторія, парламентская исторія, исторія законодательства, — торговли, — промышленности, — финансовъ,—войнъ, — военныхъ учрежденій, — наукъ, — искусствъ и т. д.— становится основаніемъ всѣхъ соціальныхъ наукъ. Извѣстно, напримѣръ, что многія черты представительныхъ учрежденій новыхъ европейскихъ народовъ были прямо или косвенно заимствованы изъ англійскихъ образцовъ и что это заимствованіе, не устранивъ также многихъ національныхъ учрежденій, продолжавшихъ существовать въ видѣ переживаній или еще вполнѣ живучихъ остатковъ стараго порядка политическихъ учрежденій этихъ народовъ, внесло въ ихъ публичную жизнь такое непостоянство и такія противорѣчія, которыя никакъ не могли быть объяснены иначе, какъ обращеніемъ къ историческому прошлому. Яркую иллюстрацію

для того же вывода можетъ представить различное приложеніе доктрины раздѣленія властей въ Англіи и во Франціи. Тамъ эта доктрина сводилась практически къ тому, чтобы охранить независимость судовъ, при примѣненіи ими закона и неприкосновенность индивидуальныхъ правъ свободы — отъ вмѣшательства всѣхъ другихъ органовъ правительства кромѣ судебной власти; здѣсь не существовало такого уваженія ни къ закону, ни къ индивидуальнымъ правамъ, и имѣлось въ виду только защитить исполнительную или административную власть отъ вмѣшательства судовъ, которые, въ лицѣ старыхъ парламентовъ, достаточно стѣсняли ея дѣятельность. Декларація правъ 1789 г. увѣряла, какъ извѣстно, что безъ раздѣленія властей нѣтъ конституціи, а изданный уже въ слѣдующемъ году законъ объ организаціи судовъ толковалъ ясно это раздѣленіе властей только въ смыслѣ невмѣшательства суда въ дѣятельность административной власти. То и другое пониманіе доктрины Монтескье было одинаково логично, но вытекало изъ различныхъ условій государственной жизни и различныхъ представленій о самомъ законѣ. Англо-саксонское представленіе не дѣлаетъ различія между публичнымъ и гражданскимъ правомъ: всякое право, какого бы оно ни было рода, составляетъ часть общей системы положительнаго права, и всѣ вопросы права, касаются-ли они функцій должностныхъ лицъ или условій частныхъ договоровъ, подлежатъ одинаково вѣдѣнію обыкновенныхъ судебныхъ учрежденій. Во Франціи, напротивъ только гражданское право, имѣющее своимъ предметомъ права и обязанности индивидовъ въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, принадлежитъ вѣдѣнію юриспруденціи и судовъ, тогда какъ публичное право, занятое принципами правительственной дѣятельности и отношеніями индивидовъ къ государству, выдѣлено изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ и образуетъ особую область, въ которой считается умѣстной только точка зрѣнія государственнаго интереса. И этотъ принципъ выдѣленія вопросовъ публичнаго права изъ предѣловъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ не новъ: онъ примѣнялся еще во Франціи „стараго порядка“, былъ обо-

стренъ и систематизированъ законодательствомъ первой революціи, введенъ въ конституцію 1789 г. и не только продержался до паденія второй имперіи, но держится и до сихъ поръ, благодаря старинному толкованію Государственнымъ Совѣтомъ доктрины раздѣленія властей и несмотря на значительныя затрудненія, поставленныя этому толкованію декретомъ 19 сентября 1870 г. правительства національной обороны.

Въ результатѣ примѣненія указаннаго принципа получается, не взирая на значительное число новыхъ административныхъ законовъ и практику административныхъ судовъ, недостаточная гарантированность во Франціи индивидуальной свободы, которую опять нельзя объяснить иначе, какъ историческимъ изученіемъ. Наконецъ, мы были-бы лишены возможности понять и политическія учрежденія Англіи если бы мы знакомились съ ними только по сборникамъ англійскихъ законовъ и обычаевъ, не соображаясь одновременно съ ролью общественныхъ классовъ въ этой странѣ, положеніемъ торговли и промышленности, образованіемъ политическихъ партій, вліяніемъ печати, общественнаго мнѣнія и т. д. Англійскіе историки и политическіе писатели, въ ряду которыхъ довольно назвать Стеббса, Фримана, Дайси, Тодда, Поллока, представляютъ себѣ ясно это положеніе дѣла и держатся обыкновенно въ своихъ изслѣдованіяхъ исторической и болѣе или менѣе соціологической точки зрѣнія, не впадая, поэтому, къ своей выгодѣ, въ тѣ крайности юридическаго направленія, которыя были отмѣчены нами въ Германіи и во Франціи. Слѣдующей отсюда высотой уровня своей политической литературы Англія обязана, главнымъ образомъ, продолжительной практикѣ политической свободы, такъ же какъ низкій уровень этой литературы въ Германіи и неограниченное господство здѣсь „юридическаго метода“ можетъ быть приписано, помимо второстепенныхъ причинъ, такой же продолжительной практикѣ абсолютизма и вытекающей отсюда слабости политическаго развитія. Поэтому читателю, озабоченному своимъ политическимъ образованіемъ можно особенно рекомендовать

изученіе англійской историко-политической литературы, хотя его тутъ же слѣдуетъ предупредить, что за исключеніемъ нѣсколькихъ сочиненій Мэна, Фримана и др., переведенныхъ, между прочимъ, и на русскій языкъ, эта литература, наравнѣ съ остальной западно-европейской литературой не выходитъ, въ видѣ общаго правила, за предѣлы изслѣдованія своей или какой-либо иной страны, обособляемой при этомъ отъ остального міра и изучаемой независимо отъ пріемовъ сравнительно-исторической методы. Между тѣмъ, примѣненіе этой послѣдней методы къ политикѣ должно быть особенно дорого, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Съ одной стороны, параллельное изученіе исторіи политическихъ учрежденій многихъ или группы родственныхъ между собою народовъ могло бы привести къ установленію общихъ имъ всѣмъ политическихъ теченій, типовъ учрежденій и „общаго права", различнаго отъ права „національнаго", которое слѣдовало бы относить на счетъ особенностей каждаго изъ сравниваемыхъ народовъ. Научное значеніе такой отрасли знанія, приводящей, если не къ законамъ, то, по крайней мѣрѣ, къ высшимъ обобщеніямъ, касающимся развитія учрежденій всѣхъ или тѣхъ народовъ, которые сдѣлались предметомъ изученія, не могло бы подлежать никакому сомнѣнію. Съ другой стороны, то же параллельное изученіе политическихъ учрежденій многихъ народовъ, стоящихъ въ аналогичныхъ условіяхъ развитія, могло бы привести и къ сознанію общей политической теоріи, способной служить одновременно и руководствомъ для практической государственной дѣятельности, и критеріемъ для ея оцѣнки.

Въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. какъ при чисто-познавательной или научной, такъ и при практической или утилитарной цѣли изслѣдованія, это послѣднее предполагало бы существованіе общихъ фактовъ политической жизни у всѣхъ сравниваемыхъ между собою народовъ. А что такіе общіе факты встрѣчаются и встрѣчаются не единично, а въ массѣ,—особенно у европейскихъ народовъ, живущихъ при сходныхъ, культурныхъ условіяхъ и сходныхъ государствен-

ныхъ формахъ,—на это мы имѣемъ неопровержимыя доказательства, не говоря объ апріорной вѣроятности этихъ фактовъ, въ значительной общности основныхъ учрежденій на ранних ступеняхъ—и въ процессѣ все растущаго обобщенія права на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія европейскихъ народовъ.

Я не буду говорить объ условіяхъ и значеніи этой общности и этого обобщенія права, такъ какъ мнѣ приходилось уже высказываться по этому вопросу въ моемъ предисловіи къ русскому переводу книги П. Жида: „Etude sur la condition privée de la femme“ [1]).

Ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что указанныя явленія говорятъ за полную возможность научной постановки какъ сравнительной исторіи политическихъ учрежденій, такъ и общей политической теоріи, принципы которой, при наличности предлагаемыхъ ими условій, имѣли бы общеобязательное значеніе. Правда, эта воможность оспаривается до сихъ поръ педантами и скептиками, указывающими на трудности историческихъ изслѣдованій въ области учрежденій и права каждаго изъ народовъ, привлекаемыхъ сравнительной методой къ своему разсмотрѣнію, откуда и вытекаетъ какъ будто подрывающая методу недостовѣрность и недостаточность ея матеріаловъ. Въ отвѣтъ на этотъ скептицизмъ можно сослаться, прежде всего, на значительный успѣхъ уже произведенныхъ, и вовсе не безплодно, попытокъ приложенія сравнительной методы къ древнимъ и средневѣковымъ учрежденіямъ, и, затѣмъ, на несравненно болѣе благопріятныя условія пользованія той же методой въ отношеніи къ менѣе отдаленнымъ отъ насъ періодамъ исторіи. Эти менѣе отдаленные періоды исторіи имѣютъ какъ разъ наибольшее значеніе для общей политической теоріи, такъ какъ они представляютъ гораздо болѣе связи и аналогіи съ современными учрежденіями, чѣмъ отдаленныя эпохи, даю-

---

[1]) П. Жидъ: „Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ“. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Ю. С. Гамбарова. М., 1902 г.

щія, конечно, менѣе такихъ аналогій. А что ближайшіе къ намъ періоды исторіи могутъ быть хорошо изучены, это не трудно усмотрѣть, хотя бы, на исторіи англійскихъ политическихъ учрежденій — по крайней мѣрѣ, со времени революціи 1688 г. Эти учрежденія теперь настолько обслѣдованы во всей совокупности своихъ экономическихъ и идейныхъ условій, что мы имѣемъ возможность опредѣлить болѣе или менѣе точно значеніе каждаго изъ этихъ условій въ политической эволюціи Англіи и сказать не только то, чѣмъ былъ англійскій парламентаризмъ во всѣ моменты этой эволюціи, но и то, чѣмъ онъ не могъ бы быть въ соотвѣтственные моменты во Франціи, въ Скандинавскихъ государствахъ и т. д. То же приблизительно можно утверждать о политической эволюціи и большинства европейскихъ странъ, откуда само собой напрашивается заключеніе какъ о возможности, такъ и о плодотворности приложенія къ этой эволюціи, въ ея цѣломъ, именно сравнительно-исторической, а не какой-либо другой методы. Но если даже допустить рѣшающее значеніе недостаточности существующаго историческаго матеріала для широкаго примѣненія сравнительной методы, это было бы возраженіемъ не противъ методы, а противъ состоянія историческихъ знаній. Историки могли бы быть подвинуты этимъ возраженіемъ на новыя изслѣдованія, а выводы сравнительной методы могли бы получить только болѣе гипотетическій характеръ, чѣмъ тотъ, какой они имѣли бы при менѣе несовершенномъ состояніи историческаго знанія. Вмѣсто едва-ли возможной гдѣ-нибудь истины получалось бы приближеніе къ истинѣ. Но это не подрывало бы ни мало методы, которая подготовляетъ путь, при дальнѣйшихъ успѣхахъ исторической науки, для менѣе гипотетическихъ построеній, составляющихъ до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, предѣлъ всего человѣческаго знанія.

Значеніе такой подготовительной работы или, можетъ быть, даже простого камешка для постройки будущаго зданія теоріи политической эволюціи и практической политики позволено приписать и выпускаемому теперь сборнику отдѣль-

ныхъ изслѣдованій по современнымъ политическимъ состояніямъ европейскихъ государствъ. Авторы этихъ манографій могли и не задаваться приписываемой имъ цѣлью; но широкая программа, по которой они ведутъ свои изслѣдованія, и соединеніе ихъ въ одно изданіе даютъ самому читателю возможность какъ сопоставлять и сравнивать описываемыя въ различныхъ частяхъ сборника состоянія и учрежденія, такъ и дѣлать слѣдущія изъ этого сопоставленія и сравненія и заключенія. Если послѣднія будутъ часто поспѣшны, то любознательный читатель не преминетъ исправить погрѣшности своихъ заключеній углубленіемъ затронутыхъ въ настоящихъ изслѣдованіяхъ вопросовъ по спеціально посвящаемой имъ литературѣ, и возбужденная, такимъ образомъ, работа мысли не пропадетъ даромъ.

Ю. Гамбаровъ.

Австрійскій рейхсратъ.

АВСТРІЯ.

I.

Австрійская государственная идея.

„Австрія—разлагающійся политическій организмъ“. „Австрія—второй (послѣ Турціи) стоящій на очереди „больной человѣкъ“, къ унаслѣдованію котораго „въ довольно близкомъ будущемъ должна приготовиться остальная Европа“. „Австрія—не государственный организмъ, а лишь политико-географическій терминъ“. „Австрія—не результатъ естественнаго образованія государственнаго организма, а лишь выраженіе династическихъ интересовъ Габсбурговъ“. „L'Autriche—ce n'est pas un état, c'est un gouvernement“.

Таково ходячее представленіе объ этой странѣ, распространенное, однако, не только среди диллетантовъ, не только среди „большой публики“, знакомящейся съ жизнью Австріи лишь по случайнымъ газетнымъ извѣстіямъ, сообщающимъ, главнымъ образомъ, объ экстраординарныхъ событіяхъ, о скандалахъ, взаимныхъ потасовкахъ, тронныхъ и министерскихъ рѣчахъ, задорныхъ заявленіяхъ и т. п. Таково приблизительно представленіе объ Австріи и среди политиковъ ex professo, особенно среди политиковъ политиканствующихъ, любящихъ загадывать далеко впередъ и измышлять „кабинетныя“ комбинаціи, въ которыхъ политическая карта Европы смѣло перекраивается сообразно съ личными идеалами и вожделѣніями этихъ политикановъ.

И даже на политическихъ и общественныхъ дѣятелей, склонныхъ относиться болѣе вдумчиво къ явленіямъ и запросамъ государственной жизни, это ходячее представленіе объ Австріи не остается безъ вліянія, заставляя ихъ дѣлать болѣе или менѣе поспѣшные выводы изъ тѣхъ безотрадныхъ отношеній, которыя даютъ тонъ и окраску общественно-политической жизни Австріи.

Впасть въ эту ошибку, правда, не трудно. Ибо какое иное представленіе можетъ вызвать страна, въ которой въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ государственный механизмъ оказывается совершенно неспособнымъ къ отправленію своихъ функцій; въ которой главный законодательный органъ, пар-

ламентъ, отказывается или не находитъ въ себѣ силъ для выполненія своего назначенія; въ которой большинство мѣстныхъ законодательныхъ органовъ, т. е. областные ландтаги, вѣдающіе краевыя нужды, цѣлыми годами не могутъ собираться или, собравшись, не могутъ работать, такъ какъ то одна, то другая группа, входящая въ составъ этихъ ландтаговъ, отказывается присутствовать въ засѣданіяхъ этихъ учрежденій или соглашается присутствовать только для того, чтобы не дать работать своимъ противникамъ; въ которой исполнительные органы въ лицѣ муниципалитетовъ и коммунальныхъ учрежденій отказываются—въ видѣ протеста противъ центральныхъ учрежденій—исполнять обязанности, возложенныя на нихъ государствомъ?

Можно ли удивляться тому, что созерцаніе этой безотрадной картины общественно-политической немощности, являющейся результатомъ то глухой, то громкой, то активной, то пассивной борьбы нѣмцевъ съ чехами, чеховъ съ нѣмцами, итальянцевъ съ нѣмцами и словенцами, поляковъ съ русинами, словенцевъ съ итальянцами и нѣмцами и т. д., и т. д., этой до-нельзя перепутанной, пестрой и кажущейся неразрѣшимою „bellum omnium contra omnes“, въ которой какъ-бы готовы пожрать другъ друга всѣ эти насильно втиснутыя въ рамки Австріи народности, — можно-ли удивляться, что эта картина вызываетъ даже среди недовольствующихся готовыми или шаблонными отвѣтами восклицаніе вродѣ встрѣченнаго нами у одного серьезнаго австрійскаго публициста: „Австрія расползается по всѣмъ швамъ, и для характеристики ея положенія можно пользоваться только однимъ выраженіемъ, и это есть выраженіе: полнѣйшая дезорганизація!“

Но, можетъ быть, всею этою неурядицею знаменуется лишь одинъ изъ переходныхъ моментовъ, моментъ остраго кризиса, возможный во всякой странѣ и не свидѣтельствующій непремѣнно о началѣ конца?

Даже такого, нѣсколько обнадеживающаго, вывода изъ нынѣшнихъ австрійскихъ отношеній не допускаютъ многіе изъ тѣхъ, которые пытались разобраться въ сложномъ комплексѣ австрійскихъ вопросовъ.

Хаосъ, господствующій нынѣ въ Австріи, нельзя считать слѣдствіемъ случайности или ошибки правительства,—писалъ W. Beaumont по поводу кризиса, наступившаго въ Австріи послѣ изданія министромъ-президентомъ, графомъ Бадени, распоряженія о равноправности чешскаго и нѣмецкаго языковъ. „Нельзя,—говоритъ онъ,—вызвать потрясенія государства, покоющагося на прочныхъ основахъ, однимъ распоря-

женіемъ объ употребленіи языковъ. Нужно, чтобы сами устои государства были слабые, обветшалые, готовые рухнуть, для того, чтобы такой второстепеннаго характера правительственный актъ, какъ это распоряженіе Бадени, могъ вызвать прекращеніе всякой парламентской жизни"...

И онъ не можетъ не вспомнить при этомъ установившихся взглядовъ на Австрію, какъ на страну, въ которой какъ разъ отсутствуетъ все то, что необходимо для образованія солиднаго государственнаго организма: нѣтъ ни единства расы, ни единства исторической традиціи, способной до извѣстной степени замѣнить первое условіе и послужить связующею силою для разнородныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ одного и того-же государства; ни сходства въ экономической и соціальной структурѣ отдѣльныхъ областей, оказывающагося нерѣдко способнымъ сплотить въ одно цѣлое далекія другъ отъ друга и даже чуждыя другъ другу группы населенія.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и Бомонъ, говоритъ о кризисѣ, наступившемъ при гр. Бадени, и Каутскій, самъ выросшій и долго жившій въ Австріи и знающій поэтому ближе австрійскія отношенія.

„Было-бы ошибкою,—говоритъ онъ,—думать, что весь этотъ наступившій въ Габсбургской монархіи хаосъ вызванъ распоряженіемъ о языкахъ... Несомнѣнно, рѣшеніе этого вопроса при помощи простого министерскаго распоряженія, изданнаго по усмотрѣнію самого министра, а не при помощи спеціальнаго закона, для изданія котораго потребовалось-бы согласіе парламента, представляетъ собою явленіе, далеко не желательное; возможно также, что отдѣльные пункты этого распоряженія, которымъ нормируется употребленіе чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ тѣхъ или другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ нуждамъ, потребностямъ и желаніямъ. Но, вѣдь, въ Австріи привыкли спокойно проглатывать гораздо болѣе чувствительныя обиды,—откуда-же въ данномъ случаѣ это внезапное рѣшеніе ринуться въ безумную борьбу на жизнь и смерть?

„Понять это можно лишь въ томъ случаѣ, если видѣть въ этомъ распоряженіи о языкахъ (вокругъ этого-то вопроса и ведется все время раздирающая Австрію національная борьба) не объектъ послѣдней борьбы, а лишь сигналъ къ ней, и помнить, что причины этой борьбы лежатъ гораздо глубже..."

И такъ какъ эти причины представляютъ собою не нѣчто случайное, наносное, временное въ жизни Австріи, нѣчто

такое, что Австрія могла-бы совлечь, стряхнуть съ себя, а, наоборотъ, представляютъ собою, такъ сказать, „первородный грѣхъ“ въ процессѣ искусственнаго устроительства исторической Австріи, грѣхъ, доставшійся въ видѣ тяжелаго наслѣдія Австріи современной; такъ какъ эти причины, т. е. неумолкающая и дающая тонъ всей австрійской жизни борьба національностей, органически срослись съ Австріею и неоднократно уже вызывали сильнѣйшія потрясенія австрійскаго государственнаго организма, то вполнѣ естественно было зародиться взгляду на Австрію, какъ на страну, не способную устранить дѣйствіе этихъ причинъ.

Если Австрія не сумѣла сдѣлать этого на протяженіи вѣковъ, то есть-ли основаніе вѣрить, что съ этою задачею справится нынѣшняя о д р я х л ѣ в ш а я Австрія? задаютъ себѣ невольно вопросъ.

И достаточно произнести выраженіе „дряхлая Австрія“, „одряхлѣвшій государственный организмъ“, какъ сейчасъ-же вышеупомянутый малоутѣшительный выводъ о будущемъ Австріи начинаетъ казаться еще болѣе убѣдительнымъ.

Возможенъ, однако, и совершенно иной, прямо противоположный взглядъ на Австрію; взглядъ, позволяющій думать, что Австрія переживаетъ нынѣ не процессъ дезаггрегаціи, а, наоборотъ, процессъ аггрегаціи; что она не разлагается уже, а лишь начинаетъ слагаться, не дезорганизуется, а лишь организуется, вырабатываетъ устои своего будущаго существованія. Вѣдь, можно,—и не безъ достаточнаго основанія—видѣть въ той Австріи, которую мы теперь имѣемъ передъ собою, лишь зачаточный организмъ, столь юный и столь мало еще опредѣлившійся, что онъ до сихъ поръ не имѣетъ еще собственнаго имени, обозначенія.

Не слѣдуетъ забывать, что нынѣшнее обозначеніе земель Габсбургской короны именемъ „Австрія“ и титулъ „императоръ Австріи“ появляется лишь въ 1804 г., когда Францъ II, которому принадлежалъ титулъ римско-германскаго императора, вынужденъ былъ послѣ разгрома Германіи Наполеономъ I, отказаться отъ власти надъ частью своихъ итальянскихъ владѣній и Германіею, сложить съ себя свой прежній титулъ и впервые принять титулъ „императора Австріи“, въ роли котораго онъ и сталъ называться Францъ I, т. е. первый „императоръ Австріи“, а не Францъ II, какъ онъ назывался до тѣхъ поръ въ качествѣ наслѣдника римско-германской короны.

Это была не простая перемѣна титула, а вынужденное признаніе чрезвычайно важнаго историческаго факта, факта, знаменовавшаго начало процесса выдѣленія Габсбургской

имперіи въ тѣсномъ смыслѣ слова изъ орбиты вращенія германо-римской имперіи и связанныхъ съ нею специфическихъ политическихъ интересовъ. Габсбургская имперія, разлившаяся по всей средней Европѣ и вобравшая въ себя ея политическіе интересы, начинаетъ входить въ свои нынѣшніе берега, и на ея поверхности начинаютъ явственнѣе выдѣляться ея спеціальные австрійскіе интересы.

Но и это еще не та Австрія, съ которою мы имѣемъ дѣло нынѣ. Начавшійся тогда процессъ выдѣленія Австріи завершается лишь въ 1866 г. полнымъ и окончательнымъ выдѣленіемъ ея изъ состава Германской имперіи, въ которой она до тѣхъ поръ играла руководящую роль.

И лишь въ 1867 г. Австрія, въ которой до тѣхъ поръ какъ-бы безъ остатка растворялась Венгрія, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія оффиціальной политики, становится Австро-Венгріею, двуединымъ политическимъ организмомъ, въ которомъ каждая изъ этихъ двухъ половинъ ведетъ совершенно самостоятельное существованіе.

Это и есть дата рожденія современной Австріи; только теперь специфически - австрійскіе интересы и отношенія рельефно проступаютъ наружу, получаютъ возможность оказывать замѣтное и сильное вліяніе на ходъ и развитіе политической жизни.

До тѣхъ поръ Габсбургскую монархію можно было еще считать нѣмецкою страною. Такъ именно на нее и смотрѣла нѣмецкая династія Габсбурговъ, руководившаяся въ теченіе вѣковъ традиціями германской имперіи и видѣвшая въ милліонахъ полукультурнаго и даже совсѣмъ некультурнаго славянскаго населенія, входившаго въ составъ этой имперіи, какъ бы придатокъ къ многомилліонной нѣмецкой имперіи, какъ бы своего рода случайную добычу, премію за историческія доблести.

При этомъ положеніи дѣлъ Габсбурги могли еще долго хранить несокрушимую вѣру въ свою предвѣчную, предопредѣленную имъ судьбою миссію, заключавшуюся въ консолидированіи подъ своею эгидою обширной нѣмецкой имперіи; а на фактъ существованія въ ихъ владѣніяхъ милліоновъ славянъ смотрѣть, какъ на возложенную на нихъ попутную миссію, которая сводилась къ германизаціи этихъ славянъ.

Такъ не только думали, но и поступали выдѣлявшіеся изъ ряда другихъ устроители Австріи, какъ, напр., императрица Марія Терезія и императоръ Іосифъ, старавшіеся утвердить Австрію на основахъ нѣмецкаго централизма, при помощи которыхъ нѣмецкій элементъ могъ изъ централистскихъ правительственныхъ органовъ, не желавшихъ при-

знавать областныя и національныя различія и стремившихся нивеллировать ихъ, управлять всею Австріею.

Но такіе руководящіе принципы оказались непримѣнимыми къ современной Австріи, въ которой славянское населеніе своею численностью значительно превышаетъ оставшееся въ предѣлахъ этой Австріи нѣмецкое населеніе. А если-бы руководящія сферы и продолжали втайнѣ лелѣять эти доставшіеся имъ по наслѣдству и излюбленные ими идеалы, то практическое осуществленіе ихъ становилось невозможнымъ въ Австріи, пережившей послѣ событій 1848 г. глубокое внутреннее преобразованіе, кромѣ того внѣшняго преобразованія, о которомъ сказано выше. Если въ до-реформенной, полицейской Австріи еще можно было насильственными мѣрами подавлять нежелательныя правительству національныя теченія, то въ конституціонной Австріи, введшей у себя правовой порядокъ, національнымъ теченіямъ пришлось предоставить болѣе широкій просторъ, и они получили возможность расти и развиваться.

Благодаря этому, получилось такое соотношеніе силъ, при которомъ грубо-насильственное подавленіе одною изъ національностей, входящихъ въ составъ Австріи, всѣхъ остальныхъ, оказавшихся съ нею подъ одною и тою-же политическою кровлею, становилось совсѣмъ не легкимъ дѣломъ. Невозможнымъ оказалось и наблюдаемое иногда естественное претвореніе одною національностью, болѣе сильною въ матеріальномъ и духовномъ смыслѣ, другихъ національностей, пришедшихъ въ столкновеніе съ нею и уступившихъ ей мѣсто или растворившихся въ ней, какъ слабѣйшая составная часть; оказалось невозможнымъ отчасти потому, что такой національности не было на лицо въ Австріи, отчасти по другимъ причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Результатомъ этого было то, что населяющія Австрію національности были поставлены въ возможность „помѣряться главами", и національная борьба вылилась въ формы, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя приходится наблюдать въ прошломъ и настоящемъ другихъ государствъ.

Не слѣдуетъ забывать, что Австріи чуть ли не первой пришлось разрѣшать парламентскимъ путемъ такой сложный вопросъ, какъ вопросъ о мирномъ, свободномъ, согласномъ сожительствѣ различныхъ національностей подъ одною политическою кровлею.

Тѣ, которые злорадно смѣются надъ отчаянными усиліями Австріи разрѣшить эту роковую проблему и, указывая на переживаемый ею тяжелый кризисъ, причиною котораго они считаютъ парламентскій строй Австріи, самодовольно

восклицаютъ: „Смотрите, вотъ примѣръ для васъ!“—забываютъ или умышленно не хотятъ считаться съ тѣмъ, что къ тѣмъ средствамъ, при помощи которыхъ Австрія силится разрѣшить національные споры, до сихъ поръ еще рѣдко прибѣгали при рѣшеніи этого вопроса.

До сихъ поръ исторія показывала намъ лишь, что вопросъ этотъ, имѣющій способность особенно сильно разгорячать страсти и доводить до помраченія разсудка, до отрицанія всякой логики, всякихъ доводовъ, не разрѣшался полюбовнымъ соглашеніемъ, а, такъ сказать, разсѣкался на подобіе Гордіева узла. Болѣе сильная національность покоряла, порабощала болѣе слабую, насильно зажимала ей ротъ и старалась совершенно поглотить ее, стереть съ лица земли. До сихъ поръ насильно латинизировали, германизировали, полонизировали, туречили, а подвергавшіяся этому болѣзненному процессу покоренныя національности либо молча погибали, либо, набравшись силъ, поднимали возстаніе и свергали побѣдителей. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ лилась потоками кровь, раздавались вопли, слышались громкіе стоны...

И вотъ въ Австріи, волею судебъ, вдругъ оказалось такое соотношеніе силъ соперничающихъ національностей, при которомъ ни одинъ изъ этихъ излюбленныхъ исторіею процессовъ, т. е. ни насильное германизированіе славянъ, ни насильное славянизированіе нѣмцевъ, не могъ быть доведенъ до желаннаго и благополучнаго (дѣйствительно ли желаннаго и благополучнаго?) конца, и возникъ вопросъ: „а нельзя ли какъ-нибудь обойтись безъ славянизированія и германизированія? Не окажется ли возможнымъ жить рядомъ на правахъ равныхъ?“

Этотъ вопросъ и искомое его рѣшеніе и является тою сложною „исторической миссіею“, которую приходится выполнить Австріи и которая болѣе извѣстна подъ именемъ „австрійской государственной идеи“.

Идея эта сводится къ слѣдующему: по разноплеменности своего населенія Австро-Венгрія представляетъ въ миніатюрѣ чуть ли не всю Европу; въ окончательномъ своемъ развитіи Европа должна превратиться въ одну семью народовъ, но эта идея не можетъ внѣдриться въ жизнь въ другихъ государствахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе однородный въ національномъ смыслѣ составъ населенія; Австрія же какъ разъ поставлена въ противоположныя условія, и поэтому ей-то предопредѣлено осуществить идею братства народовъ и явить міру отрадную картину мирнаго сожительства различныхъ народностей.

Безспорно, миссія очень высокая. Но кто рѣшится утверждать, что австрійскія правительства когда-либо руководились сознаніемъ этой миссіи? Не тогда ли они руководились ею, когда старались искоренить среди чеховъ всякое напоминаніе объ ихъ славянскомъ происхожденіи, когда переименовывали чешскіе города, замѣняя славянскія имена нѣмецкими, когда чешскихъ дѣтей насильно гнали въ нѣмецкія школы—словомъ, когда считались дозволенными всѣ самыя насильственныя мѣры, долженствовавшія привести къ онѣмеченію чешскаго народа? Не тогда ли, когда насильственнымъ сохраненіемъ латинскаго языка старались заставить венгровъ забыть о томъ, что они—живая національность? Не теперь ли, когда противъ тѣхъ славянскихъ народностей, которыя еще не въ состояніи дать достаточно сильный отпоръ, продолжаетъ проводиться та же система насильственнаго онѣмечиванія? Развѣ идеологи Габсбургской монархіи, желая найти теоретическое оправданіе этой политикѣ насилій, не утверждали въ свое время, что Австрія призвана служить оплотомъ германизма противъ славянскаго моря, и что именно въ этомъ заключается провиденціальное назначеніе Австріи?

Къ счастью для высокой идеи, которую Австріи теперь пришлось признать своею исторической миссіею, послѣдняя volens-nolens должна осуществлять ее, такъ какъ этого требуетъ составъ населенія Австріи, въ которой нѣмецкій элементъ по своей численности не могъ подавить остальные элементы и долженъ былъ примириться съ неизбѣжностью культурнаго роста остальныхъ національностей.

И если мы станемъ наблюдать неутихающую въ Австріи національную борьбу съ этой точки зрѣнія, то и смыслъ этой борьбы и значеніе этой отнюдь не „мистической миссіи“, а реальной проблемы, которую вынуждена разрѣшить Австрія, выступятъ передъ нами въ совершенно иномъ свѣтѣ. Мы, можетъ быть, съумѣемъ тогда разглядѣть, что тѣ дикія сцены въ парламентѣ, которыя доставили такую печальную извѣстность этой странѣ, и многія другія темныя стороны современной жизни Австріи суть не конвульсивныя судороги умирающаго, а полубезсознательныя движенія новорожденнаго, лишь начинающаго жить и еще не умѣющаго соразмѣрять своихъ движеній и давать имъ цѣлесообразное направленіе.

II.

Что представляетъ собой современная Австрія.

Мы пользовались до сихъ поръ для обозначенія этой части Габсбургской имперіи общеупотребительнымъ названіемъ

„Австрія". На самомъ дѣлѣ имя „Австрія" не принадлежитъ этой странѣ. Подъ Австріею когда-то понимались обѣ половины той имперіи, которая теперь называется Австро-Венгріею. И до сихъ поръ многіе понимаютъ еще—по старой памяти—подъ Австріею всю Австро-Венгрію, полагая, что Венгрія представляетъ собою только придатокъ къ Австріи, пользующійся кое-какими привиллегіями въ смыслѣ автономности.

Такое представленіе очень далеко отъ истины и сильно грѣшитъ противъ нея. Венгрія нынѣ—совершенно самостоятельная, можно сказать, независимая страна, не допускающая даже тѣни вмѣшательства Австріи въ дѣлѣ своего внутренняго управленія. Только въ извѣстной области вопросовъ, признанныхъ, согласно „Прагматической санкціи" и условіямъ дуалистическаго договора 1867 г., общими для обѣихъ половинъ имперіи, Венгрія и Австрія должны координировать свое законодательство и свои дѣйствія, какъ, напр., въ вопросахъ, касающихся арміи, дипломатическаго представительства, таможенной политики, торгово-промышленнаго законодательства.

Во всѣхъ остальныхъ вопросахъ Венгрія совершенно независима. И если можно говорить о какой-нибудь зависимости въ отмежеванной области общихъ вопросовъ, то скорѣе должно говорить о зависимости Австріи отъ Венгріи, такъ какъ во всѣхъ этихъ вопросахъ теперь не Вѣна диктуетъ свою волю Будапешту, а, наоборотъ, Будапештъ Вѣнѣ; и съ этой точки зрѣнія вѣрнѣе было-бы называть нынѣшнюю Габсбургскую имперію не Австро-Венгріею, а Венгро-Австріею.

Изъ этихъ двухъ половинъ двуединой Австро-Венгріи одна дѣйствительно называется Венгріею, и это имя оффиціально узаконено всевозможными правительственными актами. Другая-же половина, подвергшаяся процессу новообразованія, не нашла себѣ никакого имени и до сихъ поръ не имѣетъ таковаго. Оффиціальные акты, во всякомъ случаѣ, имени „Австрія" не знаютъ, и отъ имени „Австріи" никакого оффиціальнаго шага предпринять, строго говоря, нельзя. Во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, касающихся обѣихъ половинъ имперіи, говорится съ одной стороны о Венгріи, съ другой стороны о „представленныхъ въ рейхсратѣ королевствахъ и земляхъ" („Die im Reichsrath vertretenen Königreiche und Länder"), подъ которыми нужно понимать Австрію. И это—не простая случайность, не недосмотръ, а чрезвычайно вѣрное отраженіе скрытаго внутренняго процесса.

Въ Венгріи, дѣйствительно, есть венгерцы, которые не только гордятся сами этимъ именемъ, но и весьма недо-

вольны, когда имъ напоминаютъ, что, кромѣ венгерцевъ, въ Венгріи еще живутъ другія народности.

Если другія народности, населяющія Венгрію, и правы въ своихъ утвержденіяхъ относительно того, что и тѣ статистическія данныя, согласно которымъ мадьяры составляютъ $^{2}/_{5}$ населенія Венгріи, не соотвѣтствуютъ истинѣ, а являются лишь подтасовкою, то онѣ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно далеко еще не въ состояніи выдвинуть противъ мадьярскаго господства такую силу противодѣйствія, какую могли выдвинуть противъ господства нѣмцевъ въ Австріи поляки, чехи, итальянцы и др., не давшіе восторжествовать неограниченному господству нѣмцевъ.

Эта нѣмецкая часть населенія Австріи и была единственная, которая соглашалась еще называть себя не нѣмцами просто (Deutsche), а австрійцами (Oesterreicher или Deutschösterreicher). Но и это было раньше, когда австрійскіе нѣмцы могли еще таить надежду, что они будутъ представлять собою всю Австрію, какъ венгры представляютъ Венгрію; теперь же и эти нѣмцы настаиваютъ на томъ, что они раньше всего Deutsche, а не Oesterreicher; причемъ есть уже и такія нѣмецкія партіи, которыя слышать не хотятъ о томъ, что онѣ— Oesterreicher. Что-же касается остальныхъ австрійскихъ національностей, то онѣ всегда протестовали противъ навязываемаго имъ нарицанія: Oesterreicher.

Попробуйте назвать поляка, итальянца, чеха, русина „австріякомъ",—онъ сочтетъ это глубокимъ оскорбленіемъ. И у себя дома, и за-границей, и въ частной жизни, и въ политическихъ заявленіяхъ полякъ называетъ себя только полякомъ, чехъ только чехомъ, и они отнюдь не согласны поступиться этимъ своимъ историческимъ именемъ ради имени „австріякъ".

Фактъ безымянности „представленныхъ въ рейхсратѣ королевствъ и земель" является, такимъ образомъ, очень интереснымъ показателемъ, свидѣтелемъ того, что этотъ конгломератъ народовъ и земель еще не нашелъ, а только старается найти свой политическій укладъ.

И не только въ этомъ фактѣ проявляется переходность стадіи, переживаемой нынѣ этимъ сборнымъ политическимъ организмомъ, который мы теперь будемъ снова называть (не забывая о вышеприведенномъ разъясненіи) для краткости: Австріею. Попробуйте, напримѣръ, допытаться, какой языкъ въ Австріи является оффиціальнымъ государственнымъ языкомъ.

Въ каждой странѣ обыкновенно одинъ изъ употребляемыхъ ея населеніемъ языковъ получаетъ—въ силу-ли нала-

гаемаго на остальныхъ принужденія, или въ силу добровольнаго соглашенія—характеръ языка оффиціальнаго.

Австрія до сихъ поръ, оказывается, не рѣшала еще этого вопроса и не остановилась ни на одномъ изъ языковъ, употребляемыхъ ея населеніемъ.

Фактически такимъ „языкомъ сношеній“ является нѣмецкій, которымъ пользуются въ сношеніяхъ между собою и съ подвѣдомственными имъ учрежденіями центральные органы управленія. Но юридически это далеко еще не обусловлено и не обосновано, да и на практикѣ оказывается возможнымъ, что какое-нибудь чешское коммунальное управленіе отсылаетъ назадъ присланный ему на нѣмецкомъ языкѣ „казенный пакетъ“ и ставитъ на немъ помѣтку: „писано на непонятномъ языкѣ“ (иначе говоря, на языкѣ, который чешскій органъ управленія не обязанъ знать).

Лишь въ самое послѣднее время нѣмцы начали домогаться утвержденія нѣмецкаго языка въ правахъ государственнаго и пытаются провести законодательный актъ въ этомъ смыслѣ. Но это требованіе рѣшаются выставлять лишь радикальныя нѣмецкія партіи, не имѣющія шансовъ очутиться въ близкомъ будущемъ у кормила правленія и потому позволяющія себѣ не столь тщательно взвѣшивать свои слова. Но такія партіи, какъ умѣренно-нѣмецкая, нѣмецко-прогрессивная, нѣмецко-католическая, которымъ приходится вступать въ союзы или коалиціи со славянскими партіями, и которыя стоятъ довольно близко къ власти, не рѣшаются даже „называть дитя по имени“ и никогда не говорятъ о Staatssprache (государственномъ языкѣ), а пользуются въ этихъ случаяхъ болѣе скромнымъ выраженіемъ: Vermittlungssprache, т. е. языкъ сношеній, безъ котораго, стараются они убѣдить славянъ, нельзя, вѣдь, обойтись. А если такой „языкъ сношеній“ долженъ быть, то какому же изъ „австрійскихъ языковъ можетъ быть отведена роль, какъ не нѣмецкому?

Это, конечно, понимаютъ и тѣ, которые возстаютъ противъ признанія нѣмецкаго языка „языкомъ сношеній“, и если бы дѣло дошло уже до полюбовнаго соглашенія, то и славянскія народности допустили бы откровенно или, по крайней мѣрѣ, tacitu c nsensu предоставленіе этихъ правъ именно нѣмецкому языку. Но теперь рѣчь идетъ не о соглашеніи, а о завоеваніи правъ, и въ пылу спора никто не хочетъ признать даже того, что онъ, по хладнокровномъ размышленіи, счелъ бы, можетъ быть, необходимымъ признать.

„Австрія—не нѣмецкая страна, и стремленіе навязать всѣмъ остальнымъ народностямъ Австріи нѣмецкій языкъ въ качествѣ обязательнаго государственнаго языка является

покушеніемъ на наши права",—отвѣчаютъ чехи и другія славянскія народности. Это — нарушеніе одного изъ основныхъ законовъ государственнаго уклада Австріи, § 19-го австрійской конституціи, который гласитъ: „Всѣ національности Австріи юридически равноправны, и каждая имѣетъ нерушимое право культивировать свои національныя начала и свой языкъ", и разъясненъ еще примѣчаніемъ: „Государство признаетъ полную равноправность всѣхъ употребляемыхъ въ имперіи языковъ въ отношеніи школы, административнаго управленія и общественной жизни".

Яснѣе, дѣйствительно, нельзя выразиться, хотя нѣмцы долгое время ухитрялись именно на основѣ этой формулы конструировать право нѣмецкаго языка на преобладающее значеніе. Теперь они уже оставили эти попытки и стараются доставить побѣду своимъ домогательствамъ не помощью юридическихъ ссылокъ, а указаніями на фактическую необходимость. Не-нѣмецкая часть населенія, однако, не признаетъ этихъ разсужденій и противопоставляетъ имъ статистическія данныя о составѣ населенія Австріи.

Согласно оффиціальнымъ даннымъ народной переписи 1900 г. [1]), населеніе Австріи распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Нѣмцевъ [2])	9,2	милл.	или	36%	всего насел.
Чеховъ	5,9	„	„	23%	„ „
Поляковъ	4,3	„	„	16,8%	„ „
Русинъ	3,3	„	„	13%	„ „
Словенцевъ	1,2	„	„	4,7%	„ „
Сербовъ и кроатовъ . .	0,7	„	„	2,78%	„ „
Итальянцевъ	0,7	„	„	2,8%	„ „
Румынъ	231	тыс.	„	0,9%	„ „
Мадьяръ (въ Буковинѣ) .	9,500				

Нѣмцы составляютъ, такимъ образомъ, 36% всего населенія (причемъ эта цифра сильно оспаривается не-нѣмцами, которые утверждаютъ, что административные органы—особенно въ малокультурныхъ центрахъ — принимаютъ спеціальныя мѣры для того, чтобы въ спискахъ оказалось по возможности больше нѣмцевъ). Но гораздо важнѣе, чѣмъ это количественное соотношеніе, то обстоятельство, что за

[1]) „Statistische Dateu über Oesterreich" von Dr. von Twardowski.

[2]) Правильнѣе будетъ сказать: пользующихся нѣмецкимъ языкомъ, какъ обиходнымъ, такъ какъ соотвѣтствующая рубрика въ листкахъ, которыми пользуются при переписи, содержитъ вопросъ не о національности, а объ обиходномъ языкѣ.

это время сильно возросло культурное и экономическое значеніе не-нѣмецкаго населенія, которое сдѣлалось вліятельнымъ факторомъ въ парламентѣ, областныхъ учрежденіяхъ, муниципальныхъ и коммунальныхъ органахъ управленія, и, опираясь на это соотношеніе силъ, не-нѣмецкая часть отказывается признать за языкомъ меньшинства право на значенія государственнаго языка.

Такимъ образомъ, даже такой огромной важности вопросъ государственной жизни, какъ вопросъ объ оффиціальномъ языкѣ, не получилъ еще окончательнаго рѣшенія въ этомъ политическомъ организмѣ, что даетъ еще большее право смотрѣть на него, какъ на эмбріонъ, переживающій еще переходныя стадіи своего развитія.

Получили-ли уже окончательное рѣшеніе другіе, не менѣе важные вопросы государственной жизни? Должно-ли видѣть въ Австріи централизованное или федеративное государство? Несомнѣнно, Австрія еще очень далека отъ устройства своего быта на федеративныхъ началахъ, въ пользу чего раздаются столь громкія требованія въ парламентѣ и въ ландтагахъ. Несомнѣнно, что государственное управленіе Австріи проникнуто духомъ централистскихъ идеаловъ. Но несомнѣнно также, что „коронныя земли“ и „области“, входящія въ составъ Австріи, отнюдь не могутъ быть сравниваемы съ французскими департаментами, получающими свой свѣтъ отъ солнца—Парижа.

И въ Австріи, правда, очень многіе вопросы политической и соціально-экономической жизни подлежатъ исключительному вліянію Вѣнскаго центральнаго парламента; даже многіе вопросы мѣстной жизни (о путяхъ собщенія, дополнительныхъ налогахъ, фабричнаго надзора, страхованія и т. д., и т. д.) могутъ быть регулируемы только въ соотвѣтствіи съ общими для всей имперіи нормами законодательства. Правда также, что во всѣхъ 17 областяхъ Австріи административная, судебная и военная организаціи подлежатъ строгой тождественности; что въ столицѣ Австріи, въ Вѣнѣ, сосредоточены высшія для всей имперіи судебныя инстанціи, военно-судебный сенатъ, административно-судебная палата (Verwaltungsgerichtshof), разрѣшающая вопросы о правильномъ примѣненіи существующихъ законовъ административными органами, счетная палата и т. д. И тѣмъ не менѣе ландтаги или сеймы австрійскихъ коронныхъ земель и областей, которыя продолжаютъ называться „королевство Богемія“ „королевство Далматія“, „княжество Тироль“, „эрцгерцогство Зальцбургъ“ и т. д., имѣютъ право считать себя до извѣстной степени парламентами отдѣльныхъ странъ, пользующимися довольно

широкою автономіею. Относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ областей, какъ, напр., о Далматіи, еще не рѣшенъ, вѣдь, даже въ окончательномъ видѣ вопросъ, должна-ли она входить въ составъ австрійскаго или венгерскаго государственнаго организма.

Въ Австріи, поэтому, нѣтъ патріотизма, какъ выразился одинъ французскій писатель, а есть патріотизмы; каждая изъ этихъ областей знаетъ не „императора австрійскаго“, а „короля Богеміи“, „короля Далматіи“, „князя Тирольскаго“, за которымъ она готова признать право распоряжаться въ этой области, но она не обнаруживаетъ склонности признавать это за центральнымъ парламентомъ и центральнымъ правительствомъ и желала-бы стать по отношенію къ коронѣ въ такія-же отношенія, въ какія стала уже Венгрія.

Такова „политическая кровля“ этого государственнаго организма, его формальный укладъ или, если хотите, „надстройка“. Попробуемъ теперь присмотрѣться къ его внутреннему быту, къ его соціальному укладу, на почвѣ котораго выросли эти политическія формы.

III.

Очеркъ народно-хозяйственной жизни.

Первый вопросъ, на который приходится въ этомъ случаѣ отвѣтить, гласитъ: должна-ли быть Австрія причисляема къ земледѣльческимъ или индустріальнымъ странамъ?

И уже на этотъ основной вопросъ, на который въ примѣненіи къ другимъ европейскимъ государствамъ не трудно получить достаточно опредѣленный отвѣтъ, нельзя дать опредѣленнаго отвѣта относительно Австріи. Иногда Австрія называетъ себя промышленною страною, особенно когда на очередь выступаютъ препирательства съ Венгріею. Въ области торговой политики Австрія и Венгрія представляютъ одну таможенную единицу. Торговые договоры съ другими державами заключаются отъ имени двуединой Австро Венгріи, отдѣленной общею таможнею отъ остальныхъ странъ; между обѣими-же половинами имперіи внутренней таможни не существуетъ, и провозъ товаровъ изъ Австріи въ Венгрію и обратно совершенно свободенъ. Изъ этихъ двухъ половинъ Венгрія изображаетъ житницу Австріи и поставляетъ ей продукты земледѣлія, Австрія-же поставляетъ Венгріи продукты фабрично заводской промышленности. Несмотря на то, что на первый взглядъ это сочетаніе можетъ показаться идеальною комбинаціею, сулящею обѣимъ половинамъ имперіи

искреннюю вѣчную дружбу, онѣ, наоборотъ, находятся въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ.

Венгрія не перестаетъ жаловаться на то, что свободный ввозъ фабрикатовъ изъ Австріи исключаетъ всякую возможность развитія ея собственной промышленности и обрекаетъ ее на положеніе земледѣльческаго (что равносильно маломощному) государства. Кромѣ того, говорятъ венгерскіе защитники проекта таможеннаго отдѣленія Венгріи отъ Австріи, Австрія, соблюдая свои индустріальные интересы, включаетъ въ торговые договоры очень высокія таможенныя ставки на иностранные фабрикаты, и Венгрія, такимъ образомъ, вынуждена покупать болѣе дорогіе австрійскіе фабрикаты, тогда какъ она могла-бы ввозить болѣе дешевые продукты изъ странъ, опередившихъ Австрію въ промышленномъ развитіи. Иначе говоря, Венгрія испытываетъ всѣ неудобства протекціонной системы, не получая взамѣнъ даже обычнаго утѣшенія въ томъ смыслѣ, что-де эти жертвы приведутъ къ созданію собственной отечественной промышленности, которая обогатитъ страну и освободитъ отъ зависимости отъ иностранцевъ.

Съ своей стороны, и Австрія выражаетъ не то искреннее, не то далеко неискреннее, но, во всякомъ случаѣ, довольно громкое недовольство таможеннымъ единствомъ съ Венгріею, доводя иногда это выраженіе недовольства до угрозы отказаться отъ этого союза. Ради Венгріи, говорятъ австрійскіе противники таможеннаго единства, мы должны включать въ наши торговые договоры высокія пошлины на земледѣльческіе продукты; и вотъ благодаря этому, мы оттолкнули отъ себя Сербію, Болгарію, Румынію; австрійская промышленность лишилась огромнаго рынка сбыта, каковымъ являлся для нея Балканскій полуостровъ, а это не могло не отразиться очень чувствительно на развитіи австрійской промышленности.

Въ этихъ случаяхъ Австрія выступаетъ, такимъ образомъ, въ роли индустріальнаго государства и считаетъ для себя выгоднымъ придать своей торговой политикѣ соотвѣтствующій характеръ.

А между тѣмъ въ трудахъ изслѣдователей экономической жизни Австріи вы то и дѣло будете встрѣчаться съ заявленіями вродѣ слѣдующаго: „Мы (въ Австріи) находимся на границѣ того перехода къ индустріализму, который Англія продѣлала 100 лѣтъ тому назадъ, а Германія въ 70-ыхъ годахъ“ [1]) или „в ъ з е м л е д ѣ л ь ч е с к о й с т р а н ѣ, к а к о ю

[1]) „Die Aenderung unserer Wirtschaftsverfassung, im 19 Jahrhundert“. Prof. Dr. Eugen von P h i l i p p o v i t c h.

все еще остается Австрія“, [1]) или „въ широкихъ кругахъ еще до сихъ поръ не понимаютъ, что Австрія находится на пути къ индустріализированію; тамъ, наоборотъ, преобладаетъ взглядъ на Австрію, какъ на страну съ весьма значительно преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ“ [2]).

И въ массѣ статистическихъ данныхъ сторонники того и другого взгляда найдутъ не мало данныхъ, подтверждающихъ ихъ противоположныя точки зрѣнія. Такъ, напр., согласно статистическимъ даннымъ послѣдней переписи населеніе Австріи распредѣлялось по занятіямъ слѣдующимъ образомъ.

Было занято при	Число лицъ вообще.	% насел.	Число лицъ, дѣйствительно занятыхъ въ этой профессіи.	% всѣхъ занятыхъ въ этой профессіи.	Домашняя прислуга.
Земледѣліи и лѣсоводствѣ	13,351,379	55,9	8,469,223	62,4	35,916
Промышленности	6,155,510	25,8	2,880,897	21,2	140,257
Торговлѣ и средствахъ сообщенія	2 115,313	8,9	845,073	6,2	128,098
Обществ. должности и своб. профессіи	2,273,211	9,4	1,374,094	10,2	125,006
Итого	23,895,413	100	13,569,287	100	456,277

Такимъ образомъ, земледѣльческіе промыслы и теперь еще доставляютъ занятіе и пропитаніе большей половинѣ населенія; и изслѣдователи, утверждающіе, что Австрія осталась по преимуществу земледѣльческою страною и что въ ея экономической политикѣ должны играть преобладающее значеніе аграрные интересы, какъ будто имѣютъ всѣ данныя за себя и могутъ настаивать на правотѣ своего взгляда.

---

[1]) „Das sociale Elend und die besitzenden Klassen in Oesterreich“. T.W. Teifen.

[2]) „Die Agrarfrage in Oesterreich“. Dr. Robert Drill.

„Мы, однако, впослѣдствіи, при разсмотрѣніи другихъ критеріевъ, убѣдимся,—заявляетъ Дрилль [1]),—что этотъ фактъ находится лишь въ мнимомъ противорѣчіи съ утвержденіемъ, что центръ тяжести народохозяйственной политики въ Австріи не лежитъ больше въ земледѣльческомъ промыслѣ; мы увидимъ, что цифры распредѣленія населенія по занятіямъ не даютъ никакого ключа къ уразумѣнію значенія земледѣльческаго промысла въ общей структурѣ народнаго хозяйства въ Австріи“.

И дѣйствительно, если мы примемъ во вниманіе нѣкоторыя другія цифры изъ экономической жизни Австріи, то мы увидимъ, что онѣ вносятъ весьма существенный коррективъ въ вышеприведенное соотношеніе между земледѣліемъ и промышленностью.

Прежде всего, необходимо отмѣтить, что Австрія теперь далеко уже не въ состояніи покрывать продуктами своего собственнаго земледѣлія потребности своего населенія въ этомъ отношеніи и вынуждена ввозить значительное количество зерна, приблизительно около 4—5 милліоновъ метроцентнеровъ пшеницы и 3—4 милліона метроц. муки ежегодно. Въ переводѣ на деньги это составило въ 1899 г., напр., сумму въ 126 милл. гульденовъ.

Уже изъ этого можно заключить, какую роль пріобрѣтаетъ въ этой странѣ промышленность, продуктами которой Австрія теперь вынуждена уже покрывать свои расходы по пропитанію. И, дѣйствительно, цифры ввоза и вывоза подтверждаютъ такой предположительный выводъ. Такъ, напр., ввозъ и вывозъ черезъ общетаможенную линію Австро-Венгріи составлялъ въ милліонахъ гульденовъ:

	Ввозъ.			Вывозъ.		
	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.
Пищевые продук.	98,2	89,8	101,1	190,5	168	201,1
Полуфабрикаты .	230,3	231	253,1	194	186,9	203,9
Фабрикаты	284,4	301	316,9	402,2	367,8	400,5

[1]) „Die Agrarfrage in Oesterreich“, стр. 28.

Въ общей цифрѣ вывоза на долю фабрикатовъ, такимъ образомъ, приходится свыше $50^0/_0$, на долю полуфабрикатовъ около $25^0/_0$. И если принять во вниманіе, что Венгрія за таможенную линію почти совсѣмъ не вывозитъ фабрикатовъ, то будетъ ясно, что вывозъ изъ Австріи заключается главнымъ образомъ въ фабрикатахъ, что она этимъ вывозомъ покрываетъ свои потребности въ пищевыхъ продуктахъ, благодаря ему получаетъ средства для расплаты по своимъ государственнымъ долговымъ обязательствамъ, что, иначе говоря, промышленность пріобрѣла теперь для народохозяйственной политики Австріи рѣшающее значеніе.

Крупная цифра занятыхъ при сельскохозяйственныхъ промыслахъ (свыше $55^0/_0$ всего населенія) выступаетъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, если мы расчленимъ эту цифру по отдѣльнымъ областямъ. Мы тогда увидимъ, что изъ 100 человѣкъ населенія приходится, согласно вычисленіямъ Раухберга [1]), на земледѣльческіе промыслы:

Въ Нижней Австріи	24,1	Въ Тиролѣ	64,0
„ Верхней Австріи	50,2	„ Фарарльбергѣ.	41,6
„ Зальцбургѣ	48,3	„ Богеміи.	39,4
„ Штиріи.	62,5	„ Моравіи	49,0
„ Каринтіи.	62,6	„ Силезіи.	39,7
„ Крайнѣ.	71,2	„ Галиціи.	77,0
„ Тріестѣ и его области .	8,1	„ Буковинѣ.	74,7
„ Гёрцѣ и Градискѣ. . .	69,2	„ Далматіи.	85,6
„ Истріи.	71,6	Всего.	55,0

Изъ этой таблицы не трудно убѣдиться, что именно въ болѣе культурныхъ и богатыхъ областяхъ—Нижней Австріи, Богеміи, Моравіи, Силезіи и др.—большинство населенія существуетъ уже не земледѣльческимъ промысломъ, и что только въ отсталыхъ областяхъ земледѣліе является еще преобладающимъ занятіемъ. Эти-то области, какъ Галиція, Буковина, Далматія со своими $77—85^0/_0$ сельскаго населенія, и даютъ ту слишкомъ высокую цифру процента занятыхъ въ земледѣльческихъ промыслахъ, которая позволяетъ причислять Австрію къ земледѣльческимъ странамъ.

Какъ печально это было-бы для Австріи, если-бы та огульная характеристика экономическаго уклада ея жизни, которая получается на основаніи вышеприведенной цифры земледѣльческаго населенія, была вѣрна, можно судить по

[1]) H. Rauchberg: „Die Bevölkerung Oesterreichs". 1895.

тому, что именно эти земледѣльческія par excellence области являются въ то же время и т. н. „пассивными“ областями, т. е. такими, на которыя фиску приходится больше тратить, чѣмъ получать отъ нихъ; средства-же для этого даютъ фиску промышленныя, „активныя“ области, отъ которыхъ получается излишекъ доходовъ, покрывающій пассивы земледѣльческихъ областей.

„Со стороны Австріи было-бы поэтому самоубійствомъ,— заключаетъ Дрилль,—если-бы.., ею допущены были мѣры, способныя оборвать нить жизни ея промышленности, ибо тенденція развитія народохозяйственной жизни Австріи неопровержимо показываетъ, что центръ тяжести ея все болѣе и болѣе перемѣщается въ сторону индустріи“.

Къ этому-же выводу приходитъ пользующійся другими цифрами и идущій другими путями Филипповичъ.

Населеніе Австріи, отмѣчаетъ онъ, увеличилось за періодъ 1850—1893 гг. съ 17,5 милл. до 23,8 милл., т. е. на 6 милліоновъ приблизительно. И весьма характерно, что почти весь этотъ приростъ устремляется въ города и промышленные центры. Въ 1843 г. было въ Австріи всего 7 городовъ съ населеніемъ свыше 20,000, въ 1892 г. было уже 32 такихъ города. Въ 1843 г. въ городахъ жило всего 4,2% всего населенія, т. е. $^1/_{25}$ часть его, въ то время какъ $^{24}/_{25}$ составляли сельское населеніе; въ 1893 г. городское населеніе достигаетъ уже 12%, т. е., составляетъ $^1/_8$ часть всего населенія.

Да и можно-ли говорить о преобладающе-земледѣльческомъ характерѣ ея по отношенію къ странѣ, въ которой продукты ея горно-заводскаго производства оцѣнивались въ 1900 г., напр., въ 450 милліоновъ [1]) кронъ, помимо соляныхъ промысловъ, продукты которыхъ оцѣнивались въ 50 милліоновъ; которая насчитываетъ 2,894,000 рабочихъ, занятыхъ въ разныхъ отрасляхъ исключительно крупной промышленности?

Укажемъ еще, что въ Австріи насчитывалось въ 1890 г. 883,226 торгово-промышленныхъ предпріятій, изъ коихъ 564,743 производительныхъ, 278,158 торговыхъ, 19,843 транспортныхъ и 2,638 разныхъ другихъ

Всѣ эти данныя несомнѣнно являются достаточно краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, что промышленность въ Австріи развивается, пріобрѣла уже и теперь весьма серьезное значеніе въ экономической жизни страны и что продолжать смотрѣть на послѣднюю, какъ на страну, въ

---

[1]) V. Twardowski: „Statistische Daten, etc“.

которой должны превалировать аграрные интересы, равносильно крупной и опасной ошибкѣ.

Но все-таки сельскохозяйственные промыслы доставляютъ еще въ Австріи занятіе 56% ея населенія, а это значитъ, что и интересы промышленности не могли еще пріобрѣсти въ области экономической политики преобладающаго значенія.

И промышленныя сферы дѣйствительно не въ силѣ еще настоять на проведеніи своихъ требованій въ парламентѣ, такъ какъ здѣсь большинство все еще составляютъ представители аграрныхъ интересовъ да еще интересовъ мелкой, ремесленной промышленности, не проявляющіе склонности къ проведенію мѣръ, способныхъ содѣйствовать развитію крупной промышленности, и, наоборотъ, весьма склонные воздвигать препятствія на пути ея развитія. Это и дѣлаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ австрійскій парламентъ, въ которомъ высшая аристократія (феодалы), являющаяся въ то же время представителемъ весьма богатаго сословія крупнаго землевладѣнія, продолжаетъ играть такую вліятельную роль, о которой и мечтать уже не смѣютъ представители тѣхъ же группъ въ парламентахъ другихъ странъ.

Въ рукахъ этой группы крупнаго землевладѣнія сосредоточено около 30% всей поземельной собственности, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ распредѣленія поземельной собственности:

Вся площадь	Крупн. землевлад. принад		Мелкому землевл. лежитъ	
	Въ милліонахъ		гектаровъ.	
30	8,7	29%	21,3	71%

Въ 1900 г. насчитывалось 4.931.619 плательщиковъ поземельнаго налога и 54.370.045 участковъ. Эти цифры говорятъ, какъ будто, о сильномъ развитіи мелкаго землевладѣнія, о существованіи компактной массы крестьянства, сидящаго исключительно на землѣ, отъ нея питающагося и этимъ путемъ добывающаго средства для покрытія всѣхъ своихъ потребностей. Существуютъ, однако, показатели, бросающіе совершенно иной свѣтъ на эту картину.

Въ 1893 г. приходилось на каждую 1000 плательщиковъ поземельнаго налога платившихъ:

до			1	гульд.	403 [1]).
отъ	1	„	2	„	166
„	2	„	5	„	188
„	5	„	10	„	97
„	10	„	20	„	63
„	20	„	50	„	55
„	50	„	100	„	19
„	100	„	200	„	6
„	200	„	500	„	2
„	500	и выше		„	1

По отдѣльнымъ областямъ эти соотношенія выступаютъ въ слѣдующемъ свѣтѣ: въ нѣмецко-альпійскихъ областяхъ число плательщиковъ поземельнаго налога въ размѣрѣ не выше одного гульдена составляетъ 16—23% всѣхъ плательщиковъ поземельнаго налога; въ Крайнѣ—37%; въ Тиролѣ 46%; въ Береговой землѣ 50%; въ Судетскихъ областяхъ 34—36%; въ Галиціи—46%; въ Буковинѣ и Далматіи до 60%.

Что-же представляетъ собою землевладѣлецъ, уплачивающій 1 гульденъ поземельнаго налога? Это—человѣкъ, который долженъ вести хозяйство на полъ-десятинѣ земли приблизительно. Вѣрнѣе говоря, это крестьянинъ, владѣющій на столько ничтожнымъ клочкомъ земли, что для своего пропитанія онъ вынужденъ превращаться въ батрака, поденщика или фабричнаго рабочаго. Въ такомъ же положеніи находятся и платящіе 1—2 гульдена поземельнаго налога.

Несмотря, однако, на то, что число землевладѣльцевъ, имѣющихъ возможность вести достаточно обширное хозяйство и продающихъ хлѣбъ, составляетъ лишь 15% всего земледѣльческаго населенія, они тѣмъ не менѣе въ состояніи придавать своимъ требованіямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ интересами милліоновъ населенія, силу категорическаго императива. Такую возможность создаетъ тотъ фактъ, что эти землевладѣльцы—не просто крупные землевладѣльцы, а сеньоры, лендлорды, владѣльцы огромныхъ латифундій, держащіе въ своихъ рукахъ все окрестное населеніе; не говоря уже о томъ, что эти лендлорды являются въ то же время носителями очень громкихъ титуловъ, открывающихъ имъ безпрепятственный путь къ власти и вліянію, которыми они пользуются для охраны своихъ интересовъ.

Въ нижней Австріи, напр., въ 80-хъ годахъ 247 лицамъ принадлежало 16% всей ея земельной площади; нынѣ крупному землевладѣнію принадлежитъ изъ 2 милліон. гектаровъ

[1]) „Oesterreichisches statistisches Handbuch“ за 1904 г,

составляющихъ площадь этой области, 23%. Цѣнность площади, находившейся въ рукахъ крупнаго землевладѣнія, равнялась 65.994.258 гульд. (1 гульд.=2 кронамъ); доходы крупнаго землевладѣнія исчислялись въ 3.305.277 гульд. Въ Богеміи, имѣющей 5.196.700 гект., 362 землевладѣльцамъ принадлежало 1.444.638 гект.; стоимость этихъ владѣній оцѣнивалась въ 240 милліоновъ, доходъ въ 12 милліоновъ гульд. Нынѣ крупному землевладѣнію въ Богеміи принадлежитъ 1.7 милл. гект. (32%).

О роли, которую играютъ въ экономической жизни эти магнаты, можно судить по тому, напр., что въ Богеміи они имѣли на своихъ владѣніяхъ 166 фабрикъ, 335 пивоваренъ, 143 мельницы, 196 лѣсопиленъ, 304 завода для обжиганія кирпича, 106 водочн. заводовъ, 23 каменоломни, 26 горныхъ предпріятій, 7 желѣзодѣлательн. и стеклянныхъ заводовъ. Кромѣ того, имъ принадлежали 6 курортовъ, 662 замка и 85 дворцовъ.

Въ общемъ 33 наиболѣе богатыхъ магната въ Богеміи владѣютъ 846.185 гектарами, приносящими доходовъ 6.224.000 гульд.

Въ Галиціи изъ 9.5 милл. гектаровъ 3.7 милл. принадлежитъ крупному землевладѣнію; причемъ въ рукахъ 45 владѣльцевъ сосредоточено около 700.000 гект.

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно сказать, что этотъ процессъ роста крупнаго землевладѣнія не прекращается. Такъ, напр., число избирателей изъ разряда (куріи) крупнаго землевладѣнія, составлявшее въ 1873 г.—4,931, возросло въ 1891 г. до 5402 человѣкъ.

Въ Верхней Австріи ростъ числа крупныхъ землевладѣльцевъ выражается въ цифрѣ 14.5%, достигая въ Штиріи даже 29%. Въ нижней Австріи, Богеміи и Моравіи, которыя уже, такъ сказать, „насыщены“ крупнымъ землевладѣніемъ, ростъ его выражался въ цифрахъ 7.3% и 4.1%.

Объ этомъ говоритъ и фактъ уменьшенія числа самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, которое съ 247 на 1000 сократилось къ 1890 г. до 237 на тысячу.

Изъ этого можно видѣть, что крупное землевладѣніе располагаетъ достаточною экономическою силою, чтобы играть огромную роль въ общественно-политической жизни страны. Не слѣдуетъ, къ тому-же, забывать, что крупное землевладѣніе сконцентрировано въ рукахъ аристократіи, въ рукахъ которой сосредоточено въ то же время и все почти высшее управленіе. Въ Австріи до сихъ поръ считается рѣдкимъ исключеніемъ министръ, и въ особенности, министръ президентъ, фамиліи котораго не предшествуетъ титулъ князь или

графъ или, по крайней мѣрѣ, баронъ (недаромъ именно австрійскому аристократу, кн. Виндишгрецу, принадлежитъ характерное изреченіе: „человѣкъ начинается только съ барона").

Во главѣ управленія отдѣльныхъ областей стоятъ въ качествѣ намѣстниковъ (штатгалтеровъ) 7 графовъ, 4 барона и нѣсколько „фонъ". Изъ 323 „окружныхъ начальниковъ" 112 принадлежатъ къ аристократіи [1]).

Отпрыски этихъ родовъ засѣдаютъ и въ правленіяхъ банковъ, гдѣ на 366 членовъ правленія и директоровъ приходится 2 принца, 1 герцогъ, 4 князя, 23 графа, въ общемъ 80 титулованныхъ и 7 высокопоставленныхъ служителей церкви [2]).

Занимая такое положеніе и такія положенія, австрійская крупноземлевладѣльческая аристократія и собственными силами была бы въ состояніи вести успѣшную борьбу съ тенденціями крупной промышленности, которую она и инстинктивно, и сознательно ненавидитъ, видя въ ея ростѣ и ростѣ ея вліянія сильную опасность для своего исключительнаго господства и для своего привиллегированнаго положенія. Но въ своей борьбѣ съ крупною промышленностью это сословіе нашло къ тому-же цѣннаго союзника въ лицѣ мелкой, ремесленной промышленности, благодаря которой аристократія можетъ облекать свою борьбу съ промышленнымъ капиталомъ въ форму защиты „народныхъ" интересовъ.

Нужно знать, что въ Австріи борьба между крупной и мелкой промышленностью носитъ особенно острый характеръ и именно потому, что и въ этой области процессъ борьбы не далъ еще здѣсь окончательныхъ, неопровержимыхъ результатовъ. Очень многіе изслѣдователи экономической жизни Австріи, занимавшіеся изученіемъ этого вопроса, приходятъ, правда, къ рѣшительному заключенію, что мелкая промышленность и въ Австріи оказывается въ роли побѣжденной въ борьбѣ съ крупною промышленностью, какъ это должно быть ясно изъ приводимыхъ ими данныхъ относительно отдѣльныхъ группъ производства. Такъ, напр., въ Нижней Австріи движеніе крупной и мелкой промышленности за періодъ 1880—1890 гг. выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ [3]):

Группы	Крупная промышл.	Мелкая промышл.
Металлургическое произв. . .	+ 40%	+ 2%
Производство машинъ и инстр.	+ 83 „	+ 17 „

---

[1]) Teifen: „Edel unb Kirche in Oesterreich" 1897 г.
[2]) Ibid.
[3]) „Gewerbezählung" 1897 г.

Группы	Крупная промышл.	Мелкая промышл.
Издѣлія изъ камня, стекла глины и т. п.	+ 17%	+ 7%
Изъ дерева	+113 „	+ 12 „
Кожевенное произв.	+ 56 „	+ 2 „
Текстильное	+ 17 „	+ 2 „
Конфекціонное	+ 64 „	+ 21 „
Бумажное	+ 61 „	+ 12 „
Полиграфич. и художествен. промышл.	+ 36 „	+ 42 „

Только въ одной группѣ (въ послѣдней) ростъ мелкой промышленности опередилъ ростъ крупной. Въ остальныхъ группахъ ростъ мелкой промышленности оставался ниже прироста населенія, выражавшагося за этотъ періодъ въ цифрѣ 14%.

Относительно Брюннскаго раіона отчетъ Брюннской береговой палаты гласитъ: „несмотря на неблагопріятную конъюнктуру (въ области сбыта товара), можно отмѣтить за періодъ 1890—1895 гг. почти десятикратный ростъ крупной промышленности"...

Въ общемъ, число промышленныхъ предпріятій увеличилось за періодъ 1862—1870 гг. на 4.6% при ростѣ населенія за то-же время на 24,9%. Причемъ относительно характера этого движенія можно судить по тому, что именно въ отсталыхъ областяхъ, какъ Буковина, Тироль, Береговая земля, приростъ промышленныхъ учрежденій опережаетъ приростъ населенія, въ то время какъ въ болѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи областяхъ, какъ Нижняя Австрія, Богемія, замѣчается обратное отношеніе между ростомъ населенія и промышленныхъ предпріятій.

Во всей Австріи насчитывалось промышленныхъ предпріятій:

	Металлург. пр.	Машинодѣл.	Произв. изъ камня, стекла и пр.	Изъ дерева, кости и пр.	Кожев. мѣховое.	Текстил. пром.	Конфекціон. пр.	Бумага.	Обработка пищевыхъ прод.	Химич. инд.	Строит. пром.	Полиграф. и худож. пром.	Всего.
1862 г.	44345	15493	11513	42036	10980	35459	112726	2392	79899	1822	16387	2880	381358
1890 г.	45655	19204	11664	49303	9340	19140	118047	3197	86099	6364	25840	4684	399037
+и—въ проц.	+3	+24	+1	+17	—10	—46	+47	+33	+8	—22	+36	+133	+5

За этотъ же періодъ, въ теченіе котораго число промышленныхъ предпріятій увеличилось на $5^0/_0$, населеніе, какъ уже было отмѣчено, увеличилось на $24^0/_0$.

Куда же пристроился излишекъ населенія? Отвѣтъ на это даютъ цифры роста торговыхъ и транспортныхъ предпріятій, которыхъ насчитывалось въ Нижней Австріи, напр.,

		Число предпріятій.		Увелич. и уменьшеніе въ проц.
		1890 г.	1896 г.	
Торговыхъ	Кр.	4250	4516	+6,3
	М.	47691	50148	+ 5
Транспортн.	Кр.	279	313	+ 12
	М.	5461	6117	+ 12
Отелей, ресторан. и т. п.	Кр.	623	752	+ 21
	М.	13243	12710	— 4
Учебныхъ зав.	Кр.	3	4	+ 33
	М.	619	825	+ 33
Увеселит. зав.	Кр.	15	29	+ 93
	М.	861	1281	+ 49

Во всей Австріи число торговыхъ препріятій выросло за 1862—1890 гг. съ 161,195 до 233,123, т. е. на $45^0/_0$.

Это огромное количество непрерывно возрастающихъ посредническихъ предпріятій и поглощаетъ главнымъ образомъ кадры тѣхъ, которые составляютъ одно съ группами мелкаго ремесленничества.

Поэтому, когда въ общихъ статистическихъ сводкахъ встрѣчаются указанія на то, что въ Нижней Австріи общее число мелкихъ предпріятій возросло за 1870 — 1860 гг., напр., съ 57,436 до 66,304, то не слѣдуетъ забывать, что главный приростъ давали въ такихъ случаяхъ предпріятія не-продуцирующія, т. е. торговыя, транспортныя, рестораны и т. п. Такъ, относительно вышеприведенныхъ цифръ можно сказать, что въ 1870 г. производительныя предпріятія составляли $53{,}5^0/_0$ общаго числа промышленныхъ предпріятій; въ 1890 г. онн составляли лишь $45{,}6^0/_0$.

Въ 1890 г. насчитывалось среди лично занятыхъ въ той или иной отрасли труда 3.842,640 самостоятельныхъ (противъ 3.872.115 въ 1880 г.) при общемъ числѣ служащихъ, рабочихъ, поденщиковъ и домашней прислуги въ количествѣ 10.182,924 человѣкъ (противъ 7.529.438 въ 1880 г.).

Въ промышленности было	597.847	самост. и	6.598.375	зависимыхъ.
„ торговлѣ	„	314.577	„	658.594	„
„ земледѣліи	„	2.006.764	„	6.598.375	„

На 100 человѣкъ приходилось въ среднемъ 16 самостоятельныхъ и 40 зависимыхъ. Въ областяхъ съ болѣе развитою промышленностью считалось 14 (Богемія), 15 (Моравія) и 13 (Силезія) самостоятельныхъ на 100 [1].

И въ этой области, такимъ образомъ, можно говорить лишь о намѣчающихся теченіяхъ, а не объ осязательныхъ результатахъ, которые могли-бы служить руководствомъ въ законодательствѣ, лечь въ основу опредѣленной соціально-политической программы.

Таково соотношеніе силъ тѣхъ національныхъ и соціальныхъ группъ, взаимодѣйствіе и солидарность, соперничество и борьба которыхъ, отливаясь въ форму многообразныхъ политическихъ группировокъ по фракціямъ, партіямъ и временнымъ союзамъ партій, создаютъ пеструю картину политической жизни Австріи.

Являются-ли, однако, эти то текущія параллельно, то сливающіяся, то сталкивающіяся политическія теченія вѣрнымъ отраженіемъ фактическаго соотношенія силъ этихъ группъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо познакомиться съ политическими учрежденіями, въ которыхъ этимъ теченіямъ предоставлена возможность проявляться, а также

---

[1]) По вопросу о распредѣленіи населенія по отдѣльнымъ общественнымъ группамъ даетъ интересныя указанія въ своей книгѣ: „Die Agrarische Frage" Герцъ. Приводимъ эти данныя, такъ какъ они способствуютъ уясненію интересующаго насъ вопроса, хотя Герцъ дѣлалъ свою сводку лишь съ односторонней цѣлью, а именно, ариѳметически вычислить, на какія можетъ и на какія группы не должна разсчитывать соціалистическая партія.

Враждебными коллективистскимъ теоріямъ онъ считаетъ (среди населенія старше 20-лѣтняго возраста) самостоятельныхъ въ промышленности (484.465); самост. въ торговлѣ (196.573); военныхъ по профессіи (180.809); самост. въ общественныхъ профессіяхъ, какъ священники и т. п. (22.929), рантье, домовладѣльцы, пенсіонеры (115.402)—всего 1.010.169.

Склонны къ воспріятію этихъ теорій: рабочіе промышл. предпр. (1.080.002); рабочіе транспортн. и торговыхъ предпріятій (155.312); состоящіе на обществ. и государств. службѣ (44.094); занят. въ отдѣльн. свободн. профессіяхъ 5.883; низшіе служащіе торговыхъ предпріятій (78.183); чернорабочіе разн. категорій (156.638)—всего 1.520.112.

Индифферентны въ этомъ отношеніи: служащіе въ промышлен. предпріятіяхъ (32.725); чиновники и т. п. (130.574); служащіе при свободн. профессіяхъ (13.093); врачи, адвокаты и т. п. (16.184)—всего 192.576.

Рѣшающее значеніе пріобрѣтаетъ поэтому 3.260.116 крестьянскаго населенія.

съ избирательнымъ аппаратомъ, приводящимъ въ движеніе эти колеса государственнаго механизма.

IV.

Государственный строй и парламентъ.

Законодательная власть въ Австріи сосредоточена въ рукахъ парламента, носящаго здѣсь названіе Reichsrat („Государственный Совѣтъ", а не Reichstag, т. е. „Государственное собраніе", какъ онъ называется въ Германіи и даже въ Венгріи, гдѣ парламентъ играетъ болѣе важную роль).

Парламентъ составляется изъ двухъ палатъ: 1) верхней или палаты господъ (Herrenhaus) и „палаты депутатовъ" (Abgeordnetenhaus). Палата господъ составляется изъ 1) совершеннолѣтнихъ принцевъ императорскаго дома; 2) совершеннолѣтнихъ главъ тѣхъ аристократическихъ фамилій, которыя являются крупными землевладѣльцами въ одной изъ австрійскихъ областей; 3) изъ архіепископовъ отдѣльныхъ епархій и такихъ епископовъ, которымъ надлежитъ княжеское титулованіе; и 4) изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ императоромъ за выдающуюся дѣятельность на различныхъ поприщахъ государственной и общественной службы, въ области науки или искусства.

Число членовъ „Палаты господъ" не ограничено и колеблется обыкновенно между 250 и 300.

Несмотря на свое именованіе верхнею палатою и палатою господъ, эта палата на самомъ дѣлѣ играетъ довольно скромную роль въ вопросахъ законодательства. Иниціатива въ этой области принадлежитъ, главнымъ образомъ, палатѣ депутатовъ; предлагаемые правительствомъ законопроекты въ области финансоваго и военнаго законодательства должны поступать сначала на обсужденіе палаты депутатовъ и лишь по принятіи рѣшенія послѣднею, они поступаютъ на разсмотрѣніе верхней палаты; если законопроектъ принятъ палатою депутатовъ, то онъ подлежитъ еще принятію палатою господъ [1]). Самостоятельно вносить поправки въ такой законопроектъ верхняя палата не можетъ. Въ случаѣ несогласія палаты депутатовъ съ предложенною верхнею палатою поправкою, она (верхняя палата) можетъ отвергнуть законопроектъ цѣликомъ, но не имѣетъ права утвердить эту поправку.

Если положительная роль верхней палаты въ области

---

[1]) Силу закона получаетъ такой законопроектъ, принятый обѣими палатами, лишь послѣ того, какъ онъ получилъ и санкцію императора. Оффиціальная формула поэтому гласитъ: „Законодательною властью распоряжается императоръ съ согласія рейхсрата".

законодательства оказывается, такимъ образомъ, довольно ограниченною, то отрицательная роль ея можетъ иногда проявляться въ довольно чувствительной формѣ.

Предлаганіемъ поправокъ и вообще при помощи затягиванія обсужденія, она можетъ задержать надолго осуществленіе уже одобреннаго палатою депутатовъ, но неугоднаго „господамъ“ закона. Затянувъ осуществленіе такого закона до конца законодательной сессіи или систематически отвергая его, она можетъ и совсѣмъ снять его съ очереди, такъ какъ недоведенные въ теченіе сессіи до императорской санкціи законопроекты считаются снятыми съ очереди; и если палата депутатовъ при наступленіи новой сессіи захочетъ все-таки провести этотъ законъ, то она должна еще разъ подвергнуть его обсужденію, какъ если бы онъ никогда еще не обсуждался.

Такое упрямство палата господъ, однако, разрѣшаетъ себѣ весьма рѣдко и лишь тогда, когда она имѣетъ основаніе думать, что и правительство не очень дорожитъ этимъ, принятымъ палатою депутатовъ закономъ; если же правительство и палата депутатовъ въ этомъ вопросѣ солидарны то сопротивленіе палаты господъ не можетъ быть долговременнымъ.

Въ этомъ случаѣ средствомъ для сломленія сопротивленія палаты господъ является принадлежащее императору право назначенія неограниченнаго числа новыхъ членовъ въ эту палату. По предложенію правительства, императоръ возводитъ тогда въ санъ пэровъ такое число и такихъ новыхъ лицъ, чтобы большинство въ палатѣ господъ могло оказаться на сторонѣ правительства.

Фактически законодательная власть оказывается, такимъ образомъ, и въ Австріи, какъ и въ другихъ странахъ съ 2-камерною системою, въ рукахъ палаты депутатовъ, гдѣ и проступаетъ рельефно борьба политическихъ теченій.

Главныя функціи парламента составляютъ: 1) утвержденіе государственнаго бюджета, 2) контроль дѣйствій административныхъ органовъ, 3) разработка вопросовъ законодательства.

Ежегодно правительство обязано представлять парламенту смѣту предполагаемыхъ въ теченіе слѣдующаго года расходовъ по отдѣльнымъ министерствамъ и рубрикамъ и планъ покрытія этихъ расходовъ изъ поступающихъ въ казну доходовъ. При произведеніи расходовъ исполнительные органы не имѣютъ права превышать утвержденныя смѣтныя назначенія. Утвержденіемъ бюджета парламентъ предоставляетъ въ то же время правительству право взимать въ теченіе слѣдующаго года утвержденные прежними законами налоги

(въ случаѣ неутвержденія бюджета правительство теряетъ, слѣдовательно, de jure право на взиманіе уже утвержденныхъ раньше налоговъ; новыхъ налоговъ, не признанныхъ еще парламентомъ, правительство вообще не имѣетъ права взимать).

Контроль административнаго управленія совершается въ видѣ запросовъ (интерпелляцій), обращаемыхъ депутатами къ министрамъ. Палата имѣетъ право назначать комиссіи для изслѣдованія правильности дѣйствій административныхъ органовъ, и министры обязаны давать отвѣтъ этимъ комиссіямъ. За всѣ дѣйствія главы государства и подчиненныхъ органовъ отвѣтственнымъ передъ парламентомъ является министерство, и потому, согласно конституціи, каждый правительственный актъ, совершаемый именнымъ указомъ императора, долженъ быть снабженъ подписью министра. Только парламентъ имѣетъ право предать министровъ суду за нарушеніе законовъ конституціи. Судъ, подъ именемъ государственной судебной палаты, составляется въ такихъ случаяхъ изъ 6 членовъ палаты депутатовъ и 6 членовъ палаты господъ.

Право законодательства принадлежитъ парламенту по всѣмъ вопросамъ, общимъ всѣмъ областямъ имперіи; остальные вопросы подлежатъ компетенціи мѣстныхъ ландтаговъ.

Парламентъ долженъ быть созываемъ ежегодно; однако, правительство имѣетъ право отсрочивать его засѣданія.

Это право въ связи съ однимъ изъ параграфовъ австрійской конституціи (§ 14) и дѣлаетъ иллюзорнымъ значеніе парламента въ очень многихъ случаяхъ. Параграфъ этотъ гласитъ, что въ томъ случаѣ, когда крайняя необходимость въ изданіи распоряженія, для котораго требуется согласіе парламента, наступаетъ какъ разъ въ такой моментъ, когда парламентъ отсутствуетъ, такое распоряженіе можетъ быть издано простымъ императорскимъ указомъ, подъ отвѣтственностью министерства, если только такимъ указомъ не вносятся измѣненія въ основныя положенія конституціи, не обременяется надолго государственная казна, не отчуждается государственное достояніе.

На почвѣ этого параграфа и утвердилась въ Австріи смѣлая антиконституціонная практика: въ случаѣ упорства парламента въ какомъ-нибудь вопросѣ, въ которомъ правительство особенно заинтересовано, сессія парламента объявляется отсроченною или прекратившеюся; а затѣмъ, подъ предлогомъ отсутствія парламента какъ разъ въ такой моментъ, когда-де наступила крайняя необходимость въ из-

даніи соотвѣтствующаго закона, законъ этотъ вводится въ дѣйствіе на основаніи § 14.

Такимъ путемъ австрійскія правительства уже утверждали себѣ бюджеты и даже новые налоги, когда они видѣли, что отъ парламента имъ не удастся получить утвержденія этихъ пунктовъ. Единственною угрозою для правительства могло бы быть въ данномъ случаѣ то, что парламентъ выразитъ ему недовѣріе; но въ Австріи выраженіе недовѣрія правительству со стороны парламента и даже отверженіе парламентомъ закона, на которомъ правительство настаиваетъ, не обязываетъ еще министерство выходить въ отставку.

Парламенту въ этихъ случаяхъ остается еще послѣднее средство: предать такое министерство суду. Но для этого требуется большинство $^2/_3$ голосовъ всего парламента, и этого оказывается очень трудно достигнуть (за послѣдніе годы въ австрійскомъ парламентѣ только однажды оказалось возможнымъ провести предложеніе о назначеніи комиссіи для возбужденія обвиненія противъ министра-президента, графа Бадени, за допущенное имъ нарушеніе конституціи).

Въ члены палаты депутатовъ можно быть только избраннымъ, и ни одинъ членъ его не можетъ быть назначенъ. Избирательное право, на основаніи котораго совершаются выборы этихъ депутатовъ, подвергалось со времени введенія нынѣшней конституціи многимъ измѣненіямъ, но лишь медленно расширялось, распространяясь на все болѣе обширныя группы населенія.

Сначала (отъ 1867 до 1873 г.) члены палаты депутатовъ представляли собою делегатовъ отъ областныхъ ландтаговъ; они не прямо выбирались населеніемъ, а посылались ландтагами, которые выбирали ихъ изъ своей среды. Лишь съ 1873 г. вводится избраніе депутатовъ непосредственно населеніемъ. Избирательнымъ правомъ пользуются, однако, помимо лицъ привиллегированныхъ сословій и профессій, лишь такія лица, которыя уплачиваютъ ежегодно не меньше 20 кронъ прямыхъ налоговъ. Въ 1882 г. это право предоставляется и тѣмъ, которые платятъ минимумъ 10 кронъ прямыхъ налоговъ въ годъ; въ 1896 г. избирательный цензъ понижается до 8 кронъ. И лишь закономъ 14-го іюня 1896 г. избирательное право предоставляется всѣмъ лицамъ мужескаго пола, достигшимъ 24-лѣтняго возраста.

Избирательное право становится всеобщимъ, но далеко еще не равнымъ.

На мысль о полезности и необходимости введенія всеобщаго избирательнаго права толкнули австрійскихъ политиковъ не соображенія справедливости, не теоріи либерализма,

Отто Лехеръ,

один изъ вождей нѣмецко-народной партіи.

а совершенно иныя соображенія. Оно впервые было поставлено на очередь министромъ-президентомъ, графомъ Таафе, котораго въ особой склонности къ либеральнымъ теоріямъ никто не рѣшился бы обвинить. Но Таафе во время своего управленія Австріею счелъ полезнымъ открыть эру сближенія правительства со славянскими элементами, сближенія, которое должно было быть направлено именно противъ нѣмецкаго либерализма; послѣднимъ были крайне недовольны въ это время въ высшихъ сферахъ и за его либеральныя тенденціи вообще, не гармонировавшія съ клерикальными симпатіями придворной камарильи, и еще больше за то, что нѣмецко-либеральныя партіи, руководимыя нежеланіемъ видѣть усиленіе славянскаго элемента въ Австріи, рѣшились повести борьбу противъ оккупаціи Босніи и Герцеговины Австріею. Этотъ проектъ былъ особенно близокъ сердцу императора Франца-Іосифа, который въ этомъ территоріальномъ расширеніи своей имперіи видѣлъ нѣкоторый реваншъ за испытанныя въ періодъ его царствованія Австріею внѣшнія пораженія и потерю такихъ областей, какъ итальянскія (нѣмцы же говорили, что въ коронѣ Габсбурговъ теперь стараются замѣнить выпавшіе драгоцѣнные камни малостоющимъ щебнемъ). Этой оппозиціи никогда не могли простить нѣмцамъ при вѣнскомъ дворѣ, и гр. Таафе, именно съ цѣлью сломить значеніе нѣмецкихъ партій и представляемаго ими либеральнаго направленія, рѣшилъ прибѣгнуть къ такой радикальной реформѣ, какъ введеніе всеобщаго избирательнаго права, ибо, благодаря ей, болѣе численное въ Австріи славянское населеніе было бы представлено болѣе численно и въ парламентѣ.

Кромѣ того, гр. Таафе могли руководить тѣ же соображенія, что и кн. Бисмаркомъ. Какъ извѣстно, послѣдній, тоже не увлекавшійся отнюдь либерализмомъ, выполнилъ, однако, одно изъ радикальнѣйшихъ требованій крайнихъ партій, давъ Германіи всеобщее избирательное право, ибо въ этомъ правѣ онъ видѣлъ могучее средство для распространенія среди населенія многочисленныхъ самостоятельныхъ и полусамостоятельныхъ королевствъ, княжествъ и герцогствъ Германской имперіи идею единства этой имперіи. Лично участвуя въ выборѣ депутатовъ общегерманскаго парламента, въ которомъ вырабатываются законы для всей страны, рѣшаются вопросы о войнѣ и мирѣ, о торговыхъ договорахъ, колоніальной политикѣ и т. д., населеніе пріучалось видѣть въ этомъ парламентѣ символъ единства Германіи, знаменующій нѣчто даже большее еще, чѣмъ

оставшіяся отъ прежнихъ временъ мѣстныя законодательныя и административныя учрежденія и институты.

Еще больше, чѣмъ Германія, нуждается въ такомъ распространеніи сознанія своего единства и въ такомъ осязательномъ символѣ этого единства Австрія.

Если въ Германіи процессъ сліянія множества королевствъ и княжествъ въ одну имперію совершался, такъ сказать, на глазахъ дѣйствующихъ лицъ при вполнѣ сознательномъ отношеніи ихъ къ этому моменту; если здѣсь это объединеніе явилось результатомъ сознанія цѣлесообразности такого шага и долголѣтнихъ стремленій къ этому со стороны самого населенія, то въ Австріи этотъ процессъ совершался иначе. Здѣсь были слиты во-едино области, отчасти мечемъ и огнемъ завоеванныя и порабощенныя, отчасти уступавшіяся въ даръ, дававшіяся, въ видѣ приданаго, однимъ владѣтельнымъ домомъ другому въ тѣ времена, когда эти дома распоряжались своими государственными владѣніями, какъ собственными вотчинами; процессъ объединенія совершался, такимъ образомъ, въ отдаленіи вѣковъ, искусственными и насильственными средствами, и прикованными другъ къ другу оказались совершенно чужія народности, говорящія на разныхъ языкахъ, имѣвшія разную исторію, живущія разными традиціями и культивирующія разные идеалы.

Органической связи между этими народностями дѣйствительно нѣтъ; можетъ быть, даже ждать нельзя появленія такой органической связи. Нужны, слѣдовательно, спеціальныя средства для иллюстрированія этого единства и проведенія его въ сознаніе населенія. И могучимъ средствомъ для этого является именно парламентъ. Только черезъ посредство парламента, въ которомъ засѣдаютъ рядомъ нѣмецъ, чехъ, полякъ, русинъ и т. д., и въ которомъ вырабатывается „австрійскій“ законъ, общій для каждаго изъ нихъ и вторгающійся въ ихъ повседневную жизнь, этотъ нѣмецъ, чехъ и полякъ, обычно сознающій себя только нѣмцемъ или чехомъ, вдругъ превращается въ „австрійца“, которому „ничто австрійское не чуждо“, а, наоборотъ, даже очень близко.

Этимъ и объясняется въ значительной мѣрѣ тотъ фактъ, что именно въ Австріи, несмотря на то, что ея правящія и власть имущія сферы глубоко проникнуты клерикально-реакціонными тенденціями и симпатіями, именно здѣсь такъ дорожатъ парламентскими учрежденіями хотя послѣднія часто доставляютъ непріятныя минуты правительству. Каждый разъ, когда парламентъ оказывается въ конфликтѣ съ правительствомъ, особенно въ такіе обостренные моменты борьбы,

когда парламентъ, какъ это бывало въ послѣдніе годы, совсѣмъ отказывается входить въ виды правительства и считаться съ его желаніями, являются, конечно, доброжелатели, которые совѣтуютъ распутать Гордіевъ узелъ простѣйшимъ пріемомъ: разсѣчь его мечемъ. Но правительство само не рискуетъ обратиться къ этому средству, такъ какъ оно вполнѣ сознаетъ, что если это радикальное рѣшеніе и можетъ на-время устранить заботы, то оно зато сдѣлается источникомъ еще болѣе тяжелыхъ заботъ и опасныхъ конфликтовъ въ будущемъ. Дѣлавшіеся въ этомъ смыслѣ опыты съ отмѣнами и пріостанавливаніями дѣйствія конституціи въ первые годы конституціонной эры въ Австріи достаточно показали, какими терніями осыпанъ путь этихъ экспериментовъ, приводившихъ Австрію къ финансовому банкротству, къ потерѣ своего кредита за границею и приведшихъ ее къ Сольферино и Кениггрецу, гдѣ она лишилась значительной части своего прежняго значенія.

И каждый разъ въ числѣ другихъ опасностей, которыми грозитъ, какъ указывали, отмѣна конституціи и возстановленіе внѣ-парламентскаго, абсолютистскаго режима, напоминали и о томъ, что въ этомъ случаѣ исчезнетъ вмѣстѣ съ парламентомъ и та послѣдняя связь, которую теперь еще создаетъ, по крайней мѣрѣ, эта внѣшняя форма единства между разнороднымъ населеніемъ Австріи.

Чрезвычайно любопытнымъ является признаніе въ этомъ смыслѣ, сдѣланное однимъ изъ австрійскихъ министровъ-президентовъ, а именно, Керберомъ, умѣвшимъ очень искусно лавировать между Сциллами и Харибдами парламентскихъ партій. Когда ему послѣ 3-лѣтней борьбы съ парламентскою обструкціею, парализовавшею совершенно дѣятельность государственнаго механизма, удалось, наконецъ, добиться нѣкотораго умиротворенія страстей и возобновленія парламентомъ нормальной дѣятельности, онъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей признался, что изъ очень вліятельныхъ круговъ ему за это время подавались совѣты положить въ основу своей дѣятельности старинный принципъ: „Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat“. („Что не поддается лѣченію медикаментами, то должно лѣчить желѣзомъ; гдѣ не помогаетъ желѣзо, примѣняй огонь“). „Я, однако, считалъ невозможнымъ воспользоваться этимъ совѣтомъ,—заявилъ Керберъ,—ибо непоколебимо вѣрю, что только на основѣ парламентскихъ учрежденій Австрія можетъ нормально развиваться“.

И не одинъ Керберъ смотритъ такъ на этотъ вопросъ; большинство серьезныхъ политическихъ дѣятелей въ Австріи

вполнѣ раздѣляетъ этотъ взглядъ, ибо глубоко сознаетъ, что если при существованіи парламента національные раздоры и споры принимаютъ отъ времени до времени форму непріятныхъ, некрасивыхъ и достойныхъ сожалѣнія бурныхъ сценъ въ парламентѣ, то, при отсутствіи парламента, эти-же споры, не находя себѣ выхода въ возможности громко жаловаться на свою обиду въ парламентѣ и выносить свою тяжбу на общественный форумъ, выливались-бы въ форму кровавыхъ побоищъ на улицахъ, взаимныхъ погромовъ, какъ это случается, зато очень рѣдко, даже теперь и какъ это случалось-бы гораздо чаще, если-бы этого предохранительнаго клапана въ формѣ парламента совсѣмъ не было.

Отсутствіе парламента, такимъ образомъ, не устраняло-бы, само собою разумѣется, національной вражды и національныхъ споровъ, а только вгоняло-бы этотъ разъѣдающій элементъ глубже въ организмъ, тѣмъ сильнѣе пропитывая его отравою и подготовляя его разложеніе, но зато оно привело-бы къ исчезновенію важнѣйшаго связующаго разношерстную Австрію звена.

Даже тѣ, которые не перестаютъ напоминать, что центробѣжныя силы Австріи спаиваются любовью къ общему для всѣхъ монарху, не забываютъ о вышеуказанной роли парламента. Сдѣлать корону единственною носительницею этой идеи единства, на ней исключительно построить единство Австріи и они считаютъ невозможнымъ и небезопаснымъ; ибо если любовь къ личности общаго правителя можетъ оказаться достаточно сильнымъ связующимъ элементомъ, то недовольство его личностью можетъ, слѣдовательно, оказаться опаснымъ для этого единства и дѣйствовать на него разрушающимъ образомъ; а съ другой стороны, это чувство любви можетъ столкнуться съ опаснымъ соперникомъ въ формѣ другихъ побудительныхъ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій: Венгрія, напр., не переставая выражать восторженную любовь къ своему королю, не хочетъ, однако, видѣть въ этомъ королѣ императора Австріи и, толкаемая стремленіями къ созданію совершенно самостоятельной Венгріи, старается порвать всѣ свои связи съ Австріею; съ другой стороны, Ломбардія и Венеція, не скупившіяся нѣкогда на выраженія безпредѣльной любви императору австрійскому, еще при жизни этого-же императора (Франца-Іосифа I) предпочли возсоединиться съ родною имъ остальною Италіею и выражаютъ теперь столь-же безпредѣльную любовь итальянскому королю; а въ то-же время отдѣльные штаты сѣверо-американскаго союза или Швейцарія, напр., совсѣмъ не въ личной уніи находятъ источникъ

своего стремленія оставаться членами одного и того-же государственнаго организма.

Такою болѣе прочною основою и считаютъ въ Австріи парламентъ, объединяющій и концентрирующій столько живыхъ интересовъ.

Возможность превратить этотъ парламентъ въ еще болѣе сильно связующее звено многіе и видятъ, поэтому, въ введеніи всеобщаго избирательнаго права, и къ этому взгляду часто склоняются въ Австріи и такіе политическіе дѣятели, которыхъ отнюдь нельзя причислить къ увлекающимся либеральными идеями, какимъ былъ гр. Таафе.

Но когда въ Австріи этотъ вопросъ былъ, наконецъ, поставленъ на очередь, и гр. Таафе, руководясь указанными выше спеціальными соображеніями, которыя къ тому-же совпадали съ требованіями широкихъ массъ, настойчиво добивавшихся избирательныхъ правъ, рѣшилъ выступить съ смѣлымъ проектомъ введенія всеобщаго избирательнаго права, онъ встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ кругахъ сильнѣйшую оппозицію.

Чѣмъ руководились въ своей оппозиціи нѣмецкія партіи, мы уже упоминали. Для нихъ было ясно, что введеніе всеобщаго избирательнаго права вызоветъ также усиленіе славянскаго представительства, при которомъ о нѣмецкомъ большинствѣ въ парламентѣ нельзя будетъ впредь и мечтать. И нѣмецкіе либералы очутились, въ виду этой реформы, въ чрезвычайно ложномъ положеніи. Забывъ свои традиціи, велѣнія своихъ теорій, компрометтируя свою собственную программу, они перешли въ лагерь консерваторовъ, чтобы общими силами бороться противъ осуществленія этой реформы, измышляя всякія натянутыя доказательства для оправданія своего ложнаго шага. Эта измѣна надолго заклеймила позоромъ австрійскую либеральную партію и сдѣлалась одною изъ причинъ ея политическаго банкротства. Когда впослѣдствіи министръ-президентъ гр. Бадени (графу Таафе такъ и не удалось осуществить свою реформу въ виду встрѣченной имъ оппозиціи, которая заставила его отказаться отъ власти), побуждаемый непрекращавшимися манифестаціями въ пользу всеобщаго избирательнаго права, рѣшилъ, наконецъ, хоть отчасти осуществить ее, то получившая доступъ къ избирательной урнѣ масса избирателей съ презрѣніемъ отвернулась отъ либеральной партіи, не хотѣла вступить даже во временный союзъ съ нею и дала возможность противникамъ либеральной партіи торжествовать побѣды надъ либеральными кандидатами.

Но то, что осуществлено было графомъ Бадени, являлось

сильнѣйшимъ искаженіемъ принципа всеобщаго избирательнаго права, можно даже сказать, каррикатурою на послѣднее.

„Австрія была до сихъ поръ хранительницею консервативныхъ интересовъ, хранительницею многообразныхъ сословныхъ національныхъ и групповыхъ интересовъ; и эту Австрію хотятъ при помощи избирательной реформы такъ модернизировать, какъ никто никогда не гадалъ, не предполагалъ, не считалъ возможнымъ...“—заявляли тогда устами представителя польской шляхты, гр. Стадницкаго, всѣ консервативныя партіи, которымъ вторили и австрійскіе псевдолибералы, предпочитавшіе, изъ боязни ущерба своимъ мнимымъ интересамъ, отречься отъ института, отъ реформы, которую имъ подсказывала ихъ собственная программа.

И такъ какъ гр. Бадени не могъ не считаться съ волею и желаніями этихъ партій, то онъ рѣшилъ обкарнать до неузнаваемости институтъ всеобщаго избирательнаго права.

Прежде всего онъ оставилъ въ полной силѣ традиціонныя „убѣжища“ сословныхъ и групповыхъ интересовъ, т. е. привиллегированныя куріи („разряды“), которыя по старому праву продолжали посылать депутатовъ въ парламентъ, каждая совершенно отдѣльно отъ остальныхъ.

Такихъ курій въ Австріи четыре: 1) курія крупнаго землевладѣнія; 2) курія городскихъ жителей (и фабричныхъ поселковъ); 3) курія торговыхъ палатъ и 4) курія сельскихъ общинъ. Каждой изъ этихъ курій прежнимъ закономъ предоставлено было разъ на-всегда выбирать заранѣе опредѣленное число депутатовъ совершенно независимо отъ численнаго состава этой куріи. Такъ, куріи крупнаго землевладѣнія продоставлено выбирать 85 депутатовъ, хотя число избирателей въ этой куріи не превышаетъ 5—$5^1/_2$ тысячъ; куріи торговыхъ палатъ предоставлено выбирать 21 депутата, хотя число избирателей въ этой куріи не превышаетъ 5—$^1/_2$ сотенъ; городскимъ избирателямъ въ составѣ около полумилліона предоставлено выбирать 181 депутатовъ; куріи сельскихъ общинъ съ числомъ избирателей въ $1^1/_2$ милліона—129 депутатовъ.

Все это оставлено и въ новомъ избирательномъ законѣ, новостью въ которомъ является прибавленіе къ прежнимъ четыремъ куріямъ (въ которыхъ избирательное право зависитъ отъ имущественнаго ценза, опредѣляемаго уплатою минимума 4 гульденовъ (8 кронъ) прямыхъ налоговъ въ годъ) еще пятой куріи. Въ эту курію входятъ всѣ, не имѣющіе никакого ценза, но въ ней въ то-же время являются избирателями и тѣ, которые уже входятъ въ число избирателей

первыхъ четырехъ курій, такъ что общее число избирателей въ этой куріи превышаетъ 5 милліоновъ.

И вотъ этой-то самой многочисленной куріи предоставлено выбирать еще 72 депутатовъ въ дополненіе къ 353 депутатамъ, посылаемымъ первыми четырьмя куріями. Это и есть та пресловутая „система представительства интересовъ", которую нашла для себя вполнѣ подходящею Австрія, старавшаяся искусственно затемнить и прикрыть порожденные процессомъ ея развитія жизненные интересы остатками старинныхъ феодальныхъ и сословныхъ привиллегій и институтовъ; система представительства, которая можетъ приводить въ экстатическій восторгъ такихъ поборниковъ грубаго господства и произвола шляхты и шляхетскихъ привиллегій, какъ гр. Стадницкій, и которую считаютъ такимъ несчастіемъ для Австріи всѣ, испытывающіе на себѣ неудобства этой системы и заинтересованные въ ростѣ и развитіи прогрессивныхъ началъ въ жизни Австріи.

Эта система представительства не только даетъ Австріи возможность оставаться „хранительницею консервативныхъ, сословныхъ и т. п. интересовъ"; она узаконяетъ, увѣковѣчиваетъ, вызываетъ окаменѣніе этихъ сословныхъ и групповыхъ интересовъ и привиллегій, раздѣляющихъ общество и вносящихъ въ него расколъ, и она является поэтому „прямою противоположностью тому, чѣмъ должно быть народное представительство, парламентъ; должна быть признана смертнымъ грѣхомъ противъ основной мысли представительныхъ учрежденій, преступленіемъ такого рода, что можно только удивляться тому, что оно могло быть совершено", какъ доказываетъ такой глубокій знатокъ австрійскихъ отношеній, какъ д-ръ Рудольфъ Шпрингеръ въ прекрасномъ очеркѣ, посвященномъ этому вопросу [1]).

* * *

Законодательство вообще и такія законодательныя учрежденія, какъ государственные совѣты, парламенты, имѣютъ передъ собою задачу: давъ возможность всѣмъ разнообразнымъ интересамъ заявить о себѣ и выслушавъ ихъ, взвѣсить ихъ, противопоставить другъ другу и, путемъ компромиссовъ, соглашеній, создать изъ этого многообразія нѣчто общее, необходимое всѣмъ, создать на мѣсто разъединенности единеніе, дать всей странѣ единый законъ.

---

1) „Staat und Parlament" von D-r Rudolf Springer.

Достижимо-ли это при дѣйствующей въ Австріи системѣ „представительства интересовъ?“

Государство, чтобы уловить выраженіе общей воли, должно дать возможность всѣмъ членамъ общества выступить въ „честномъ бою“ и помѣряться силами; оно должно сблизить между собою эти разнообразные элементы, слить ихъ въ одно собирательное цѣлое (въ одинъ избирательный корпусъ, напр., какъ это и дѣлается почти во всѣхъ европейскихъ странахъ), а не разъединять ихъ.

Что-же дѣлаетъ система представительства интересовъ?

Она въ полномъ смыслѣ воздвигаетъ китайскую стѣну между различными общественными группами. Городской избиратель, напр., совершенно отдѣленъ отъ деревенскаго, нигдѣ съ нимъ не встрѣчается, нигдѣ не сталкивается; нигдѣ, слѣдовательно, не познается то общее, что ихъ объединяетъ, за то еще рельефнѣе выступаетъ то, что ихъ разъединяетъ; а между тѣмъ государству-то, т. е. его законодательству, въ интересахъ выработки общаго закона, именно этотъ объединяющій пунктъ и необходимо, вѣдь, уловить.

Въ такой-же степени отъединенными одинъ отъ другого оказываются аграрій и фабрикантъ, изъ коихъ одинъ выбираетъ въ своей куріи крупнаго землевладѣнія, другой—въ куріи торговыхъ палатъ.

Выборы и связанная съ ними избирательная агитація, выражающаяся въ рѣчахъ кандидатовъ, въ спеціально ad hoc издаваемыхъ брошюрахъ и газетахъ и являющаяся однимъ изъ главныхъ средствъ политическаго воспитанія народа въ Австріи не можетъ, поэтому, сослужить эту полезную службу; здѣсь процессъ избирательной борьбы не уясняетъ избирателямъ то, что имъ нужно, не объединяетъ, а, наоборотъ, разъединяетъ тѣхъ, которые могли-бы увидѣть, что у нихъ есть общіе интересы, зато искусственно соединяетъ тѣхъ, интересы которыхъ расходятся.

Въ избирательной кампаніи вступаютъ здѣсь въ борьбу за преобладаніе въ законодательномъ корпусѣ не мелкій землевладѣлецъ съ крупнымъ, не горожанинъ съ крестьяниномъ, не представитель труда съ представителемъ капитала... нѣтъ! Передъ крестьянами-избирателями, объединенными въ одной и той-же куріи деревенскихъ избирателей, выступаютъ соперничающіе между собою кандидаты, изъ которыхъ они должны выбрать одного.

Кому-же этотъ избиратель отдаетъ предпочтеніе, и какіе мотивы будутъ руководить имъ въ его выборѣ?

Если-бы кандидаты выступали съ различными хозяйственными программами, этому избирателю не трудно было-

бы сдѣлать свой выборъ. Но при выборахъ по куріямъ кандидатомъ въ крестьянской куріи не выступитъ, вѣдь, кандидатъ, отстаивающій интересы горожанъ; каждый такой кандидатъ уже заранѣе рѣшилъ выступить съ программою, которая будетъ пріятна его крестьянскимъ слушателямъ. Главный критерій для оцѣнки пригодности кандидата, такимъ образомъ, исчезаетъ, и на сцену выступаютъ различныя стороннія отличія, чуть ли не примѣты даже, которыя, будучи единственнымъ критеріемъ теперь, пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе. Нѣмецкій крестьянинъ не выберетъ чешскаго кандидата, а изъ нѣмецкихъ выберетъ такого, который не скупится на угрозы чехамъ и страшнѣе, радикальнѣе громитъ чеховъ, чѣмъ умѣренный нѣмецкій кандидатъ; чешскій крестьянинъ не выберетъ нѣмецкаго кандидата, а изъ чешскихъ кандидатовъ остановится на томъ, который сильнѣе громитъ нѣмцевъ. Критеріемъ для оцѣнки кандидата является, такимъ образомъ, такой признакъ, который заставляетъ забыть нѣмецкаго и чешскаго крестьянина о связывающихъ ихъ общихъ интересахъ и видѣть только то, что ихъ разъединяетъ; въ такой-же взаимной враждѣ другъ съ другомъ и при такомъ-же взаимномъ непониманіи своихъ общихъ интересовъ остается чешскій и нѣмецкій, нѣмецкій и итальянскій рабочій, чешскій, нѣмецкій и итальянскій фабрикантъ, землевладѣлецъ...

Австрійская избирательная система вызываетъ даже извращеніе той классовой борьбы, которая необходимо проступаетъ при каждой политической борьбѣ, она обостряетъ искусственно классовыя противорѣчія, вмѣсто того, чтобы искать средствъ, способныхъ сгладить эту борьбу, она сѣетъ недоразумѣнія, выставляющія въ совершенно ложномъ свѣтѣ дѣйствительное соотношеніе общественныхъ силъ и чрезвычайно осложняющія задачи законодательства.

Не слѣдуетъ забывать, что кандидатъ, вынужденный считаться съ своекорыстными интересами только той куріи, передъ которою онъ выступилъ, остается плѣнникомъ этой куріи и тогда, когда онъ уже удостоился избранія и занялъ мѣсто на скамьѣ депутатовъ въ парламентѣ. Если во время избирательной кампаніи этотъ кандидатъ могъ не считаться съ желаніями и стремленіями избирателей другихъ курій и прислушивался только къ голосамъ своей куріи, то въ парламентѣ онъ оказывается рядомъ съ представителями этихъ другихъ курій. Здѣсь, можетъ быть, аргументы представителей этихъ другихъ курій и въ состояніи были бы переубѣдить его; здѣсь они, можетъ быть, видятъ уже необходимость примирять интересы своей куріи съ интересами

остальнаго населенія, о чемъ онъ забылъ самъ и на что онъ не считалъ нужнымъ указывать своимъ избирателямъ, когда хлопоталъ о своемъ избраніи... Но теперь онъ уже не воленъ въ себѣ, не располагаетъ своею волею: онъ долженъ, можетъ быть, вопреки собственному убѣжденію, вотировать такъ, какъ это угодно только его куріи; въ противномъ случаѣ, онъ отрѣзываетъ себѣ путь къ избранію при слѣдующихъ выборахъ.

Такой депутатъ оказывается, иначе говоря, обладателемъ „императивнаго" мандата, связывающаго его собственную волю и заранѣе распорядившагося его голосомъ въ парламентѣ, т. е. такого мандата, принять который, собственно говоря, воспрещается закономъ и Австріи, и другихъ конституціонныхъ странъ. Ни въ избирательномъ процессѣ, ни въ парламентѣ не пробуждается, такимъ образомъ, при австрійской избирательной системѣ, сознаніе общности и единства; и тамъ, и здѣсь, наоборотъ, рѣзко оттѣняются разъединяющіе моменты. И въ добавленіе ко всему этому австрійская избирательная система обладаетъ еще одною такою особенностью, которая дѣлаетъ, собственно говоря, всѣ теоретическіе споры о принципѣ системы представительства интересовъ излишними. Ибо эта система не просто отдѣляетъ насильно одну общественную группу, но принимаетъ еще всѣ мѣры къ тому, чтобы сила и значеніе каждой изъ этихъ общественныхъ группъ не получила своего истиннаго выраженія въ результатахъ выборовъ. Это достигается тѣмъ, что каждой куріи заранѣе предопредѣлено разъ навсегда, сколько депутатовъ она можетъ послать въ парламентъ. Пусть общественныя отношенія претерпятъ самыя разительныя пертурбаціи; пусть произойдетъ какая угодно перетасовка общественныхъ группъ; пусть мелкое землевладѣніе, напр., торжествуетъ полную побѣду надъ крупнымъ, и число крупныхъ землевладѣльцевъ сократится съ 4—5 тысячъ до 4—5 сотенъ; пусть городъ растетъ на счетъ деревни или наоборотъ, — все равно, на физіономіи парламента, на его составѣ, на численности его различныхъ группъ все это не можетъ существенно отразиться: по прежнему крупное землевладѣніе будетъ представлено въ парламентѣ 85-ью депутатами; торговыя палаты—21 и т. д.

Сколько равномѣрности въ этомъ распредѣленіи, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, представляющимъ результаты послѣднихъ парламентскихъ выборовъ (1901 г.).

Избиратели и избранные:

Классъ избирателей (курія).	Число избирателей	Число депутатовъ.	Процент. отнош. избирателей.	Процент. отнош. депутатамъ.
Крупное землевл.	5,431	85	0,07	20,00
Торгово-промышлен. камеры. .	556	21	0,01	4,93
Города.	493,804	118	6,97	27,73
Сельскія общины	1,585,466	129	22,36	30,34
Всеобщая курія .	5,004,222	72	70,59	17,00
Всего . . .	7,089,479	425	100,00	100,00

Избиратели пятой куріи, т. е. куріи всеобщаго избирательнаго права, составляютъ, какъ мы видимъ, 70% всего числа избирателей; число-же депутатовъ, которое можетъ избрать эта курія, составляетъ лишь 17% общаго числа депутатовъ, посылаемыхъ населеніемъ въ парламентъ. Въ куріи крупнаго землевладѣнія одинъ депутатъ приходится на 64 избирателей, въ куріи торговыхъ палатъ—1 депутатъ на 26 избирателей, въ куріи городовъ—1 на 4,193 избирателей, въ куріи сельскихъ общинъ—1 на 12.290 избирателей, въ куріи общей—1 на 69,503 избирателей. Вотъ во сколько разъ голосъ избирателя привиллегированной куріи перевѣшиваетъ голосъ избирателя непривиллегированной! Какою тяжестью ложится, слѣдовательно, на чашку вѣсовъ законодательства голосъ избирателя привиллегированной куріи въ сравненіи съ его непривиллегированными соперниками!

Но и это еще не все: приняты еще другія мѣры для охраны окаменѣлыхъ формъ и правъ. Это сдѣлано при помощи установленія разъ на всегда числа депутатовъ не только отъ каждой группы вообще, но и отъ каждой группы въ данной области.

Въ другихъ странахъ возникновеніе новыхъ промышленныхъ или торговыхъ центровъ жизни влечетъ за собою измѣненія и въ выборахъ отъ даннаго округа; число депутатовъ зависитъ отъ количества населенія, и если оно возросло

въ одномъ мѣстѣ и сократилось въ другомъ, то эти явленія отразятся и въ парламентѣ. Въ Австріи этого быть не можетъ, и сколько-бы Богемія ни опережала Галицію или Крайну, какъ-бы ни измѣнялись соотношенія между ними, — всегда Галиція, Крайна и Богемія будутъ выбирать предустановленное число депутатовъ, по заранѣе установленному плану, выработавшему нижеслѣдующее распредѣленіе депутатовъ по областямъ и куріямъ:

Область.	Крупное землевладѣніе.	Города.	Торг.-пром. палаты.	Сельскія общины.	Всеобщая курія.	Всего.
Нижняя Австрія	8	17	2	10	9	40
Верхняя Австрія	3	6	1	7	3	20
Зальцбургъ	1	2		2	1	6
Штирія	4	8	2	9	4	27
Каринтія	1	3	1	4	1	10
Крайна	2	3		5	1	11
Тріестъ и его область . .	—	3	1	—	1	5
Герцъ-Градиска	1	1		2	1	5
Истрія	1	1		2	1	5
Тироль	5	5		8	3	21
Форарльбергъ	—	1		2	1	4
Богемія	23	32	7	30	18	110
Моравія	9	13	3	11	7	43
Силезія	3	4		3	2	12
Галиція	20	13	3	27	15	78
Буковина	3	2	1	3	2	11
Далматія	1	2		6	2	11
Всего . .	85	137		131	72	425

И, наконецъ, въ видѣ увѣнчанія этой системы, еще одно установленіе, еще болѣе затрудняющее истинное проявленіе дѣйствительно существующихъ теченій въ результатахъ выборовъ, вызывающее еще болѣе неправильное, искаженное представленіе дѣйствительнаго соотношенія этихъ общественныхъ силъ.

Это установленіе касается порядка выборовъ въ четвертой и пятой куріи, гдѣ еще сохранились двустепенные выборы, на основаніи которыхъ избиратель не прямо выбираетъ депутата, а выбираетъ лишь „довѣреннаго мужа"; довѣренные же мужья выбираютъ потомъ депутата.

Результатомъ этого установленія является или можетъ явиться слѣдующее: въ пользу довѣреннаго мужа данной деревни подано, положимъ, 500 голосовъ, противъ него 498, и онъ былъ такимъ образомъ выбранъ; другой получилъ 500 голосовъ „за" и лишь два „противъ" и тоже выбранъ. При окончательномъ избираніи депутата и имѣющій противъ себя 498 голосовъ „довѣренный", и „довѣренный", имѣющій противъ себя лишь два голоса, представляютъ собою совершенно равнозначущія величины; голосъ каждаго изъ нихъ одинаково вліяетъ на конечный результатъ выборовъ, и сотни голосовъ, раздававшихся противъ этого „довѣреннаго", лишены возможности оказать малѣйшее давленіе на исходъ выборовъ.

Таковы тѣ многочисленныя, искусственно созданныя перегородки и преграды, черезъ которыя приходится пробиваться общественнымъ теченіямъ въ Австріи, чтобы заявить о себѣ въ парламентѣ. Черезъ столько призмъ и столь грубыя призмы должны они преломляться, чтобы дать свое отраженіе.

Можетъ-ли считаться это отраженіе истиннымъ изображеніемъ происходящей въ глубинахъ общества борьбы силъ? Не должны ли эти искусственныя загражденія и затрудненія наложить свою особую печать на образованіе политическихъ партій, распредѣленіе ихъ силъ, проявленіе соотношенія этихъ силъ въ группировкѣ парламентскихъ партій и въ общей картинѣ парламентской жизни въ Австріи?

V.

Политическія партіи и избирательная статистика.

Мы уже видѣли въ предпосланномъ краткомъ очеркѣ соціальнаго быта Австріи, что въ области народно-хозяйственной жизни Австріи нѣтъ ни одного теченія, которое могло-бы сыграть роль доминирующаго, наложить достаточно рѣзко свой отпечатокъ на общій строй жизни.

Австрія—не преимущественно земледѣльческая, но и не преимущественно индустріальная страна; крупная промышленность здѣсь еще не въ такой мѣрѣ, развилась, чтобы мелкая промышленность должна была считать свою борьбу съ нею проигранною. Нѣтъ достаточно рѣзко очерченныхъ контуровъ въ экономической жизни съ ея наслоеніями и новообразованіями; нѣтъ ихъ и въ области національныхъ отношеній: и здѣсь каждая національность слишкомъ слаба, чтобы вызвать добровольное или недобровольное подчиненіе другихъ, но въ то-же время достаточно сильна, для того чтобы успѣшно отстаивать себя противъ другихъ.

При такихъ условіяхъ трудно зародиться сильной, вліятельной и авторитетной партіи, голосъ которой раздавался бы громче всѣхъ и которая могла-бы захватить роль руководящей въ жизни парламента или раздѣлять эту роль еще съ одною—другою сильною партіею. Такія условія являются чрезвычайно неблагопріятною почвою и для зарожденія крупныхъ политическихъ талантовъ, народныхъ вождей, являющихся носителемъ общей, дорогой всѣмъ идеи и увлекающихъ этимъ за собою толпу.

Еще труднѣе появленіе такихъ вліятельныхъ партій и вліятельныхъ вождей, когда къ этимъ, такъ сказать, органическимъ условіямъ, въ которыхъ неповиненъ каждый въ отдѣльности, прибавляются и такія искусственныя наслоенія и извращенія, какія несетъ съ собою австрійская избирательная система.

При такихъ условіяхъ возможно только появленіе многочисленныхъ фракцій, котерій, вмѣсто крупныхъ партій, и борьба мелкихъ самолюбій, случайно выдвинувшихся личностей. И, дѣйствительно, Австрія страшно бѣдна выдающимися политическими дѣятелями. Но зато ни одинъ парламентъ въ мірѣ не знаетъ такого большого количества партій, группъ и фракцій, какое можно найти въ австрійскомъ рейхсратѣ. Входящіе въ составъ этого парламента 425 депутатовъ образуютъ больше 20 партій и группъ: нѣмецко-либеральную, нѣмецко-народную, нѣмецко-національную, конституціонную („вѣрная конституціи“, какъ она себя называетъ), нѣмецко-клерикальную, христіанско-соціальную, католическо-народную, младо-чешскую, чешско-аграрную. чешско-независимую или радикальную, польско - консервативную, польско-либеральную, польско-народную, польскую христіанско-соціальную (крестьянскую), словенскую, русинскую, хорватскую (кроатскую), румынскую, сербскую, итальянскую, соціалъ-демократическую.

Уже изъ этого перечня можно видѣть, что больше всего

партій въ парламентѣ нѣмецкихъ. Въ то время какъ кроаты, словенцы, русины выступаютъ въ видѣ одной только или двухъ партій, нѣмцы образовали множество партій: нѣмецко-либеральную, нѣмецко-народную, нѣмецко-радикальную, нѣмецко-консервативную и т. д.

Это и понятно: не-нѣмецкія народности Австріи являются еще отсталыми въ своемъ культурномъ развитіи; процессъ дифференціаціи общества, начинающійся на высшихъ ступеняхъ культуры, проявляется еще весьма слабо среди этихъ національностей; до извѣстной степени они образуютъ еще одну массу. Къ тому же они находятся въ оборонительной позиціи противъ попытокъ германизаціи, и національный интересъ способенъ, поэтому, заслонять здѣсь собою всѣ остальные недостаточно еще опредѣлившіеся интересы и позволяетъ такой національности выступать въ видѣ одного цѣлаго.

Уже среди чешскихъ избирателей отношенія не такъ просто и не такъ однообразно складываются; чешская національность, далеко опередившая остальныя славянскія національности Австріи, подверглась уже въ значительной мѣрѣ процессу дифференціаціи: она выдѣлила изъ себя рядомъ съ крестьянскимъ населеніемъ компактную массу чешскаго городского населенія, и интересы этихъ группъ могутъ оказываться настолько разнородными, ставить ихъ въ такія взаимныя отношенія, что даже связывающіе ихъ общенаціональные интересы не будутъ въ состояніи заставить ихъ итти рука объ руку. Съ своей стороны, и чешское населеніе городовъ расчленилось на рѣзко отдѣленныя другъ отъ друга группы: чешскихъ рабочихъ больше отъединяетъ отъ чешскихъ капиталистовъ существующая между ними противоположность экономическихъ интересовъ, чѣмъ ихъ соединяетъ общность національныхъ интересовъ. И мы, дѣйствительно, видимъ въ чешскомъ лагерѣ уже 3 партіи, при чемъ чешскіе аграріи и чешскіе радикалы далеко не всегда хотятъ подчиняться руководительству наиболѣе сильной младочешской партіи, несмотря на то, что всѣ эти 3 партіи культивируютъ одинъ и тотъ-же политическій идеалъ: возстановленіе чешскаго королевства въ его историческихъ границахъ.

Что-же касается чешской соціалъ-демократической партіи, не признающей, конечно, тоже за нѣмцами права на обладаніе національными преимуществами передъ чехами, но отвергающей идеалъ возстановленія историческаго чешскаго королевства, то она никакихъ, даже временныхъ, союзовъ съ остальными чешскими партіями не признаетъ и сли-

вается съ обще-австрійскою рабочею партіею, въ которой представлены и другія австрійскія народности.

Еще больше должна была проявиться эта дифференціація среди австрійскихъ нѣмцевъ, успѣвшихъ уже выдѣлить изъ себя самыя разнообразныя общественныя группы и вызвать интенсивную борьбу классовъ въ рамкахъ собственной національности: здѣсь достаточно сильно представлены и крупное и мелкое землевладѣніе, и крупная, и мелкая промышленность, и прогрессивныя, и консервативныя тенденціи, для того, чтобы порождаемые этими теченіями интересы могли оказаться значительно сильнѣе національныхъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе очень долгаго времени нѣмцы, занимая господствующее положеніе въ странѣ и считая свое національное господство въ Австріи на-всегда упроченнымъ, позволяли себѣ руководствоваться иными побужденіями, кромѣ исключительно-національныхъ, въ своихъ соціально-политическихъ стремленіяхъ.

Только когда славянское движеніе настолько усилилось и пріобрѣло такія формы, что оно превратилось въ угрозу для нѣмцевъ, національный моментъ началъ и здѣсь брать перевѣсъ, и можно было видѣть, какъ нѣмецкіе либералы и нѣмецкіе реакціонеры, забывъ раздѣляющую ихъ рознь и вражду, оказались способными слиться въ одинъ „нѣмецкій союзъ“ для отраженія натиска славянъ; но и здѣсь еще было возможно, что одна сильная нѣмецкая группа („нѣмецко-католическая“ партія) предпочла союзъ со славянами, во имя торжества своихъ консервативныхъ идеаловъ, союзу съ остальными нѣмцами, который составился во имя торжества нѣмецко-національныхъ интересовъ: настолько здѣсь уже обособились програмные вопросы общей политики, и настолько противоположность преслѣдуемыхъ политическихъ цѣлей пересиливаетъ чувство принадлежности къ одной и той-же націи.

Каковы же эти программы?

Обратимся сначала къ программѣ нѣмецко-либеральной партіи („Deutsche Fortschrittspartei“), представляющей въ то же время програму нѣмецкаго централизма, борьба съ которымъ во имя автономистско-федералистскихъ идеаловъ составляетъ центръ тяжести политической борьбы въ Австріи.

„Нашу задачу,—говорится въ программѣ нѣмецко-либеральной или нѣмецко-прогрессивной, какъ она себя теперь называетъ,—партіи, мы видимъ прежде всего въ охраненіи идеальныхъ и матеріальныхъ интересовъ нашего народа. Признавая вполнѣ предоставленныя остальнымъ народностямъ права, мы будемъ прилагать всѣ усилія къ тому,

Густавъ Гроссъ,
одинъ изъ вождей нѣмецкой прогрессивной партіи.

им. Горького
М. Г. У.

чтобы нѣмецкое достояніе не потерпѣло никакого умаленія и чтобы нашему народу и его языку предоставлено было положеніе, соотвѣтствующее его культурному и историческому значенію, равно какъ интересамъ государства и единообразнаго управленія страны. Мы будемъ бороться противъ всякаго регулированія вопроса о языкахъ въ такой формѣ, которая явилась бы ущербомъ для національныхъ и экономическихъ интересовъ нашего народа... Мы настаиваемъ на радикальной реформѣ системы управленія въ духѣ прогрессивныхъ началъ и строгаго исполненія конституціонныхъ постановленій... точнаго соблюденія гарантированнаго основными законами конституціи равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ; свободы выраженія мнѣній словомъ и въ печати; свободы союзовъ и коалицій; надзора государства надъ школою въ интересахъ охраненія интерконфессіональнаго характера ея и недопущенія вторженія въ школу конфессіональныхъ различій и ограниченій...

„Въ области народохозяйственной жизни мы требуемъ энергичнаго содѣйствія развитію промышленности, поддержки экономически слабыхъ; усиленія мелкой промышленности и мелкаго землевладѣнія при помощи профессіональнаго образованія, удешевленія кредита, содѣйствія росту профессіональныхъ союзовъ и т. д. Въ то же время мы считаемъ своимъ долгомъ заботиться о развитіи отечественной промышленности и торговли и бороться со всѣми мѣрами, способными оказать неблагопріятное воздѣйствіе на положеніе нашей промышленности и торговли на международномъ рынкѣ... Мы требуемъ реформы страхованія рабочихъ и послѣдовательнаго введенія всеобщаго страхованія на случай инвалидности и старости, но безъ нанесенія этимъ ущерба способности нашей промышленности выдерживать конкурренцію съ промышленностью другихъ странъ“...

Нѣмецко-народная партія („Deutsche Volkspartei“) выдвигаетъ на первый планъ своей программы пунктъ, гласящій, что эта партія „строго-національная“. Въ виду этого она требуетъ: „союза съ Германіею, подчиненія всѣхъ вопросовъ внутренней политики высшему національному интересу; охраненія нѣмецкаго элемента въ Австріи помощью законодательныхъ и исполнительныхъ органовъ; устраненія достигнутаго славянами перевѣса, главнымъ образомъ, при помощи выдѣленія изъ Австріи Галиціи въ совершенно автономную единицу; устраненія господствующаго во многихъ областяхъ общественной жизни вліянія еврейства... Въ противоположность либеральной партіи, мы, какъ истинная партія

свободы, требуемъ реформы избирательной системы при помощи устраненія всѣхъ пережившихъ себя и задерживающихъ развитіе привиллегій и предоставленія пятой куріи большого числа депутатскихъ полномочій... Устраненія всѣхъ посягательствъ на свободную школу и на свободу выраженія мнѣній, обезпеченія, при помощи измѣненій въ законодательствѣ, свободныхъ учрежденій противъ всякаго административнаго произвола"... Отказываясь отъ всякой религіозной борьбы, нѣмецко-народная партія объявляетъ себя все-таки рѣшительнымъ противникомъ клерикальныхъ партій, поставившихъ религію на службу партійнымъ цѣлямъ.

Въ соціально-политической области нѣмецко-народная партія требуетъ защиты рабочаго класса, какъ единственнаго средства, способнаго отвлечь рабочихъ отъ соціалъ-демократическихъ теорій и внушить имъ сознаніе національнаго единства всѣхъ классовъ..., регулированія посредничества въ предложеніи труда, введенія обезпеченія на случай инвалидности и старости; однимъ изъ настоятельнѣйшихъ вопросовъ, разрѣшимыхъ только при помощи широкой системы средствъ, въ области соціальной политики нѣмецко-народная партія считаетъ сохраненіе и поднятіе положенія среднихъ классовъ; далѣе, она признаетъ необходимостью коренныя реформы въ области аграрныхъ отношеній и ремесленнаго производства въ интересахъ защиты этихъ классовъ противъ злоупотребленій со стороны спекуляторовъ, капитализма и еврейской эксплуатаціи..., реформу налоговой системы въ смыслѣ болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ, увеличенія подоходнаго налога на крупные доходы и введенія спеціальнаго налога на крупныя состоянія.

Программа нѣмецко-національной или нѣмецко-радикальной партіи, извѣстной еще подъ именемъ пангерманистской или всенѣмецкой партіи или просто партіи Шенерера („Deutschnationale“ или „Alldeutsche Partei“ или „Schönerianer“), заявляетъ въ своей программѣ, что „съ точки зрѣнія національныхъ и государственныхъ интересовъ желательно, чтобы тѣ области австро-венгерской монархіи, которыя нѣкогда входили въ составъ германскаго союза, составили единое цѣлое, совершенно самостоятельное (т. е. всѣ альпійскія области, Верхн. и Нижн. Австрія, Богемія, Моравія и Силезія). Въ виду этого, должно стремиться къ полному отдѣленію „здѣшней половины“ имперіи отъ Венгріи и замѣнѣ нынѣшнихъ отношеній между ними лишь личною уніею (въ лицѣ императора-короля); къ включенію Далматіи, Босніи и Герцеговины въ составъ Венгріи; къ выдѣленію Галиціи и Буковины съ тѣмъ, чтобы либо включить ихъ въ составъ Венгріи, либо

создать для нихъ автономное положеніе... Въ остальныхъ областяхъ Австріи должно стремиться къ сохраненію за ними ихъ прежняго нѣмецкаго характера, въ виду чего необходимо требовать, чтобы нѣмецкій языкъ былъ признанъ государственнымъ... Нынѣшняя избирательная система должна быть замѣнена болѣе расширенною съ предоставленіемъ большаго числа депутатскихъ мѣстъ крестьянской куріи; должно быть постановлено, чтобы въ депутаты выбирались только люди твердаго характера, истиннаго безкорыстія, настоящіе германцы, сердце которыхъ преисполнено любви къ своему народу... Всѣ гарантированныя конституціею свободныя учрежденія, свобода печати, собраній, союзовъ, не должны подвергаться ограниченіямъ; школа должна быть свободна и сохранить свой обязательный характеръ, съ соблюденіемъ, однако, крестьянскихъ интересовъ въ вопросѣ о посѣщеніи школы (т. е. освобожденіе отъ занятій въ школѣ во время полевыхъ работъ, право быть освобожденнымъ отъ 8-го года пребыванія въ школѣ и т. п.)...

Государство должно позаботиться о томъ, чтобы не быть вынужденнымъ дѣлать новые долги и не обременять народъ налогами, въ виду чего должна быть введена на широкой основѣ система прогрессивно-подоходнаго налога, реформировано обложеніе налогами наслѣдствъ, уничтоженіе или доведеніе до минимума косвенныхъ налоговъ... Необходимо стремиться къ заключенію таможеннаго союза съ Германіею, съ привлеченіемъ къ этому союзу Венгріи и Балканскихъ государствъ; организовать рабочій классъ при помощи введенія обязательныхъ профессіональныхъ союзовъ... Желательно, чтобы промышленныя предпріятія, имѣющія особенно важное значеніе для страны или для большинства населенія (желѣзныя дороги, водные пути сообщенія, страховое дѣло), перешли въ вѣдѣніе государства. Необходима реформа фабричнаго законодательства въ смыслѣ защиты труда; реформа законодательства о ремесленной промышленности въ смыслѣ защиты ремесла, введенія обязательности ремесленныхъ дипломовъ отъ соотвѣтствующихъ цеховъ и т. п.; поддержаніе крестьянскаго сословія (земледѣльческій дешевый кредитъ и т. п.).—Необходимо, чтобы союзъ съ Германіею носилъ не временный характеръ, а принялъ характеръ постояннаго государственнаго договора (понимается, такія договорныя отношенія, въ какихъ находятся другъ съ другомъ союзныя государства Германіи. П. З.)... Необходимо стремиться къ устраненію еврейскаго вліянія во всѣхъ областяхъ общественной жизни..."

Христіанско-соціальная партія не имѣетъ программы въ

строгомъ смыслѣ слова, а имѣетъ воззванія и рѣчи, по которымъ можно составить себѣ представленіе о ея программѣ.

Въ одномъ изъ такихъ изложеній говорится: „1) Христіанско-соціальная партія — партія свободомыслящая; она желаетъ истинной свободы, т. е. свободы для всякаго, поскольку ею не наносится ущербъ свободѣ другого; 2) она истинно-прогрессивна, т. е. желаетъ всякаго прогресса, который сулитъ пользу всему цѣлому, а не отдѣльнымъ личностямъ; 3) она истинно-консервативна, т. е. желаетъ сохранить все, что полезно и хорошо; она въ то же время истинно-реформаторская, т. е. желаетъ устраненія всѣхъ недостатковъ законнымъ путемъ, послѣ зрѣлаго размышленія; 4) она истинно-христіанская, т. е. желаетъ примѣненія возвышенныхъ ученій христіанства во всѣхъ областяхъ жизни; 5) она истинно-народная партія, т. е. предоставляетъ каждому культивировать и охранять свою національность“.

Нѣсколько болѣе опредѣленно, чѣмъ въ этой soi-disant программѣ, болѣе похожей на издѣвательство, чѣмъ на программу, изложены desiderata этой партіи въ одномъ изъ ея предвыборныхъ манифестовъ.

„Христіанско-соціальная партія требуетъ, — говорится въ этомъ манифестѣ, — устраненія давленія господствующей крупно-капиталистической системы хозяйства, главнымъ носителемъ котораго является еврейство. Эта система одинаково угнетаетъ и крестьянина, и ремесленника, и чиновника, и учителя, и рабочаго. Въ интересахъ всѣхъ, поэтому, устраненіе этой системы .. Мы домогаемся осуществленія требованій крестьянства и ремесленнаго сословія. Должны быть удовлетворены требованія, обезпечивающія рабочимъ достойное человѣка существованіе; противорѣчія между трудомъ и капиталомъ должны получить справедливое рѣшеніе помощью соотвѣтствующаго вмѣшательства государственной власти... Нашъ идеалъ—свободная, христіанская школа, въ которой трудъ родителей, учителей и патеровъ сливается въ одно гармоническое цѣлое. Воспитаніе должно носить національный характеръ; должно избѣгать излишняго обремененія учащихся; достаточно знанія элементарныхъ предметовъ и исторіи своего народа; лишняго балласта не нужно... Христіанско-соціальная, антисемитская партія... оставаясь вѣрною ученію нашей святой вѣры, домогается практическаго примѣненія ученія этой вѣры во всѣхъ областяхъ экономической и общественной жизни... и убѣждена, что ея правильное пониманіе истинныхъ причинъ нынѣшняго печальнаго положенія дастъ возможность устранить современныя растлѣвающія вліянія“...

„Всѣми силами мы будемъ отстаивать,—говорится въ программѣ младочешской партіи, — единство и нераздѣльность земель Богемской короны и ихъ государственно-правовую самостоятельность въ рамкахъ австрійской монархіи и будемъ домогаться осуществленія абсолютной равноправности всѣхъ народностей... Въ равноправности всѣхъ народностей мы видимъ главную задачу и миссію Австріи. Возведеніе одного изъ языковъ въ роль государственнаго языка мы считаемъ посягательствомъ на „идею Австріи“ (австрійской государственности) и будемъ со всею энергіею бороться противъ этого.

„Мы желаемъ примиренія народностей, особенно въ земляхъ Богемской короны, для того, чтобы сдѣлалась возможною работа въ интересахъ развитія культуры, политической свободы и поднятія экономическаго благосостоянія всей страны. Но миръ мы можемъ заключить только на основѣ полнаго равноправія и осуществленія нашего государственнаго права. Лучшимъ фундаментомъ народной свободы мы считаемъ широкую автономію. Мы требуемъ справедливой избирательной системы на почвѣ всеобщаго избирательнаго права. Какъ партія прогрессивная, мы за политическую свободу и равенство, свободу выраженія мнѣній, свободу печати, обученія, союзовъ и собраній .. Мы будемъ защищать справедливые интересы всѣхъ классовъ, поддерживать ихъ справедливыя требованія и этимъ руководствоваться при рѣшеніи соціальнаго вопроса...

Программа соціалъ-демократической партіи гласитъ, что эта партія стремится въ Австріи къ освобожденію всего народа безъ различія національностей, расъ и пола отъ оковъ экономической зависимости и къ устраненію политическаго безправія... Причины этого положенія она видитъ не въ отдѣльныхъ политическихъ учрежденіяхъ, а въ обусловливающемъ весь современный строй фактѣ монополизаціи средствъ производства отдѣльными собственниками. Обладатель рабочей силы, въ виду этого, становится зависимымъ отъ владѣльцевъ средствъ производства, класса капиталистовъ, господствующаго въ современномъ государствѣ... Эти формы собственности являются препятствіемъ для нормальнаго развитія всего общества. Средства производства должны поэтому перейти въ коллективное владѣніе всего народа... носителемъ этой идеи развитія является рабочій классъ, и соціалъ-демократическая партія ставитъ себѣ задачею политически организовать этотъ классъ, внушить ему сознаніе его положенія и его задачъ, заботиться о его духовномъ и физическомъ развитіи.

Соц.-демократическая партія признаетъ себя интернаціональною, т. е. отвергающею какія-бы то ни было привиллегіи для одной націи въ ущербъ другой; она требуетъ отмѣны всѣхъ ограниченій свободы выраженія мнѣній и взглядовъ; всеобщаго, равнаго для всѣхъ и прямого избирательнаго права; введенія обязательнаго, безплатнаго и безъ вѣроисповѣдныхъ различій обученія въ народной и профессіональныхъ школахъ, равно какъ и въ университетахъ; отдѣленія церкви отъ государства; замѣны постоянной арміи народной милиціей; замѣны всѣхъ видовъ налоговъ прямымъ, прогрессивно-подоходнымъ налогомъ; развитія рабочаго законодательства въ интересахъ огражденія рабочихъ отъ эксплуатаціи и доставленія имъ возможности физическаго и духовнаго развитія...

Въ этихъ программахъ выразились тенденціи и стремленія всѣхъ австрійскихъ партій, имѣющихъ достаточно опредѣленную физіономію; остальныя партіи занимаютъ промежуточное положеніе между ними, примыкая однѣми сторонами къ одной, другими—къ другой партіи. Такъ, нѣмецко-католическая партія экономическою частью программы подходитъ близко къ хр.-соціальной партіи; но она не имѣетъ спеціальнаго пункта программы въ смыслѣ антисемитизма, не дѣлаетъ вида, будто она—врагъ крупнаго капитала; въ политическомъ отношеніи она—за широкую автономію, такъ какъ на этой основѣ она надѣется упрочить еще больше господство католической церкви въ отдѣльныхъ областяхъ, эти-то политическія тенденціи и позволяютъ ей состоять въ союзѣ и дружбѣ со славянскими партіями. Но выше всѣхъ экономическихъ и политическихъ программъ она ставитъ утвержденіе власти церкви въ отдѣльныхъ областяхъ жизни, мечтаетъ о торжествѣ ультрамонтанства вплоть до полнаго подчиненія низшей, средней и высшей школы клиру, которому должна быть предоставлена возможность оказывать давленіе и на отправленія гражданской жизни.

„Конституціонная"(„Verfassungstreue"), какъ себя называетъ партія, рекрутирующаяся изъ отдѣльныхъ представителей крупнаго землевладѣнія, остается вѣрною нынѣшней конституціи, такъ тщательно оберегающей сословныя и групповыя привиллегіи; но эта вѣрность конституціи даетъ ей возможность итти рядомъ съ прогрессивными партіями въ тѣхъ случаяхъ, когда конституціи грозитъ опасность.

Что касается остальныхъ національныхъ партій, то онѣ имѣютъ опредѣленную окраску въ вопросахъ, касающихся ихъ національности; по остальнымъ вопросамъ онѣ оказываются то въ одномъ, то въ другомъ лагерѣ, но въ большинствѣ

случаевъ ихъ все-таки можно встрѣтить въ реакціонномъ лагерѣ.

Съ отдѣльными особенностями и оттѣнками всѣхъ этихъ партій удобнѣе будетъ познакомиться, если мы увидимъ ихъ въ дѣйствіи въ одинъ изъ серьезныхъ моментовъ общественной жизни страны. Это, впрочемъ, относится въ извѣстной степени и къ указаннымъ раньше крупнымъ партіямъ съ опредѣленною окраскою. Мы видѣли, что каждая партія имѣетъ достаточно благожелательную программу, воплощеніе которой въ жизни сулитъ какъ-будто исполненіе всѣхъ желаній всякаго (за исключеніемъ національныхъ желаній, о которыхъ приходится высказываться въ менѣе туманныхъ выраженіяхъ, хотя и въ этомъ вопросѣ умѣренныя партіи той и другой стороны стараются скрыть свои мысли, и каждая говоритъ о равноправности всѣхъ національностей, причемъ каждая понимаетъ, повидимому, эту равноправность на свой ладъ).

Въ виду этого болѣе близкое ознакомленіе съ этими партіями и вліяніемъ, оказываемымъ на группировки этихъ партій австрійской избирательной системой, можетъ дать наблюденіе ихъ въ моментъ остраго столкновенія между ними. Мы выбираемъ для этого одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ послѣднихъ лѣтъ, когда правительство, казалось, совсѣмъ потеряло голову, и одно министерство смѣняло другое, не будучи въ состояніи справиться съ оппозиціею и обструкціею въ парламентѣ.

Порожденъ былъ весь этотъ хаосъ какъ будто совсѣмъ ничтожною причиною: изданнымъ министромъ-президентомъ, гр. Бадени, въ 1897 г., распоряженіемъ о признаніи равноправности чешскаго и нѣмецкаго языковъ.

Это былъ несомнѣнно сильный ударъ по адресу нѣмцевъ, которые должны были почувствовать свое привиллегированное положеніе въ Австріи сильно пошатнувшимся. Можно было поэтому заранѣе предвидѣть, что они поднимутъ громкій протестъ противъ этого нововведенія. Но гр. Бадени далъ имъ самъ возможность облечь этотъ свой протестъ въ довольно удобную для нихъ форму. Дѣло въ томъ, что нововведеніе это было объявлено въ формѣ простого министерскаго распоряженія, а не закона, подвергшагося обсужденію въ парламентѣ. Это-то дало нѣмецкимъ партіямъ возможность выступать противъ этого распоряженія не только по существу его содержанія, но и противъ его формы, которая, доказывали они, является грубымъ нарушеніемъ конституціи, посягательствомъ на право парламента.

На этомъ основаніи они и начали жестокую кампанію

противъ правительства и, не довольствуясь простою оппозиціею, прибѣгли къ обструкціи, препятствуя различными мѣрами парламентскому большинству обсуждать и санкціонировать необходимыя правительству мѣропріятія. Большинство, состоявшее тогда изъ славянскихъ партій и нѣмецко-католической партіи, рѣшило подавить силою эту обструкцію, и дѣло дошло до противозаконнаго появленія въ залѣ народнаго представительства полицейской силы.

Но даже и въ эти моменты еще, когда въ австрійскомъ рейхсратѣ разыгрывались часто сцены безобразнаго буйства, сопровождавшіяся взаимными потасовками депутатовъ; когда сдѣлалось возможнымъ, чтобы президіумъ рейхсрата, призванный охранять неприкосновенность парламента и его членовъ, самъ призвалъ въ рейхсратъ отрядъ полицейскихъ, который началъ выталкивать и выносить изъ залы шумѣвшихъ депутатовъ, несмотря на признаваемое за ними закономъ право неприкосновенности,—даже тогда все еще могло казаться, что это—лишь печальная ошибка, которую парламентъ окажется еще въ силѣ скоро исправить и заставить забыть о ней.

Но вслѣдъ за этимъ послѣдовали еще болѣе неожиданныя событія. Населеніе Вѣны, не вдаваясь въ вопросъ о томъ, правы ли чехи, или нѣмцы, но сознавая лишь, что надъ законодательнымъ корпусомъ, составленнымъ изъ представителей народа, совершено грубое насиліе, умаляющее значеніе этого учрежденія, грозно вступилось въ защиту своихъ конституціонныхъ правъ. 30.000-ная толпа (среди которой были и чехи, и нѣмцы, и сторонники, и противники уравненія правъ языковъ) запрудила на слѣдующее утро главныя улицы Вѣны, пошла освобождать арестованныхъ (несмотря на охраняющее ихъ право неприкосновенности) депутатовъ,—и неизвѣстно, чѣмъ кончился-бы этотъ день, если-бы толпу не успокоили оффиціальнымъ оповѣщеніемъ о томъ, что министерство гр. Бадени отставлено отъ власти.

Но это случайное совпаденіе протеста народа, защищавшаго конституцію, а не права нѣмцевъ, съ оппозиціонною тактикою нѣмцевъ привело къ тому, что нѣмцы приписали эту побѣду себѣ, истолковывали ее въ смыслѣ правоты своихъ требованій. Съ этой минуты они дѣлаются еще требовательнѣе, тѣмъ болѣе, что въ ихъ рукахъ оказалось сильное оружіе, сослужившее имъ службу въ борьбѣ съ правительствомъ.

Правительство, въ виду обструкціи, воспрепятствовавшей вотированіе бюджета и другихъ неотложныхъ мѣропріятій, позволило себѣ нѣсколько грубыхъ нарушеній конституціи,

издавая соотвѣтствующія распоряженія собственною властью. Нѣмецкая оппозиція широко воспользовалась этими ошибками правительства для своихъ цѣлей. Нѣмцы сознавали, что этотъ моментъ является крайне важнымъ для будущаго нѣмецкой національности въ Австріи: правительство явно склонялось къ сознанію необходимости уступить нѣкоторымъ требованіямъ австрійскаго славянства, а это обозначало для нѣмцевъ начало конца ихъ привиллегированнаго положенія въ Австріи, гдѣ они еще не очень давно были полноправными господами.

Теперь, — когда еще были нѣкоторые шансы на успѣхъ, или ужъ никогда!—они должны были сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку сохранить часть своихъ привиллегій. И они напрягли всѣ усилія въ этомъ направленіи. Нѣмецкому населенію разсказывалось, что австрійское правительство намѣревается славянизировать Австрію, что скоро нѣмцамъ не будетъ мѣста въ Австріи, что чехи уже и теперь вытѣсняютъ изъ Богеміи нѣмецкую промышленность и нѣмецкихъ рабочихъ, захватываютъ для себя лучшіе посты въ администраціи, а съ введеніемъ обязательнаго для каждаго чиновника въ Богеміи и Моравіи знанія чешскаго и нѣмецкаго языковъ нѣмецкимъ чиновникамъ придется совсѣмъ уйти изъ этихъ областей. Въ то же время указывалось на незаконныя дѣйствія правительства, на нарушенія конституціи, на необходимость отстаивать послѣднюю, и агитаціею этою было поднято сильнѣйшее возбужденіе во всѣхъ нѣмецкихъ областяхъ. Теперь уже и умѣренныя нѣмецкія партіи, признававшія было справедливыми нѣкоторыя требованія славянъ, не смѣли вслухъ сознаваться въ этомъ. Такихъ умѣренныхъ депутатовъ называли измѣнниками, и на публичныхъ собраніяхъ радикальныя требованія нѣмцевъ заглушали голоса благоразумныхъ.

Въ самомъ парламентѣ всѣ нѣмецкія фракціи рѣшили оставить на время въ сторонѣ свои разногласія и сплотились въ одну сильную партію (Deutsche Gemeinbürgschaft) для борьбы съ правительствомъ. Правительство пошло на уступки; три министерства смѣнили другъ друга у власти, но нѣмцы рѣшили не отказываться отъ обструкціи, пока не будетъ отмѣнено распоряженіе о языкахъ.

Но правительство медлило и упускало надлежащій моментъ, такъ какъ до поры до времени оно считало возможнымъ обходиться безъ содѣйствія парламента. Такую возможность доставлялъ правительству приведенный выше § 14-ый конституціи. Правительство дало этому параграфу очень распространительное толкованіе, и теперь, когда ста-

новилось необходимымъ утверждать новый бюджетъ или ввести новый налогъ, оно объявляло сессію этого непреклоннаго парламента прерванною и издавало нужный ей законъ собственною властью. Но этотъ остроумный выходъ изъ затрудненій, въ которомъ австрійское правительство видѣло свое спасеніе, превратился въ проклятіе для страны. Пресловутый 14-ый параграфъ усыпилъ бдительность правительства, его энергію: правительство предоставляло событія ихъ теченію, не принимало никакихъ мѣръ, чтобы потушить пожаръ; а страсти между тѣмъ все болѣе и болѣе разгорались, и когда министерство гр. Клари объявило распоряженіе гр. Бадени отмѣненнымъ, было уже поздно.

Нѣмецкія партіи, боровшіяся прежде другъ съ другомъ, теперь успѣли столковаться: годы совмѣстной борьбы съ общимъ противникомъ показали имъ, что, объединенныя въ союзѣ, онѣ непобѣдимы. И онѣ рѣшили теперь разъ навсегда утвердить свое положеніе въ Австріи, потребовавъ, чтобы нѣмецкій языкъ былъ признанъ государственнымъ языкомъ, а централистская система управленія признана руководящимъ принципомъ.

„Мы слишкомъ долго ставили государственные интересы выше нашихъ національныхъ интересовъ,“—кричали теперь нѣмцы;—мы считали своимъ долгомъ быть staatserhaltendes Element и потому допускали, чтобы славянамъ дѣлались уступки. Но этотъ путь уступокъ — наклонная плоскость, по которой мы, нѣмцы, скатываемся въ пропасть. Австрія должна быть нѣмецкою. Мы, нѣмцы, хотя и не превосходимъ численно славянскаго населенія Австріи, но за нами культурное превосходство; нашими трудами создана современная Австрія, нѣмецкая промышленность создаетъ богатство Австріи. Мы не можемъ допустить, чтобы Австрія распалась на рядъ отдѣльныхъ королевствъ, какъ этого требуютъ славяне, ибо въ каждомъ такомъ королевствѣ нѣмцы составятъ меньшинство, которое будетъ поглощено славянскимъ большинствомъ,—словомъ, наши жизненные интересы заставляютъ насъ требовать, и мы требуемъ, чтобы Австрія оставалась нѣмецкою.“

Послѣдній выводъ изъ этой теоріи дѣлала радикально-нѣмецкая партія, руководимая Шенереромъ и Вольфомъ. „Австрія должна быть нѣмецкою, или пусть она совсѣмъ прекратитъ свое бытіе! Если Австрія не можетъ быть нѣмецкою, то нѣмецкія области должны стремиться къ отложенію отъ Австріи и домогаться соединенія съ Германіею.. “

Для крайнихъ нѣмецкихъ націоналистовъ парламентъ австрійскій пересталъ поэтому быть неприкосновеннымъ

святилищемъ. „Пусть онъ погибаетъ, если онъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ удобнымъ орудіемъ въ рукахъ славянскаго большинства! Мы не считаемъ себя обязанными поддерживать жизнедѣятельность этого парламента, персонифицирующаго идею единства Австріи, если мы вынуждены жертвовать для этого интересами нѣмецкой національности!"—говорили они.

Съ своей стороны, и чешская партія не признавала за собою обязанности заботиться о жизнедѣятельности вѣнскаго центральнаго парламента. Прежде всего она въ теоріи вообще отрицаетъ этотъ парламентъ. Чешская группа депутатовъ сама себя называетъ, и въ чешской печати ее именуютъ лишь „чешскою делегаціею въ вѣнскомъ рейхсратѣ", т. е. делегированными отъ королевства Богеміи (какъ неустанно напоминаетъ чешская печать) въ вѣнскій сеймъ депутатами. Въ теоріи чехи отрицали даже за вѣнскимъ рейхсратомъ право обсуждать такіе вопросы, какъ вопросъ о регулированіи языковыхъ отношеній въ Богеміи, доказывая, что такого рода вопросы подлежатъ исключительной компетенціи областного пражскаго сейма. Въ исторіи борьбы чеховъ съ центральнымъ парламентомъ были и такіе моменты, когда они осуществляли эту теорію на практикѣ, и чешская группа in corpore удалялась изъ парламента, заявляя, что она не считаетъ нужнымъ участвовать въ ея работахъ. Теперь, послѣ оскорбленія, нанесеннаго чехамъ графомъ Клари, отмѣнившимъ уже дѣйствовавшій законъ о равноправіи языковъ, они еще менѣе считали себя обязанными заботиться о судьбѣ этого парламента. Теперь они видѣли даже больше причинъ для этого. Во-первыхъ, парламентское меньшинство отказалось подчиниться парламентскому большинству, что являлось очевиднымъ отрицаніемъ сущности парламентаризма, и грѣхъ этотъ совершили нѣмцы, распинавшіеся всегда за суверенитетъ центральнаго парламента. Но если нѣмцы могли рѣшиться растоптать ногами суверенитетъ центральнаго парламента, то съ какой стати чехи стали бы его спасать? Пусть нѣмцы спасаютъ свой парламентъ, если онъ имъ дорогъ.

Во-вторыхъ, правительство признало для себя обязательною волю парламентскаго меньшинства и этимъ совершило, съ одной стороны, правонарушеніе, съ другой стороны—показало чехамъ, что они не могутъ разсчитывать на правительство, а предоставлены самимъ себѣ. Но если это такъ, то они докажутъ, что какъ въ Австріи невозможно править противъ нѣмцевъ, такъ невовможно править и противъ чеховъ: этого теперь требуетъ національная честь. И чехи бле-

стяще подтвердили это. Они сумѣли заставить выйти въ отставку министерство гр. Клари и замѣнившее его министерство Виттека и продолжали борьбу и съ занявшимъ ихъ мѣсто министерствомъ Кербера.

И послѣднее должно было убѣдиться, что справиться съ чешской обструкціею не легко.

Парламентская неурядица, явившаяся результатомъ этой безуспѣшной борьбы, доказала и правительству, и чехамъ, и нѣмцамъ, что въ Австріи теперь невозможно править ни противъ чеховъ, ни противъ нѣмцевъ, и это „доказательство отъ противнаго“ не могло остаться безъ вліянія на взгляды и программы участниковъ этой борьбы.

Первое заключеніе, которое невольно навязывалось въ виду этого положенія, должно было гласить: если нельзя править противъ тѣхъ и другихъ, то нельзя ли править вмѣстѣ съ тѣми и другими?

И австрійское правительство, повидимому, искренно намѣревалось теперь измѣнить основные догматы своей политической системы. До сихъ поръ въ правящихъ сферахъ Австріи считалось непреложною истиною, что главнымъ принципомъ управленія въ Австріи долженъ быть девизъ: divide et impera, или, какъ здѣсь выражаются объ этой политической системѣ: „eine Nation gegen die andere ausspielen“, т. е. избирать каждый разъ одну національность, чтобы, опираясь на нее, подавлять оппозицію другой національности. Эта политика долго служила хорошую службу австрійскимъ министрамъ: когда нужно было подавить нѣмецкую оппозицію, министерство начинало заигрывать съ чехами: дѣлало имъ кое какія уступки и при ихъ помощи сокрушало нѣмецкую оппозицію; когда же чехи становились слишкомъ настойчивыми и требовали исполненія данныхъ имъ обѣщаній, правительство дѣлало ласковый кивокъ головою нѣмцамъ и съ ихъ помощью благополучно развязывалось съ неудобнымъ союзникомъ.

Но это политическое жонглерство, при которомъ національности играли роль пѣшекъ въ рукахъ беззастѣнчиваго игрока, внесло страшную деморализацію въ политическую жизнь. Системы, принциповъ, программъ не признавало ни правительство, ни парламентскія партіи: всѣ жили только сегодняшнимъ днемъ, не промышляя о завтрашнемъ и старались сегодня урвать, какъ можно больше, такъ какъ на завтрашній день надѣяться было опасно, и надо было спѣшить.

Но à la longve эта политическая система оказалась несостоятельною: она вселила во всѣхъ партіяхъ страшное не-

довѣріе къ правительству, превратила всѣхъ въ недовольныхъ, ропщущихъ, и для правительства оказалось невозможнымъ создать прочное парламентское большинство, когда это для него сдѣлалось вопросомъ жизни. Правительство рѣшилось поэтому сдѣлать серьезную попытку и постараться при помощи политики, принимающей во вниманіе справедливые интересы враждующихъ національностей, довести ихъ до примиренія (это ли не достаточно плодотворный результатъ безплодной яко-бы парламентской борьбы?!). Но теперь это было уже поздно...

Въ началѣ этого остраго фазиса борьбы былъ дѣйствительно моментъ, когда обѣ враждующія національности раздѣляла уже лишь „бумажная стѣна"—какъ выразились тогда такіе видные вожаки чешскаго національнаго движенія, какъ Пацакъ и Кайцль. Чешская парламентская группа, не отказываясь формально отъ требованія государственной самостоятельности Богеміи, предпочитала, однако, не выдвигать на первый планъ этотъ спорный вопросъ, служившій главнымъ яблокомъ раздора, при одномъ упоминаніи о которомъ переговоры между чехами и нѣмцами становились невозможными.

Чешскіе дѣятели выдвинули тогда на первый планъ реальные живые интересы чешскаго народа, и тогда оказалось, что мысль о полюбовномъ примиреніи совсѣмъ не столь неосуществима.

Представители обѣихъ населяющихъ Богемію національностей успѣли договориться до необходимости раздѣленія Богеміи на отдѣльные округа — съ сплошнымъ нѣмецкимъ населеніемъ, съ сплошнымъ чешскимъ населеніемъ и съ смѣшаннымъ чешско-нѣмецкимъ населеніемъ. Въ округахъ перваго состава языкомъ суда и администраціи долженъ быть признанъ нѣмецкій, въ областяхъ второго состава — чешскій, въ смѣшанныхъ областяхъ оба языка должны пользоваться равноправіемъ и считаться обязательными для административныхъ и судебныхъ учрежденій. Обѣ стороны готовы уже были подписать этотъ договоръ. Но оставались невыясненными еще нѣкоторые вопросы: чехи требовали, чтобы въ чешскихъ округахъ и языкъ внутренней службы былъ чешскій; нѣмцы, охраняя принципъ централизма, требовали удержанія нѣмецкаго языка. Это и была та „бумажная стѣна", которая еще отдѣляла чеховъ отъ нѣмцевъ и которую уже нетрудно было продырявить.

Но правительство упустило этотъ моментъ. Мирно почивая подъ сѣнью спасительнаго § 14-го, который позволялъ ему относиться равнодушно къ этой борьбѣ, оно не сдѣлало

необходимаго шага, не позаботилось взять на себя инціативу въ дѣлѣ окончательнаго примиренія; изъ враждующихъ же сторонъ ни одна не рѣшалась взять инціативу на себя, чтобы не признать себя болѣе слабою и побѣжденною стороною.

А тѣмъ временемъ въ парламентѣ обструкція продолжалась, распаляя обѣ стороны; многія эпизодическія частности политической жизни создавали новые запасы горючаго матеріала, и мысль о примиреніи снова была отброшена. На рѣчи крайнихъ шовинистовъ нѣмецкаго лагеря чешскіе шовинисты отвѣчали такою же нетерпимостью. Снова пущены были въ ходъ трескучія фразы о „любви къ народу и національной гордости", объ оскорбленіи достоинства націй, о необходимости немедленнаго осуществленія государственно-правовыхъ требованій чешскаго народа, объ обязанности австрійскаго императора короноваться чешскою короною и т. д. Теперь уже мысль о раздѣленіи Богеміи на нѣмецкую и чешскую области начала считаться преступною ересью и открытою измѣною: это начинало называться насильнымъ раздираніемъ „единаго и нераздѣльнаго королевства Богеміи", и объявлено было, что чехи никогда этого не допустятъ.

Немногочисленная партія „реалистовъ", руководимая проф. Масарикомъ и объединяющая лучшія интеллигентныя силы чешскаго общества, подверглась настоящему остракизму. Ея призывы къ примиренію съ нѣмцами, ея указанія на то, что чехамъ совсѣмъ неслѣдъ становиться спиною къ нѣмецкой культурѣ, и что чехи должны пока удовлетвориться осуществленіемъ своихъ реальныхъ требованій, начали считаться поношеніемъ чешскаго народа. Руководители чешскаго движенія, признававшіе до извѣстной степени правильность программы этой партіи, не смѣли теперь признаваться въ этомъ. Боясь отстать отъ шовинистскихъ крикуновъ, которые овладѣли вниманіемъ публики, младочешскіе вожаки тоже начали говорить исключительно о государственно-правовыхъ требованіяхъ чешскаго народа.

Въ парламентѣ же эти рѣчи создали атмосферу, при которой о мирномъ дебатированіи вопросовъ и возможности столковаться не могло быть и рѣчи. Правительство должно было рѣшиться распустить этотъ парламентъ.

И снова, какъ неоднократно случалось уже и раньше, стали толковать о государственномъ переворотѣ, о томъ, чтобы, распустивъ парламентъ, совсѣмъ не созывать его больше. Но снова пришлось убѣдиться, что пріостановленію конституціи препятствуютъ и договорныя отношенія съ

Венгріею, и цѣлый рядъ другихъ причинъ, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ финансовое положеніе Австріи. Такъ, въ одной брошюрѣ на тему объ австрійскихъ отношеніяхъ какой-то бывшій депутатъ весьма настойчиво напоминалъ по поводу этихъ слуховъ, какъ печально кончился для Австріи экспериментъ съ отмѣною конституціи къ 1860 году. Онъ окончился финансовымъ крахомъ, и во вновь созванномъ парламентѣ депутатъ графъ Кламъ-Мартиницъ съ цифрами въ рукахъ доказалъ, что главною причиною краха явилось безконтрольное финансовое хозяйство внѣ-парламентскаго періода. Не грозитъ ли такая же опасность кредиту Австріи при новой отмѣнѣ конституціи?

Опытъ показываетъ, что этого очень даже должно опасаться. Такъ, напримѣръ, въ 1865 г., когда конституція въ Австріи была отмѣнена, ей пришлось заключать займы при такихъ низкихъ процентахъ, какъ 61 и даже 56, между тѣмъ какъ за два года до того, при конституціонномъ режимѣ, она могла заключать займы на гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ (при 75—76$^0/_0$).

„Въ жизни государства,—писалъ этотъ депутатъ,—всегда возможны моменты, когда заключеніе займа становится необходимостью. И такъ какъ такіе моменты наступаютъ обыкновенно въ очень бурные періоды, когда денежный рынокъ, вообще подвергается потрясеніямъ, то просящее о займѣ государство должно быть способно внушать къ себѣ довѣріе. А въ такія времена государство, финансы котораго не стоятъ подъ контролемъ народнаго представительства, встрѣтитъ гораздо менѣе благопріятное къ себѣ отношеніе, чѣмъ государство, которое готово заключить заемъ съ согласія народнаго представительства“...

Со всѣми этими соображеніями австрійское правительство не можетъ не считаться, и мы видимъ дѣйствительно, что оно, несмотря на всѣ неудачныя попытки оздоровить парламентскую жизнь, не рѣшилось прибѣгнуть къ такой рискованной мѣрѣ, какъ отмѣна конституціи.

Сначала цѣлый рядъ министерствъ, успѣвшихъ смѣнить другъ друга, пробовалъ утихомирить нѣмцевъ; имъ дѣлались уступки, имъ грозили, но такъ какъ всѣми этими мѣрами оказалось невозможнымъ убѣдить нѣмцевъ отказаться отъ обструкціи, то правительство (министерство графа Кларп) рѣшилось, наконецъ, отмѣнить возмутившее нѣмцевъ распоряженіе гр. Баденп о равноправіи языковъ.

Клкъ и слѣдовало ожидать, теперь на пути обструкціи вступили чехп. Теперь онп мѣшали парламенту работать, теперь они ломали столы и скамьи, осыпали бранью прези-

діумъ. И тутъ усилія смѣнявшихъ другъ друга министерствъ, предлагавшихъ чехамъ тѣ или другія уступки, созывавшихъ чешско-нѣмецкія конференціи для миролюбиваго разрѣшенія спора, остались тщетными.

Но даже въ самый напряженный моментъ борьбы, когда чешскіе депутаты, несмотря на сдѣланныя имъ миролюбивыя предложенія и на предшествовавшія этому личныя обращенія императора къ руководителямъ чешскаго движенія, подняли въ отвѣтъ на это шумную обструкцію и не давали парламенту работать, правительство, совсѣмъ потерявшее голову и страшно озлобленное, все-таки не рѣшилось прибѣгнуть къ болѣе радикальной мѣрѣ, чѣмъ распущеніе парламента.

Съ конституціонной точки зрѣнія, это рѣшеніе главы министерства, фонъ-Кербера, явилось вполнѣ правильнымъ. Парламентъ въ теченіе трехъ лѣтъ отказывался отъ исполненія своего прямого назначенія и, возведя обструкцію въ систему, совершенно парализовалъ законодательную дѣятельность. Жертвою борьбы съ обструкціею пало уже пять министерствъ; продолжать дальше этотъ опытъ оказывалось безцѣльнымъ, тѣмъ болѣе, что среди горсти бароновъ и графовъ, поставляющихъ Австріи ея министровъ-президентовъ, трудно было разсчитывать найти государственнаго дѣятеля, отъ котораго можно бы ждать больше политической мудрости, чѣмъ отъ графа Бадени, гр. Туни, гр. Клари и др., считавшихся выдающимися государственными дѣятелями и оказавшихся тѣмъ не менѣе неспособными разрѣшить главный вопросъ жизни Австріи, вопросъ о мирномъ сожительствѣ населяющихъ ее національностей.

Оставалось прибѣгнуть къ послѣднему конституціонному средству, и фонъ-Керберъ, вмѣсто того, чтобы самому выйти въ отставку, далъ отставку парламенту. Но это средство, вполнѣ цѣлесообразное въ другихъ странахъ, далеко не имѣетъ такого же смысла въ примѣненіи къ Австріи. Въ другихъ странахъ правительство, назначая новые выборы, дѣйствительно передаетъ свою тяжбу съ парламентомъ на разсмотрѣніе всего народа и можетъ надѣяться услышать его мнѣніе.

Къ кому обращается австрійское правительство или, вѣрнѣе, какого результата можетъ оно ждать отъ этого обращенія?

Манифестъ, выпущенный правительствомъ по поводу распущенія рейхсрата и назначенія новыхъ выборовъ былъ обращенъ, конечно, ко всему народу. Указывая въ этомъ Манифестѣ, что благодаря обструкціи, законодательная дѣя-

Георгъ Шенереръ,
вождь крайней нѣмецко-національной партіи.

тельность совершенно пріостановилась, народу поставлялось на видъ, что отъ этого „больше всего страдаютъ экономически слабые классы населенія, — крестьяне, ремесленники, рабочіе",—и указывалось на то, что онъ „при предстоящихъ выборахъ не долженъ забывать о своихъ экономическихъ интересахъ..."

Это напоминаніе народу о томъ, что національная борьба отражается вредно на его экономическихъ интересахъ, могло бы, весьма вѣроятно, не остаться безъ воздѣйствій на избирателей.

Больше того. Есть цѣлыя группы избирателей, которые даже не нуждаются въ такомъ напоминаніи. Если среди словенскихъ, руссинскихъ, большей части польскихъ и др. избирателей, живущихъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ процессъ дифференціаціи населенія еще не вполнѣ проявился, главнымъ моментомъ избирательной борьбы является національный, и огромное большинство избирателей проводитъ въ парламентъ своего національнаго кандидата, то среди чеховъ и нѣмцевъ (борьба между которыми и образуетъ центръ политическихъ осложненій) есть уже такія группы избирателей, для которыхъ исключительно національный моментъ борьбы отступаетъ на заднiй планъ: они уже выдѣлили изъ своей среды довольно сильныя организаціи, совешенно отдѣлившіяся отъ національныхъ партій.

Не слѣдуетъ думать, что эти группы равнодушны къ судьбѣ своей родной національности; наоборотъ, онѣ тоже стремятся къ полному освобожденію своей національности отъ всякаго внѣшняго гнета; тѣмъ не менѣе онѣ не считаютъ возможнымъ итти рука объ руку съ націоналистскими группами, замѣнившими національныя стремленія шовинистскими и выдвинувшими шовинисткихъ политиковъ, которые своими громкими криками о національныхъ правахъ хотятъ заглушить всѣ иныя стремленія. Ни чешская, ни нѣмецкая рабочая партія не только не идутъ рука объ руку съ чешско-національными партіями, но находятся съ ними въ ожесточенной борьбѣ и совершенно не признаютъ пріемовъ, которыми пользуются націоналисты въ борьбѣ за національныя права.

Но, если даже не только эти организованныя группы, а и милліоны другихъ избирателей изъ народа согласились бы внять словамъ правительственнаго манифеста, они все-таки не въ состояніи повліять на составъ парламента.

И причина этого заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ дѣйствующей въ Австріи избирательной системѣ, при

которой возможно, чтобы 3,000 феодаловъ посылали въ парламентъ 85 депутатовъ, а 5 милліоновъ другихъ избирателей посылали лишь 72 депутатовъ, при которой вообще привиллегированныя группы являются обладателями такихъ важныхъ преимуществъ надъ непривиллегированными.

Но обращеніе правительства къ этимъ привиллегированнымъ куріямъ обречено было остаться безъ всякаго воздѣйствія, ибо въ этихъ куріяхъ именно и группируются тѣ элементы, которымъ продолженіе національной борьбы пріятнѣе, нежели ея прекращеніе. Эти именно элементы домогаются не національнаго равноправія на общихъ основаніяхъ справедливости, а національныхъ преимуществъ, которыя могутъ принести имъ осязательныя выгоды.

Наконецъ, они извлекаютъ не мало выгоды изъ самаго факта національной борьбы. Послѣдняя позволяетъ имъ „отводить глаза“ народа отъ истинныхъ причинъ его жалкаго положенія, позволяетъ имъ рядиться въ тогу народолюбцевъ, борцовъ за интересы и благо своего народа, хотя еще не было случая, чтобы нѣмецкій фабрикантъ или сельскій хозяинъ согласился платить на 5 коп. больше нѣмецкому рабочему, чѣмъ чешскому, и наоборотъ, самое обычное явленіе составляетъ, что нѣмецкій фабрикантъ прогоняетъ своихъ нѣмецкихъ рабочихъ и наводняетъ нѣмецкій округъ болѣе дешевыми чешскими рабочими, что, съ точки зрѣнія національной политики, является даже преступленіемъ.

Эти „народолюбцы“, во время избирательной кампаніи, больше всего распинаются за права, честь, достоинство и благо своего народа, громче всего вопіютъ о справедливости, и побѣдителями изъ борьбы должны выйти именно ихъ кандидаты, которые выступаютъ съ наиболѣе рѣзкою националистскою программою и меньше всего скупятся на трескучія фразы.

И дѣйствительно, такая тенденція къ сгущенію красокъ проявилась въ первыхъ же воззваніяхъ избирательныхъ комитетовъ, даже комитетовъ умѣренныхъ партій, отъ которыхъ прежде можно было слышать и призывы къ примиренію, хотя каждой изъ этихъ партій вполнѣ понятно, что подчеркиваніе національнаго момента менѣе всего способно вывести страну изъ тяжелаго политическаго кризиса, опасность котораго каждая изъ этихъ партій вполнѣ сознаетъ.

Несмотря на страшную рознь, царящую между австрійскими партіями, оказался все-таки одинъ, общій всѣмъ партіямъ, пунктъ. Такимъ пунктомъ являлось въ возваніяхъ всѣхъ партій указаніе на переживаемый страною окольный кризисъ, грозящій неминуемою катастрофою, если избира-

тели не пошлютъ въ парламентъ депутатовъ, способныхъ отстоять истинные интересы страны.

Но непосредственно вслѣдъ за этимъ, выраженнымъ въ столь общихъ и ни къ чему не обязывающихъ словахъ, единственнымъ общимъ пунктомъ начинался огромный рядъ другихъ, непреложно устанавливавшихъ, что каждая изъ австрійскихъ партій, вписавшая въ свое воззваніе общій пунктъ о грозящей странѣ опасности, пойдетъ, не взирая ни на что, своею дорогою, своею прежнею, обычною, протоптанною дорожкою, хотя бы эта дорога и вела, какъ это уже достаточно выяснилось, къ политическому банкротству.

Такъ, въ воззваніи нѣмецко-прогрессивной партіи непосредственно вслѣдъ за указаніемъ на опасность кризиса напоминалось о „долгой, упорной борьбѣ, которую вели австрійскіе нѣмцы за высшія блага: за политическое значеніе своей народности, за культуру и прогрессъ... Выборы должны рѣшить поэтому, быть ли Австріи единымъ государствомъ, или распасться на свои части и подпасть подъ славянскую диктатуру, къ чему сводятся стремленія противниковъ. Опасною ошибкою является поэтому предположеніе, что національная борьба сводится къ вопросу объ урегулированіи языка административныхъ органовъ въ отдѣльныхъ областяхъ (эти слова являются отвѣтомъ на правительственное воззваніе, въ которомъ сказано, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за вопроса о языкѣ административныхъ органовъ въ Богеміи и Моравіи). Нѣтъ, споръ ведется о дальнѣйшемъ существованіи Австріи... Мы ждемъ спасенія только отъ признанія законодательнымъ путемъ нѣмецкаго языка языкомъ сношеній, чѣмъ будетъ обезпечено единство строенія государственнаго организма... Нѣмецкая прогрессивная партія непоколебимо и рѣшительно выступитъ въ защиту развитія нашей конституціи и законодательства въ духѣ свободы, въ пользу соціальныхъ и экономическихъ реформъ и—прежде всего—въ пользу нѣмецкаго народа“...

„Избиратели должны теперь дать ясный и опредѣленный отвѣтъ, желаютъ ли они, чтобы чешскій народъ склонилъ выю подъ несправедливостью, или они одобряютъ оборонительную тактику, которой его представители придерживались до сихъ поръ въ борьбѣ съ господствующею системою“,— отвѣчала на это младочешская партія. „Вмѣсто того, чтобы, въ виду тяжелаго политическаго кризиса, обратить все свое вниманіе на причину болѣзни и сдѣлать, наконецъ, попытку изыскать справедливое рѣшеніе національныхъ и конституціонныхъ вопросовъ, избирателямъ рекомендуется руководствоваться при предстоящихъ выборахъ экономическими и

соціальными интересами (эти слова служили отвѣтомъ на-другую часть правительственнаго воззванія, въ которомъ избирателямъ указывалось на то, что національная борьба парализовала дѣятельность законодательства, чѣмъ задерживается и экономическое развитіе Австріи)... На этотъ вызовъ чешскіе избиратели могутъ дать только отвѣтъ: чешскій народъ никогда не откажется отъ требованія создать особое государственно-правовое положеніе для земель Богемской короны, такъ какъ только это можетъ повести къ культурному росту и экономическому благосостоянію. Чешскій народъ никогда не откажется отъ своихъ требованій замѣны бюрократическаго централизма справедливымъ самоуправленіемъ, признанія равноправности чешскаго языка во всѣхъ проявленіяхъ государственной жизни...“

Есть ли какая-нибудь возможность столковаться представителямъ такихъ противоположныхъ теченій? Присмотритесь ближе къ ихъ требованіямъ: съ одной стороны, всѣ они какъ будто говорятъ одно и то же. И нѣмцы, и чехи, и интернаціоналисты-рабочіе говорятъ о предоставленіи каждой народности права отстаивать свою національную самостоятельность, отвращать отъ себя опасность оказаться подъ игомъ чужой національности. Но какъ различно каждая изъ этихъ партій говоритъ объ этомъ и къ какимъ различнымъ, прямо противоположнымъ, выводамъ приходитъ каждая изъ нихъ! Въ то время, какъ рабочую партію эти стремленія приводятъ къ сознанію необходимости созданія въ границахъ одного и того же политическаго организма союза національныхъ автономій, нѣмцы доказываютъ, что цѣль эта можетъ быть достигнута только при помощи централизма, а чехи убѣждены, что спасеніе заключается только въ областномъ сепаратизмѣ, въ созданіи федераціи историческихъ автономныхъ областей.

И не слѣдуетъ думать, что эти рѣшенія представляютъ собою придуманныя формулы, идеологическія построенія, основанныя на абстрактныхъ разсужденіяхъ, которыя на худой конецъ могутъ быть замѣнены другими. Нѣтъ, каждая изъ этихъ формулъ—неподдѣльный продуктъ современнаго уклада Австріи и всего хода ея историческаго развитія; и противникамъ, изъ которыхъ каждый отстаиваетъ одну изъ этихъ противоположныхъ формулъ, дѣйствительно должно казаться, что внѣ той формулы, въ которую онъ увѣровалъ, „нѣсть спасенія“, что только осуществленіе этой формулы достаточно охраняетъ его отчасти своекорыстные, отчасти совпадающіе съ общимъ благомъ интересы.

Нѣмецкіе централисты (прогрессивная тожъ), напр., не

безъ основанія увѣряютъ, что ихъ борьба съ министерствомъ гр. Бадени, издавшаго законъ о равноправіи чешскаго и нѣмецкаго языковъ, и вызванная этимъ обструкція были порождены не только тѣми неудобствами, которыя создавалъ для нѣмцевъ этотъ законъ (въ концѣ концовъ, дѣло должно было свестись лишь къ тому, что нѣмецкимъ чиновникамъ пришлось бы изучать чешскій языкъ, и они, можетъ быть, примирились бы даже съ этимъ, если-бъ весь вопросъ этимъ и ограничивался), а тѣмъ, что политическое теченіе, которымъ былъ вызванъ этотъ законъ, обозначало для австрійскихъ нѣмцевъ начало конца занятаго ими въ Австріи положенія. И это не могло не смутить ихъ тѣмъ болѣе, что они ясно видѣли невозможность остановить ростъ чешскаго вліянія въ странѣ, хотя и старались дѣлать видъ, будто причиною такого роста чешскаго вліянія является исключительно—благоволеніе правительства къ чехамъ.

Но не довольствующійся агитаціонною фразою изслѣдователь быта не можетъ не задаться вопросомъ о тѣхъ болѣе глубокихъ причинахъ, которыя, очевидно, должны обусловливать собою этотъ ростъ чешскаго элемента: не всегда, вѣдь, австрійское правительство покровительствовало этому (да и теперь его можно только съ натяжкою обвинять въ этомъ), а между тѣмъ чешскій элементъ и тогда усиливался. Не доказываетъ ли это, что въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ болѣе глубокія причины? Гдѣ же онѣ? Какія это причины?

Чрезвычайно любопытныя указанія въ этомъ смыслѣ можно найти въ книгѣ Гайниша [1]), ставящей прямо и открыто вопросъ о будущности нѣмецкаго элемента въ Австріи.

Гайнишъ въ своихъ общихъ соціологическихъ воззрѣніяхъ далеко не придерживается марксистской теоріи и матеріалистическаго объясненія всего историческаго процесса и даже отдѣльныхъ спеціальныхъ явленій; онъ даже объявляетъ себя во многихъ случаяхъ противникомъ этого ученія; и тѣмъ не менѣе, выясненіе заинтересовавшаго его вопроса онъ базируетъ исключительно на такихъ фактахъ, какъ различныя формы въ организаціи производства въ областяхъ, занимаемыхъ нѣмцами и славянами, и вытекающія изъ нихъ экономическія условія быта.

Альпійскія области, почти сплошь или по преимуществу заселенныя нѣмцами (Верхняя Австрія, Зальцбургъ, Каринтія, Тироль, Форарльбергъ), по самой географической и топографической природѣ своей, представляли мало подходящія условія для сильной дробимости земельныхъ участковъ и

---

[1]) Dr. Michael Hainisch: „Die Zukunft der Deutsch-Oesterreicher“.

наоборотъ, много благопріятныхъ условій для выработки типа сельскаго хозяйства въ формѣ обширнаго крестьянскаго двора, отдѣльно стоящей мызы, хуторскихъ поселковъ.

И, дѣйствительно, въ то время, какъ въ Судетскихъ земляхъ (заселенныхъ сильно чехами) мы встрѣчаемъ рядомъ съ латифундіями сильную парцелляцію земельныхъ участковъ, въ то время, какъ тамъ можно видѣть рядомъ съ обширными „экономіями“, среднія „карликовыя“ крестьянскія хозяйства (то же самое въ Галиціи), въ Альпійскихъ областяхъ латифундіи встрѣчаются рѣдко, рѣдки и карликовыя крестьянскія хозяйства, и распространеннымъ типомъ владѣнія является Bauernhof, обширная мыза, хуторъ, усадьба. И это обстоятельство не могло не отразиться на всемъ строѣ, общественныхъ и юридическихъ отношеніяхъ, а проникло, конечно, и въ область семейнаго права, и въ самый быть семьи.

Именно съ этой послѣдней точки зрѣнія, и является въ данномъ случаѣ интереснымъ это различіе въ формахъ аграрныхъ отношеній. Дѣло въ томъ, что весь строй жизни обособившагося, замкнутаго крестьянскаго хутора таковъ, что онъ долженъ выработать опредѣленный, строго проводимый взглядъ на семью; семейный строй, связанный съ этою хозяйственною системою, не допускаетъ, чтобы въ такомъ „крестьянскомъ дворѣ“ были двѣ семьи. Весь дворъ переходитъ къ одному изъ сыновей, старшему, но онъ не долженъ обзаводиться собственною семьею, пока не сдѣлается самъ хозяиномъ „двора“, или пока глава семьи, за старостью и неспособностью, не будетъ вынужденъ передать ему всецѣло хозяйство; работники, живущіе при такомъ „дворѣ“, образуютъ челядь, привязанную именно къ этому двору, собственнаго хозяйства на сторонѣ не ведущую и отъ жизни семьею вынужденною отказаться.

И этотъ „строй“ не можетъ не отразиться на числѣ брачущихся, именно на числѣ брачущихся, а не на цифрѣ рождаемости, какъ это наблюдается во Франціи.

И мы видимъ дѣйствительно, что въ нѣмецкомъ Тиролѣ и Форарльбергѣ юридически, а въ Зальцбургѣ, напр., фактически, право на вступленіе въ бракъ зависитъ отъ согласія общины, и послѣдняя, которой учащеніе браковъ невыгодно, совсѣмъ не спѣшитъ выдачею такого разрѣшенія и старается по той или другой причинѣ отказать въ немъ.

Въ Судетскихъ областяхъ, гдѣ господствуетъ система обширныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ рядомъ съ мелкими крестьянскими, установились прямо противоположныя отношенія; работники такой экономіи вербуются, главнымъ обра-

зомъ, изъ среды окрестнаго крестьянства, живущаго въ своей деревнѣ; ему, слѣдовательно, не можетъ быть предъявлено требованіе отказаться отъ обзаведенія собственною семьею; съ своей стороны, и помѣщики, нуждавшіеся въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ, не вынуждены были додуматься до мѣропріятій противъ частости браковъ, а, наоборотъ, ничего не имѣли противъ ихъ учащенія. Каждой группѣ съ опредѣленною формою аграрныхъ отношеній соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, вполнѣ опредѣленная частость браковъ. Области съ сильною дробимостью земельныхъ участковъ и обширными помѣщичьими хозяйствами рядомъ съ ними занимаютъ первое мѣсто по числу браковъ; наименьшее же число браковъ тамъ, гдѣ господствуетъ равномѣрное распредѣленіе земли на большія крестьянскія хозяйства.

И уже въ 1784 г. Вальдекъ указывалъ, исходя изъ этой точки зрѣнія, что система замкнутыхъ дворовъ—язва нѣмецкаго государства.

Подтвержденіе этихъ указаній можно найти въ приводимой Гайнишемъ таблицѣ роста населенія за періодъ 1831—1890 г.г.

	Въ 1831 г.	Въ 1890 г.
Нижняя Австрія . . .	1,297,947	2,651,530
Верхн. Австрія и Зальцбургъ.	839,792	957,448
Штирія.	897,813	1,281,023
Каринтія	304,374	360,443
Крайна.	425,959	498,390
Тироль и Форарльбергъ	803,037	928,920
Богемія.	3,875,657	5,837,603
Моравія и Силезія . .	2,066,762	2,874,973

Въ судетскихъ областяхъ населеніе, такимъ образомъ, возросло вдвое сильнѣе, чѣмъ во внутреннихъ областяхъ.

„Если бы не огромное число незаконнорожденныхъ,—отмѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Гайнишъ,—являющихся чуть-ли не единственнымъ подспорьемъ въ цифрѣ роста населенія, то въ Каринтіи и нѣмецкой части Тироля количество населенія за это время, вѣроятно, уменьшилось бы, а въ Зальцбургѣ и нѣмецкой части Штиріи пріостановилось-бы въ своемъ ростѣ“.

Хуторская система крестьянскаго хозяйства налагаетъ свой отпечатокъ и на другія стороны жизни: этотъ замкнутый дворъ чрезвычайно туго поддается вліяніямъ извнѣ и является сильнымъ консервативнымъ началомъ; здѣсь очень долго сохраняется патріархальный строй отношеній, полно-

властна сила обычая, и переходъ къ болѣе высокимъ формамъ хозяйства совершается чрезвычайно медленно.

И вотъ, въ то время, какъ въ сѣверныхъ частяхъ Богеміи развилась система раціональнаго сельскаго хозяйства на капиталистическихъ началахъ съ производствомъ для рынка (свекловичная культура и т. п.), въ альпійскихъ областяхъ земледѣльческая техника еще сильно отстала, и здѣсь еще въ полной силѣ натуральная система хозяйства.

Во всей Штиріи, напр. (за исключеніемъ городовъ Граца, Марбурга и Цилли), больше трети бѣдняковъ, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ, представляютъ изъ себя постояльцевъ, переходящихъ изъ одного крестьянскаго двора въ другой и получающихъ здѣсь свое пропитаніе; 60% расходовъ, необходимымъ на содержаніе бѣдныхъ, поступаетъ въ видѣ натуральныхъ повинностей. Въ Богеміи, наоборотъ, давно уже развилась система денежнаго хозяйства, и отношенія здѣсь утеряли свой прежній патріархальный характеръ. Благодаря этимъ условіямъ, въ Богеміи оказались и болѣе подходящія условія для развитія промышленности. Обширныя латифундіи здѣсь легче было перевести на денежное хозяйство, чѣмъ крестьянскій дворъ альпійскихъ областей; здѣсь легче было найти и капиталъ, здѣсь были въ изобиліи и рабочія руки. И Богемія становится постепенно одною изъ богатѣйшихъ областей; въ 1826 г. сумма собираемыхъ съ нея налоговъ достигаетъ лишь 25 милліоновъ, въ 1880 г. она составляетъ уже 81 милліонъ, а въ то-же время доля участія альпійскихъ областей въ общеимперскихъ доходахъ уменьшается.

Удивительно ли, что въ виду такого роста населенія въ Богеміи и роста ея значенія центръ тяжести политической жизни тоже перемѣщается изъ внутреннихъ областей на сѣверъ?

И Гайнишъ, который отнюдь не преклоняется передъ идеаломъ соціальнаго строя, въ которомъ капитализмъ даетъ пышные ростки на основѣ находящейся въ полномъ его распоряженіи огромной пролетарской арміи, приходитъ къ заключенію, что съ нѣмецко національной точки зрѣнія, пожалуй, придется привѣтствовать начавшійся процессъ пролетаризаціи крестьянства альпійскихъ областей, такъ какъ лишь это можетъ положить предѣлъ потерѣ нѣмцами принадлежавшей имъ территоріи.

Ибо, пока сохранялся типъ „крестьянскаго двора", его населеніе крѣпко держалось родного пепелища, боясь уходить отъ него; а въ это самое время пролетаріатъ славянскихъ общинъ, не находившій для себя мѣста на родинѣ,

заполнялъ собою города, образуя чешскія поселенія въ нѣмецкихъ городахъ; вслѣдъ зачѣмъ появлялась чешская школа, чешскій учитель, чешскій чиновникъ, чешскій клубъ и т. д.

Согласно даннымъ переписи, приводимымъ Гайнишемъ, въ чисто-нѣмецкихъ областяхъ Богеміи насчитывалось 1,3⁰/₀ чеховъ, а въ чисто ешскихъ областяхъ—0,7⁰/₀ нѣмцевъ; въ округахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ чехи составляли 23⁰/₀; нѣмцы—19⁰/₀. Чехи, такимъ образомъ, больше проникаютъ въ нѣмецкія населенія, чѣмъ нѣмцы въ чешскія. „Обыкновенно національную борьбу представляютъ себѣ въ видѣ крупныхъ битвъ; на самомъ дѣлѣ, это—вѣчная партизанская война",—замѣчаетъ Гайнишъ, который приходитъ къ слѣдующему заключенію: „пока въ альпійскихъ областяхъ распредѣленіе земельной собственности и система сельскаго хозяйства останутся въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, никакая національная политика, напишетъ ли она на своемъ знамени завоеваніе политическаго вліянія на правительство или пробужденіе національнаго самосознанія, не можетъ достигнуть ничего другого, какъ лишь замедленія этого процесса, который ежедневно совершается на нашихъ глазахъ со стихійною силою...

Вотъ этого-то стихійнаго характера совершающагося въ Австріи процесса и не хотятъ признать руководители ея судебъ, все еще старающіеся тѣмъ или другимъ бумажнымъ документомъ задержать этотъ процессъ, несмотря на то, что хотя бы примѣръ чешскаго національнаго движенія, развивавшагося вопреки всѣмъ преградамъ, могъ бы доказать всю невозможность этого.

Благодаря такъ называемой „избирательной геометріи", при помощи которой создаются самые искусственные избирательные округи (отъ густо населенныхъ чешскихъ округовъ отрѣзываются куски и прирѣзываются къ нѣмецкимъ округамъ, такъ что чешскіе избиратели расплываются въ общей массѣ нѣмецкаго населенія), центральному правительству удалось достигнуть того, что въ общеимперскій парламентъ нѣмецкое населеніе, составляющее 36⁰/₀ всего населенія, посылало до недавняго времени 117 депутатовъ, а славянское населеніе, составляющее свыше 60⁰/₀ общаго числа, посылало 136 депутатовъ. За то въ самой Богеміи крупные землевладѣльцы въ числѣ 452 имѣли въ ландтагѣ 23 депутатовъ, а 236,480 сельскихъ избирателей имѣли лишь 30 депутатовъ; 92,840 городскихъ избирателей также имѣли лишь 32

депутатовъ, а 186 членовъ торговыхъ палатъ имѣли 5 депутатовъ.

Что же касается распредѣленія депутатовъ по національностямъ въ Богеміи, то оно и того курьезнѣе: свыше $3^1/_2$ милліоновъ славянскаго населенія изъ числа общаго населенія, опредѣляющагося цифрою въ 6 милліоновъ, посылали 40 депутатовъ, а $2^1/_2$ милліона нѣмцевъ посылали 36 депутатовъ. Точно также въ богемскомъ ландтагѣ засѣдаетъ 98 чешскихъ депутатовъ, 71 нѣмецкій и 74 крупныхъ землевладѣльца, между тѣмъ какъ безъ помощи „избирательной геометріи" они должны-бы распредѣлиться въ слѣдующемъ порядкѣ: 135 чешскихъ депутатовъ, 72 нѣмецкихъ и 36 отъ крупнаго землевладѣнія [1]).

Въ 1868 г. чехи предъявили президенту богемскаго ландтага протестъ по поводу отношенія къ нимъ и еще разъ напомнили, что „земли чешской короны никогда не были реально соединены съ Австріею; что за Богеміею сохранено право избирать по своему усмотрѣнію короля, въ случаѣ прекращенія династіи, и составить независимую страну; что чешскій народъ не долженъ считаться съ трактатами, ограничивающими его права и заключенными, безъ его вѣдома, между династіею, Венгріею и другими національностями".

Въ отвѣтъ на это послѣдовало лишь объявленіе Праги въ осадномъ положеніи и новыя преслѣдованія. Но чехи ни на минуту не отказывались отъ борьбы и довели, наконецъ, дѣло до того, что кабинетъ Гогенварта предложилъ въ 1871 году два министерскихъ портфеля чехамъ, а императоръ Францъ-Іосифъ, приглашая чеховъ принять участіе въ ландтагѣ, который долженъ былъ выработать мѣры для установленія добрыхъ сосѣдскихъ отношеній между чехами и нѣмцами, обратился къ нимъ съ рескриптомъ, въ которомъ сказано: „Прекрасно памятуя положенія государственнаго права земель Богемской короны, сознавая, какую славу и какое могущество эта корона доставила нашимъ предшественникамъ, а также и то, что народъ Богеміи всегда съ непреклонною вѣрностью поддерживалъ нашъ тронъ, мы охотно признаемъ права этого королевства и готовы возобновить это утвержденіе присягою при священномъ коронованіи".

Для своего времени этотъ рескриптъ во всякомъ случаѣ является кульминаціоннымъ пунктомъ торжества чешской національности. Ландтагъ 1871 года единодушно принялъ проекты законовъ, которыми создавалась вполнѣ автономная Богемія. Но нѣмецкій элементъ былъ такъ напуганъ этимъ

---

[1]) I. Bourlier: „Современная Богемія".

торжествомъ чеховъ, что обратился за помощью къ Германіи, и Бисмаркъ быстро экспедировалъ въ Вѣну короля Саксонскаго, послѣ визита котораго министерство Гогенварта должно было выйти въ отставку и уступить власть кабинету Ауэрсперга, который поспѣшилъ распустить ландтагъ, вступить въ союзъ съ Grossgrundbesitzer'ами, измѣнить избирательный законъ и собрать новый ландтагъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ большинствомъ.

Чешскому движенію былъ тогда нанесенъ очень сильный ударъ. Но еще большимъ несчастьемъ, чѣмъ эти мѣропріятія вѣнскаго правительства, оказалась для него двусмысленная тактика, къ которой начинаетъ прибѣгать руководящая этимъ движеніемъ группа подъ главенствомъ Ригера. Предположивъ, что заступникомъ чешскаго народа передъ короною можетъ явиться теперь только аристократія, и что именно она теперь можетъ оказать наиболѣе крупныя услуги, Ригеръ вступаетъ въ союзъ съ чешскою аристократіею, что приводитъ его къ союзу и съ клерикально-реакціонными элементами.

Тотъ самый Ригеръ, который въ 1848 г. первый, внесъ въ парламентъ предложеніе объ уничтоженіи дворянскаго званія и дворянскихъ привиллегій, который, въ качествѣ перваго пункта конституціи, проектъ которой ему поручено было выработать, вписываетъ положеніе: „всякая власть въ государствѣ исходитъ отъ народа“, — этотъ Ригеръ ждетъ теперь подачекъ только отъ аристократіи, защищаетъ, поэтому, ея реакціонную политику и успѣхъ всего движенія возлагаетъ на закулисныя политическія интриги.

Эта политика его, въ связи съ цѣлымъ рядомъ совершенныхъ имъ въ это время ошибокъ, породила сильное недовѣріе къ боготворимому раньше чехами Ригеру и дала возможность окрѣпнуть выступившей тогда съ прогрессивной программой молодой партіи, назвавшей себя младочехами въ отличіе отъ партіи Ригера, получившей названіе старочешской. Чѣмъ больше старочешская партія связывала свою судьбу съ аристократіей, тѣмъ сильнѣе подрывала она довѣріе къ себѣ и своей политикѣ; и если эта политика, можетъ быть, и соотвѣтствовала условіямъ переживаемаго момента, то вести агитацію противъ нея среди чешскаго народа было въ это время уже не трудно. Это и дѣлали младочехи.

Въ началѣ борьбы обаяніе старочеховъ было еще достаточно сильно, чтобы справиться съ неимѣвшими еще достаточнаго авторитета младочехами. Они были объявлены революціонерами; главный вожакъ, Ригеръ, отвернулся отъ своихъ

прежнихъ соратниковъ и даже проклялъ ихъ; и на слѣдующихъ выборахъ младочехи дѣйствительно потерпѣли жестокое пораженіе. Но какъ ни малочисленно было ихъ представительство въ парламентѣ, они не пропускали ни одного случая, гдѣ нужно было выступить въ защиту чешскаго элемента, и вскорѣ обратили на себя вниманіе народа, а старочехи сочли болѣе благоразумнымъ помириться съ ними.

Рѣшительный моментъ въ этой борьбѣ наступилъ, когда чешской партіи пришлось высказаться по вопросу о примиреніи съ нѣмцами. Это было при министерствѣ гр. Таафе, который, желая ослабить значеніе нѣмецкихъ партій въ парламентѣ, рѣшилъ привлечь туда чеховъ, которые въ это время совсѣмъ отказались отъ участія въ работахъ парламента. Условія примиренія, предложенныя тогда гр. Таафе (раздѣленіе Богеміи на нѣмецкую и чешскую часть съ соотвѣтственными правами чешскаго и нѣмецкаго языка въ каждой изъ нихъ, предоставленіе куріямъ права „veto“ по національнымъ вопросамъ, отмѣна прежнихъ ордонансовъ о равноправіи языковъ и т. п.), были таковы, что младочехи отказались даже обсуждать ихъ.

Старочехи, наоборотъ, считали необходимымъ пока удовольствоваться этими уступками, считая ихъ однимъ изъ этаповъ на пути къ дальнѣйшему отвоевыванію правъ для чешскаго народа; и Ригеръ согласился подписать эти условія, извѣстныя подъ именемъ: „Punctationen“, согласился отчасти и съ тою цѣлью, чтобы положить на время конецъ національной распрѣ, выдвигающей на первый планъ радикально-національные элементы. Но младочешская партія повела отчаянную борьбу противъ этихъ „Пунктацій“; въ ландтагѣ она помощью обструкціи не дала довести обсужденіе ихъ до конца; въ собраніяхъ и въ печати она съумѣла вызвать такое возбужденіе противъ авторовъ „Пунктацій“, которые были названы „измѣнниками“, „перебѣжчиками“, „продавшимися“, что населеніе Праги, недавно еще ликовавшее по поводу 70-лѣтія дня рожденія Ригера, превратившее этотъ день въ національный праздникъ и преподнесшее Ригеру сумму въ 200,000 р. въ видѣ „національнаго дара“, теперь разбивало окна въ квартирѣ своего прежняго вождя. И когда въ слѣдующемъ (1891) году парламентъ былъ распущенъ и назначены были новые выборы, то результатомъ ихъ оказался полный разгромъ старочешской партіи изъ 40 депутатскихъ мѣстъ младочехамъ досталось 38, старочехамъ—лишь 2; а на послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ старочехи и совсѣмъ уже не рѣшались выставлять своихъ кандидатовъ.

На время младочешская партія сдѣлалась единственною

представительницею чешскаго движенія, которое выступало теперь подъ знаменемъ: возвращеніе Богеміи ея государственныхъ правъ и признаніе чешской національности хозяиномъ „единаго и нераздѣльнаго Богемскаго королевства".

Въ виду постояннаго роста чешскаго элемента, борьба съ ростомъ славянскаго вліянія въ Богеміи сдѣлалась непосильною задачею для вѣнскаго правительства, несмотря на то, что оно было довольно неразборчиво въ примѣненіи мѣръ для подавленія чешскаго движенія.

И правительство, и большая часть нѣмецкой печати признаетъ теперь справедливость словъ одного изъ наиболѣе выдающихся чешскихъ публицистовъ: „безъ примиренія съ чешскимъ народомъ невозможно существованіе сильной Австріи, невозможно даже существованіе самой Австріи". Вопросъ, однако, сводится къ тому, какъ этого примиренія достигнуть.

И именно невозможность найти удовлетворяющій обѣ стороны отвѣтъ на этотъ вопросъ является главною причиною непрекращающейся національной распри.

Младочешская партія, занявшая мѣсто оттѣсненной ею старочешской партіи, начала, конечно, съ настойчивыхъ требованій осуществленія „государственныхъ правъ" чеховъ. Однако, и они съ теченіемъ времени увидѣли себя вынужденными удовлетворяться меньшимъ. И когда гр. Бадени издалъ свое распоряженіе о равноправіи чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ Богеміи, младочешская партія признала это такимъ крупнымъ завоеваніемъ, что слѣпо пошла за правительствомъ, согласившись сдѣлаться его оплотомъ въ парламентѣ и поддерживать проводимыя имъ мѣры.

Министерство гр. Бадени, не имѣвшее права разсчитывать на симпатіи нѣмецко-національныхъ партій въ виду его анти-нѣмецкой политики, не дѣлало, однако, ничего, чтобы заручиться симпатіями населенія при помощи другихъ мѣропріятій соціально-политическаго характера. Наоборотъ, большинство его мѣропріятій было таково, что вызывало противъ него озлобленіе и такихъ группъ, которыя не согласны видѣть въ національной борьбѣ альфу и омегу всей политической жизни.

Въ теченіе двухъ лѣтъ это министерство грубо нарушало законныя гарантіи свободы, предоставленныя народу конституціею, путемъ многочисленныхъ конфискацій урѣзывало и безъ того не особенно широкую свободу печати въ Австріи, вопреки законамъ о правѣ коалиціи распускало сформировавшіяся уже профессіональныя рабочія организаціи, подготовляло почву для окончательной клерикализаціи школъ

и вообще пробудило къ жизни всѣ клерикально-реакціонныя тенденціи. Это-то и создало ту чрезмѣрно напряженную атмосферу всеобщаго недовольства и возмущенія, при которой борьба нѣмцевъ противъ министерства Бадени пріобрѣтала особую популярность, а защита чехами этого министерства выступала въ особенно неприглядномъ свѣтѣ, и при которой оказалось возможнымъ, что парламентская борьба была вынесена на улицу и вызвала опасныя уличныя демонстраціи.

Съ обѣихъ сторонъ страсти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разгорались, каждый день подливалъ масла въ огонь. Исходный пунктъ раздора—распоряженіе о языкахъ—былъ уже даже забытъ отчасти, и борьба велась за событія дня, за нарушаемые министерствомъ Бадени законы конституціи внѣ парламента различными распоряженіями, внутри парламента—поведеніемъ президіума, въ которомъ тогда президентское мѣсто занималъ представитель польской шляхты, Абрагамовичъ, а вице-президентское мѣсто—чехъ д-ръ Крамаржъ, и которые, не считаясь съ парламентскимъ уставомъ, старались ограничить свободу парламентскихъ преній.

Національный расчетъ заставилъ младочешскую партію закрыть глаза на все остальное; эта партія, которая продолжаетъ называться „свободомыслящею и прогрессивною", не поколебалась вступить въ союзъ съ польскою шляхтою, такъ грубо попирающею права народа въ Галиціи, и съ реакціонною нѣмецко-клерикальною партіею.

Тѣмъ временемъ продолжали дѣлаться попытки сближенія между чехами и нѣмцами, и правительство предлагало каждый разъ новый базисъ для соглашенія. Подъ вліяніемъ непрекращавшагося обсужденія вопроса о языкахъ, начала назрѣвать новая формула его разрѣшенія. Нѣмцы, желая спасти что еще можно, предложили понимать терминъ: равноправность языковъ въ смыслѣ обоюдности, т. е. чтобы чешскій языкъ пользовался въ чешскихъ областяхъ Богеміи такими-же правами, какими нѣмецкій—въ нѣмецкихъ. Согласно этой формулѣ, Богемія, какъ уже было указано, должна быть раздѣлена на три области: чисто—чешскую съ преобладающимъ чешскимъ населеніемъ, т. е. такую, въ которой нѣмецкое населеніе не достигаетъ 20% общаго числа населенія; чисто—нѣмецкую и смѣшанную. Въ нѣмецкой области языкомъ суда и администраціи считается нѣмецкій, въ чешской—чешскій; въ смѣшанной—оба языка.

Но въ эту формулу вводились всевозможныя ограниченія. Во-первыхъ, она распространялась только на Богемію, гдѣ

существуютъ еще области съ сплошнымъ нѣмецкимъ населеніемъ; для другихъ же областей, какъ Моравія, которую чехи считаютъ неразрывно связанною съ Богеміею, гдѣ славянское населеніе составляетъ компактную массу, нѣмцы не признавали этой формулы; во-вторыхъ, подъ равноправіемъ нѣмцы согласились понимать только равноправіе языка внѣшней службы, т. е., что въ сношеніяхъ со сторонами административные и судебные органы могутъ пользоваться и чешскимъ языкомъ; языкомъ-же внутренняго дѣлопроизводства долженъ остаться исключительно нѣмецкій, въ чемъ должно было заключаться нѣмое признаніе нѣмецкаго языка государственнымъ. Впослѣдствіи нѣмцы согласились пойти и на дальнѣйшія уступки. Они согласились признать чешскій языкъ языкомъ внутренняго дѣлопроизводства во многихъ отрасляхъ судебно-административнаго управленія, признать, что и въ нѣмецкой части Богеміи чехъ имѣетъ право пользоваться роднымъ языкомъ въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, и ему должны даваться отвѣты, объясненія и справки на этомъ языкѣ.

Вожаки младочешской партіи, принимавшіе участіе въ закулисныхъ переговорахъ и видѣвшіе, что большаго пока добиться нельзя, склонялись уже къ мысли удовольствоваться этими завоеваніями. Но теперь младочешская партія, какъ въ свое время партія старочешская, не пользуется уже достаточнымъ авторитетомъ для того, чтобы народъ довѣрчиво принялъ изъ ея рукъ такую важную реформу.

Сила младочеховъ заключалась въ свое время не только въ ихъ національномъ знамени, но и въ той программѣ соціальныхъ и демократическихъ реформъ, которая позволила имъ выступить въ качествѣ демократической, прогрессивной партіи. Пока она находилась въ оппозиціи, она дѣйствительно представляла собою наиболѣе прогрессивный элементъ въ парламентѣ, являлась энергичною защитницею либеральныхъ реформъ, ея представителями были произнесены лучшія рѣчи по вопросу о расширеніи избирательныхъ правъ; своею критикою реакціонныхъ мѣропріятій правительства она нерѣдко перетягивала на свою сторону даже своихъ національныхъ противниковъ. И это окружало ее извѣстнымъ обаяніемъ.

Но ея двусмысленная политика съ того времени, какъ она сдѣлалась правительственною партіею и партіею, которая можетъ расчитывать на врученіе ей кормила правленія, заставила отшатнуться отъ нея многихъ. Въ рядахъ чешской интеллигенціи есть все-таки и такіе элементы, для которыхъ культурные интересы страны стоятъ на первомъ планѣ; эти

элементы (группирующіеся преимущественно вокругъ извѣстнаго чешскаго ученаго проф. Масарика и извѣстные подъ кличкою „реалистовъ“) не забываютъ, что именно тѣ крупицы свободы, которыя были отвоеваны у правительства, и позволили чешскому движенію принять размѣры такого могучаго потока; что сила этого движенія и признаніе за чешскимъ народомъ права на болѣе замѣтную и болѣе активную роль въ жизни Австріи зиждились на культурныхъ успѣхахъ этой національности. Они, эти лица и группы, не могутъ поэтому мириться съ тѣмъ, что младочешская партія рѣшилась предать забвенію свою прогрессивно-демократическую программу и способствуетъ торжеству реакціонныхъ элементовъ; не могутъ тѣмъ болѣе, что они ясно видятъ, какъ подъ вліяніемъ непрерывной и исключительно національной агитаціи національное движеніе начало превращаться въ грубо шовинистское, какъ этимъ движеніемъ начала овладѣвать феодальная и клерикальная партіи.

Эта національная агитація породила еще болѣе радикальную національную партію, которая еще громче кричитъ о національныхъ правахъ, превращаетъ требованіе признанія своихъ національныхъ правъ въ грубый крикъ: „смерть нѣмцу!“ которая старается воздѣйствовать на низменные инстинкты толпы, возбуждаетъ ее противъ инородцевъ и иновѣрцевъ и т. п. И эти громкіе крики и фразы оказываются способными сѣять такую смуту, что младочехи и сами не рѣшаются выступить съ защитою своей болѣе примирительной политики. Такъ какъ теперь ихъ обвиняютъ въ томъ, что они отказались отъ осуществленія „государственнаго права“ Богеміи и готовы подписать измѣннически й договоръ, разрывающій „единую и нераздѣльную Богемію“ на нѣсколько частей, то и они не находятъ въ себѣ мужества признать этотъ договоръ и спѣшатъ еще громче выкрикивать свои требованія „государственныхъ правъ“, несмотря на отсутствіе возможности осуществить ихъ.

За то тѣмъ громче могутъ настаивать на этихъ требованіяхъ не чувствующія еще бремени отвѣтственности радикальныя фракціи, какъ, напр., „радикально - національная чешская партія“ и „крестьянская чешская партія“, открыто выступающія съ программою государственнаго отдѣленія Богеміи. Партіи эти дѣйствуютъ при помощи демагогическихъ пріемовъ, и такъ какъ они высказываютъ свои требованія громче, смѣлѣе, проявляютъ еще больше шовинизма, швыряютъ въ толпу еще болѣе трескучія фразы, мало задумываясь надъ тѣмъ, осуществимы ли въ данный моментъ выставленныя ею требованія, то ораторы этой партіи на на-

Карелъ Крамартъ,
одинъ изъ вождей младочешскаго движенія.

родныхъ собраніяхъ начали одерживать побѣды надъ ораторами младочешской партіи.

Чтобы обратить на себя еще большее вниманіе, эти партіи начали эксплуатировать наиболѣе низменныя чувства невѣжественныхъ массъ и сдѣлали кардинальнымъ пунктомъ своей программы антисемитизмъ. Одинъ изъ вожаковъ этого движенія, д-ръ Бакса, взялъ даже на себя трудъ доказать (по поводу одного процесса о якобы ритуальномъ убійствѣ), что евреи дѣйствительно совершаютъ такія ритуальныя убійства, и доказалъ вполнѣ, что эта партія способна пользоваться для своихъ цѣлей самыми недостойными средствами. Парадируя сказкою о ритуальныхъ убійствахъ, Бакса сумѣлъ вызвать такое возбужденіе, что въ Богеміи и Моравіи началась полоса анти-еврейскихъ погромовъ, а приверженцы его продолжали еще болѣе разжигать страсти въ надеждѣ уловить всю эту толпу въ свои сѣти. Эти партіи прямо говорятъ о необходимости парализовать дѣятельность вѣнскаго парламента для того, чтобы доказать нелѣпость централистской системы; даютъ обѣты немедленно добиваться возстановленія государственныхъ правъ Богеміи, обѣщаютъ вырвать Богемію изъ рукъ пришельцевъ-нѣмцевъ и вернуть ее исконнымъ владѣльцамъ — чехамъ. Обаяніе этихъ рѣчей, повидимому, было настолько сильно, что младочехи, несмотря на свою замѣчательную организацію, должны были уступить этимъ крайнимъ элементамъ около 10 депутатскихъ полномочій.

Зажиточное крестьянство, благодаря которому теперь возникла новая чешско-аграрная партія, дѣйствуетъ вполнѣ сознательно, и для него національные мотивы тѣсно переплетаются съ хозяйственными. Оно не можетъ простить младочехамъ того, что они согласились подписать торговый договоръ съ Венгріею, очень невыгодный для австрійскаго крестьянства вообще и чешскаго въ частности, такъ какъ Венгрія, озабоченная, главнымъ образомъ, охраною своихъ земледѣльческихъ интересовъ, настояла на очень выгодныхъ для венгерскаго зернового экспорта условіяхъ. Самостоятельность Богеміи, при которой послѣдняя могла бы заключать отдѣльные торговые договоры или запереть свои границы для венгерскаго ввоза, составляетъ поэтому для венгерскаго крестьянства не только вѣнецъ національной гордости, но и весьма существенные матеріальные интересы.

Рядомъ съ крестьянскою партіею, выступившею съ радикальною національною программою, появилась на сценѣ и чешско-національная рабочая партія. Рабочею партіею въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается этотъ тер-

минъ, ее, однако, назвать нельзя. Это партія мелкихъ городскихъ ремесленниковъ, мастеровыхъ и такого рода рабочихъ, какъ извозчики, швейцары, кельнера и т. п. Младочешская партія сама патронизировала отчасти эту партію, чтобы создать противовѣсъ настоящей рабочей партіи, которая дѣйствительно отвлекала рабочихъ отъ участія въ шовинистскихъ движеніяхъ. Младочешской партіи было непріятно, что она не можетъ сказать, что въ представляемомъ ею національномъ движеніи участвуетъ и рабочая масса, и она сама отчасти содѣйствовала на первыхъ порахъ созданію національной рабочей партіи, которая для того, чтобы внести еще большую путаницу въ понятія, назвала себя соціалистическою партіею, хотя она питаетъ далеко не соціалистическіе, а истинно мелко-буржуазные идеалы

На выборахъ этой партіи, кандидаты которой выступали съ одной стороны противъ младочеховъ, съ другой—противъ кандидатовъ чешской рабочей партіи, тоже досталось 3 депутатскихъ мѣста.

— —

Еще болѣе разстроенными рядами вступаютъ въ избирательную борьбу нѣмецкія партіи. Среди этихъ партій нѣкогда играла видную, руководящую роль нѣмецко-либеральная партія, которою руководили такія лица, какъ извѣстный ученый Зюссъ, Пленеръ и др., и о которой теперь приходится сказать, что она уже изжила свою программу, вѣрнѣе, отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть.

Очутившись послѣ геройскаго напряженія силъ въ началѣ конституціонной эры въ положеніи „beati possidentes“, эта партія уже вскорѣ послѣ своей побѣды начала неизлѣчимо хирѣть, и, наконецъ, окончательно захирѣла.

Воспитанная на идеяхъ конца прошлаго столѣтія, которыя она считала своимъ долгомъ и соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ провести въ жизнь, она дала Австріи то, что могла ей дать программа „чистаго либерализма“, т. е. представительную форму правленія, свободу мысли, свободу слова, свободную школу, юридическое равноправіе всѣхъ національностей и всѣхъ вѣроисповѣданій передъ закономъ и т. п.,—все это въ извѣстныхъ предѣлахъ, однако; укрѣпить и расширить эти завоеванія она не успѣла, такъ какъ остальную часть своей молодой энергіи она вынуждена была посвятить національной борьбѣ, заслонившей другіе интересы.

То, что она успѣла дать Австріи, является, конечно, не малою заслугою и остается блестящею страницею въ жизни этой партіи. Но наше время поставило передъ партіями и

государствомъ новыя задачи. Тѣ завоеванія, которыя тогда успѣла сдѣлать либеральная партія, считаются въ настоящее время во всемъ цивилизованномъ мірѣ не тѣми идеалами, къ которымъ должно только стремиться, а необходимыми данными, столь же естественными сколько и географическая среда, въ предѣлахъ которой должно устраивать свою жизнь. Но нѣмецко-либеральная партія на этихъ идеалахъ и застыла. Новыя требованія, поставленныя выступившею на арену политической дѣятельности широкою массою населенія, не встрѣтили никакого сочувствія въ рядахъ либеральной буржуазіи, отмежевавшей себѣ извѣстный размѣръ правъ и цѣпко державшейся за нихъ. Требованіе уступить частицу этихъ правъ, подѣлиться ими съ остальною, самою обширною частью населенія встрѣчало только глухой отпоръ со стороны нѣмецко-либеральной партіи, и она, наконецъ, пропиталась такимъ страхомъ къ поднимавшейся изъ глубинъ народной жизни вполнѣ, что предпочла скорѣе сдѣлаться податливымъ прислужникомъ правительства, чѣмъ итти рядомъ съ прогрессивными народными элементами.

Все талантливое, все мало-мальски выдающееся бѣжало изъ рядовъ этой окаменѣлой партіи, и часть этихъ элементовъ, при содѣйствіи извѣстнаго экономиста, профессора Филипповича, рѣшила выдѣлиться въ особую „соціально-политическую“ партію, пробующую воскресить старый либерализмъ, подновленный программою соціальныхъ реформъ и подкрашенный нѣсколько радикализмомъ; но эта партія носитъ пока только академическій характеръ.

Хранителями либеральныхъ традицій продолжаетъ оставаться все таки нѣмецко-либеральная партія и отчасти нѣмецко-народная партія, которой либерализмъ не помѣшалъ внести въ свою программу антисемитизмъ, хотя и въ умѣренной дозѣ. Надо, впрочемъ сказать, что этотъ антисемитизмъ служитъ въ ея программѣ, главнымъ образомъ, параднымъ украшеніемъ, разсчитанъ на своего рода captatio benevolentiae тѣхъ избирателей, которымъ люба эта формула и которыхъ они все таки хотѣли-бы завербовать въ свои ряды.

Нѣкоторая двойственность замѣчается и въ экономической программѣ этой партіи, которая то выступаетъ съ проектами спасенія мелкой промышленности и крестьянства и готова при этомъ подписать и довольно реакціонныя мѣропріятія, то проявляетъ нѣжныя попеченія о развитіи австрійской индустріи, то нападетъ на крупный капиталъ. Обѣ эти партіи, какъ видно изъ этого, не представляютъ собою ни-

чего въ такой мѣрѣ притягательнаго, чтобы объединить вокругъ себя всѣхъ нѣмецкихъ избирателей.

Что касается нѣмецко-народной партіи, то нагроможденная ею программа, въ которой всякій можетъ найти, что ему хочется оказывается еще способною вербовать ей партизановъ во многихъ округахъ, особенно тамъ, гдѣ борьба не носитъ еще слишкомъ интенсивнаго характера, и гдѣ противники этой партіи еще недостаточно организованы.

Обострившаяся національная борьба придала даже либераламъ на нѣкоторое время видъ жизненной партіи: они выступили въ защиту нѣмцевъ противъ чеховъ и могли снова кричать, что они защищаютъ права „народа", что они ни за что не поступятся священными правами „народа", что „народъ" пойдетъ за ними или они пойдутъ за „народомъ" и не остановятся ни передъ чѣмъ на своемъ пути. Устраивались „митинги протеста", давались клятвы, вялыя рѣчи нѣмецко-либеральныхъ ораторовъ, къ голосу которыхъ уже отвыкли прислушиваться, снова получили сочность и красочность. Но этотъ „медовый мѣсяцъ" длился недолго. Какъ только борьба свелась къ тому, кто умѣетъ лучше пускать пыль въ глаза, кто умѣетъ выражаться фразистѣе, кто умѣетъ перещеголять ни къ чему необязывающею фразою или неосуществимымъ обѣщаніемъ,—какъ только на биржѣ начали котироваться эти дутыя акціи, у нѣмецко-прогрессивной партіи явился очень опасный соперникъ въ лицѣ радикально-нѣмецкой или шенереровской (какъ ее называютъ по имени ея вожака) партіи.

Дѣло въ томъ, что и въ національномъ отношеніи нѣмецко-прогрессивная партія думала отдѣлываться неопредѣленными фразами: преимущественныя права нѣмецкой культуры, духовное руководительство нѣмцевъ и т. п. Дальше они итти не могли, такъ какъ нѣмецко-прогрессивная партія нѣкогда была у власти и до сихъ поръ, несмотря на переживаемые ею тяжелые дни представляетъ собою ministrable Partei, т. е. партію, которой можетъ быть предложено управленіе страною.

Какъ таковая, она чувствуетъ нѣкоторую отвѣтственность, не можетъ давать неосуществимыхъ обѣщаній, не можетъ, какъ и младочешская партія, вписать въ свою програму такихъ требованій, которыя лишали бы корону возможности призвать ее ко власти. Поэтому она даже такое, выдвигаемое ею же и безусловно признаваемое ею требованіе, какъ признаніе нѣмецкаго языка государственнымъ, старается окутать туманомъ. Она знаетъ, что провести такое требованіе въ австрійскомъ парламентѣ невозможно, что даже

въ тѣ времена, когда положеніе нѣмцевъ, въ сравненіи съ неокрѣпшими еще славянскими партіями, было гораздо болѣе благопріятными для нихъ, министры изъ рядовъ нѣмецко-прогрессивной партіи не рѣшались выступать съ такимъ законопроектомъ. И нѣмецко-прогрессивная партія продолжаетъ поэтому и теперь говорить о необходимости „единообразнаго языка сношеній“, а не о государственномъ языкѣ.

Радикально-нѣмецкая партія, наоборотъ, не боится прямо „брать быка за рога“. Этой партіи терять нечего. Первоначальная ея программа такова, что на врученіе ей власти она еще долго и очень долго не можетъ расчитывать. Основатель этой партіи, г. Шенереръ, представляетъ собою чрезвычайно странную фигуру. Онъ мечтаетъ о возрожденіи древняго тевтонскаго міра; въ издаваемой имъ газетѣ онъ не признаетъ даже нынѣшняго календаря, а старинный, и обознаетъ мѣсяцы старыми тевтонскими именами: Hartung, Hornung, и т. д. Онъ носится съ древне-германскимъ богомъ, Вотаномъ, съ героями древне-германской миѳологіи и т. д. Въ политическомъ смыслѣ онъ—пангерманецъ и не можетъ мириться съ тѣмъ, чтобы на земномъ шарѣ существовали нѣмцы, не стоящіе подъ скипетромъ германской имперіи. Изъ этой путаницы романтизма и реальныхъ политическихъ интересовъ выросла программа шенереровской партіи, которая иногда даже хвастаетъ тѣмъ, что она мечтаетъ о присоединеніи нѣмецкихъ провинцій Австріи и Германіи.

Но такъ какъ въ такомъ видѣ это была бы партія „государственной измѣны“, которую австрійское правительство имѣло бы право преслѣдовать, то въ оффиціальной программѣ эти требованія, какъ уже указано въ приведенной выше программѣ этой партіи, изложены въ другомъ видѣ.

Нужно отмѣтить еще одну интересную струю въ жизни этой партіи. Такъ какъ обыкновенно утверждаютъ, что Германія абсолютно не хочетъ навязывать себѣ на шею эти нѣмецко-католическія области Австріи, чтобы не усилить католическаго элемента въ протестантской Германіи (обыкновенно ссылаются при этомъ на то, что Бисмаркъ послѣ пораженія Австріи въ 1866 г., когда Германія безъ труда могла присоединить эти провинціи, именно по этимъ соображеніямъ отказался отъ этого плана), то шенереровская партія вступила въ ожесточенную борьбу съ католицизмомъ. Она подняла такъ называемое „Los-von-Rom-Bewegung“, т. е. движеніе въ пользу отторженія нѣмцевъ отъ Рима. Самъ Шенереръ принялъ протестантство, и всѣмъ сторонникамъ этой партіи рекомендуется послѣдовать его примѣру.

Изъ другихъ особенностей этой партіи слѣдуетъ указать еще на то, что одинъ изъ пунктовъ ея программы требуетъ, чтобы сторонники ея не принимали участія въ выраженіи вѣрноподданническихъ чувствъ австрійской династіи, покуда не восторжествуетъ защищаемая этою партіею политика (выражать же чувства любви и преданности германскому императору не только не возбраняется, но даже рекомендуется). Кромѣ того, эта партія требуетъ, чтобы члены ея были judenrein, т. е. свободны отъ примѣси еврейской крови, ибо, въ качествѣ древнихъ тевтоновъ, шенереровцы (несмотря на то, что Шенереръ самъ былъ женатъ на еврейкѣ и въ жилахъ его дѣтей течетъ семитская кровь) не признаютъ религіознаго антисемитизма, а только расовый антисемитизмъ, по канонамъ котораго принятіе евреемъ христіанства не очищаетъ послѣдняго, и онъ даже въ десятомъ поколѣніи, происшедшемъ отъ смѣшаннаго христіанско-еврейскаго брака, продолжаетъ оставаться не равнороднымъ христіанину другой расы.

Такова эта „баронская фантазія“ барона фонъ-Шенерера, которая сумѣла превратиться въ программу политической партіи, сумѣла только потому, что Шенереръ очень богатъ и доставилъ депутатское званіе двумъ, тремъ изъ своихъ прихлебателей, согласившимся выступить въ качествѣ носителей этой программы.

Въ послѣднемъ парламентѣ шенереровская партія состояла изъ 5 человѣкъ, которые и оказались самыми отъявленными крикунами, много способствовавшими успѣху нѣмецкой обструкціи; среди этихъ крикуновъ особенно отличался депутатъ Вольфъ, бывшій редакторомъ органа этой партіи: „Ost deutsche-Rundschau“. И не характерно ли для господствующей въ Австріи политической сумятицы, что именно эта партія одержала на послѣднихъ выборахъ наиболѣе блестящую побѣду и заполучила 21 депутатское мѣсто, вмѣсто прежнихъ пяти? Не свидѣтельствуетъ ли это о полномъ смятеніи умовъ, благодаря которому наиболѣе горланящіе крикуны оказываются господами положенія?

Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что во время выборовъ кандидаты этой партіи старались меньше ссылаться на измышленія баронской фантазіи Шенерера и говорили, главнымъ образомъ, о двухъ пунктахъ: союзѣ нѣмецко-австрійскихъ провинцій съ Германіею (хотя бы въ видѣ таможеннаго союза пока) и признаніи нѣмецкаго языка государственнымъ.

Въ такомъ видѣ эта программа пріобрѣтала болѣе трезвый характеръ и становилась даже настолько заманчивою, что

ею могли увлекаться и практическіе политическіе дѣятели. Выступая въ такомъ видѣ, радикально-нѣмецкая партія казалась многимъ лишь болѣе рѣшительнымъ и болѣе энергичнымъ защитникомъ нѣмецкихъ интересовъ, чѣмъ нерѣшительные и обвиняемые въ трусости сторонники нѣмецко-прогрессивной партіи.

Но не только надъ либералами одержала побѣду эта партія, а и надъ рабочею партіею, которая на предыдущихъ выборахъ успѣла завоевать въ Богеміи 6 депутатскихъ полномочій, изъ коихъ ей пришлось на этихъ выборахъ потерять 5 въ пользу радикально-нѣмецкой партіи.

Такой результатъ выборовъ, правда, въ достаточной мѣрѣ объяснялся цѣлою цѣпью причинъ случайнаго характера (какъ разъ передъ выборами руководимая рабочею партіею грандіозная стачка углекоповъ, которые въ теченіе 10 недѣль, несмотря на всякія лишенія, не возобновляли работу, окончилась не совсѣмъ удачно и вызвала множество недоразумѣній, которыми противники рабочей партіи воспользовались, чтобы путемъ клеветническихъ заподозрѣваній вызвать движеніе противъ нея), но общая причина, вызвавшая такой исходъ борьбы, была все та же, т. е. интенсивность національной вражды, искусственно къ тому-же разжигаемой и доводимой до такихъ размѣровъ, что достаточно слова: „чехъ“ или „нѣмецъ“, чтобы опредѣлилось отношеніе къ той или иной группѣ.

На эту причину не закрываетъ глаза и рабочая партія.

„Было бы странно, еслибъ мы стали отрицать, — писалъ по этому поводу органъ рабочей партіи „Arbeiter Zeitung“, — что разъяренная національная борьба оказала на выборы существенное вліяніе. Въ Богеміи несомнѣнно свирѣпствуетъ опьяненіе національною борьбою, и трезвыя слова соціалъ-демократической партіи не всегда находятъ слушателей. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что увлеченіе національнымъ шовинизмомъ опровергаетъ справедливость строго логическихъ выводовъ рабочей партіи по отношенію къ національному вопросу. Наоборотъ, чѣмъ сильнѣе свирѣпствуетъ, чѣмъ больше опустошеній производитъ національная война, тѣмъ яснѣе становится, что взгляды рабочей партіи на національный вопросъ (т. е., что ни чехи, ни нѣмцы не могутъ покорить другъ друга, а потому не должны домогаться преимуществъ другъ надъ другомъ и, наоборотъ, совмѣстно изыскивать средства для справедливаго, миролюбиваго соглашенія) являются наиболѣе цѣлесообразными... Противники ведутъ теперь безцѣльную борьбу, и, чѣмъ безцѣльность ея яснѣе, тѣмъ свирѣпѣе они становятся. И, такъ какъ эти два

противника нигдѣ не сталкиваются лицомъ къ лицу во время выборовъ (въ нѣмецкихъ округахъ выставляются только нѣмецкіе кандидаты, въ славянскихъ—только славянскіе), то оба они съ особою ненавистью набрасываются на кандидатовъ рабочей партіи, выражающихъ свое презрѣніе къ тактикѣ и тѣхъ, и другихъ..."

Въ нѣмецкихъ областяхъ Богеміи, этомъ главномъ центрѣ промышленности, агитація радикально-нѣмецкой партіи способна оказывать тѣмъ большее воздѣйствіе, что въ этихъ областяхъ, граничащихъ съ Германіею, взоры и безъ того обращаются съ завистью къ счастливому сосѣду. Фабриканты, оказавшіеся за черно-желтымъ столбомъ (австрійскій флагъ), не смѣютъ даже мечтать о такомъ расцвѣтѣ промышленности, какой они видятъ по ту сторону этихъ столбовъ, и готовы преклониться предъ нѣмецкимъ духомъ и нѣмецкими порядками, въ сравненіи съ которыми „славянскій врагъ", оказавшійся ихъ соотечественникомъ, кажется имъ гораздо „менѣе цѣнною" величиною. Положеніе гражданина сильной германской имперіи, торговый флотъ которой проникаетъ въ самые отдаленные углы земного шара и содѣйствуетъ росту германской промышленности, не можетъ не казаться ему завиднымъ въ сравненіи съ его собственнымъ положеніемъ и должно подсказывать ему тѣ политическіе „сны и грезы", на которые отъ времени до времени намекаетъ пангерманская партія. Съ своей стороны, и многочисленные въ этой области нѣмецкіе рабочіе имѣютъ основаніе смотрѣть съ завистью на своихъ закордонныхъ братьевъ: въ матеріальномъ и культурномъ отношеніяхъ послѣдніе достигли значительно болѣе высокой степени развитія, и имъ не приходится въ такой мѣрѣ опасаться конкурренціи чешскихъ рабочихъ, которые являются массами изъ округовъ чешской Богеміи и сбиваютъ цѣны на рабочія руки. И для нихъ тоже въ рѣчахъ о родствѣ съ сосѣднею Германіею скрывается не мало заманчиваго.

Наиболѣе страстныхъ противниковъ радикально-нѣмецкая партія имѣетъ въ лицѣ нѣмецко-католической и христіанско-соціальной партіи, выступающихъ въ качествѣ патентованныхъ австрійскихъ патріотовъ, чуть-ли не монополизировавшихъ австрійскій патріотизмъ. Нѣмецко-католическая партія уже въ виду своей преданности интересамъ римской церкви не можетъ питать влеченія къ протестантской Германіи; христіанско-соціальная партія также находится на службѣ у клерикаловъ; къ тому-же она—партія, выросшая и окрѣпшая въ столицѣ и резиденціи Австріи, пользуется покровительствомъ аристократіи и вѣнскихъ придворныхъ сферъ.

Первая изъ этихъ партій особенно сильна въ альпійскихъ областяхъ, издавна служившихъ главнымъ оплотомъ австрійскаго клерикализма. Небогатое, суевѣрное, малокультурное крестьянство горныхъ округовъ доставляло клерикальной партіи наиболѣе пригодный для нея матеріалъ, и клерикалы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы сюда не занесены были слѣды вольнодумства. Клерикализмъ свилъ здѣсь себѣ такое прочное гнѣздо и такъ хорошо чувствуетъ себя здѣсь, что здѣшняя нѣмецко-католическая партія, въ противоположность всѣмъ остальнымъ нѣмецкимъ партіямъ Австріи, культивируетъ федералистскія, а не централистскія тенденціи. Широкая областная автономія сулитъ такое раздолье ихъ планамъ, что для этого они готовы пожертвовать многимъ. Уже и теперь они успѣли свести въ предоставленныхъ ихъ попеченію областяхъ свѣтскую школу „на нѣтъ". Они выхлопотали для своихъ областей сокращеніе обязательнаго (8-лѣтняго) срока, въ теченіе котораго австрійскій законъ предписываетъ родителямъ посылать дѣтей въ школу; сократили школьныя программы, выбросивъ изъ нихъ лишній балластъ въ видѣ начатковъ естествознанія, исторіи и географіи и сведя все школьное воспитаніе къ обученію чтенія, письму и счету. Ослабленіе связи этихъ областей съ центромъ сулитъ имъ еще большія блага: они могли бы тогда совсѣмъ отдѣлаться отъ общеимперскаго закона объ обязательномъ всеобщемъ обученіи, подчинить своему надзору среднее и высшее образованіе, установить нѣкоторыя правовыя различія между католиками и не-католиками и т. п. Поэтому нѣмецко-католическая партія и вступила въ союзъ съ автономистскими партіями чеховъ и поляковъ, которые придерживаются автономистскихъ программъ изъ совершенно иныхъ соображеній.

Выборы доказали, однако, что національная агитація можетъ оказаться такимъ ферментомъ, противъ котораго не въ состояніи вести успѣшную борьбу даже столь сильный своею организаціею и своимъ вліяніемъ на умы клерикализмъ.

Клерикальная партія потеряла изъ 43 принадлежавшихъ ей мандатовъ 6. Но что еще важнѣе, это то, что крестьяне-избиратели проявили мужество голосовать противъ главныхъ вожаковъ этой партіи, какъ, напр., противъ барона Дипаули, т. н. „чернаго барона", бывшаго министра; осмѣлились забаллотировать его, несмотря на то, что окружные епископы обращались къ паствѣ съ спеціальными пастырскими посланіями, въ которыхъ убѣждали выбрать этого вѣрнаго слугу церкви.

Какая революція должна совершиться въ умахъ полуневѣжественныхъ, привыкшихъ къ послушанію крестьянъ,

чтобы они могли рѣшиться голосовать противъ такого „важнаго барина“, пользующагося къ тому-же такимъ высокимъ покровительствомъ! Не выбрать папскаго протеже, рекомендуемаго окружными епископами и патерами, указаніями которыхъ привыкли во всемъ руководствоваться эти богобоязненные избиратели,—какою силою должна обладать для этого національная агитація!

Еще болѣе ожесточенный, но и болѣе сознательный въ то-же время характеръ носитъ избирательная борьба въ Вѣнѣ, гдѣ она направлена противъ клерикализма въ лицѣ христіанско-соціальной партіи, сначала пробовавшей еще скрывать, но потомъ открыто проявлявшей свои симпатіи къ клерикализму.

Избирательная борьба въ Вѣнѣ вообще представляетъ наиболѣе крупный интересъ какъ въ силу столичнаго характера Вѣны, населеніе которой имѣетъ возможность вступать въ непосредственное соприкосновеніе съ высшими органами правительства и манифестировать передъ нимъ желанія и волю народа, такъ и потому, что партіи, участвующія здѣсь въ борьбѣ, располагаютъ хорошо организованными кадрами приверженцевъ и представляютъ собою уже испытанныя боевыя силы.

Въ роли наиболѣе сильной, увѣренной въ себѣ и въ своихъ приверженцахъ партіи выступаетъ здѣсь христіанско-соціальная (антисемитская) партія; и она не безъ основанія вѣритъ въ свои силы, ибо для процвѣтанія и роста этой своеобразной политической партіи Вѣна оказалась замѣчательно подходящею почвою.

Что представляетъ собою экономическая программа христіанско-соціальныхъ партій разныхъ странъ, уже достаточно выяснено. Сила этихъ партій всюду зиждется, главнымъ образомъ, на симпатіяхъ мелкаго мѣщанства, ремесленничества, лавочничества и мелкой буржуазіи, которымъ эта партія сулитъ возвращеніе „добраго, стараго времени“, когда „ремесло имѣло золотое дно“. Всюду эта партія выступаетъ съ программою, обѣщающею воскресить къ новой жизни мелкое мѣщанство и спасти его отъ разоренія, которое ему уготовляютъ современныя формы крупно-капиталистическаго производства. И всюду это мелкое мѣщанство, не видящее выхода изъ своего печальнаго положенія, предчувствующее свою гибель, мечущееся изъ стороны въ сторону въ своемъ тщетномъ исканіи выхода и совершенно сбитое съ толку и обезпамятѣвшее отъ страха, готово поклоняться какому угодно идолу, обѣщающему ему спасеніе, называется ли этотъ идолъ Бу-

ланже, герцогъ Орлеанскій, Викторъ Наполеонъ, Штеккеръ, Альвардтъ, Люэгеръ и т. д.

И всюду, поэтому, эти „спасители“ мелкаго мѣщанства, стараясь говорить въ унисонъ съ озлобленными представителями этого класса недовольныхъ, недовольныхъ всею тенденціею современной жизни и изрыгающихъ хулу на все и вся, прибѣгаютъ къ наиболѣе рѣзкимъ и шумнымъ демагогическимъ пріемамъ и надѣваютъ на себя личину ни передъ чѣмъ не останавливающихся реформаторовъ.

Такъ какъ ничего опредѣленнаго эти „реформаторы“ обѣщать не могутъ, то они обѣщаютъ все. Дайте имъ только власть,—и они „ужо покажутъ“! Они заставятъ фабриканта и заводчика склонить голову передъ мастеровымъ и хозяиномъ мастерской, владѣльцевъ „Лувровъ“ и „Бонмарше“ пасть въ борьбѣ со своимъ конкуррентомъ въ лицѣ хозяина мелкой лавочки. Какъ они это сдѣлаютъ? Иначе говоря, какая у нихъ программа?

Такой вопросъ могутъ задавать только наивные люди. Вожакъ вѣнской христіанско-соціальной партіи, д-ръ Карлъ Люэгеръ, однажды откровенно сознался, что, по его мнѣнію, программа—совершенно лишняя вещь, способная только связывать свободу дѣйствій.

И, въ самомъ дѣлѣ, куда какъ легче безъ программы! Безъ программы христіанско-соціальная партія можетъ сегодня высказываться за оказаніе помощи производительнымъ ассоціаціямъ, завтра требовать уничтоженія производительныхъ и потребительныхъ товариществъ: сегодня—поощрять кредитъ, завтра—быть противъ него.

Вѣрятъ ли, или не вѣрятъ антисемитскіе главари въ дѣйствительность своихъ магическихъ средствъ, но населеніе они успѣли, во всякомъ случаѣ, увѣрить, что стоитъ только захотѣть — и гибнущая мелкая промышленность одолѣетъ всѣхъ своихъ враговъ въ лицѣ крупныхъ капиталистовъ. Средства предлагаются довольно простыя: возвращеніе къ прежнему цеховому строю, ограниченіе свободы ремесленнаго труда при помощи принужденія запасаться ремесленнымъ аттестатомъ, запрещеніе устраивать потребительныя общества, ограниченіе правъ крупныхъ „товарныхъ складовъ“, предоставленіе мастеру средневѣковыхъ правъ надъ учениками и т. д.

И главари стараются увѣрить, что и теперь еще можно и должно вернуться къ этому доброму, старому времени, когда представители различныхъ цеховъ ревниво слѣдили другъ за другомъ и рѣшали важные споры о томъ, долженъ-ли починять палку у зонтика зонтичныхъ дѣлъ мастеръ

или токарный мастеръ, долженъ ли кожаные наконечники къ переплетамъ прилаживать переплетчикъ или кожаныхъ дѣлъ мастеръ, могутъ-ли стираться перчатки у содержателя прачешнаго заведенія или у перчаточника, кто долженъ прилаживать замокъ къ чемодану: слесарь или чемоданщикъ и т. д., и т. д.

И въ Вѣнѣ серьезно объ этомъ разсуждаютъ и дошли даже до возможности серьезнаго обсужденія вопроса: кому принадлежитъ право брить мертвеца? Цирульнаго-ли цеха мастеру или мастеру кладбищенскаго дѣла? „Какъ мертвецъ, онъ поступаетъ въ вѣдѣніе кладбищенскихъ мастеровъ", — доказывали послѣдніе. „Но брить можетъ только мастеръ парикмахерскаго цеха",—упорствовали брадобреи... И этими мѣрами считаютъ возможнымъ бороться и оказывать противодѣйствіе современнымъ тенденціямъ въ хозяйственномъ укладѣ жизни!

Такъ какъ большихъ надеждъ на это не возлагаютъ, вѣроятно, и тѣ, которые выдвигаютъ эти мѣры, то христіанско-соціальная партія, чтобы имѣть возможность подвигаться впередъ по линіи наименьшаго сопротивленія, какъ это и полагается, рѣшила внести въ свою програму и антисемитизмъ, чтобы имѣть возможность предлагать своимъ приверженцамъ, за неимѣніемъ лучшаго, „полакомиться жидомъ", указывая на него, какъ на единственное олицетвореніе пагубныхъ тенденцій капитализма. Въ этомъ видѣ программа христіанско-соціальной партіи пріобрѣтала такую удобопонятную и, такъ сказать, осязательную форму, что подъ нею могли подписаться даже неграмотные. Экономическія условія жизни Вѣны, гдѣ преобладаетъ мелкая мастерская, мелкій лавочникъ и ремесленникъ какъ нельзя болѣе способствовали тому, чтобы Вѣна сдѣлалась оплотомъ этой партіи.

Но не одно это способствовало быстрому успѣху христіанско-соціальной партіи въ Вѣнѣ. Если бы въ наличности имѣлись только эти условія, то австрійская христіанско-соціальная партія, воспользовавшаяся, какъ и однородныя съ нею партіи другихъ странъ, безошибочнымъ, имѣвшимъ всюду успѣхъ пріемомъ, заключающимся въ натравливаніи недовольныхъ противъ евреевъ, не достигла бы такихъ огромныхъ успѣховъ въ пропагандѣ боевого антисемитизма, а должна была бы ограничиться тою ролью, которую играютъ эти партіи въ остальныхъ странахъ. Но австрійскій антисемитизмъ обязанъ своими успѣхами не столько своему содержанію, сколько своей формѣ. Въ лицѣ Люэгера и его ближайшихъ помощниковъ австрійскій антисемитизмъ нашелъ

такихъ удачныхъ выразителей этой идеи, что онъ скоро сдѣлался наиболѣе популярнымъ лозунгомъ.

Вѣнскому филистеру, любящему покалякать за кружкою пива о политикѣ и выдавать аттестаціи „сильнымъ міра сего", антисемитизмъ и, вообще, антилиберализмъ преподавался въ видѣ смѣлаго, злого и остроумнаго вышучиванія всего, что поднимается чуточку выше обычнаго уровня филистерскаго міропониманія. Вышучивалось слово „образованіе", слово „образованный", хохотали надъ словомъ „прогрессъ", надъ понятіемъ „идеалъ" и т. п.

Вѣна, еще болѣе, чѣмъ другіе города, кишитъ массами тѣхъ специфическаго сорта рабочихъ, которые ютятся около господъ, живутъ отъ „господскаго баловства". Это такъ называемые Trinkgeld männer'ы (т. е. получающіе „на чай"), вродѣ лакеевъ, швейцаровъ, кельнеровъ, лихачей, комиссіонеровъ и всякаго вида „услужающихъ", которые, пресмыкаясь передъ бариномъ, питаютъ какую-то глухую ненависть къ своему брату-рабочему и человѣку средняго круга.

Этимъ господамъ пришлись особенно по сердцу издѣвательства надъ стремленіями настоящихъ рабочихъ создать для себя лучшія формы жизни, надъ „образованностью" и „ученостью", подтверждающею разумность этихъ стремленій, надъ „образованными", содѣйствующими этимъ стремленіямъ и борющимися съ привиллегіями высшихъ классовъ.

Наконецъ, для лучшихъ представителей этого мелкаго мѣщанства, серьезно рвущихся въ борьбу за защиту своихъ классовыхъ интересовъ, представители антисемитской пропаганды запаслись рѣзкими демагогическими пріемами, ультра-радикальными фразами. Люэгеръ объявлялъ войну высшимъ представителямъ администраціи, зло смѣялся надъ „превосходительствами", устраивалъ уличныя демонстраціи, кричалъ: „Мы не допустимъ попранія правъ народа! Положеніе народа должно быть улучшено!"

И дѣйствовали всѣ эти средства отлично, особенно хорошо дѣйствовало это сдабриваніе каждой рѣчи вѣнскимъ острословіемъ, „панибратское" обхожденіе „великаго Люэгера" съ простымъ дворникомъ, чистильщикомъ сапогъ и т. п.

Вся невѣжественная масса мелкаго мѣщанства, которая прежде считала себя далекою отъ всякихъ политическихъ программъ, увидѣла вдругъ, что и она можетъ „дѣлать политику".

Не забыта была, впрочемъ, и необходимость говорить иногда и отъ имени „настоящей науки", и роль „ученаго" этой партіи досталась князю Лихтенштейну, князю-демагогу,

взявшему на себя теоретическую защиту каноновъ этой партіи.

Порою—это ученый plus marxiste, чѣмъ Марксъ, порою ему улыбаются анархистскія теоріи, но со всѣми вопросами онъ справляется весьма просто, о чемъ вы можете судить по слѣдующему. Въ качествѣ „ученаго“ своей общины, онъ счелъ нужнымъ доложить ей и о движеніи, поднятомъ въ нѣмецкой соціалистической литературѣ ученіемъ Бернштейна. И—смотрите—какъ легко всегда найти „корень“ вещей, если только есть сноровка. Сначала,—поучаетъ кн. Лихтенштейнъ,—евреи выслали въ бой Лассаля и Маркса, чтобы подкопаться подъ основы общества. Но теперь, когда имъ уже хорошо живется въ нынѣшнемъ обществѣ, и успѣхъ ученія Маркса кажется имъ угрозою ихъ общественному благополучію, они наняли Бернштейна, чтобы отбить острія у ученія Маркса. Вотъ вашъ „весь Гегель, вся книжная мудрость, и смыслъ философіи всей“, надъ которою такъ бьется серьезная мысль и которую такъ быстро схватываютъ ловкачи à la кн. Лихтенштейнъ.

Удивительно-ли, что среди малокультурной, невѣжественной толпы имѣютъ успѣхъ именно эти рѣчи, потворствующія ея грубымъ инстинктамъ и доступныя ея пониманію? Развѣ имъ могутъ быть доступны рѣчи, говорящія объ уваженіи къ личности, о гражданскомъ долгѣ и т. п., съ которыми обращаются ораторы другихъ партій? Для этого нужны совсѣмъ иные слушатели.

Вся совокупность тѣхъ условій, о которыхъ мы говорили выше, создала такой огромный успѣхъ австрійской антисемитской партіи, что за послѣднія 5 — 6 лѣтъ она сдѣлалась господствующею партіею въ вѣнскомъ муниципалитетѣ, въ нижне-австрійскомъ ландтагѣ, и могла послать въ парламентъ 30 депутатовъ. Казалось, что обаяніе этой партіи несокрушимо, и что одолѣть ее не удастся въ избирательной борьбѣ.

Это считалось тѣмъ труднѣе, что, будучи господами магистрата, составляющаго избирательные списки, антисемиты широко воспользовались своею властью. Въ избирательные списки оказались не внесенными, какъ оффиціально констатировалъ президентъ министерства, свыше 36,000 человѣкъ. Избирательныя коммиссіи были составлены исключительно или въ подавляющемъ большинствѣ изъ приверженцевъ этой партіи, которые при избирательномъ актѣ толковали всѣ сомнѣнія въ пользу своей партіи и въ ущербъ противникамъ. „Своимъ“, при помощи подложныхъ избирательныхъ записокъ на имя умершихъ или отсутствующихъ, доставлена

была возможность голосовать по нѣсколько разъ. Въ день выборовъ на улицѣ то и дѣло излавливались и предавались полиціи избирательные агенты антисемитской партіи, снабжавшіе „своихъ“ избирательными записками.

При такихъ условіяхъ, казалось, отнята всякая возможность вырвать побѣду изъ рукъ антисемитской партіи, и она пріобрѣтетъ еще тѣ нѣсколько вѣнскихъ депутатскихъ полномочій, которыя оставались въ рукахъ антиклерикальной партіи. Но тѣ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ антисемитская партія пребывала у власти и успѣла обнаружить свой истинный характеръ, видимо, въ достаточной мѣрѣ открыли населенію глаза на фальшь, лицемѣріе и отсутствіе положительной программы у этой партіи.

Всю свою энергію она проявила почти исключительно въ преслѣдованіи свѣтской школы. Учителя этой школы, выражавшіе несочувствіе тенденціямъ антисемитовъ или повинные даже въ томъ лишь, что не выражали сочувствія этимъ тенденціямъ, немилосердно преслѣдовались, иногда даже изгонялись, несмотря на существованіе закона, не позволяющаго такой короткой расправы съ лицами, состоящими на общественной службѣ.

Въ парламентѣ эта партія хлопотала о сокращеніи обязательнаго срока пребыванія въ школѣ (по закону каждое дитя должно посѣщать школу въ теченіе 8 лѣтъ, отъ 6 до 14-лѣтняго возраста; христіанско-соціальная партія добивается сокращенія этого срока до 7 лѣтъ) и о сокращеніи программъ, предлагая ограничить школьную науку обученіемъ чтенію, письму и счету, изгнать преподающіеся въ школѣ начатки естествознанія, исторіи и географіи и увеличить число уроковъ, посвящаемыхъ религіи. Собственною властью она старается насадить въ городской школѣ, несмотря на признанный закономъ интерконфессіональный характеръ ея, раздѣленіе школьниковъ по вѣроисповѣданіямъ.

Ассигнуя изъ городскихъ средствъ милліоны на сооруженіе новыхъ и ремонтъ старыхъ церквей, она сократила на 100,000 р. субсидію, выдававшуюся городомъ въ цѣляхъ снабженія неимущихъ школьниковъ учебными пособіями; прекратила субсидіи внѣ-школьнымъ курсамъ для взрослыхъ и другимъ просвѣтительнымъ обществамъ; сократила ассигновки на сооруженіе новыхъ школьныхъ зданій и т. д.

По отношенію къ „народу“, который вынесъ эту партію на своихъ плечахъ, она усвоила себѣ, по достиженіи власти, непозволительно-высокомѣрное отношеніе. Для рабочей депутаціи, хлопотавшей передъ главою муниципалитета объ увеличеніи рабочей платы работающимъ при городскихъ пред-

пріятіяхъ, этотъ вожакъ антисемитской партіи не нашелъ другого отвѣта, какъ: „Работайте больше, такъ будете больше зарабатывать!“ И въ городскихъ предпріятіяхъ, ведущихся хозяйственнымъ способомъ, муниципалитетъ дѣйствительно ничего не сдѣлалъ для улучшенія положенія рабочихъ.

При обсужденіи вопроса о введеніи всеобщаго избирательнаго права для городскихъ выборовъ эта партія открыто измѣнила народу, отказавшись утвердить выработанный въ этомъ смыслѣ законопроектъ.

Только для класса мелкихъ предпринимателей, которому помочь особенно трудно, эта партія какъ будто и постаралась кое что сдѣлать, но это ей совершенно не удалось. При сдачѣ, напр., городской концессіи на поставку газопроводныхъ трубъ попробовали было предоставить этотъ подрядъ товариществу мелкихъ предпринимателей, но поставка была выполнена такъ плохо и обошлась такъ дорого, что муниципалитетъ поспѣшилъ поручить дѣло обычнымъ поставщикамъ изъ крупныхъ заводчиковъ.

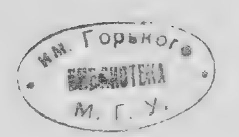
Только отдѣльнымъ лицамъ, которыя, вѣроятно, знали о лозунгѣ французскаго короля-буржуа: „enrichissez vous!“, антисемитскій режимъ принесъ пользу. Антисемитская партія, которой создала особенно громкую популярность ея борьба съ конкурренціею, выдвинула сама цѣлый рядъ героевъ, которыхъ пришлось предать суду за ихъ стремленія къ быстрой наживѣ на счетъ общественныхъ доходовъ.

Классу мелкихъ предпринимателей эта партія не помогла, потому что помочь не могла, но зато она продолжала расточать ему обѣщанія. „Дайте намъ еще продержаться у власти, и вы увидите: сначала мы ограничимъ права евреевъ, и для васъ уже очистится нѣсколько теплыхъ мѣстъ, а затѣмъ... затѣмъ мы еще что-нибудь надумаемъ“.

Но теперь среди этого класса народилось уже много не довѣряющихъ этимъ обѣщаніямъ и разгадавшихъ внутреннюю пустоту этой партіи. „Шесть лѣтъ уже эта партія у власти,—писала въ своемъ воззваніи передъ выборами группа мелкихъ предпринимателей по поводу агитаціи антисемитской партіи, — и если бы она честно относилась къ своимъ обѣщаніямъ, то можно было бы увидѣть, что она для насъ сдѣлала... Мы не спрашиваемъ уже, гдѣ золотыя горы, которыя были обѣщаны ремесленному классу; мы спрашиваемъ, что было сдѣлано для улучшенія нашего печальнаго положенія? Отвѣтъ на это: ничего! Ровно ничего!“ Перечисливъ затѣмъ дѣянія (отрицательныя) муниципалитета, составители воззванія восклицаютъ: „Ложью и обманомъ оказались всѣ эти обѣщанія. Ремесленники! не давайте снова обмануть

Викторъ Адлеръ,

вождь социалъ-демократической партіи



себя!“ Такихъ протестантовъ накопилось, повидимому, много, даже въ этомъ классѣ, если судить по результатамъ выборовъ. Но еще больше ихъ было среди интеллигенціи и рабочей массы.

Первая глубоко ощущала позоръ быть представленною въ законодательныхъ учрежденіяхъ кликою невѣжественныхъ господъ, глумившихся надъ всѣмъ, что сторонилось отъ нихъ, и внесшихъ грубѣйшій вульгарный тонъ въ общественные дебаты. Профессоръ Коппъ, писавшій по поводу выборовъ: „Краска стыда заливаетъ мое лицо каждый разъ, когда я вспоминаю, что я представленъ въ парламентѣ безграмотнымъ Бѣлоглавекомъ, кичащимся своимъ невѣжествомъ“, — выражалъ общее мнѣніе весьма многихъ избирателей, испытывавшихъ такое же ощущеніе.

Рабочая партія, на которую съ особымъ ожесточеніемъ сыпались оскорбленія со стороны христіанско-соціальной партіи, рѣшила напречь всѣ силы, чтобы вырвать побѣду изъ рукъ этой партіи. Она заключила для этого даже союзъ (временный только на время выборовъ) съ прогрессивною партіею, и обѣ партіи проявили поразительную энергію. Число голосовавшихъ при этихъ выборахъ въ Вѣнѣ достигало 80 и даже 85% общаго числа избирателей, чего въ Вѣнѣ не бывало. Что-же касается самихъ рабочихъ, то они не останавливались ни передъ какими жертвами, когда рѣчь шла о томъ, чтобы обезпечить побѣду своимъ кандидатамъ. Тысяча рабочихъ пожертвовали своимъ рабочимъ днемъ и своимъ заработкомъ и отдали себя въ распоряженіе комитета своей партіи, рыская по указаніямъ комитета цѣлый день по городу, чтобы розыскать и подогнать лѣнивыхъ и индифферентныхъ избирателей.

И успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Изъ 5 мандатовъ отъ пятой куріи (всеобщаго избирательнаго права) въ Вѣнѣ, принадлежавшихъ христіанско-соціальной партіи, соціалъ-демократическая партія завоевала два, да и третій чуть было не достался ей-же, и только перебаллотировка доставила побѣду небольшимъ числомъ голосовъ антисемитской партіи.

Въ остальной Нижней Австріи соціалъ-демократической партіи также удалось выбить изъ позиціи антисемитовъ, нанести пораженіе двумъ виднымъ вожакамъ этой партіи и завоевать одно депутатское полномочіе для виднаго дѣятеля рабочаго движенія, Пернерсторфера. Изъ 206.066 голосовъ, поданныхъ въ Вѣнѣ при этихъ выборахъ, за кандидатовъ соціалъ-демократической партіи было подано 100.233, вмѣсто 93.377 голосовъ, которые эта партія получила на предыду-

щихъ выборахъ. Процентъ голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ антисемитской партіи, уменьшился и абсолютно, и относительно, причемъ уменьшеніе въ нѣкоторыхъ округахъ достигало до 42%...

Кромѣ антисемитской партіи, патентъ на званіе искреннихъ австрійскихъ патріотовъ оспариваетъ для себя еще и польско-шляхетская партія. И въ высшихъ сферахъ Вѣны относятся съ большимъ довѣріемъ къ выраженіямъ лояльности со стороны польской шляхты, такъ какъ вѣнское правительство знаетъ, что австрійскіе поляки дѣйствительно имѣютъ основаніе не жаловаться на свое положеніе въ Австріи.

Послѣ подавленія послѣдняго польскаго возстанія австрійское правительство сочло благоразумнымъ предоставить Галиціи широкую автономію, превращающую австрійскую Польшу въ почти совершенно самостоятельный политическій организмъ. Польскій языкъ пользуется правами государственнаго въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ Галиціи; поляки имѣютъ свои польскія низшія и среднія школы, университетъ. Галиційскій сеймъ самостоятельно вѣдаетъ вопросы управленія Галиціи, и центральное правительство почти не вмѣшивается во внутреннее управленіе Галиціи, а въ австрійскомъ министерствѣ поляки имѣютъ спеціальнаго министра „за Польшу", отстаивающаго интересы польской національности въ центральномъ управленіи.

Въ общемъ Польша нашла для себя въ Австріи Эльдорадо и не можетъ не признавать, что Австрія больше, чѣмъ другія, выполнила условія договора (1815 года) о раздѣленіи Польши, согласно которому, „поляки, становясь подданными Россіи, Австріи и Пруссіи, получаютъ національное представительство..."

Чтобы еще больше упрочить симпатіи къ Австріи со стороны польской аристократіи, австрійское правительство согласилось закрывать глаза на хозяйничаніе польской шляхты въ Галиціи, тѣмъ болѣе, что въ господствѣ польскаго элемента въ Галиціи она видѣла оплотъ противъ русинскаго населенія Галиціи, подозрѣваемаго въ тяготѣніи къ Россіи.

Польско-консервативная или шляхетская партія можетъ, поэтому, безконтрольно и безпрепятственно распоряжаться судьбами Галиціи.

Въ парламентѣ эта партія образуетъ играющій видную роль въ парламентской жизни, польскій клубъ или „Коло", который располагаетъ обыкновенно 50 — 60 голосами. На услуги этого клуба правительство всегда можетъ расчитывать при своихъ парламентскихъ комбинаціяхъ, если оно

соглашается въ отплату за это преподнести шляхтѣ какія-нибудь новыя льготы и удобства. Въ этотъ клубъ входитъ и родовитое шляхетство, и крупные землевладѣльцы, и все, что находится въ зависимости отъ нихъ и готово вмѣстѣ съ ними отстаивать и защищать ретроградство и сословныя привилегіи, позволяющія имъ жить на счетъ разоренія народнаго.

Это—партія мракобѣсовъ (извѣстная подъ именемъ „станчиковъ“), трепещущая при одной мысли, что въ страну какъ-нибудь проникнетъ культура, которая откроетъ глаза народу, и онъ увидитъ, кто его истинные враги. Они поэтому инстинктивно борются противъ всего, что можетъ способствовать подъему культуры, оказываютъ чуть-ли не сознательное противодѣйствіе развитію промышленности и предпочитаютъ видѣть страну нищающею лишь бы не дать прокрасться сюда вмѣстѣ съ прогрессивными началами экономической жизни и другимъ прогрессивнымъ вѣяніямъ.

Противники этой партіи въ Галиціи вдвойнѣ безсильны. Несмотря на то, что всякій человѣкъ, честно мыслящій, не можетъ не видѣть, что шляхетство губитъ страну, достаточно сильная оппозиціонная партія въ Галиціи немыслима.

Недовольные рекрутируются, главнымъ образомъ, изъ среды бюрократической интеллигенціи, которой не на кого опереться; чахлая галиційская средняя буржуазія склоняется къ прогрессивнымъ тенденціямъ и готова составить оппозицію шляхтѣ, но она сама безсильна; низшіе же классы настолько забиты нуждою и невѣжественны, настолько привыкли бояться „пана“, что вызвать среди нихъ оппозиціонное шляхтѣ движеніе очень трудно. Только городское рабочее населеніе немногихъ крупныхъ галиційскихъ центровъ сознательно и энергично ведетъ борьбу со шляхтою. Но шляхта здѣсь всесильна; ея представители занимаютъ въ странѣ высшіе посты; въ ея рукахъ вся бюрократическая машина, начиная съ окружнаго начальника и кончая послѣднимъ сборщикомъ податей, базарнымъ смотрителемъ. Ей поэтому не трудно подавлять и чисто механическими репрессивными мѣрами всякое проявленіе оппозиціи, тѣмъ болѣе, что здѣсь еще практикуются такія мѣры, какъ заключеніе подъ стражу безъ суда, примѣненіе административныхъ каръ, грубое злоупотребленіе властью, фальсифицированіе избирательныхъ списковъ, покупка и кража избирательныхъ бюллетеней и т. п.

Избирательная борьба здѣсь ознаменовывается крупными скандалами; оппозиціонныхъ избирателей и агитаторовъ упрятываютъ въ тюрьму; доходитъ и до того, что въ нихъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ стрѣляютъ, какъ это было,

напр., въ 1897 г., когда подавляли силою возмущеніе антишляхетскихъ избирателей, причемъ убито было 8 человѣкъ, и множество народу было изувѣчено.

Нѣкоторую роль могла бы играть еще въ Галиціи крестьянская партія, однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ организаторовъ которой оказался патеръ Стояловскій, сумѣвшій пріобрѣсти своимъ краснорѣчіемъ и демагогическими пріемами огромное вліяніе на нее. Но Стояловскій проявилъ слишкомъ большую неустойчивость политическихъ взглядовъ: онъ то свирѣпствовалъ противъ высшаго духовенства и шляхетства, разоблачая ихъ пороки и недостатки, ихъ отчужденность отъ народа, и сдабривая свои тирады утрированными положеніями христіанскаго соціализма, чѣмъ вызвалъ противъ себя громы изъ Рима, доходившіе до лишенія сана и угрозъ отлученія его отъ церкви (эта роль мученика и создала его обаяніе); то отправлялся съ повинною въ Римъ и начиналъ воскуривать ѳиміамъ шляхтѣ. Его небольшая группа играла, поэтому, въ парламентѣ роль переметной сумы и за „уступочки“ моментально превращала свою непримиримую оппозицію въ угодливое подслуживаніе польскому клубу.

„Демократическая“, вѣрнѣе—прогрессивная партія, рекрутирующаяся въ рядахъ немногочисленной городской интеллигенціи, еще слишкомъ слаба, тѣмъ болѣе, что значительная часть интеллигенціи проявляетъ склонность бороться въ рядахъ польской соціалъ-демократической партіи, руководимой талантливымъ депутатомъ Дашинскимъ, который пользуется большимъ обаяніемъ въ рабочей и интеллигентной средѣ (его называютъ иногда даже „польскимъ Лассалемъ“). Но при ничтожномъ развитіи индустріи и городской жизни въ Галиціи и эта партія, несмотря на энергію ея вожаковъ, не представляетъ еще серьезной опасности для господства шляхты.

Къ оппозиціи шляхетству надо причислить и большую часть изъ избранныхъ русинскихъ депутатовъ; по отношенію къ русинамъ поляки тоже, конечно, ведутъ весьма предусмотрительную политику и достигаютъ того, что сотнямъ тысячъ русинскихъ избирателей удается послать въ парламентъ всего 10 депутатовъ.

Въ результатѣ дѣйствія чрезвычайно сложной, грузной, малоподвижной избирательной машины, требующей цѣлаго мѣсяца для выполненія избирательнаго акта, да при страшномъ давленіи администраціи во всей странѣ вообще и, въ

особенности, въ Галиціи, гдѣ давленіе достигло поистинѣ чудовищныхъ размѣровъ, и составился новый парламентъ, который долженъ былъ отвѣтить на обращеніе правительства съ просьбою отставить на задній планъ національныя распри, но о которомъ вполнѣ вѣрно выразился одинъ политическій дѣятель, замѣтившій: „мы имѣемъ новыхъ 425 депутатовъ, но новаго парламента мы далеко еще не имѣемъ“.

Въ справедливости этого замѣчанія не трудно убѣдиться. если бросить взглядъ на то, какъ распредѣлились эти 425 депутатовъ по группамъ и какія измѣненія произошли въ группировкѣ депутатовъ въ сравненіи съ оказавшимся не способнымъ работать и потому распущеннымъ прежнимъ парламентомъ.

Въ новомъ парламентѣ оказалось, напр., 66 депутатовъ нѣмецко-либеральной партіи (на 11 меньше, чѣмъ въ прежнемъ парламентѣ), 28 депутатовъ нѣмецко-національной или нѣмецко-радикальной (на 23 болѣе, чѣмъ раньше), 25 христіанско-соціальной партіи (на 5 меньше, чѣмъ раньше), 10 соціалъ-демократической партіи (на 4 меньше), 30 нѣмецко-клерикальной (на 13 меньше), 9 русинской (на 2 меньше) и т. д.

Но является-ли этотъ составъ парламента дѣйствительнымъ отраженіемъ господствующаго въ странѣ настроенія?

Для того, чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, достаточно было-бы сопоставить число голосовъ, полученныхъ каждою партіею, и посмотрѣть, насколько число избранныхъ депутатовъ каждой партіи соотвѣтствуетъ количеству полученныхъ ею голосовъ. Въ Австріи, однако, этотъ измѣритель оказывается непримѣнимымъ въ виду куріальной системы, заранѣе опредѣляющей число депутатовъ каждой партіи.

Мы можемъ въ интересахъ такого сопоставленія пользоваться только голосами, поданными въ пятой куріи, т. е. въ куріи всеобщаго избирательнаго права, гдѣ избирателями являются всѣ граждане. Если и въ пятой куріи,—въ виду двухъ-степенности выборовъ въ нѣкоторыхъ округахъ, гдѣ избирателямъ приходится выбирать раньше довѣренныхъ, которые потомъ уже выбираютъ депутатовъ, а также въ виду примѣненія хитрой „избирательной геометріи“ при распредѣленіи округовъ и существованія въ нѣкоторыхъ областяхъ открытаго голосованія вмѣсто тайнаго—народной волѣ приходится преломляться черезъ довольно грубую призму, раньше чѣмъ на поверхности получается ея выраженіе, то все таки результаты голосованія въ этой куріи являются болѣе вѣрнымъ отраженіемъ, чѣмъ голосованіе въ другихъ куріяхъ.

Этотъ фактъ признается даже тѣми, которые ничего не

имѣютъ противъ дальнѣйшаго существованія куріальной системы; и результатами выборовъ въ пятой куріи поэтому всегда особенно сильно интересуются и друзья, и недруги нынѣшней избирательной системы.

„Чѣмъ вызывается этотъ повышенный интересъ къ результатамъ выборовъ именно пятой куріи, которая посылаетъ въ парламентъ всего только 72 депутатовъ, въ то время какъ курія крупнаго землевладѣнія посылаетъ 85 депутатовъ?“—спрашивала себя однажды одна вполнѣ умѣренная и благонамѣренная вѣнская газета.

„Тѣмъ, что инстинктивно мы всѣ сознаемъ—разрѣшала себѣ свое недоумѣніе эта газета,—что истинные выборы сосредоточиваются именно въ этой куріи“; что именно тутъ возвышаетъ свой голосъ тотъ неизвѣстный, который называется народомъ; тотъ, мнѣніе котораго всѣ желали бы знать даже и тогда, когда съ этимъ мнѣніемъ не имѣется въ виду считаться; тотъ, на мнѣніе котораго ссылаются и искренніе радѣтели о его интересахъ, и различные проходимцы, политическіе авантюристы, которые, бія себя въ перси, распинаются якобы за интересы народа и всѣ свои эгоистическія вожделѣнія выдвигаютъ, прикрываясь „народными“ интересами; тотъ, котораго не спрашиваютъ, когда рѣшается судьба страны, но который спасаетъ страну въ критическую минуту и выноситъ на своихъ плечахъ все горе, которое накликали его непрошенные заступники.

Несмотря на всѣ искаженія, голосъ пятой куріи есть все-таки „гласъ народа“, даетъ, по крайней мѣрѣ, приблизительное представленіе объ этомъ, въ то время, какъ голосъ остальныхъ курій есть голосъ отдѣльныхъ категорій, группъ, защищающихъ свои корыстные интересы, очень рѣдко совпадающіе съ обще-государственными интересами. Если при помощи всякаго рода давленій и удается исказить эту „волю народа“ въ угоду власть имущимъ, то тѣмъ цѣннѣе выступающій при этомъ протестъ противъ сильныхъ, такъ какъ выступавшимъ съ этимъ протестомъ пришлось преодолѣть неимовѣрныя трудности, чтобы проложить себѣ дорогу; они, слѣдовательно, вполнѣ сознательно выступили въ защиту своихъ мнѣній и считаютъ защиту этого мнѣнія настолько важною, что готовы даже пострадать за это; они значитъ, не случайно бросали свой избирательный шаръ направо или налѣво.

Всѣхъ голосовъ пятой куріи въ тѣхъ областяхъ, гдѣ уже введены непосредственные выборы (т. е. въ провинціи Нижняя Австрія и въ городахъ: Вѣна, Прага, Брюннъ, Львовъ,

Краковъ, Грацъ, Тріестъ), подано было 569,890, которые распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Соціалъ-демокр. партія	201.862
Христіанско-соціальная	174.603
Нѣмецко-прогрессивная	7.898
Польско-народная	8.497
Чешско-національная рабочая партія . .	9.858
Итальянская	10.469
Словенско-національная	17.620
Нѣмецко-національная.	18.364
Польско-социалистич. (независимый соціал.)	23.388
Радикально-нѣмецкая	26.313
Младочешская	27.222
Словенско-клерикальная	38.236
Раздробилось голосовъ	6.560

Если выразить эти цифры въ процентныхъ отношеніяхъ, то окажется, что эти партіи (въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ онѣ помѣщены выше) относились бы другъ къ другу, какъ 35,4 : 30,6 : 1,03 : 1,05 : 1,7 : 1,9 : 3 : 3,2 : 4,1 : 4,6 : 4,8: 6,7. Иначе говоря, изъ 100 депутатовъ, если бы весь парламентъ избирался исключительно на основаніи всеобщаго прямого избирательнаго права, въ парламентъ было бы послано: 35 членовъ соціалъ-демократической партіи, 30—христ.-соціальной, 1—нѣмецко-прогрессивной и т. д.

Если сосчитать голоса, поданные за кандидатовъ, выступившихъ съ исключительно національною программою, то окажется, что всѣ нѣмецко-національные кандидаты получили 52.775 голосовъ (т. е. 9,2% всѣхъ голосовъ); всѣ славянскіе кандидаты (чехи, поляки, словенцы и др.)—101.433 голоса (т. е. 18%), а остальные кандидаты, выступившіе не съ національною программою, а съ программою соціальныхъ и политическихъ реформъ (соціалъ-демократы, христ.-соціальная партія и польско-соціальная) получили 399.853 голоса (т. е. 70% всѣхъ голосовъ)[1]. Такой парламентъ состоялъ бы, слѣдовательно, изъ 70 депутатовъ, выдвигающихъ на первый планъ соціально-политическіе вопросы, а не національный, и изъ 30 депутатовъ, не желающихъ слышать ни о чемъ, кромѣ разрѣшенія національнаго спора. Какъ видите, при такихъ условіяхъ соотношеніе силъ въ парла-

[1]) Необходимо еще отмѣтить при этомъ, что избирателями депутатовъ хр.-соціальной и соц.-демократической партіи были, главнымъ образомъ, нѣмцы.

ментѣ было бы нѣсколько отличающееся отъ того, которое получилось на дѣлѣ: доминировали бы не національные вопросы, а вопросы иного порядка.

Уже двухъ-степенные выборы отъ пятой куріи значительно видоизмѣняютъ показанія этого измѣрителя. Въ областяхъ, гдѣ дѣйствуетъ эта система, подано отъ пятой куріи 35.120 голосовъ (каждый такой голосъ замѣщаетъ въ среднемъ около 100 голосовъ первоначальныхъ избирателей), которые распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Соц.-демократическая	3,984
Хр.-соціальная	759
Нѣм.-прогрессивная	1.076
Польско-народная	903
Чешско-націон. рабочая	3.438
Словенская	1.104
Нѣм.-національная	931
Польско-шляхетская	6.264
Радикально-нѣмецкая	2.910
Младочешская	3.676
Нѣмецко-клерикальная	2.338
Русинская	2.877

Остальные голоса достались итальянцамъ, румынамъ и другимъ мелкимъ группамъ.

Это распредѣленіе голосовъ даетъ уже соотношеніе партій (въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ размѣщены выше) въ видѣ 11,8 : 2,1 : 3 : 2,5 : 9,2 : 3,1 : 2,6 : 17,8 : 8,2 : 10,4 : 6 : 7,8 : 2. Иначе говоря, изъ 100 депутатовъ, если-бы парламентъ избирался на основаніи всеобщаго избирательнаго права (хотя-бы не прямого), 11 принадлежали-бы къ соціалъ-демократической партіи, 2—хр.-соціальной (эта несоотвѣтствующая истинному положенію дѣла цифра получается въ данномъ случаѣ лишь потому, что главные кадры поставляетъ хр.-соціальной партіи Вѣна и Нижняя Австрія, гдѣ выборы производятся непосредственно; въ провинціи-же, гдѣ выборы во многихъ мѣстахъ производятся на основаніи двухъ-степенной системы, о которой здѣсь идетъ рѣчь, эта партія слабо представлена), 3-хъ нѣмецко-прогрессивной и т д.

Съ другой стороны, можно еще видѣть изъ сопоставленія этихъ цифръ, что въ пользу депутатовъ съ выраженною националистскою окраскою было подано: за нѣмецко-національныхъ кандидатовъ всѣхъ оттѣнковъ—8.255 голосовъ (т. е. 23%), за славянско-національныхъ кандидатовъ — 68.262 голоса (т. е. 59%) и, наконецъ, за кандидатовъ, выдвигавшихъ въ своей программѣ не національный моментъ, подано было 4.743 голоса.

При этихъ условіяхъ въ парламентѣ, правда, доминировали-бы вопросы національнаго характера, но противники были бы за то представлены далеко не равномѣрно, что больше соотвѣтствовало-бы и дѣйствительному количественному соотношенію славянскаго и нѣмецкаго населенія Австріи. Нынѣ-же они представлены такъ, что долго еще можетъ не поддаваться „ни та, ни эта сторона". Во всякомъ случаѣ парламентъ, избранный на основѣ такой избирательной системы, далъ бы Австріи нѣчто новое.

Если-бы въ Австріи дѣйствовала пропорціональная система выборовъ, то есть, число депутатовъ распредѣлялось-бы въ процентномъ отношеніи къ числу полученныхъ каждою партіею голосовъ, то, согласно вычисленіямъ д-ра Винтера, получилась-бы слѣдующая картина парламента на основаніи послѣднихъ выборовъ:

ПАРТІИ.	Количество голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ этой партіи.	Въ процентахъ.	Число депутатовъ нынѣ при куріальной системѣ.	Число депутатовъ, которое было-бы при дѣйствіи пропорціональной системы.
I. Нѣмецкія	522.251	31,39	190	133
a) Хр. соціальн . .	216.939	13,04	25	56
b) Клерикальн. . .	68.692	4,13	30	18
c) Нѣм.-либер. . .	34.264	2,05	66 [1]	8
d) Нѣм.-націон. . .	164.320	9,89	28	42
e) Нѣм.-народн. . .	38.036	2,28	41	9
II. Чешскія.	295.559	17,76	88	76
a) Младочешскія .	119.976	7,92	75 [2]	38
b) Другія чешск. .	175.783	10,56	13	45
III. Польскія.	191.132	11,49	72	49
a) Польско-консс. .	104.489	6,28	49	27
b) Другія польск .	86.643	5,21	23	22
IV. Итальянскія. . .	49.384	2,97	17	13
V. Словенскія. . . .	70.995	4,27	15	18
VI. Кроатскія	18 878	1,13	10	5
VII Румынскія . . .	14.232	1,85	5	3
VIII. Русинскія. . .	56.215	3,38	9	14
IX. Сербскія	—	—	2	—
X. Соціаль-демокр .	408.448	24,55	10	105
XI. Не принадл. ни къ какой партіи.	36.336	2,18	7	9

[1]) Въ этомъ числѣ и „вѣрные конституціи".
[2]) Въ томъ числѣ и феодалы.

Какъ сильно этотъ „идеальный" парламентъ, который могъ бы явиться въ результатѣ всякой иной, болѣе справедливой системы, отличается отъ того, который получился на дѣлѣ!

Не ясно ли, что и этотъ новый парламентъ, который былъ выбранъ на основаніи устарѣлой и неправильной системы, долженъ представлять собою вѣрную или слегка измѣненную копію прежняго, т. е. оказаться столь же неспособнымъ къ плодотворной работѣ?

Но можно-ли въ такомъ случаѣ сваливать вину за это на парламентскую форму правленія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, или на выборы? Для чего былъ распущенъ парламентъ и назначены новые выборы? Для того, чтобы узнать настроеніе избирателей и руководствоваться имъ въ своей дальнѣйшей политикѣ,—отвѣчало правительство. Но удалось ли дѣйствительно нащупать настроеніе избирателей? Если-бы народъ, дѣйствительно, внялъ просьбѣ правительства и согласился оставить на время національныя распри и поставить на ихъ мѣсто задачи соціально-политическаго характера, иначе говоря, если-бы онъ, выбирающій въ пятой куріи, обязалъ всѣхъ посылаемыхъ имъ 72 депутатовъ пренебречь національными раздорами,—развѣ это могло бы измѣнить физіономію парламента? Вѣдь, однихъ только депутатовъ феодальной куріи въ парламентѣ 85, да депутатовъ другихъ привиллегированныхъ курій нѣсколько десятковъ! А эти привиллегированныя куріи слишкомъ заинтересованы въ томъ, чтобы она затянулась до безконечности, чѣмъ въ прекращеніи ея.

На основаніи цифръ, доставленныхъ числомъ голосовъ въ пятой куріи, соотношеніе партій въ рейхсратѣ могло бы быть такое, что число депутатовъ, склоняющихся не къ національнымъ, а къ соціально-политическимъ программамъ, составило бы $^2/_3$ общаго числа депутатовъ. Въ результатѣ же выборовъ по куріальной системѣ они составляютъ лишь 7%! И въ новомъ парламентѣ оказалось противъ 190 нѣмецкихъ депутатовъ около 200 славянскихъ. Иначе говоря, обѣ національныя группы одинаково сильны, чтобы оказывать непреодолимое противодѣйствіе другъ другу, и одинаково слабы, чтобы не быть въ состояніи одержать верхъ одна надъ другою. Не правы ли въ виду этого тѣ, которые приходятъ къ заключенію, что нынѣшнія формы національной борьбы и кажущаяся неразрѣшимость послѣдней обусловлены еще больше несовершенствами австрійской конституціи, чѣмъ содержаніемъ спора?

VI.

Заключеніе.

Съ несомнѣнностью можно, во всякомъ случаѣ, сказать, что, подъ вліяніемъ нынѣшнихъ политическихъ учрежденій Австріи, неизбѣжный въ такой странѣ споръ о разграниченіи національныхъ правъ выступаетъ въ совершенно искаженномъ видѣ.

Непреложное правило, которымъ пользуется всякій изслѣдователь при изслѣдованіи какого-нибудь явленія, правило, сводящееся къ тому, чтобы устранить всѣ побочныя причины, вліяющія на изслѣдуемый процессъ и препятствующія наблюденію его въ чистомъ видѣ, въ Австріи перелицовано такъ сказать, на изнанку: здѣсь какъ будто намѣренно сдѣлано все для того, чтобы оказалось совершенно невозможнымъ наблюдать изслѣдуемое явленіе въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ.

Было бы большою ошибкою смотрѣть на національный споръ въ Австріи, какъ на преходящее явленіе, устранимое какими-нибудь половинчатыми, палліативными мѣрами воздѣйствія, которыя способенъ придумать какой-нибудь ретивый кабинетный реформаторъ; было бы ошибкою смотрѣть на него такъ же, какъ на искусственно-созданное и достойное одного лишь порицанія явленіе.

Національное движеніе въ Австріи—результатъ естественнаго процесса развитія, явленіе, вытекающее изъ реальныхъ жизненныхъ потребностей и потому непобѣдимое. Но это живое движеніе уложено теперь въ мертвыя формы. И въ этомъ-то заключается трагизмъ антиноміи, дѣлающей національную борьбу въ Австріи столь трудно разрѣшимою.

Эта антиномія заключается въ томъ, что споръ неразрѣшимъ, пока за національностями не будутъ признаны неотъемлемыя права, гарантирующія имъ свободу національной жизни и національнаго развитія; а между тѣмъ руководители національнаго движенія ищутъ разрѣшенія спора не въ завоеваніи правъ для этихъ національностей, а въ завоеваніи правъ для областей, въ которыхъ живутъ эти національности или которыя были нѣкогда заселены этими національностями, въ завоеваніи правъ для „историческихъ“ областей.

А эти обѣ точки зрѣнія и оба теченія настолько противоположны другъ другу, настолько исключаютъ другъ друга, что внимательно изучившій этотъ вопросъ Рудольфъ Шпрингеръ, авторъ труда: „Der Kampf der oesterreichischen Nationen um den Staat“ приходитъ къ заключенію: „раздѣленіе Австріи на историческія „коронныя“ земли—величайшая пагуба Ав-

стріи“. Разрѣшеніе вопроса возможно, доказываетъ онъ ссылками на теоретическіе и практическіе постулаты національной борьбы, лишь въ томъ случаѣ, когда стремленіе къ автономіи областей будетъ замѣнено стремленіемъ къ автономіи національностей.

По вопросу объ отношеніяхъ національности къ государству, національной идеи къ государственной идеѣ приходится считаться съ двумя взглядами· атомистическо-централистскимъ и коллективно-федералистскимъ.

Первый не знаетъ національности, какъ коллективнаго цѣлаго, а только индивидуумовъ (атомы націи), говорящихъ на разныхъ языкахъ и подчиненныхъ высшей идеѣ государства; второй, наоборотъ, признаетъ націю коллективнымъ организмомъ и смотритъ на государство, какъ на производное этихъ коллективныхъ организмовъ, подвергшихся процессу добровольнаго или недобровольнаго единенія.

Атомистическо-централистская теорія, признавая не самыя національности, а только индивидуумовъ данной національности, не отрицаетъ, однако, что принадлежность индивидуума къ данной національности и является для него источникомъ основного субъективнаго права, т. е. даетъ ему основаніе настаивать на своемъ правѣ пользоваться во всѣхъ случаяхъ индивидуальной и общественной жизни языкомъ той націи, къ которой онъ принадлежитъ и который онъ считаетъ своимъ роднымъ языкомъ, искать, напр., на этомъ языкѣ суда и управы. Для этихъ основныхъ субъективныхъ правъ правовое государство видитъ себя вынужденнымъ и обязаннымъ поступаться частью своихъ суверенныхъ правъ, вытекающихъ изъ идеи государственнаго единства, т. е. признаетъ за индивидуумомъ данной національности право пользоваться своимъ, а не государственнымъ языкомъ. Общественное право стремится въ этихъ случаяхъ къ тому, чтобы элементъ принудительности, вытекающій изъ идеи государства, падалъ на всю массу членовъ всѣхъ его націй равнымъ, до возможности облегченнымъ бременемъ.

Но національность, какъ таковая, остается все - таки, съ этой точки зрѣнія, для государства неорганическимъ массовымъ явленіемъ; нація въ политическихъ учрежденіяхъ нигдѣ не выступаетъ передъ государствомъ въ качествѣ коллективнаго органа, облегченнаго защитою своихъ національныхъ интересовъ.

Въ противоположность этой теоріи, коллективно-федералистская теорія признаетъ, что каждая нація образуетъ органическое цѣлое, коллективный органъ, а, слѣдовательно, должна представлять собою и юридическую единицу; госу-

дарство же должно смотрѣть на себя, какъ на коллективный союзъ федералистическаго характера.

Въ свою очередь, коллективно-федералистская теорія различаетъ еще территоріальныя и персональныя системы національныхъ союзовъ, т. е. автономность провинцій, заселенныхъ данною націею, и автономность самихъ націй безотносительно къ занимаемой ею территоріи.

Государственно-территоріальная теорія учитъ, что области, занимаемыя націями, образуютъ тѣ звенья, изъ которыхъ составляется государство; поэтому теорія эта считается и съ историческими наслѣдіями, т. е. признаетъ, что только націи, имѣющія собственную государственную исторію, связанную съ данною областью, могутъ быть разсматриваемы, какъ „государство-образующія". „Историческія" области, занятыя теперь или бывшія раньше занятыми этими націями, образуютъ Gliedstaat.

Этническая-же точка зрѣнія признаетъ: всякая національность является „государство-образующею", всякая замкнутая языковая область, т. е. область, занятая населеніемъ, говорящимъ на одномъ и томъ-же языкѣ, составляетъ самостоятельное государственное звено (Gliedstaat), безотносительно къ историческимъ судьбамъ этой области, къ вопросу о томъ, представляетъ-ли населеніе, нынѣ занимающее эту область, аборигентовъ или пришельцевъ. Съ точки зрѣнія этого принципа, наиболѣе справедливымъ является разграниченіе по національно-территоріальнымъ автономіямъ: нація, слѣдовательно, остается прикрѣпленною къ занимаемой ею территоріи, отождествляется съ этою территоріею, отождествляется, если и не съ тою непремѣнно территоріею, которую она нѣкогда занимала и на которую она претендуетъ въ силу „историческихъ правъ", то съ фактически обитаемою ею въ данный моментъ территоріею. Но послѣднее условіе не является обязательнымъ для коллективно-федералистскаго принципа, ибо онъ признаетъ и исключительно персонально-національные союзы, т. е. національныя автономіи, обнимающія всѣхъ членовъ данной націи, гдѣ бы они ни жили, подобно тому, какъ религіозныя организаціи обнимаютъ всѣхъ исповѣдующихъ одну и ту же религію безотносительно къ территоріи, мѣсту, на которомъ они живутъ.

Австрія до сихъ поръ руководствовалась въ своихъ попыткахъ регулированія отношеній государства къ націи централистско-атомистскою теоріею. Она не отрицала ни за однимъ изъ австрійскихъ гражданъ права пользоваться во всѣхъ случаяхъ жизни своимъ роднымъ языкомъ, языкомъ

той націи, къ которой онъ принадлежитъ; не отрицала права учиться на чешскомъ, славянскомъ, сербскомъ, русинскомъ и др. языкахъ, обращаться на этихъ языкахъ къ суду и администраціи. Не только не отрицала этого права, но вмѣняла себѣ въ обязанность руководствоваться этимъ въ своей политикѣ и вписала въ основныя положенія своей конституціи знаменитый 19-ый параграфъ, признающій полное равноправіе всѣхъ языковъ, на которыхъ говорятъ населяющія Австрію національности.

Но это признаніе оставалось и обречено оставаться въ огромномъ большинствѣ случаевъ мертвою буквою. Право учиться на чешскомъ языкѣ торжественно признано. Но въ Моравіи нѣтъ ни одного чешскаго университета, нѣтъ достаточнаго числа чешскихъ гимназій, нѣтъ даже достаточнаго числа чешскихъ народныхъ школъ, нѣтъ чешскихъ техническихъ школъ. Право учиться на русинскомъ языкѣ не отрицается. Но нѣтъ ни одного русинскаго университета, и на почти 4-милліонное русинское населеніе существуютъ всего 4 русинскія гимназіи. Для всей словенской народности существуетъ только одна словенская гимназія, въ которой можетъ быть осуществлено признанное за словенскимъ народомъ право учиться на родномъ языкѣ.

Право обращаться къ суду и администраціи на родномъ языкѣ тоже безусловно признано. Но въ чешскомъ, напр., Часлау можетъ не оказаться нѣмецкаго чиновника, способнаго разобрать заявленіе на нѣмецкомъ языкѣ, а въ нѣмецкомъ Эгерѣ—ни одного чешскаго чиновника, и тогда некому разобрать чешское заявленіе. Кто же станетъ заботиться объ учрежденіи гимназій для словенской народности, университетовъ для русинской, школъ для сербской? Кто возьметъ на себя заботу о томъ, чтобы въ Числау былъ нѣмецкій чиновникъ, а въ Эгерѣ—чешскій? Правительство?!

Но правительство сегодня опирается на нѣмцевъ, завтра на чеховъ, послѣ завтра ищетъ дружбы съ поляками. И, когда правительство заявило, напр., въ свое время, что, по его мнѣнію, дѣйствительно пора уже дать словенцамъ гимназію, то нѣмцы изъ-за этого подняли такое возмущеніе, что министерство должно было выйти въ отставку, и въ парламентѣ произошла новая группировка партій. Мы не допустимъ учрежденія словенской гимназіи!—кричали тогда нѣмцы. Словенцы недостаточно еще культурны, чтобы нуждаться въ гимназіи; слишкомъ бѣдны, чтобы содержать гимназіи! Мы не согласны, чтобы изъ средствъ, собираемыхъ съ нѣмецкихъ налого-плательщиковъ, какъ наиболѣе состоятельныхъ, создавались словенскія гимназіи, призванныя славянизиро-

вать населеніе! Во всякомъ случаѣ, мы не допустимъ учрежденія такой гимназіи именно въ Цилли (какъ это тогда предлагалось), ибо Цилли—полу-нѣмецкій городъ!

Словенцы же настаивали именно на Цилли, какъ на наиболѣе удобномъ для нихъ городскомъ центрѣ, и словенцевъ сочли своею обязанностью поддержать остальныя славянскія группы, чтобы сломить упорство нѣмцевъ.

— Мы требуемъ учрежденія въ Брюннѣ, въ этой столицѣ Моравіи, заселенной на $^3/_4$ чехами, чешскаго политехникума! —заявляютъ правительству чехи.

— Мы будемъ всѣми средствами бороться противъ удовлетворенія этого требованія, ибо Брюннъ—нѣмецкій городъ, и чехи требуютъ учрежденія здѣсь политехникума только для того, чтобы успѣшнѣе вести свою чешскую пропаганду!— предваряютъ правительство нѣмцы.

— Политехникумъ въ Брюннѣ нуженъ, но нѣмецкій! — заявляютъ черезъ нѣкоторое время правительству нѣмцы.

— Мы этого не допустимъ!—отвѣчаютъ чехи.

И каждый изъ этихъ вопросовъ является новымъ поводомъ для обостренія національной вражды, для обструкціи въ парламентѣ, для демонстрацій на улицахъ. И не только такіе вопросы, а даже вопросы о назначеніи въ то или другое мѣсто чиновника.

— Мы обвиняемъ правительство въ томъ, что оно наводняетъ нѣмецкіе округи чешскими чиновниками, способствуя этимъ, вопреки принятому имъ обязательству полной безпартійности, усиленію чешскаго элемента въ нѣмецкихъ округахъ!—выступаетъ въ парламентѣ съ заявленіемъ какая-нибудь нѣмецкая группа по поводу того, что на должность помощника столоначальника въ какомъ-нибудь полицейскомъ участкѣ города Пильзена назначенъ чиновникъ съ чешскою фамиліею.

— Мы должны отказать въ поддержкѣ этому правительству, которое считаетъ возможнымъ назначать въ чешскіе округи нѣмецкихъ чиновниковъ! — заявляютъ по поводу неугоднаго имъ назначенія чиновника чехи.

Не трудно себѣ представить, какія бури должны поднимать вопросы о назначеніи предсѣдателя суда въ томъ или другомъ округѣ и, вообще, о замѣщеніи высшихъ постовъ!

Эти моменты въ управленіи и являются источниковъ безконечныхъ, озлобляющихъ всѣхъ и каждаго, національныхъ споровъ, которые каждая нація ведетъ во имя того же 19-го параграфа. „Этотъ параграфъ оказался, такимъ образомъ, лишь векселемъ на „золотое времячко“, когда, можетъ быть, дѣйствительно окажется осуществимымъ истинное равно-

правіе языковъ; родъ законодательнаго фейерверка, призваннаго ослѣплять, но не создавать что-нибудь реальное"—сказалъ однажды одинъ австрійскій политическій дѣятель. „Весь національный споръ въ Австріи сводится къ стремленію осуществить то, что признано и обѣщано 19-ымъ параграфомъ" — выразился другой. И правительство, какъ мы уже видѣли, не въ состояніи осуществить требованія, заключающіяся въ этомъ параграфѣ конституціи.

Признанныхъ-же закономъ національныхъ корпорацій, имѣющихъ право и возможность осуществлять желанія и удовлетворять потребности представляемыхъ ими націй, австрійская государственность не знаетъ: австрійская конституція не содержитъ никакихъ указаній по вопросу о національныхъ законодательныхъ или административныхъ органахъ.

Централистско-атомистская теорія оказалась, такимъ образомъ, неспособною дать Австріи удовлетворяющее всѣхъ рѣшеніе національнаго вопроса. На смѣну ей былъ видвинутъ коллективно-федералистскій принципъ въ формѣ требованія признанія національно-территоріальныхъ автономій. И тутъ сейчасъ же проявились въ полной своей силѣ непримиримыя разногласія по вопросу о томъ, что считать территоріею данной націи. Чехи, напр., настаивали на томъ, что чешскимъ достояніемъ должны быть признаны всѣ области, составлявшія нѣкогда „земли короны св. Венцеля", т. е. Богемія, Моравія и Силезія; что, слѣдовательно, предоставленіе чехамъ національной автономіи должно быть связано съ возстановленіемъ историческаго чешскаго королевства.

— Но въ Богеміи живетъ теперь около $2^1/_2$ милліоновъ нѣмцевъ, они живутъ здѣсь не одно уже столѣтіе и имѣютъ такое же право считаться кореннымъ населеніемъ области, какъ и чехи,—отвѣчаютъ нѣмцы. Мы не можемъ допустить, чтобы $2^1/_2$-милліонное нѣмецкое населеніе Богеміи было „выдано головою" 4-милліонному чешскому населенію этой области; въ Моравіи тоже живетъ 700.000 нѣмцевъ рядомъ съ 1.700.000 чеховъ; а въ Силезіи оказываются рядомъ 300.000 нѣмцевъ, 150.000 чеховъ и 220.000 поляковъ. Относительно этой послѣдней области уже не только нѣмцы, но и поляки, несмотря на племенное родство съ чехами, не хотятъ признать требованій послѣднихъ.

А когда чешскіе политики стараются успокоить нѣмцевъ увѣреніями въ томъ, что въ возстановленномъ чешскомъ королевствѣ нѣмцы будутъ вполнѣ равноправны съ чехами, то нѣмцы позволяютъ себѣ относиться къ этимъ увѣреніямъ безъ особаго довѣрія, указывая на то, что и теперь уже въ

Прагѣ, напр., гдѣ муниципалитетъ находится въ рукахъ чеховъ, права нѣмецкаго языка подверглись сильному умаленію (это практикуется даже въ мелочахъ, и таблички, напр., съ названіями улицъ имѣютъ только чешскій текстъ, равно и указанія на вагонахъ трамвая), и интересы нѣмецкаго населенія не находятъ себѣ удовлетворенія.

Такіе-же споры возникаютъ и между поляками и русинами, когда первые предъявляютъ требованіе на всю Галицію.

— Но, вѣдь, вся восточная Галиція имѣетъ сплошное русинское населеніе. А какъ поляки понимаютъ національное равноправіе, когда рѣчь идетъ не о томъ, чтобы они были признаны равноправными тамъ, гдѣ имъ въ этомъ отказываютъ, а о томъ, чтобы они признали равноправіе другихъ тамъ, гдѣ поляки—господа, мы уже достаточно знаемъ!— отвѣчаютъ русины. „Противъ федерализаціи Австріи на основѣ возстановленія „историческихъ“ областей мы будемъ бороться всѣми силами“,—гласитъ формула русинско-національной политики.

И такіе-же споры неизбѣжны—при примѣненіи этого принципа—между итальянцами и нѣмцами въ Тиролѣ, между словенцами и итальянцами въ Истріи и т. д., и т. д.

Споры на эту тему и отмѣченныя уже выше специфически-австрійскія условія, при которыхъ во всѣхъ этихъ спорахъ нѣтъ болѣе сильной или болѣе слабой стороны, а есть только равносильныя или равнослабыя стороны, неизбѣжно должны были выдвинуть на мѣсто, историческо-территоріальнаго принципа принципъ этническо-территоріальный, т. е., что каждая національность автономна на той территоріи, которую она фактически занимаетъ. Согласно этому принципу, Австрія, въ случаѣ федерализаціи ея, должна быть раздѣлена не на автономныя: Богемію, Галицію, Штирію и т. д., и т. д., какъ этого теперь требуютъ тѣ австрійскіе федералисты, голоса которыхъ раздаются громче всѣхъ, а на автономныя: чешскую територію, нѣмецкую, итальянскую, польскую, русинскую, словенскую и т. д.

Но такъ какъ при этомъ оказалось-бы неизбѣжнымъ, что въ той или другой національной территоріи оказались-бы и представители другой національности, ибо во многихъ мѣстахъ эти національности живутъ въ перемежку другъ съ другомъ, то права составляющихъ меньшинство національностей должны были-бы быть ограждены специальными законами.

Не слѣдуетъ думать, что это рѣшеніе національнаго вопроса является кабинетнымъ измышленіемъ предрасположенныхъ къ идеализму фантазеровъ. Правда, партіи, уже господ-

ствущія въ Австріи или претендующія на господство, еще не признали этого рѣшенія. Младочешская, напр., партія видитъ въ такомъ рѣшеніи вопроса святотатственное покушеніе на драгоцѣнное историческое наслѣдіе въ формѣ „единой и нераздѣльной Богеміи". Не согласится признать это рѣшеніе и польско-шляхетская партія. Но ошибочность аргументаціи, направленной противъ попытокъ „раздирать" на части историческія области, трудно скрыть. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно считать, бóльшимъ преступленіемъ раздѣленіе области, нежели раздѣленіе живой національности? Неужели можно даже считать болѣе предпочтительнымъ такое рѣшеніе вопроса?

И дѣйствительно, нежеланіе признать рѣшеніе, диктуемое этническимъ принципомъ, подсказывается не столько исканіемъ справедливаго рѣшенія этого вопроса, сколько надеждою на господство. Интересно въ высшей степени для исторіи развитія этого вопроса, что первые чешскіе дѣятели, такіе дѣятели, какъ чешскій исторіографъ Палацкій, прозванный „отцомъ чешскаго народа", или какъ Ригеръ, котораго называли „великимъ чехомъ", именно это рѣшеніе и подсказывали въ свое время. Когда созванъ былъ первый австрійскій парламентъ, носившій характеръ Учредительнаго Собранія, которому предстояла задача выработки новыхъ началъ жизни для обновленной послѣ 1848 г. Австріи, именно Палацкій и Ригеръ внесли предложеніе о разграниченіи Австріи на національно-территоріальныя автономіи, на основѣ этническаго принципа.

„Австрія должна быть такъ организована,—писалъ тогда въ мотивахъ къ своему проекту Палацкій,—чтобы населяющія ее національности чувствовали желаніе оставаться въ Австріи. Въ видахъ достиженія этого и въ интересахъ справедливости, Австрія должна быть раздѣлена на слѣдующія группы областей: 1) Нѣмецкую Австрію изъ нѣмецкихъ областей Австріи съ присоединеніемъ къ нимъ заселенныхъ нѣмцами частей Богеміи, Моравіи и Силезіи; 2) Чешскую Австрію изъ заселенныхъ чехами областей Богеміи, Моравіи, Силезіи и Славоніи; 3) Польскую Австрію; 4) Иллирійскую Австрію (сербохорватскую); 5) Итальянскую Австрію и 6) Юго-славянскую Австрію".

Но тогда нѣмцы были еще преисполнены сознанія своей силы, не сомнѣвались еще въ возможности сохранить свое господство надъ остальными національностями и категорически отвергли этотъ проектъ, не желая даже входить въ подробное обсужденіе его. Нынѣ именно нѣмцы настаиваютъ на томъ, что справедливость требуетъ выдѣленія и

отдѣленія нѣмецкихъ областей Богеміи отъ чешскихъ. Но теперь этого не хотятъ чехи, которые достаточно окрѣпли и получили достаточное вліяніе, чтобы не отказываться отъ надежды подчинить нѣмцевъ своему господству въ Богеміи и Моравіи. Желаніе размежеваться и отдѣлиться проявляютъ теперь нѣмцы и въ Тиролѣ, гдѣ они имѣютъ противниками культурную итальянскую націю, отъ окончательнаго подчиненія которой себѣ они должны отказаться. И такъ какъ итальянцы не могутъ надѣяться, съ своей стороны, одержать верхъ надъ нѣмцами, то здѣсь вопросъ приблизился уже и практически къ разрѣшенію на основѣ этническаго принципа. Тирольскому ландтагу былъ уже предложенъ проектъ раздѣленія Тироля на итальянскую и нѣмецкую области, и проектъ былъ почти уже принятъ обѣими сторонами, не достигшими соглашенія лишь по нѣкоторымъ второстепеннымъ вопросамъ. Рѣшеніе вопроса въ этой формѣ, можетъ, поэтому считаться въ Тиролѣ отсроченнымъ, но не оставленнымъ.

Однако, тѣ же нѣмцы пришедшіе къ сознанію необходимости и неизбѣжности такого рѣшенія вопроса по отношенію къ тѣмъ областямъ, гдѣ они не могутъ надѣяться на сохраненіе своего господства и потому склонны къ рѣшенію его съ точки зрѣнія принципа справедливости, не хотятъ признавать этого принципа по отношенію къ тѣмъ областямъ гдѣ славянское населеніе еще не достигло достаточной культурной высоты (Моравія, Штирія, Каринтія, и т. д.) и гдѣ они могутъ еще разсчитывать на господство.

Какъ практическій пунктъ программы, этотъ способъ рѣшенія, поэтому, еще не включенъ въ требованіе господствующихъ партій. Въ такомъ видѣ онъ фигурируетъ только въ программѣ рабочей, соціалъ-демократической партіи, которая не признаетъ права на господство одной національности надъ другою. (И чрезвычайно любопытно отмѣтить при этомъ слѣдующее курьезное обстоятельство: въ Австріи рабочую партію называютъ иногда „Kaiserlich-Königliche Social-Democraten“— императорско-королевскіе соціалъ-демократы. Это прозвище употребляется по отношенію къ нимъ въ видѣ насмѣшки. Но въ этомъ невольно сказалось, что и противники этой партіи признаютъ, что она говоритъ то, что должно быть одобрено и правительствомъ въ національномъ вопросѣ). Эта партія и практически провела этотъ принципъ, и австрійская рабочая партія состоитъ изъ вполнѣ автономныхъ національныхъ рабочихъ партій (нѣмецкой, чешской, польской и т. д.), имѣющихъ свои національные совѣты; объединяющимъ же ихъ органомъ является общепартійный съѣздъ, на которомъ присутствуютъ делегаты всѣхъ національностей

и обсуждаютъ вопросы, касающіеся всей партіи, а рядомъ съ нимъ, въ качествѣ исполнительнаго органа, общепартійный совѣтъ и секретаріатъ.

Въ этой партіи существуетъ, правда, теченіе и противъ этого національно-территоріальнаго рѣшенія вопроса.

Національность не можетъ считаться прикрѣпленною къ данной территоріи,—говорятъ эти противники;—принадлежность къ данной національности не зависитъ и не можетъ зависѣть отъ нахожденія на той или другой территоріи. Своей національности человѣкъ не лишается, когда онъ оставляетъ данную территорію, не становится членомъ другой націи, когда поселяется на ея территоріи. Не всегда и не всюду нѣмцы жили и живутъ въ предѣлахъ нѣмецкаго государства, французы—французскаго и т. д., оставаясь все таки нѣмцами и французами. Сліяніе національности и территоріи противники этого теченія считаютъ еще и потому нежелательнымъ, что это можетъ явиться источникомъ узко-сердечной, мелко-подозрительной политики, такъ какъ всякая національность сочтетъ себя обязанною оберегать свою этнографическую границу отъ вторженія чужеземнаго элемента, для котораго придется издавать спеціальные законы въ интересахъ огражденія правъ такихъ, составляющихъ меньшинство національностей.

Они поэтому, настаиваютъ на примѣненіи къ національному вопросу принципа національной автономности безотносительно къ территоріи, т. е. персонально-національныхъ автономій: гдѣ бы ни жилъ чехъ или нѣмецъ и т. д., онъ остается членомъ чешскаго національнаго союза (если онъ этого желаетъ) или нѣмецкаго, и „національные совѣты" этихъ союзовъ должны заботиться о его культурныхъ и духовныхъ потребностяхъ, какъ это дѣлаетъ по отношенію къ своимъ адептамъ церковь, заботящаяся о религіозныхъ потребностяхъ своихъ членовъ, гдѣ бы они ни жили.

И жизнь дѣйствительно гонитъ нерѣдко именно на этотъ путь. Уже и теперь чехи и нѣмцы пришли въ Богеміи къ рѣшенію создать самостоятельные національные школьные совѣты и управленія, для того чтобы нѣмцы и чехи могли, не находясь въ зависимости другъ отъ друга и не вступая въ столкновенія другъ съ другомъ, заботиться о школьныхъ потребностяхъ своей національности. И тѣ, и другія склоняются къ мысли о созданіи національныхъ курій съ правомъ veto по національнымъ вопросамъ, чтобы оградить, такимъ образомъ, національныя меньшинства отъ насилій со стороны національнаго большинства. Эту систему національныхъ курій предлагалъ въ свое время и пользовавшійся громаднымъ

авторитетомъ въ вопросахъ конституціонной жизни Адольфъ Фишгофъ [1]) одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей движенія 1848 года.

Національный вопросъ, стоящій предъ Австріею въ видѣ страшнаго сфинкса, взывающаго: „разгадай меня или ты погибнешь!", не можетъ, поэтому, считаться неразрѣшимымъ, какъ это кажется, если имѣть передъ собою только картину этой непрекращающейся національной распри.

Австрія не можетъ продолжать жить, не разрѣшивъ этого вопроса. Централистская система оказалась неспособною принести его рѣшеніе; федералистской системѣ въ томъ видѣ, въ какомъ ее предполагаютъ основывающіяся на „историческихъ" правахъ партіи, оказывается чрезвычайно труднымъ проложить дорогу въ жизни. Но эта система, къ тому же, не даетъ отвѣчающаго требованіямъ справедливости рѣшенія вопроса, и—что еще важнѣе—она не удовлетворяетъ и реальнымъ жизненнымъ потребностямъ многихъ славянскихъ народностей Австріи, которыя поэтому будутъ противиться такому рѣшенію вопроса.

Австрія, поэтому, volens nolens должна прійти къ справедливому рѣшенію вопроса или... „погибнуть", распасться, какъ это ей предвѣщаютъ.

Что касается этой „политики катастрофъ", то она не можетъ входить въ обсужденіе реальной политики. Возможность распаденія Австріи не относится къ числу абсолютныхъ невѣроятностей, но многое и весьма многое изъ области международной жизни говоритъ въ пользу долговѣчности существованія Австріи.

„Если-бы Австріи не было, то ее слѣдовало-бы выдумать",— сказалъ нѣкогда Палацкій. Это и для нашего времени признается еще вѣрнымъ.

„Австрія, можетъ быть, давно уже распалась бы, но ей некуда упасть", выразилъ остроумно Каутскій, желавшій отмѣтить международную необходимость дальнѣйшаго существованія Австріи.

Даже по такому вопросу, какъ вопросъ о Македоніи, съ которою связано не столько интересовъ и не столь важные интересы, европейскимъ державамъ трудно въ теченіе десятилѣтій прійти къ окончательному рѣшенію. Вопросъ о томъ, „какъ подѣлить Турцію?"—считается такимъ опаснымъ вопросомъ, что европейская дипломатія избѣгаетъ тревожить его тѣнь. Если такъ трудно рѣшать эти вопросы, то какія трудности вызоветъ вопросъ: „какъ подѣлить Австрію въ случаѣ ея распаденія?".

---

[1]) Ad. Fischhof: „Oesterreich und die Bürgschaften seines Bestandes".

Обыкновенно указываютъ на то, что Германія, вѣрнѣе, Пруссія меньше всего можетъ желать распаденія Австріи, такъ какъ включеніе въ составъ Германіи нѣмецкихъ областей Австріи съ ея многомилліоннымъ католическимъ населеніемъ не входитъ въ интересы протестанской Германіи [1]). Но если-бы Германія и нашла это для себя удобнымъ, то останется-ли Европа равнодушною къ такому усиленію Германіи, которая, расположившись „отъ моря до моря", можетъ явиться сильною угрозою устойчивости европейскаго равновѣсія?

А какъ рѣшить вопросъ о Галиціи? А остальныя славянскія народности, которымъ было-бы трудно установить самостоятельные политическіе организмы съ достаточною устойчивостью, и включеніе которыхъ въ составъ сильнаго болѣе или менѣе едино-національнаго государства грозили-бы поглощеніемъ ихъ національности?!

Живя теперь подъ одною австрійскою политическою кровлею, эти малочисленныя національности позволяютъ себѣ иногда фрондировать и грозить своими симпатіями къ болѣе сильнымъ соплеменникамъ, напоминать о своемъ родствѣ съ ними и пугать „богатымъ дядюшкою". На самомъ же дѣлѣ онѣ прекрасно сознаютъ, что въ Австріи имъ легче было, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отстаивать свои національныя права и добиться ихъ признанія. И видный руководитель чешскаго движенія, д-ръ Крамаржъ, очень недовольный нынѣшнею Австріею, тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ напомнить своимъ соотечественникамъ, что подкапываться подъ Австрію было бы съ ихъ стороны неразумно, ибо и „намъ, чехамъ, нужна сильная Австрія". И, если бы Австрія теперь должна была перестать существовать, ее, пожалуй, пришлось бы снова выдумать.

Европейскія государства пытались въ свое время—во времена религіозныхъ войнъ—установить принципъ „cujus regio—ejus religio" (всѣ должны исповѣдывать религію, которую признаетъ глава государства). Этотъ принципъ оказался причиною жесточайшихъ кровопролитій и породилъ много зла. Въ концѣ концовъ, правительства вынуждены были признать непремѣнимость его къ жизни и признать равныя права за всѣми религіями, имѣющими адептовъ въ предѣлахъ страны.

Въ области національныхъ отношеній до сихъ поръ считается еще почти во всѣхъ государствахъ болѣе или менѣе

---

[1]) Въ Австріи насчитывается $20\frac{1}{2}$ милл. католиковъ; 1.200.000 евреевъ 496.800 протестантовъ и 607.000 уніатовъ.

неприложный принципъ: „cujus regio—ejus natio“, т. е. страна принадлежитъ одной изъ населяющихъ ее національностей, которая получаетъ значеніе господствующей.

Въ Австріи нѣтъ національности, которая имѣла-бы право на такое положеніе или,—что въ данномъ случаѣ важнѣе,—которая была бы въ состояніи добиться такого положенія.

И, можетъ быть, именно Австріи суждено поэтому нанести рѣшительный ударъ принципу: „cujus regio—ejus natio“, который въ примѣненіи къ жизни оказывался нерѣдко причиною такихъ-же страданій, слезъ и кровопролитій, какъ сверженный уже принципъ: „cujus regio—ejus religio“.

Австрія тогда выполнила-бы дѣйствительно великую „историческую миссію“.

П. Звѣздичъ.

АНГЛІЯ.

Что собою представляетъ государственный строй Англіи?

Если вы поищите отвѣта на этотъ вопросъ въ такъ называемыхъ основныхъ законахъ страны, въ ея писанной конституціи, вы не вынесете ничего достаточно яснаго, опредѣленнаго. Кодекса основныхъ законовъ, систематически составленной писанной конституціи, въ Англіи нѣтъ. Законодательные акты, положенные въ основу государственнаго строя Соединеннаго Королевства, созидались на протяженіи многихъ столѣтій, но не одни только эти акты служатъ устоями этого строя. Magna Charta libertatum 1215 г., Петиція о правахъ 1628 г., Habeas-Corpus-Act 1779 г., Декларація правъ 1689 г., Act of Settlement 1701 и 1705 г.г., Act of Union между Англіей и Шотландіей 1707 г., Союзный актъ между Великобританіей и Ирландіей 1800 г. и, наконецъ, избирательныя реформы 1832, 1867 и 1884 г.г.,—таковы писанные основные законы Соединеннаго Королевства. Но этими постановленіями далеко не исчерпываются основы англійской конституціи. И вы напрасно стали бы искать въ этихъ сухихъ, писанныхъ средневѣковымъ стилемъ законодательныхъ актахъ отвѣта на такіе важнѣйшіе для государственной жизни вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ объ отвѣтственности министерства, о различіи въ прерогативахъ палаты общинъ, палаты лордовъ и короны и т. п. Необходимымъ дополненіемъ къ писаннымъ источникамъ для насъ, при изученіи конституціи какой либо страны, является знакомство съ ея функціонированіемъ, съ практическимъ проявленіемъ борьбы политическихъ партій и условіями, въ какихъ эта борьба происходитъ. Въ Англіи многіе конституціонные вопросы рѣшаются ссылкой не на законы, а на парламентскіе обычаи; самые же эти обычаи и прецеденты устанавливаются подъ нерѣдко сильнымъ давленіемъ извнѣ. И поэтому мы въ нашемъ очеркѣ будемъ ссылаться не только на письмен-

ные источники, но, быть можетъ еще въ большей степени, на наши личныя наблюденія англійской общественно-политической жизни.

I.

Власть короля.

Нѣмецкій юристъ Блунчли, въ своемъ анализѣ различныхъ государственныхъ формъ, говоритъ: „Существуютъ далѣе монархіи и монархическія республики, соотвѣтственно тому—управляетъ ли государствомъ одинъ монархъ, или же республики политически управляются отдѣльными личностями, которыя фактически правятъ въ качествѣ монарховъ. Къ послѣднему типу относятся аѳинская демократія временъ Перикла, нидерландская республика съ ея наслѣдственными штатгалтерами и французскія республики временъ перваго консулата Наполеона Бонапарта и президентства Луи Наполеона. Также и во время президентства Тьера и Макъ-Магона французская республика имѣла монархическій характеръ. Наконецъ, существуютъ дѣйствительныя демократіи и демократическія монархіи. Примѣръ послѣдняго рода представляетъ издревле королевство Норвегія“. [1]) Англія несомнѣнно тоже ближе всего подходитъ къ этому послѣднему типу—къ демократическимъ монархіямъ. Впрочемъ, это опредѣленіе не отличается большою ясностью. Тьеръ, вырабатывая конституцію республики 1871 г., стремился создать такую республику, которая сдѣлала бы Францію „монархіей безъ монарха“. Англія по формѣ представляетъ собою нѣчто противоположное, а именно—„республику съ монархомъ“. Принципъ—le roi régne, mais ne gauverne pas—примѣняется въ Англіи съ неограниченной силой. Георгъ III (1760—1820) былъ послѣднимъ королемъ, сумѣвшимъ наложить на англійскую политику печать своей личности. И этого онъ добился, дѣйствуя не въ предѣлахъ закона, а лишь путемъ систематическаго подкупа членовъ палаты общинъ и постепеннаго заполненія палаты лордовъ своими креатурами. Но личная власть и этого короля продолжалась недолго. Система подкуповъ Георга III вызвала скоро со стороны общества сильную реакцію, обусловившую появленіе радикальной партіи [2]). И уже въ

---

[1]) Bluntschli: „Deutsche Staatslehre für Gebildeten“. стр. 83.

[2]) См. William Harris: „The History of the Radical Party in Parliament“. London, 1885, стр. 9 и 40. Лекки относитъ зарожденіе радикальной партіи къ 1769 г.

1782 году вождь этой партіи, знаменитый Чарльсъ Фоксъ, назначается Георгомъ III въ министры, несмотря на всю ненависть къ нему короля и его приверженцевъ. По смерти Георга III прямое вмѣшательство королевской власти въ вопросы политики окончательно отходитъ въ область преданій. Власть эта превращается въ nudum jus potestatis, въ символъ,—символъ, обожаемый всѣми классами англійскаго населенія, но обожаемый лишь постольку, поскольку le roi règne, mais ne gouverne pas, поскольку этотъ прекрасно оплачиваемый символъ не вмѣшивается въ политическую жизнь страны. Лойяльность подданныхъ и „цивильный листъ"—это въ полномъ смыслѣ слова плата за представительство короны. Когда королева Викторія долгое время не показывалась на оффиціальныхъ пріемахъ и въ процессіяхъ въ послѣдніе годы своей жизни, нѣкоторыя англійскія газеты не задумывались осыпать ее упреками за то, что „она не исполняетъ своихъ обязанностей, за которыя получаетъ вознагражденіе". Король—это номинально глава правительства, исполнительной власти. Но за дѣйствія правительства король неотвѣтственъ; за нихъ отвѣчаютъ передъ парламентомъ сами министры. И потому не министры подчиняются волѣ королевской власти, а скорѣе наоборотъ, эта власть подчинена волѣ министровъ, вѣрнѣе ихъ премьера. Для иллюстраціи этого положенія мы упомянемъ о двухъ инцидентахъ, ознаменовавшихъ вступленіе на престолъ и послѣдніе моменты царствованія королевы Викторіи.

Инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ царствованія Викторіи, извѣстенъ въ англійской исторіи подъ именемъ „спальнаго вопроса" (Bedchamber Quesstion) и произошелъ въ 1839 году, вслѣдъ за отставкою либеральнаго министерства Мельбурна. Кабинетъ этотъ, такъ сказать, изжилъ свою законодательную энергію и мало по малу потерялъ довѣріе палаты общинъ, хотя самъ Мельбурнъ былъ личнымъ другомъ юной королевы. Наконецъ, 9 апрѣля 1839 года, по предложенію вождя консервативной партіи, Роберта Пилля, министерствомъ былъ поставленъ вопросъ о довѣріи. Поводомъ послужилъ внесенный Мельбурномъ законопроектъ о временной пріостановкѣ конституціи Ямайской Колоніи, парламентъ которой отказался примѣнить выработанную имперскимъ парламентомъ реформу тюремныхъ учрежденій. Палата высказалась за министерство большинствомъ лишь пяти голосовъ, и Мельбурнъ, справедливо считая такое большинство равносильнымъ отказу въ довѣріи, подалъ въ отставку. Королева послала за Пиллемъ и съ прямотой и откровенностью 19-ти лѣтней дѣвушки, заявила, что ей очень грустно

разставаться съ министерствомъ Мельбурна, политику котораго она вполнѣ одобряетъ, но что, тѣмъ не менѣе, она подчиняется конституціи и парламентскому обычаю и предлагаетъ ему, какъ вождю консервативной оппозиціи, составить новое министерство. Суровый Пилль согласился на предложеніе королевы и принялся за хлопоты по составленію кабинета. Хлопоты уже близились къ концу, какъ вдругъ онъ узналъ, что двѣ камерфрейлины, имѣвшія своей обязанностью присутствовать въ королевской спальнѣ, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ двумя изъ вышедшихъ въ отставку либеральныхъ министровъ. Пилль немедленно потребовалъ отъ королевы отставки ея двухъ злополучныхъ подругъ-камерфрейлинъ. Королева, понявшая, будто Пилль потребовалъ отъ нея перемѣны всей ея свиты и всей дворцовой прислуги, по совѣту стараго вождя виговъ и знатока конституціи лорда Джона Росселя, отвѣтила Пиллю, что она „не можетъ согласиться на образъ дѣйствій, несогласный съ конституціей и противный ея чувствамъ“. Тогда Пилль наотрѣзъ отказался отъ составленія кабинета и, такъ какъ никто, кромѣ него, не могъ разсчитывать на довѣріе палаты, то старому кабинету Мельбурна пришлось снова взять бразды правленія. Этотъ кабинетъ по поводу „спальнаго вопроса“ высказался, что „главныя дворцовыя должности, занимаемыя членами парламента, могутъ быть замѣщаемы по указанію министерства, но что это правило, по его мнѣнію, „не можетъ быть примѣняемо къ камерфрейлинамъ королевы“.

Инцидентъ этотъ вызвалъ во всей странѣ много толковъ,—разсказываетъ Джустинъ Макъ-Карти [1]).—Часть либераловъ рѣзко настаивала на томъ, что въ подобномъ вопросѣ чувства главы государства совершенно не должны быть принимаемы въ соображеніе и что совѣты министра и его взгляды касательно дѣйствій, необходимыхъ, по его мнѣнію для блага страны, должны одни имѣть рѣшающее значеніе. Положеніе королевы, въ какое она попала, благодаря Мельбурну и его сотоварищамъ, не заключало въ себѣ ничего завиднаго. Чѣмъ болѣе народъ въ массѣ размышлялъ надъ инцидентомъ, тѣмъ болѣе для него становилось очевиднымъ, что Пилль былъ правъ,—хотя быть можетъ послѣдній и не отнесся съ достаточнымъ вниманіемъ къ неопытности молодой королевы“. Были, конечно, и „сентиментальные“ кавалеры, которые аккуратно пили за здоровье „королевы, не пожелавшей отдать своихъ красавицъ на съѣденіе“. Но общественное мнѣніе было почти цѣликомъ „противъ

---

[1]) I. Mac-Carthy: „A Short History of our own time (1837—1880)“. Таухницкое изданіе. Лейпцигъ, 1883. Т. I, глава 3-ья.

министерства, пробравшагося снова къ власти подъ защитой юбокъ камерфрейлинъ. Новые выборы привели къ полному торжеству партіи Пилля, и „спальный инцидентъ“ закончился побѣдой точки зрѣнія этого консервативнаго вождя, показавшаго потомъ себя большимъ реформаторомъ, чѣмъ самые радикальные вожди либераловъ. И съ тѣхъ поръ при смѣнѣ министерства за новымъ премьеромъ признается право отстранять отъ службы всякихъ нежелательныхъ ему придворныхъ. Это право теперь покоится на незыблемомъ конституціонномъ обычаѣ.

Я остановился такъ долго на „спальномъ инцидентѣ“ потому, что въ немъ рельефно проявляется тотъ ревнивый интересъ, съ какимъ англо-саксонская нація относится въ конституціи, къ правамъ представительнаго правленія. Несмотря на весь юмористическій характеръ, „спальнаго инцидента“, англичане сумѣли отнестись къ нему, какъ къ вопросу первостепенной государственной важности, и рѣшить его такимъ образомъ, что съ тѣхъ поръ недоразумѣнія между короной и страной сдѣлались почти невозможными.

Второй упомянутый мною инцидентъ носитъ уже глубоко трагическій характеръ. Я говорю о южно-африканской войнѣ, бывшей одной изъ причинъ смерти королевы Викторіи и отравившей послѣдніе мѣсяцы ея жизни. Королева этой войны не хотѣла. Она обладала достаточнымъ здравымъ смысломъ, чтобы понимать всю несправедливость и ненужность ея. Викторія взошла на престолъ, сильно дискредитированной въ глазахъ подданныхъ безуміемъ и деспотическими наклонностями Георга III, распутствомъ и ничтожествомъ Георга IV [1]), безхарактерностью и неустойчивостью убѣжде-

---

[1]) „...26 іюня (1830 г.) Георгъ IV умеръ. Врядъ ли въ мірѣ былъ другой человѣкъ, который занималъ-бы столь высокое положеніе и котораго бы такъ мало оплакивали, какъ Георга IV. Это жалкое существо не сумѣло заслужить ни единой привязанности, ни единаго знака искренняго уваженія. Грубый, эгоистичный и неискренній, онъ былъ выродкомъ, какъ умственнымъ, такъ и нравственнымъ; и тотъ фактъ, что народъ сохранилъ къ такому королю даже внѣшніе знаки лойяльности, служитъ лучшимъ доказательствомъ привязанности населенія къ своимъ національнымъ учрежденіямъ. Его отецъ, пока онъ находился въ здравомъ разсудкѣ, оказывалъ активное вліяніе на политику своей страны; Георгъ IV никакого такого вліянія оказывать не могъ. Элдонъ пытался побудить его къ противодѣйствію эмансипаціи католиковъ. Но трусость и слабость Георга IV дѣлали такое противодѣйствіе съ его стороны немыслимымъ, хотя онъ плакалъ и даже ревѣлъ, какъ дитя, когда у него вынуждали согласіе на этотъ законодательный актъ. Все, на что онъ былъ способенъ и что онъ дѣйствительно дѣлалъ, это—отравлять существованіе своимъ министрамъ, которымъ постоянно приходилось убѣждать и принуждать его къ выполненію обязанностей, которыя на него возлагались его званіемъ“. См. William Harris, l. c., стр. 222—223.

ній Вильяма IV [1]) Въ теченіе своего болѣе, чѣмъ шестидесятилѣтняго царствованія Викторія строго и неуклонно соблюдала предписанія конституціоннаго закона и обычая; и ея царствованіе было для Англіи періодомъ высшаго подъема промышленныхъ силъ, необычайнаго расцвѣта національнаго могущества и демократическихъ учрежденій. Сверхъ того, въ своей личной жизни Викторія, подобно женѣ Цезаря, была выше всякихъ подозрѣній. Она была преданной супругой, образцовой матерью, бережливой хозяйкой,—и эти ея качества вызывали чувства живѣйшей симпатіи въ мѣщанскихъ сердцахъ массъ англійскаго населенія. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, республиканскіе отголоски XVII в. исчезли въ Англіи безслѣдно, и тронъ Британской Имперіи упрочился въ сильнѣйшей степени [2]). Къ концу своего царствованія Викторія сдѣлалась самой популярной королевой новѣйшаго времени, и ея юбилейныя празднества 1887 и 1897 г.г. отличались невиданнымъ блескомъ. Понятно, поэтому, какъ не хотѣлось Викторіи, на закатѣ дней своихъ, дать свою санкцію на веденіе войны, всегда полной неожиданностей и волненій, какихъ престарѣлый возрастъ королевы выносить уже не могъ. И, тѣмъ не менѣе, она ничего не могла подѣлать и должна была уступить волѣ своихъ министровъ.

Согласно духу англійской конституціи, королевская власть является однимъ изъ элементовъ верховной власти страны; другимъ элементомъ этой власти является парламентъ, то есть палата общинъ и палата лордовъ. Поэтому король, на основаніи конституціи, пользуется наравнѣ съ парламентомъ законодательной властью. Онъ назначаетъ или, вѣрнѣе, утверждаетъ высшіе органы исполнительной и судебной власти. Онъ созываетъ и распускаетъ парламентъ; черезъ своихъ министровъ онъ вноситъ въ парламентъ для обсужденія законопроекты; наконецъ, всякій законопроектъ, принятый обѣими палатами, не можетъ превратится въ законъ безъ королевой санкціи, и королю принадлежитъ право законода-

---

[1]) „Измѣнчивость его политическихъ взглядовъ,—говоритъ тотъ же Харрисъ (l. c., стр. 283),—не могла быть правильно понята населеніемъ, которое приписывало отсутствію нравственныхъ принциповъ то, что въ дѣйствительности было лишь результатомъ умственнаго убожества“.

[2]) Послѣдними отголосками республиканскихъ тенденцій была такъ называемая „республиканская партія“ 70-хъ годовъ XIX ст. Газета „Reynhold's Newspaper“ была ея оффиціальнымъ органомъ, а главными вождями ея были Чарльсъ Дильке, Чемберлэнъ и Лабушеръ. Чемберлэнъ сдѣлался опорой трона, Дильке—тайнымъ совѣтникомъ, а Лабушеръ, хотя и остался радикаломъ, о республикѣ также теперь не упоминаетъ.

Парламентъ Соединеннаго Королевства.

тельнаго veto. Но на практикѣ эти конституціонныя права королевской власти являются чисто формальными. Она никакой активной роли въ дѣлахъ страны, какъ мы уже говорили, не играетъ. Король является лишь пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ министровъ, которые, въ свою очередь, служатъ исполнителями воли большинства палаты общинъ и этому большинству обязаны своей властью. Въ теченіе всего XIX столѣтія не было ни одного случая, когда бы королевская власть отказала въ своей санкціи какому нибудь биллю, принятому парламентомъ Соединеннаго Королевства. Своимъ правомъ veto она пользовалась въ крайне рѣдкихъ случаяхъ лишь по отношенію къ законопроектамъ, принятымъ какимъ либо колоніальнымъ парламентомъ; но и тутъ она налагала свое veto по указанію британскихъ министровъ и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда данный колоніальный билль могъ послужить поводомъ къ столкновенію между Британской Имперіей и какой нибудь другой державой. Хотя „сообразно классической англійской формулѣ, высшая и верховная власть пребываетъ въ Англіи въ парламентѣ; а парламентъ, въ техническомъ значеніи этого слова, есть соединеніе и согласіе трехъ элементовъ: короля, палаты лордовъ и палаты общинъ“ [1]); но тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ носителемъ „высшей и верховной власти“ является одинъ только парламентъ, король же есть лишь номинальный глава государства. Отъ президентовъ Французской или Швейцарской республики англійскій король отличается лишь тѣмъ, что званіе его пожизненно и наслѣдственно, тогда какъ званіе президентовъ выборное и ограничено опредѣленнымъ срокомъ. Но наслѣдственность и пожизненность королевской власти въ Англіи имѣетъ своимъ источникомъ тотъ же парламентъ, хотя на королевскомъ гербѣ и значится: „Dieu et mon droit“. [2]) Такой государствовѣдъ, какъ Энсонъ, выражается слѣдующимъ образомъ, говоря о рѣшеніяхъ, принятыхъ въ 1688 году обѣими палатами относительно возведенія на престолъ Вильгельма Оранскаго: „Такъ было объявлено собраніемъ всѣхъ сословій королевства“ [3]) И въ 1788 году, когда Георгъ III въ первый разъ подвергся припадку безумія и когда надо было

---

[1]) А. Эсменъ: „Основныя начала государственнаго права“. Изд. К. Солдатенкова. Москва, 1898 г. Томъ I, стр. 38.

[2]) „Богъ и мое право“.

[3]) Anson: „Lawand Custom“, томъ II, стр. 61 (цит. у Эсмана). Впрочемъ парламентъ и раньше низлагалъ и возводилъ на престолъ королей. Такъ, онъ низложилъ въ 1399 году Ричарда II и возвелъ на престолъ Генриха Ланкастерскаго.

обезпечить ходъ правленія, Питтъ, бывшій тогда первымъ министромъ, доказывалъ и заставилъ признать, что, согласно съ принципами, установленными революціей 1688 г. и Биллемъ о правахъ, лорды и Общины представляли собою всѣ сословія народа и, слѣдовательно, юридически и въ силу конституціи обладали властью для того, чтобы замѣнить собой короля въ той или иной его функціи.

Мы, поэтому, не должны удивляться, если Statesman's Year-book, составленный спеціалистами, прямо заявляетз, что „верховная законодательная власть Британской Имперіи, согласно конституціи, ввѣрена парламенту“ [1]. Король является олицетвореніемъ національнаго единства и, какъ таковой, онъ носитъ рядъ обязанностей по представительству Британской Имперіи. За исполненіе королевскихъ обязанностей парламентъ назначаетъ, въ формѣ цивильнаго листа, жалованье королю и королевской фамиліи. По восшествіи на престолъ нынѣшняго короля, Эдуарда VII, Бальфуръ заявилъ въ палатѣ общинъ, къ удовольствію всѣхъ комонеровъ, что королю на этотъ разъ не придется обратиться къ странѣ съ просьбой уплатить его долги, такъ какъ долговъ, заключенныхъ имъ до восшествія на престолъ, нѣтъ теперь никакихъ (они были уплачены раньше). Затѣмъ, въ мартѣ 1901 года, въ палатѣ общинъ было прочитано слѣдующее посланіе отъ короля: „Его величество, желая, чтобы было обезпечено соотвѣтственное содержаніе для его сына и дочерей, и далѣе желая, чтобы подобнымъ же образомъ была обезпечена ея величество королева, если она его переживетъ, и жена сына, если она переживетъ своего мужа, обращаетъ на это вниманіе своихъ вѣрныхъ Общинъ и надѣется, что онѣ, въ силу своей привязанности къ нему, примутъ такія мѣры, какія необходимы въ данномъ случаѣ“. Такова обычная форма просьбы, съ какой всякій новый глава государства обращается въ Англіи къ палатѣ общинъ. Съ своей стороны, палата общинъ немедленно выбираетъ коммиссію для опредѣленія размѣра цивильнаго листа. Согласно установившемуся конституціонному обычаю, въ эту коммиссію выбираются представители не только большинства, но даже и меньшинства и даже различныхъ группъ меньшинства: это дѣлается для того, чтобы представители всѣхъ группъ населенія имѣли свой голосъ въ дѣлѣ расходованія общественныхъ суммъ. И коммиссія представила палатѣ два доклада,—одинъ, подписанный большинствомъ (14 членами ея), и другой, подписанный меньшинствомъ, въ данномъ

---

[1]) The Statesman's Year-book. London, 1901, стр. 6.

случаѣ однимъ только Лабушеромъ, противникомъ королевской власти вообще.

Палата приняла, конечно, проектъ большинства и опредѣлила цивильный листъ Эдуарда VII въ 470,000 фунт. стерлинговъ. Листъ этотъ распадается на слѣдующія статьи: Карманныя деньги или частная касса (Privy Purse) короля и королевы—110,000 ф. ст. [1]); содержаніе дворцовъ—193,000 ф. ст.; ремонтъ дворцовъ—20,000 ф. ст.; содержаніе и пенсіи придворныхъ должностныхъ лицъ и прислуги—125,800 ф. ст.; королю и королевѣ для раздачи пожертвованій и милостыни—13,200 ф. ст.; и экстренныхъ—8,000 ф. ст.

Кромѣ этого собственно цивильнаго листа, палата асссигновала 73,000 ф. ст. дѣтямъ короля; наконецъ, около 70,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ выдается другимъ членамъ королевской фамиліи. Такимъ образомъ, въ общемъ содержаніе королевскаго дома обходится Англіи въ 613,000 ф. ст. (около 6,000,000 руб.). Но зато королевскій домъ предоставляетъ въ пользу казны всѣ доходы съ наслѣдственнныхъ королевскихъ земель и лѣсовъ. Эти доходы достигали при Георгѣ I (1714—1727) до 1,000,000 ф. ст. и шли въ пользу короля. Въ 1777 г. король Георгъ III предоставилъ управленіе королевскими землями и доходы съ нихъ казнѣ, палата же опредѣлила ему цивильный листъ въ 900,000 ф. ст. На тѣхъ же условіяхъ цивильный листъ его сына Вильяма IV былъ опредѣленъ въ 510,000 ф. ст., а королевы Викторіи въ 385,000 ф. ст. Теперь, какъ мы видѣли, цивильный листъ, снова нѣсколько увеличенъ. Министръ финансовъ заявилъ въ палатѣ общинъ, что если вычесть изъ суммы (613,000 ф. ст.), ассигнуемой Англіей на содержаніе королевскаго дома, сумму доходовъ, получаемыхъ казной съ королевскихъ земель, то въ остаткѣ получится всего 33,000 ф. стерл.; и этой именно цифрой опредѣляются дѣйствительные расходы страны на содержаніе королевскаго дома.

II.

Права гражданина.

Прежде, чѣмъ перейти отъ номинальнаго носителя верховной власти—короля—къ дѣйствительному ея носителю—парламенту, мы должны остановится на ознакомленіи съ правами британскаго гражданина, этой основной государ-

[1]) Замѣтимъ, что съ этой суммы король и королева платятъ въ казну, наравнѣ съ другими гражданами Британской Имперіи, подоходный налогъ,

ственной клѣточки, правовоззрѣніе которой отражаетъ всѣ государственные законы и обычаи, подобно тому, какъ въ малой каплѣ воды отражаются лучи солнца.

Основнымъ правомъ всякаго гражданина въ Англіи является законодательное огражденіе его личности и его собственности отъ посягательствъ со стороны лицъ, власть имущихъ. Личность гражданина ограждается спеціальнымъ закономъ, такъ называемымъ Habeas Corpus Act 1679 года (дополненнымъ въ 1816 г.), и покровительствомъ этого закона пользуются не только британскіе подданные, но и иностранцы, проживающіе въ предѣлахъ Британской Имперіи. Собственность гражданина ограждается судомъ и палатой общинъ, члены которой выбираются теперь почти всѣми англійскими гражданами (объ избирательныхъ правахъ рѣчь будетъ ниже) и безъ одобренія которой ни одинъ налогъ на имущество гражданъ не можетъ считаться законнымъ.

Первоисточникомъ вольностей британцевъ слѣдуетъ считать Великую Хартію Вольностей (Magna Charta Libertatum), представляющую собою какъ бы договоръ, заключенный между англійскими баронами и горожанами— съ одной стороны, и королемъ Іоганномъ Безземельнымъ— съ другой. Великая Хартія представляетъ собою подтвержденіе и развитіе вольностей, дарованныхъ прежними королями, въ особенности Генрихомъ I, давшимъ народу Хартію для того, чтобы привлечь его на свою сторону въ борьбѣ противъ старшаго брата, престолъ котораго онъ узурпировалъ. Великая Хартія также явилась результатомъ позорной политики, вѣроломства и неудачныхъ войнъ Іоганна; она была исторгнута у короля вооружившимися сѣверными баронами и присоединившимися къ нимъ лондонскими горожанами на Руннимедскомъ лугу (въ 1215 г.).

Великая Хартія Вольностей состоитъ изъ 63 статей. Важнѣйшими изъ этихъ статей являются 12, 14, 39 и 63. Статья 39-ая положила основаніе свободѣ личности: ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть арестованъ, заключенъ въ тюрьму, лишенъ собственности или покровительства законовъ, изгнанъ или подвергнутъ иной карѣ иначе, какъ по суду равныхъ ему и по законамъ страны. Содержаніе этой то статьи и получило дальнѣйшее развитіе въ Habeas Corpus Act. Остальными тремя статьями положены были основы современнаго парламента. Статья 12 ограничиваетъ право короля требовать съ ленника денежной субсидіи (aid) тремя случаями: на выкупъ въ случаѣ своего плѣненія, при женитьбѣ старшаго сына и выдачѣ замужъ старшей дочери. Всякая

другая субсидія могла быть установлена только общимъ собраніемъ ленниковъ всего королевства. Составъ этого общаго собранія опредѣляется статьей 14: именнымъ призывомъ приглашались на собраніе архіепископы, епископы, аббаты, графы и старшіе бароны; всѣ другіе ленники короля приглашались общимъ призывомъ, по графствамъ и сотнямъ, черезъ шерифовъ и бэльи. Это различіе въ призывахъ повело впослѣдствіи, при королѣ Эдуардѣ III, къ отдѣленію нижней палаты отъ верхней. Наконецъ, важная 63 статья обезпечивала соблюденіе самой Великой Хартіи: всѣ бароны избирали изъ своей среды 25 лицъ для надзора за соблюденіемъ вольностей. Если король нарушитъ хартію и неисправитъ нарушеніе, по требованію 4 изъ этихъ бароновъ, въ 40-дневный срокъ,—всѣ 25 бароновъ могутъ прибѣгнуть къ насилію противъ короля, т. е. отнимать у него замки и земли, щадя только его личность и семью. Каждый можетъ принести присягу повиновенія этимъ 25 баронамъ и заодно съ ними тѣснить короля, пока тотъ не загладитъ свою ошибку.

Само собою разумѣется, короли пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы нарушить вольности, выговоренныя гражданами въ Великой Хартіи. Уже черезъ мѣсяцъ послѣ подписанія этого договора Іоганнъ Безземельный выхлопоталъ у папы разрѣшеніе нарушить договоръ и этимъ вызвалъ въ Англіи междуусобную войну. Послѣдующіе короли слѣдовали политикѣ Іоганна, и только революціи XVII вѣка положили конецъ королевскимъ насиліямъ и гражданскимъ войнамъ. Но въ нашу задачу не входитъ разсказъ о многовѣковой борьбѣ за гражданскія и политическія права, и мы упомянемъ только о двухъ моментахъ этой борьбы. Вопросъ о гарантіяхъ личной и имущественной неприкосновенности гражданъ занялъ первенствующее мѣсто въ англійской общественной жизни въ 1627 году. Непосредственнымъ поводомъ послужило заключеніе въ тюрьму извѣстнаго Гампдена и его товарищей, по распоряженію королевскаго тайнаго совѣта, за отказъ уплатить противозаконный налогъ, облеченный въ форму принудительнаго займа. Гампденъ потребовалъ черезъ посредство суда своего освобожденія; на запросъ суда о причинѣ задержанія Гампдена и другихъ лицъ, смотритель тюрьмы объяснилъ, что „они были подвергнуты заключенію вслѣдствіе распоряженія тайнаго совѣта, не сообщившаго ему, смотрителю, ни о какой особливой причинѣ ихъ задержанія, кромѣ того, что „они были арестованы по спеціальному приказанію его величества“. Во время процесса по этому дѣлу, въ которомъ принимали участіе лучшіе юристы того времени, дебатировался, главнымъ обра-

зомъ вопросъ, имѣетъ ли судъ, на основанiи закона, право освободить лицъ, заключенныхъ въ тюрьму безъ указанiя причины ихъ задержанiя; иными словами, является ли законнымъ произвольное задержанiе свободнаго человѣка по приказу правительства или хотя бы самого короля? Адвокаты Гампдена ссылались на 39 ст. Великой Хартiи и на многочисленные позднѣйшiе статуты, изданные въ обезпеченiе болѣе точнаго соблюденiя этой статьи, а также и на рядъ прецедентовъ, въ которыхъ лица, заключенныя по предписанiю тайнаго совѣта или короля, были освобождены судомъ на основанiи законовъ о личной неприкосновенности. Между прочимъ, припоминалось заявленiе одного судьи при Генрихѣ VI: „если король прикажетъ мнѣ противозаконно арестовать человѣка, и я арестую его, то онъ будетъ имѣть противъ меня искъ о неправильномъ лишенiи свободы, хотя бы это произошло въ присутствiи самого короля?,—а также слова, сказанныя королю Эдуарду IV главнымъ судьею Маркгэмомъ: „король не можетъ арестовать кого либо по подозрѣнiю въ тяжкомъ уголовномъ преступленiи или государственной измѣнѣ, какъ это можетъ сдѣлать любой изъ его подданныхъ, ибо если онъ этимъ арестомъ причинитъ несправедливость кому нибудь, то пострадавшее лицо, не будучи въ состоянiи обратиться съ искомъ къ королю, останется безъ удовлетворенiя".

Какъ извѣстно, „боязливый", по выраженiю историка англiйской конституцiи Хэллэма, судъ высказался тогда противъ освобожденiя Гампдена, и палата общинъ, чтобы оградить гражданскую свободу противъ покушенiй Карла I приняла слѣдующiя резолюцiи, вошедшiя въ составъ извѣстнаго билля 1628 г., позучившаго названiе „Petition of Rights (Петицiя о правахъ):

„I.—Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть арестованъ, ни задержанъ въ тюрьмѣ или иначе какъ-нибудь ограниченъ въ своей свободѣ по приказанiю короля или тайнаго совѣта, или другихъ, если не будетъ указана какая либо законная причина ареста, задержанiя или ограниченiя въ свободѣ.

„II.—Въ приказѣ Habeas Corpus не можетъ быть отказываемо никому; онъ долженъ быть выдаваемъ по просьбѣ каждаго лица, которое подвергается аресту, задержанiю или какому либо ограниченiю вслѣдствiе приказанiя короля, тайнаго совѣта или кого другого.

„III.—Если свободный человѣкъ будетъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму или иначе какъ-нибудь ограниченъ въ своей свободѣ приказанiемъ короля, тайнаго совѣта или кого

другого, причемъ не будетъ указана предусмотрѣнная закономъ основательная тому причина, и, если это будетъ установлено на основанiи Habeas Corpus, выданнаго такому лицу, то оно должно быть или вовсе освобождено, или отпущено на свободу подъ залогомъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что не только въ началѣ XVII в., но уже въ первой половинѣ XV в., при Генрихѣ VI, право, гарантируемое Habeas Corpus, было извѣстно: всякiй, считающiй себя неправильно лишеннымъ свободы, могъ обратиться въ судъ съ просьбой выдачи writ of Habeas Corpus, то есть приказа лицу, держащему потерпѣвшаго въ заключенiи, представить послѣдняго въ судъ и объяснить, на какомъ основанiи онъ его подвергъ заключенiю. Однако, до принятiя парламентомъ при Карлѣ II спецiальнаго на этотъ счетъ закона (Habeas Corpus Act 1679 г.) гарантiя личной неприкосновенности не была въ Англiи совершенной. такъ какъ прежнiя постановленiя страдали отсутствiемъ точности и не имѣли карательной санкцiи, такъ что судъ могъ и не отнестись съ должнымъ вниманiемъ къ просьбѣ заключенныхъ о выдачѣ Habeas Corpus, а тюремщики могли и не выполнить требованiя суда, если writ of Habeas Corpus и былъ выданъ.

Эти недостатки были устранены закономъ 1679 года. Онъ обязалъ судей выдавать Habeas Corpus во всѣхъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, когда основанiемъ ареста является обвиненiе даннаго лица въ государственной измѣнѣ (treason) или въ какомъ либо тяжкомъ уголовномъ преступленiи (felony). Выдавать Habeas Corpus судьи обязаны не только во время судебныхъ сессiй, но и въ вакацiонные перiоды, и въ случаѣ отказа они подвергаются штрафу въ размѣрѣ 500 фун. ст., причемъ просьба (письменная) о выдачѣ Habeas Corpus можетъ быть представлена не только самимъ заключеннымъ, но и его повѣреннымъ, родственниками и даже посторонними лицами, дѣйствующими въ его интересахъ. Если тюремный смотритель или заступающiй его мѣсто не выдаетъ копiи съ предписанiя объ арестѣ въ теченiе шести часовъ со времени предъявленiя требованiя объ этомъ, онъ подлежитъ штрафу—въ первый разъ въ размѣрѣ 100 ф. ст., во второй—200 ф. ст. и увольненiю отъ должности. По полученiи приказа Habeas Corpus тюремный смотритель или его замѣститель обязанъ въ теченiе 3—20 дней (смотря по отдаленности разстоянiя) представить заключеннаго въ судъ и дать подробный отзывъ о времени, причинахъ и обстоятельствахъ задержанiя. Неисполненiе этого требованiя также карается штрафомъ въ пользу заключеннаго въ 1-ый разъ—100 ф. ст., во второй—200 ф. ст. и увольненiемъ отъ долж-

ности. Если тюремщикъ приведетъ заключеннаго въ судъ, но откажется давать точныя объясненія на вопросы суда, судья можетъ немедленно арестовать его и возбудить противъ него преслѣдованіе за неисполненіе распоряженій суда (contempt of court). Разсмотрѣвъ объстоятельства дѣла и выслушавъ объясненія сторонъ, судъ постановляетъ рѣшеніе, по которому заключенный или совершенно выпускается на свободу, или освобождается подъ поручительствомъ или залогомъ (причемъ, по позднѣйшему закону 1869 г., залогъ этотъ не долженъ быть чрезмѣрнымъ), или же снова возвращается въ мѣсто заключенія. Само собою разумѣется, что прошеніе о выдачѣ Habeas Corpus должно быть не голословное; нужно чтобы судъ могъ изъ него усмотрѣть или хотя бы предположить, что лишеніе свободы произведено было неправильно.

Что касается заключенныхъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ или въ тяжелыхъ уголовныхъ преступленіяхъ, то законъ требуетъ, чтобы въ предписаніяхъ о задержаніи было ясно и точно (plainly and specially) указано, въ чемъ именно обвиняется данное лицо. Сверхъ того обвиняемому въ этихъ преступленіяхъ предоставлено право просить судъ, чтобы его дѣло было разобрано въ ближайшую сессію. Если этого не послѣдуетъ, то судъ обязанъ отпустить его на свободу подъ залогъ или поручительство съ тѣмъ, чтобы онъ явился въ судъ въ слѣдующую затѣмъ сессію. Если же и тогда дѣло его не будетъ разобрано, то онъ вовсе освобождается отъ преслѣдованія.

Пріостановка дѣйствія Habeas Corpus возможна лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ согласія обѣихъ палатъ парламента. Максимальный періодъ пріостановки – годъ, и для продленія ея на новый срокъ необходимо изданіе новаго закона. За послѣднія 85 лѣтъ (со времени 1818 г., когда прекратилась пріостановка, разрѣшенная въ 1817 г.), Habeas Corpus Act не былъ пріостановленъ въ Великобританіи ни разу. Со времени изданія акта 1679 года и до 1745 года пріостановка Habeas Corpus имѣла мѣсто девять разъ; затѣмъ въ теченіе полустолѣтія не было ни одной пріостановки. Послѣ того этотъ актъ былъ пріостановленъ въ 1794, 1798, 1799 и 1800 гг. Въ Ирландіи пріостановка Habeas Corpus нерѣдко имѣла мѣсто и въ 19-мъ столѣтіи (12 разъ между 1800 и 1880 годомъ.

Впрочемъ не должно думать, что пріостановка Habeas Corpus Act означаетъ прекращеніе дѣйствія всѣхъ законовъ, ограждающихъ гражданскую или политическую свободу. Отмѣна Habeas Corpus Act не есть установленіе законовъ

военнаго времени. Какъ справедливо замѣтилъ проф. В. Дерюжинскій [1]), послѣдствія пріостановки Habeas Corpus несравненно болѣе ограничены, чѣмъ обычныя проявленія осаднаго положенія. Пріостановка дѣйствія Habeas Corpus Act даетъ правительству лишь право постоянно откладывать судъ надъ арестованными по политическимъ дѣламъ. Но самые аресты не могутъ быть произведены иначе, какъ за дѣянія, запрещенныя закономъ. На дѣлѣ, однако, правительство во время прекращенія дѣйствія Habeas Corpus нерѣдко въ пылу разгара страстей выходитъ изъ предѣловъ законности, и въ такихъ случаяхъ потерпѣвшія лица имѣютъ право возбудить противъ правительства преслѣдованіе предъ судомъ. Чтобы избѣжать этихъ преслѣдованій, правительство вноситъ въ парламентъ, предъ окончаніемъ срока пріостановки Habeas Corpus, билль о прощеніи всѣхъ совершенныхъ во время пріостановки незаконныхъ дѣяній (Bill of Indemnity). Палата обыкновенно такой билль принимаетъ; но во время дебатовъ дается полная свобода выясненію всѣхъ совершенныхъ злоупотребленій, принимаются и разсматриваются жалобы отъ потерпѣвшихъ лицъ [2]). Правительство, такимъ образомъ, знаетъ заранѣе, что если не матеріально, то, по крайней мѣрѣ, морально ему придется отвѣчать за свои закононарушенія, и въ этомъ заключается гарантія противъ слишкомъ сильныхъ злоупотребленій. Еще болѣе могучая гарантія имѣется въ рукахъ гражданъ въ настоящее время благодаря расширенію избирательныхъ правъ. Избиратели могутъ во время выборовъ отомстить зарвавшемуся министерству.

Таковы гарантіи, ограждающія въ Англіи неприкосновенность личности. Прибавимъ къ этому, что полнѣйшая свобода печати, собраній, союзовъ и митинговъ подъ открытымъ небомъ является дополнительнымъ орудіемъ, при помощи котораго англійскіе граждане имѣютъ возможность защищать свою свободу и свою самодѣятельность.

III.

Исполнительная власть, палата общинъ и палата лордовъ.

„Можно сказать,—замѣчаетъ Бэджготъ,—что вся тайна англійской конституціи заключается въ тѣсномъ союзѣ, почти

---

[1]) См. его обстоятельную книгу объ Habeas Corpus (Дерптъ, 1895 г.) и его статью о томъ же въ 14 томѣ „Энц. Словаря“, изд. Брокгауза и Ефрона.

[2]) См., напр. дебаты 1818 г. по поводу жалобъ потерпѣвшихъ въ книгѣ: Harry Williams: „The History of the Radical Party“. стр. 125 и слѣд.

полномъ сліяніи исполнительной и законодательной власти“ [1]). Было бы, однако, ошибкой думать, что это „почти полное сліяніе“ исполнительной и законодательной власти является результатомъ точныхъ и хорошо продуманныхъ конституціонныхъ законовъ. Нѣтъ, эта гармонія властей есть продуктъ самой жизни, продуктъ постепенно сформировавшагося конституціоннаго обычая. Мы видѣли уже, что, подъ давленіемъ развивавшейся въ Англіи политической жизни, власть короля потеряла реальное содержаніе и превратилась лишь въ символъ. А, если вычесть изъ числа держателей верховной власти власть короля, то въ остаткѣ получится парламентъ. Разъ король теряетъ возможность вносить свою иниціативу въ политику парламента или налагать свое veto на рѣшенія законодательнаго собранія, то этимъ самымъ устраняется возможность конфликтовъ между исполнительной и законодательной властью. Исполнительная власть не есть нѣчто самодовлѣющее: она можетъ быть или орудіемъ для проявленія воли главы государства, или же орудіемъ парламентскаго большинства. И когда глава государства перестаетъ, въ силу необходимости, мѣнять или удерживать у власти министровъ по своему желанію, то министерство дѣлается орудіемъ проявленія воли большинства членовъ парламента.

Въ Англіи, поэтому, парламентъ является въ настоящее время истиннымъ и единственнымъ руководителемъ исполнительной власти. Но парламентъ въ Англіи состоитъ изъ двухъ палатъ—палаты общинъ и палаты лордовъ, и эти два фактора законодательной власти далеко не однородны ни по своему характеру, ни по своему составу. И если прямые конфликты между исполнительной и законодательной властью сдѣлались невозможными, то, благодаря существованію двухъ палатъ, можно было бы ожидать замаскированныхъ конфликтовъ при посредствѣ столкновеній между палатой лордовъ и палатой общинъ. Мы увидимъ ниже, какимъ образомъ въ Англіи устраняются столкновенія этого послѣдняго рода. Теперь же замѣтимъ, что въ Англіи министерство считаетъ себя отвѣтственнымъ исключительно передъ палатой общинъ. Недовѣріе, выраженное правительству палатой лордовъ, ничѣмъ не отражается на судьбѣ кабинета. И въ этомъ находитъ свое выраженіе преобладающее значеніе палаты общинъ въ парламентѣ. Министерство является выразителемъ воли большинства лишь палаты общинъ; лишь только большинство перестаетъ довѣрять кабинету, министер-

[1]) Bagehot: „The British Constitution“, стр. 10.

ство немедленно подаетъ въ отставку. Это подчиненіе кабинета волѣ большинства палаты общинъ, члены которой являются выборными представителями страны, есть въ то же время и косвенное признаніе за избирателями рѣшающаго голоса въ дѣлахъ страны. Естественнымъ развитіемъ этого принципа должно считать непосредственное подчиненіе исполнительной власти ясно выраженной волѣ народа. Такъ понялъ права избирателей Биконсфильдъ. Въ 1868 г. всеобщіе выборы закончились пораженіемъ консервативной партіи и избраніемъ значительнаго большинства либераловъ. Лордъ Биконсфильдъ (бывшій тогда еще мистеромъ Дизраэли), стоявшій во главѣ консервативнаго министерства, немедленно подалъ въ отставку, не дожидаясь, пока соберется парламентъ и выразитъ ему формальный доводъ недовѣрія. Съ тѣхъ поръ сдѣлалось конституціоннымъ обычаемъ подавать въ отставку, лишь только избиратели на всеобщихъ выборахъ высказываются противъ существующаго министерства. Гладстонъ, послѣ прецедента, установленнаго Биконсфильдомъ, всегда слѣдовалъ этому обычаю. Только Сольсбэри въ 1892 году нашелъ возможнымъ ждать засѣданія парламента, такъ какъ всеобщіе выборы этого года дали сравнительно незначительное лишь большинство либеральной партіи, и такъ какъ въ этомъ большинствѣ рѣшающій голосъ принадлежалъ ирландцамъ.

Трудно оцѣнить слишкомъ высоко то значеніе, какое имѣетъ для страны это, прямое подчиненіе исполнительной власти ясно выраженному мнѣнію избирателей. Законный срокъ существованія даннаго состава палаты общинъ опредѣленъ по конституціи въ семь лѣтъ. Такимъ образомъ, если бы не было никакихъ другихъ конституціонныхъ гарантій, передача всей верховной власти въ руки палаты общинъ представляла бы для страны серьезную опасность. Всеобщіе выборы нерѣдко вертятся вокругъ одного какого-нибудь важнаго вопроса, какой-нибудь злобы дня. Страна, склонная къ данному рѣшенію этого вопроса, выбираетъ такой составъ палаты, большинство котораго придерживалось бы взглядовъ большинства избирателей. Но разъ общіе выборы закончены, новая палата получаетъ на семь лѣтъ фактически абсолютную власть надъ судьбами страны. Въ теченіе этого долгаго срока парламентъ имѣетъ возможность осуществлять свою законодательную власть не только по тому спеціальному вопросу, который служилъ центральнымъ пунктомъ избирательныхъ программъ, но также и по многимъ другимъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики, по которымъ избиратели не имѣли возможности выска-

заться на всеобщихъ выборахъ. Такъ, напримѣръ, было во время выборовъ 1900 года. Правительство распустило парламентъ съ тѣмъ, чтобы страна могла высказаться относительно того, одобряетъ ли она войну и южно-африканскую политику Чемберлэна. Вокругъ вопроса о войнѣ вертѣлись всеобщіе выборы этого года, и избиратели, въ виду военнаго времени, высказали свое нежеланіе мѣнять дѣйствовавшее правительство и послали въ палату консервативное большинство въ 132 человѣка. Такимъ образомъ, чтобы закончить успѣшно войну, страна довѣрила консервативной партіи и консервативному правительству верховную власть на семь лѣтъ Но война была закончена черезъ $1^1/_2$ года, и консервативная партія принялась законодательствовать по другимъ вопросамъ—и, конечно, въ пользу своихъ приверженцевъ. По конституціи, существующая палата общинъ можетъ продолжать свою дѣятельность до 1907 года и издать массу законовъ, которыхъ, быть можетъ, большинство населенія совершенно не одобряетъ. Такъ, мы знаемъ, что министерство со времени окончанія войны издало новый важный школьный законъ, установило рядъ налоговъ на предметы первой необходимости, провело военные законы, проводитъ аграрную реформу въ Ирландіи и т. п. Являются ли эти законодательныя мѣры соотвѣтствующими волѣ большинства населенія или, наоборотъ, онѣ насилуютъ эту волю? Вѣдь на всеобщихъ выборахъ 1900 года эти вопросы совершенно не были поставлены кандидатами. Съ другой стороны, со времени окончанія войны новыя общественныя нужды выдвинулись на первый планъ: такъ, вслѣдствіе наступившаго промышленнаго кризиса, возникъ вопросъ о мѣрахъ помощи безработнымъ; вслѣдствіе нѣкоторыхъ рѣшеній суда противъ трэдъ-юніоновъ, возникъ вопросъ объ охранѣ правъ трэдъ-юніоновъ и т. д. Тоже и на этотъ счетъ палата общинъ и правительство не получили никакихъ опредѣленныхъ мандатовъ отъ избирателей 1900 года. Какъ тутъ быть? До слѣдующихъ всеобщихъ выборовъ нужно ждать около 4 лѣтъ, а за это время какихъ бѣдъ можетъ надѣлать парламентъ и правительство!

Эта опасность въ значительной мѣрѣ устраняется частичными выборами, которые являются какъ бы коррелативомъ къ прошедшимъ всеобщимъ выборамъ и предвѣстникомъ того, какой характеръ будутъ имѣть ближайшіе всеобщіе выборы. На частичныхъ выборахъ избиратели получаютъ возможность высказаться при помощи голосованія по поводу событій, случившихся послѣ послѣднихъ всеобщихъ выборовъ. Правда, это—голосъ лишь даннаго округа, т. е.

ограниченнаго числа избирателей. Но, если избиратели даннаго округа рѣзко выскажутся противъ существующаго правительства, пославъ значительнымъ большинствомъ голосовъ оппозиціоннаго кандидата въ парламентъ, и если такой же результатъ дадутъ одни за другими рядъ частичныхъ выборовъ въ различныхъ районахъ страны, то для всѣхъ ясно станетъ, что правительство потеряло довѣріе страны, и съ этимъ фактомъ кабинету волей-неволей приходится считаться. Ему объ этомъ фактѣ ежедневно будутъ напоминать въ парламентѣ оппозиція, голосъ которой станетъ тѣмъ болѣе смѣлымъ и увѣреннымъ, чѣмъ рѣшительнѣе будутъ ея побѣды на частичныхъ выборахъ. Ему объ этомъ будетъ напоминать внѣ парламента оппозиціонная пресса, распространеніе которой въ такихъ случаяхъ становится тѣмъ шире, чѣмъ резчѣ и безпощаднѣе она критикуетъ правительственныя мѣры. Наконецъ, и это самое важное, ему напоминать объ этомъ фактѣ все усиливающееся число измѣнъ въ рядахъ его собственной партіи въ парламентѣ. Депутаты начинаютъ чувствовать, что политическій барометръ предвѣщаетъ перемѣну въ политической жизни страны; они чувствуютъ, что положеніе правительства становится шаткимъ, и вотъ, опасаясь преждевременнаго распущенія палаты и назначеніе новыхъ всеобщихъ выборовъ, они начинаютъ воздерживаться отъ голосованія при обсужденіи законопроектовъ, внесенныхъ правительствомъ, но, повидимому, неугодныхъ странѣ. Иные изъ прежнихъ сторонниковъ правительства прямо переходятъ въ ряды оппозиціи. А такъ какъ оппозиція голосуетъ все съ большимъ единодушіемъ, то при голосованіяхъ въ палатѣ правительственное большинство все болѣе сокращается и грозитъ въ одинъ прекрасный день превратиться въ меньшинство. Что остается при такомъ положеніи вещей дѣлать правительству? Распустить парламентъ, назначить новые всеобщіе выборы и, такимъ образомъ, предоставить странѣ, т. е. избирателямъ, выбрать такую палату, а слѣдовательно и такое правительство, какія будутъ соотвѣтствовать измѣнившимся взглядамъ, большинства населенія.

Возьмемъ политическое положеніе Англіи за время, протекшее отъ окончанія войны до конца апрѣля 1903 года, т. е. приблизительно за годъ. Мы уже говорили, что за это короткое время министерство Бальфура провело, съ одобренія большинства палаты, рядъ важныхъ мѣропріятій и воздержалось отъ ряда другихъ мѣръ, требуемыхъ разными группами населенія. Какъ же отнеслось къ этой правительственной политикѣ населеніе въ его цѣломъ? Мы

видѣли, что на послѣднихъ всеобщихъ выборахъ (1900 г.) правительственная партія получила большинство въ 132 мѣста. Такое большинство служило яснымъ указаніемъ того, что избиратели одобряютъ южно-африканскую политику правительства. За $1^1/_2$ года войны, протекшіе со времени всеобщихъ выборовъ, голосъ избирателей на частичныхъ выборахъ высказывался по большей части въ пользу правительства. Но вотъ миръ былъ заключенъ, и за протекшій съ тѣхъ поръ годъ избиратели имѣли возможность высказаться на 11 выборахъ. Посмотримъ же результаты этихъ выборовъ. Приводимъ цифры большинства, полученнаго той или другой партіей во время всеобщихъ выборовъ 1900 г. и частичныхъ 1902—1903 г.г.

ОКРУГЪ.	Выборы 1902 г.		Выборы 1902—3 г.г.	
	Консерват. большин.	Оппозиц. больш.	Консерват. большин.	Оппозиц больш.
Бэри	849	—	—	414
Сѣв. Лидсъ	2.517	—	—	758
Севеноксъ	4.812	—	891	—
Девенпортъ	—	80	28	—
Клевелендъ	—	1.428	—	2.036
Вос. Токстесъ	1.922	—	377	—
Ньюмаркетъ	1.077	—	—	507
Зап. Дерби	2.936	—	2.204	—
Вуличъ	2.805	—	—	3.229
Рай	2.489	—	—	534
Чертси	2.287	—	1.171	—

Этими 11 избирательными округами на всеобщихъ выборахъ, было послано въ палату 9 консерваторовъ и 2 члена оппозиціи; теперь же въ этихъ округахъ выбрано 5 консерваторовъ и 6 членовъ оппозиціи. Въ пользу консерваторовъ въ этихъ 11 округахъ въ 1900 году высказалось 55.270 голосовъ; въ пользу оппозиціи—35.500 гол. Теперь же на частичныхъ выборахъ въ пользу консерваторовъ высказалось 52.002 гол. въ пользу же оппозиціи –55.275 гол. Такимъ образомъ, въ общемъ, въ 1900 году консерваторы имѣли большинство въ 19.770 гол., теперь же оппозиція получила большинство въ 3.272 гол. Ясно, что настроеніе избирателей теперь перемѣнилось и что правительство, а вмѣстѣ съ нимъ и нынѣшній парламентъ теряютъ довѣріе страны. И если по буквѣ кон-

ституціи правительство и парламентъ могутъ удержать въ своихъ рукахъ власть еще на 4 года, то по духу конституціоннаго закона и обычая парламентъ долженъ быть возможно скорѣе распущенъ, и должны быть назначены новые всеобщіе выборы. И эта неизбѣжность близкаго распущенія палаты уже живо чувствуется правительственной партіей въ парламентѣ, въ рядахъ которой теперь быстро растетъ число „воздерживающихся“ отъ голосованія или прямыхъ перебѣжчиковъ. Такъ, вмѣсто нормальнаго большинства въ 120—130 голосовъ, правительство получило во время дебатовъ по поводу адреса королю (въ февр. 1903 г.) большинство въ 39 гол., въ 40, въ 50, въ 38 голосовъ. Наконецъ, въ мартѣ большинство понизилось до 13 голосовъ и въ одномъ, правда, неважномъ случаѣ до 1 голоса. При нормальныхъ условіяхъ парламентъ долженъ былъ-бы быть распущенъ, разъ правительственное большинство падаетъ до 1 голоса. Но въ настоящее время сама оппозиція разъединена вслѣдствіе закулисныхъ интригъ либералъ-имперьялистовъ и ослаблена вслѣдствіе перехода націоналистовъ на сторону правительства; поэтому правительство находитъ возможнымъ придерживаться выжидательной политики.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, какое огромное значеніе имѣютъ частичные выборы. Важно, поэтому, чтобы населеніе могло высказываться на этихъ выборахъ возможно чаще. Обыкновенно они имѣютъ мѣсто вслѣдствіе смерти или добровольнаго отреченія какого-нибудь члена палаты общинъ. Но въ Англіи существуютъ, согласно духу конституціи, еще два случая, когда назначаются частичные выборы. Первый случай,—это когда избиратели недовольны поведеніемъ своего депутата въ палатѣ. Въ этомъ случаѣ избирательный комитетъ собираетъ митингъ избирателей, приглашаетъ на него своего депутата и требуетъ отъ него объясненія его поведенія въ палатѣ. И если большинство избирателей на митингѣ выражаютъ ему свое недовѣріе, депутатъ подаетъ въ отставку, и назначаются новые выборы. Для примѣра, приведемъ случаи съ сэромъ Эдуардомъ Кларке и Леонардомъ Коуртней. Оба они были выбраны въ 1895 году въ качествѣ приверженцевъ юніонистской партіи [1]). Но когда началась южно-африканская война, оба они протестовали противъ джингоистской политики правительства и голосовали неоднократно противъ него. Когда же избиратели выразили имъ свое порицаніе, они

[1]) Напомнимъ, что нынѣшняя правительственная партія называется юніонистской и распадается на двѣ вѣтви: консервативную или торійскую и либералъ-юніонистскую.

подали въ отставку и нынѣ не состоятъ членами палаты. Наоборотъ, Уайтлей,—который также былъ раньше членомъ юніонистской партіи и не только послѣ начала войны высказался противъ нея, но и открыто заявилъ себя либераломъ и перешелъ въ ряды оппозиціи,—получилъ сочувственный адресъ отъ своихъ избирателей и до сихъ поръ состоитъ членомъ палаты.

Вторымъ экстреннымъ поводомъ для устройства частичныхъ выборовъ служитъ назначеніе правительствомъ какого-либо депутата на государственную платную должность, напр., министра, адмирала, директора какого-либо отдѣла гражданской или военной службы. Предполагается, что депутатъ, получившій министерскій портфель или какой-либо другой платный постъ, въ извѣстной степени теряетъ независимость своихъ дѣйствій въ палатѣ и что, поэтому, необходимо дать избирателямъ возможность высказаться, желаютъ ли они сохранить за своимъ депутатомъ мѣсто въ палатѣ или же замѣстить его другимъ. Правительство на государственный постъ назначаетъ, конечно, членовъ своей партіи; и такъ какъ оно не желаетъ терпѣть неудачу на частичныхъ выборахъ, то оно назначаетъ на платные посты только такихъ членовъ палаты, мѣста которыхъ вполнѣ обезпечены, т. е. которые раньше были выбраны огромнымъ большинствомъ. Если, поэтому, такой получившій государственный постъ депутатъ терпитъ затѣмъ неудачу на частичныхъ выборахъ, если избиратели выбираютъ вмѣсто него члена оппозиціи, то на это всѣ уже смотрятъ какъ на признакъ паденія репутаціи правительства въ странѣ.

Естественнымъ послѣдствіемъ признанія принципа народнаго суверенитета является преобладаніе палаты общинъ, т. е. палаты выборныхъ народныхъ представителей, надъ палатой лордовъ, то есть законодателей наслѣдственныхъ или назначаемыхъ короной. Этимъ же принципомъ объясняется и главная прерогатива палаты общинъ,—ея исключительное право вотировать денежныя субсидіи коронѣ и давать разрѣшеніе собирать налоги. Выработка бюджета и изданіе финансовыхъ законовъ принадлежитъ палатѣ общинъ, палата же лордовъ, наравнѣ съ королемъ, даетъ лишь свою санкцію, такъ какъ, по конституціи, ни одинъ билль не можетъ превратиться въ законъ безъ санкціи всѣхъ трехъ элементовъ законодательной власти: обѣихъ палатъ и короля. Эта финансовая прерогатива палаты общинъ имѣетъ огромное значеніе еще и потому, что съ нею связано право нижней палаты ежегодно опредѣлять численность постояннаго войска; со времени Билля о Правахъ 1688 г. корона

Артуръ Бальфуръ.

потеряла право держать въ предѣлахъ королевства въ мирное время постоянную армію безъ разрѣшенія палаты общинъ [1]).

IV.

Особенности англійской конституціи.

„Особенность англійской конституціи заключается въ томъ что она обезпечиваетъ равное вліяніе представителямъ обѣихъ партій",—говоритъ французскій академикъ Франквиль въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи государственнаго строя Англіи [2]).—Дѣйствительно, знакомясь съ конституціей Англіи какъ по источникамъ, такъ и съ ея функціонированіемъ въ жизни, вы прежде всего поражаетесь равенствомъ правъ обѣихъ партій. На „меньшинство" здѣсь смотритъ само правительство, какъ на силу, которая завтра станетъ „большинствомъ". Оппозиція считается здѣсь не „неблагонамѣреннымъ" и „подрывающимъ основы" общественнымъ элементомъ, а, наоборотъ, необходимымъ условіемъ нормальной дѣятельности правительства. Въ самыхъ конституціонныхъ актахъ „оппозиція" третируется, какъ органъ правленія, вполнѣ равный по значенію самому дѣйствующему правительству, и вы въ законахъ читаете не „оппозиція его величеству", а „оппозиція его величества" („his majesty's opposition", а не „opposition to his majesty"). Если падаетъ министерство, либеральная партія переходитъ на мѣста по правую сторону спикера, консерваторы—по лѣвую; бывшіе министры садятся на Front Bench оппозиціи, а занимавшіе Front Bench лидеры оппозиціи получаютъ мѣста министровъ. Консерваторы начинаютъ именоваться оппозиціей и исполняютъ ту же роль, какую раньше исполняли либералы. Помѣнялись мѣстами,—вотъ и все: революціи никакой не произошло.

Теперь нѣтъ настоящей оппозиціи, жалуется сотрудникъ органа либераловъ „Westminster Review". „Такое положеніе вещей въ высшей степени губительно, потому что никакое правительство не можетъ считаться сильнымъ и его состояніе не можетъ называться здоровымъ, если нѣтъ регулярной и хорошо организованной оппозиціи, которая критиковала бы его дѣйствія и слѣдила бы за тѣмъ, чтобы за-

---

[1]) См. по этому поводу А. Эсмена: „Основныя начала государственнаго права", т. I, стр. 102 и 49; см. также Н. Чернышевскаго: „Разсказы изъ исторіи Англіи" „Современникъ", 1856 г. Т. LIX.

[2]) De Franqueville: „Le Gouvernement et le parlement britannique" 1887—8. T. I, стр. 528.

конодательство не функціонировало въ пользу одного только класса [1]). Почти тѣми же словами выразились объ оппозиціи Сольсбери и Бальфуръ въ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ ими по поводу сложенія съ себя Гаркортомъ званія лидера оппозиціи.

Франквиль справедливо отмѣтилъ одну важную особенность англійской конституціи, но этой особенностью далеко не исчерпывается все отличіе этой конституціи отъ другихъ европейскихъ конституцій, то отличіе, которое обусловлено особенностью географическаго положенія Англіи, оригинальностью ея экономической эволюціи и созданныхъ ею классовыхъ соотношеній, наконецъ, всѣмъ ходомъ ея исторіи.

Англія, подобно Германіи и Франціи, страна конституціонная, т. е. королевская власть въ ней ограничена, но она также страна парламентскаго образа правленія, и въ этомъ отношеніи она вмѣстѣ съ Франціей, отличается отъ Германіи. Въ Англіи и во Франціи министерство является отвѣтственнымъ передъ парламентомъ, вѣрнѣе, передъ нижней палатой; поэтому кабинетъ министровъ есть лишь исполнительный органъ воли большинства членовъ нижней палаты, и фактически верховная власть въ этихъ странахъ находится въ рукахъ парламента, а не короля или президента республики. Поэтому въ Англіи и во Франціи король или президентъ республики являются лишь символами верховной власти, тогда какъ въ Германіи, гдѣ назначеніе и паденіе министровъ не зависитъ отъ воли рейхстага, императоръ имѣетъ весьма реальную власть, приходящую въ непрестанное столкновеніе съ рейхстагомъ. Въ Англіи подобнаго рода конфликты исчезли съ тѣхъ поръ, какъ установился парламентскій режимъ, т. е. съ 1832 года. Въ 1835 году Робертъ Пилль подалъ въ отставку лишь послѣ 4 вотовъ выраженнаго ему палатой общинъ недовѣрія. Это была послѣдняя попытка исполнительной власти править вопреки волѣ большинства палаты общинъ. Тогда же Пилль заявилъ оффиціально, что министры, не пользующіеся довѣріемъ парламента, не могутъ оставаться у власти.

Англія и Франція—страны парламентскаго режима, но тѣмъ не менѣе, парламентскіе законы этихъ двухъ странъ существенно различаются.

Французскіе избирательные законы гораздо болѣе демократичны, чѣмъ англійскіе. Въ палату депутатовъ избирателемъ является всякій французъ, достигшій 21 года. Ника-

[1]) Dudley S. A. Cosby: „The future liberalism of England", въ „Westminster Review", March, 1899, стр. 331.

кого имущественнаго ценза для избирателей французская конституція не устанавливаетъ. Число лицъ, занесенныхъ во Франціи въ избирательные списки, равнялось въ 1898 году 10.446.178 [1]); изъ нихъ подало свой голосъ на выборахъ 7.427.354 чел. Въ Англіи правомъ голоса для выборовъ въ палату общинъ пользуются лишь тѣ изъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ, которые нанимаютъ домъ или имѣютъ свою постоянную квартиру, оплачиваемую ими не менѣе 10 фунт. ст. въ годъ (около 100 р.). Благодаря этому ограниченію, число зарегистрованныхъ избирателей достигало въ Англіи въ 1898 году лишь 6.568.629, и изъ нихъ вотировало на послѣднихъ выборахъ только 3.858.923 человѣка [2]). Такимъ образомъ, несмотря на то, что населеніе обѣихъ странъ въ приведенные годы было приблизительно равнымъ, во Франціи число лицъ, принимавшихъ участіе въ политической жизни, было почти вдвое больше, чѣмъ въ Англіи. Весь подвижной, бродячій элементъ трудящихся классовъ устраненъ въ Англіи отъ участія въ политической жизни, и англійскому кандидату на парламентское мѣсто приходится обращаться не къ неопредѣленной толпѣ съ измѣняющимся составомъ, съ какой приходится имѣть дѣло французскому кандидату, а къ сравнительно немногочисленному осѣдлому населенію, съ которымъ онъ имѣетъ возможность близко ознакомиться. Между кандидатомъ и избирателями, поэтому, устанавливается постоянная и тѣсная связь. Кандидатъ лично или черезъ своихъ помощниковъ слѣдитъ за каждымъ изъ избирателей своего округа, приходитъ къ нему на квартиру, излагаетъ свою программу, снабжаетъ его своими прокламаціями и брошюрами, разыскиваетъ избирателя, перемѣнившаго квартиру, принимаетъ живое участіе въ составленіи и исправленіи избирательныхъ списковъ, произноситъ множество рѣчей, устраиваетъ множество митинговъ подъ открытымъ небомъ, на площадяхъ, въ залахъ.

Эта живая связь между кандидатомъ и его избирателями не прерывается и послѣ того, какъ кандидатъ избранъ въ депутаты. Ему необходимо и послѣ того устраивать періодическіе митинги и поддерживать сношенія со своими избира-

---

[1]) „The Statesman's Yearbook“, за 1899 г., стр. 507.

[2]) Ibid, стр. 8. Значительная разница между числомъ избирателей въ Англіи и числомъ подавшихъ свой голосъ объясняется не тѣмъ, что англійское населеніе интересуется политической жизнью менѣе, чѣмъ французы, а исключительно лишь тѣмъ, что во многихъ округахъ Англіи мѣста въ парламентъ не оспариваются, и, слѣдовательно, голосованіе не имѣетъ мѣста. О причинахъ см. ниже.

телями для того, чтобы обезпечить свое переизбраніе на слѣдующихъ выборахъ.

Такимъ образомъ, если число избирателей въ Англіи не настолько ограничено, чтобы на нихъ можно было дѣйствовать прямымъ подкупомъ, оно все-таки не настолько велико, чтобы кандидатъ, при помощи своихъ добровольныхъ и платныхъ помощниковъ, не могъ ознакомиться съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Эта энергичная работа привлеченія сторонниковъ среди избирателей, — конвассированія, какъ ее называютъ англичане, — значительно содѣйствуетъ политическому воспитанію населенія. Но она сопровождается весьма значительными издержками на плату агентамъ, на наемъ помѣщеній, разъѣзды агентовъ, печатаніе брошюръ, объявленій и т. д. Насколько значительны эти издержки, можно судить по тому, что спеціальный законъ 1883 г.—Corrupt and Illegal Practices Act — изданный въ видахъ устраненія подкуповъ на выборахъ, ограничиваетъ расходы кандидата 3.500—7.700 руб. въ городскихъ округахъ и 6.500—14.300 руб. въ деревенскихъ. Въ эту „законную" сумму, сверхъ того, не включены личные расходы кандидата.

Въ Англіи же всеобщіе выборы 1895 г. обошлись кандидатамъ — по оффиціальнымъ даннымъ — въ 9.585.310 руб.; изъ нихъ выборы въ Англіи и Уэльсѣ, посылающихъ 495 членовъ въ палату общинъ, стоили 7.965.380 руб., выборы въ Шотландіи (72 члена) стоили 1.117.610 руб. и въ Ирландіи (103 члена)—510.820 руб. Каждый поданный голосъ обошелся, такимъ образомъ, кандидатамъ въ Англіи въ 2 руб. 10 коп., въ Шотландіи—въ 2 руб. 30 коп. и въ Ирландіи—въ 1 руб. 35 коп. Тридцать лѣтъ тому назадъ дѣла обстояли въ этомъ отношеніи еще хуже. Во время выборовъ 1874 г. и 1880 г. каждое депутатское мѣсто обошлось въ среднемъ кандидатамъ въ деревняхъ въ 30.000 р. и въ городахъ въ 9.000 р. Въ 1892 г. эти цифры были сокращены до 10 т. руб. и 5.820 руб. Гладстонъ истратилъ на выборы въ 1880 г. въ своемъ округѣ 26.930 руб., то есть каждый поданный въ его пользу голосъ обошелся ему въ среднемъ въ 17 руб.

Въ отдѣльныхъ округахъ, однако, стоимость выборовъ далеко отклоняется отъ средней нормы. Въ 1876 году одно мѣсто обошлось въ 200.000 руб. Въ томъ же году въ округѣ Мидлсексѣ выступило два кандидата: лордъ Дж. Гамильтонъ, нынѣшній членъ кабинета министровъ, и Гербертъ Гладстонъ, сынъ великаго Гладстона, состоящій теперь главнымъ секретаремъ („випперомъ") либеральной партіи. Герб. Гладстонъ истратилъ 65.000 руб. на выборы и все таки потерпѣлъ неудачу; мѣсто досталось Гамильтону, затратившему 130.000 руб. Но всѣ эти громадные расходы все таки нич-

тожны сравнительно съ тѣмъ, что было въ старыя времена, когда число избирателей было незначительно и когда подкупъ еще не былъ запрещенъ закономъ (первый законъ по этому поводу былъ изданъ въ 1854 г.). Въ старыя времена существовала средняя цѣна за каждый голосъ „свободнаго и независимаго избирателя“, варіировавшая сообразно мѣстности и классу избирателей. Такъ, напримѣръ, Шериданъ получилъ мѣсто въ палатѣ общинъ послѣ того, какъ онъ просто заплатилъ по 50 р. каждому изъ избирателей города Стаффорда. Вилберфорсъ нашелъ возможнымъ удовлетворить аппетиты гор. Гулля 40 рублями на человѣка. Наоборотъ, избиратели Илчестера отказывались вѣрить въ способность кандидата быть ихъ представителемъ въ парламентѣ, если онъ предлагалъ имъ менѣе 300 руб. на человѣка.

Случалось однако, что предложеніе подымалось до 7.000 р. единовременной выдачи и 500 руб. ежегодной пенсіи каждому изъ избирателей, и послѣдніе все-таки отказывались дать свой голосъ; въ такомъ случаѣ, одно лишь объясненіе было возможно, а именно, что кандидатъ другой партіи предлагалъ большую „благодарность“. Такія суммы, однако, доставались лишь „независимымъ“ избирателямъ; неимущіе же избиратели обыкновенно довольствовались болѣе скромнымъ вознагражденіемъ,—пивомъ до полнаго опьяненія, ѣдой и небольшой суммой карманныхъ денегъ. Каждый изъ избирателей гор. Бристоля, подававшій въ 1812 г. голосъ за тори, получалъ право на 14 фун. говядины, три большихъ каравая пшеничнаго хлѣба, продававшихся тогда по 75 коп. каждый, и 3 р. 75 к. наличными деньгами. Напитки же выдавались каждому желающему даромъ въ любомъ количествѣ во всѣхъ кабакахъ города. Подача голосовъ въ то время длилась около 40 дней, и во все это время кандидаты ежедневно тратили нѣсколько тысячъ рублей на угощеніе, развлеченія и задабриваніе избирателей. Въ Хеверфордвестѣ собственники 31 кабаковъ и трактировъ этого округа поднесли кандидату, потерпѣвшему на выборахъ пораженіе, въ видѣ утѣшенія счетъ въ 156.220 руб. Въ 1796 г. въ Мейдстонѣ одинъ изъ кандидатовъ израсходовалъ 30,000 руб. только за послѣдніе семь часовъ вотировки; онъ потерпѣлъ тѣмъ не менѣе пораженіе. Въ Іоркѣ въ 1807 г. соперничающими кандидатами выступили лордъ Мильтонъ и Вилберфорсъ. Послѣдній, на полученную имъ „даровую“ поддержку отъ многихъ лицъ, истратилъ въ теченіе пятнадцати дней вотировки болѣе 640.000 руб. Его противникъ лордъ Мильтонъ сыпалъ деньгами и въ общемъ истратилъ около двухъ съ половиною милліоновъ руб. Въ числѣ его помощниковъ фи-

гурировало 20 профессіональныхъ спортсменовъ съ знаменитымъ Гулли во главѣ, сдѣлавшимся потомъ въ свою очередь депутатомъ отъ округа Понтефракта.

Помимо нѣсколькихъ тысячъ рублей, необходимыхъ кандидату въ Англіи для выборовъ, ему еще нужно истратить нѣсколько тысячъ послѣ того, какъ онъ выбранъ,—на устройство митинговъ для поддержки постоянной связи со своими избирателями. Но и этого недостаточно. Въ Англіи членъ парламента не получаетъ никакого вознагражденія и долженъ жить на свои средства.

Благодаря этимъ особенностямъ англійской конституціи, проникнуть въ палату общинъ можетъ только человѣкъ очень богатый. Она представляетъ сборище богачей, по большей части милліонеровъ, и немудрено поэтому, что она законодательствуетъ прежде всего въ интересахъ имущихъ классовъ. Представителей рабочаго класса ничтожное число,— двѣнадцать человѣкъ Но и эти „рабочіе“ депутаты, посланные различными рабочими организаціями, получаютъ отъ послѣднихъ недостаточную матеріальную поддержку и потому быстро подпадаютъ подъ матеріальную зависимость либеральной партіи и связываютъ свою судьбу съ либераломъ. Людей небогатыхъ также можно встрѣтить среди ирландскихъ націоналистовъ; объясняется это тѣмъ, что, благодаря агитаціи Парнелля, деньги для выборовъ были посланы американскими ирландцами. Но со смертью Парнелля и ослабленіемъ ирландскаго движенія оскудѣла также рука дающаго американца, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началось, подчиненіе ирландскихъ депутатовъ разнаго рода финансистамъ.

Итакъ, мы видимъ, что, благодаря указаннымъ особенностямъ англійской конституціи, въ палатѣ общинъ засѣдаютъ почти исключительно представители интересовъ имущихъ классовъ. Но есть еще одна особенность англійской конституціи, которая налагаетъ печать на весь ходъ политической жизни Англіи. Эта особенность — отсутствіе перебаллотировокъ.

Въ другихъ конституціоннныхъ государствахъ кандидатъ считается избраннымъ сразу лишь въ томъ случаѣ, если онъ получилъ во время перваго голосованія абсолютное большинство голосовъ, т. е. если за него подала свой голосъ большая половина числа всѣхъ занесенныхъ въ списки избирателей. Если же никто изъ кандидатовъ не получилъ абсолютнаго большинства, назначается перебаллотировка, во время которой выступаютъ обыкновенно лишь два кандидата, получившіе во время перваго голосованія наибольшее число голосовъ, остальные же кандидаты уступаютъ свои голоса тому

изъ соперниковъ, программа котораго наиболѣе приближается къ ихъ программѣ. Такимъ образомъ, на континентѣ, благодаря перебаллотировкѣ и незначительности издержекъ на выборы, каждая политическая партія, каждая группа, какъ бы она мелка ни была, получаетъ возможность выставить своего кандидата; первое голосованіе получаетъ для населенія значеніе подсчета голосовъ, т. е. силы каждой политической группы.

Иначе обстоитъ дѣло въ Англіи. Перебаллотировокъ здѣсь нѣтъ, и избраннымъ считается тотъ, кто во время перваго голосованія получитъ простое большинство голосовъ. Эта, повидимому, ничтожная особенность англійскаго избирательнаго права имѣетъ, однако, въ связи съ изложенными раньше особенностями, весьма значительныя послѣдствія. Благодаря ей, въ Англіи держится, такъ называемая здѣсь, двухъ-партійная система правленія, такъ какъ ею устраняется съ выборовъ „третій кандидатъ". Уже дороговизна выборовъ, какъ мы видѣли, затрудняетъ для рабочихъ классовъ и мелкой буржуазіи доступъ въ парламентъ. Но, тѣмъ не менѣе, они могли бы еще рискнуть выставить своихъ кандидатовъ, если бы существовали вторые выборы. Но разъ нѣтъ перебаллотировки, выступленіе радикальнаго или соціалистическаго кандидата вызоветъ лишь раздробленіе голосовъ избирателей, готовыхъ вотировать противъ тори, и выбраннымъ окажется именно тори, такъ какъ, разъ раздроблены враждебные ему голоса, простое большинство окажется за нимъ.

„Мы выставили въ округѣ Bow and Bromley нашего кандидата Ландсбэри, — жаловался мнѣ одинъ изъ членовъ соціалъ-демократической федераціи.—Мы имѣли много шансовъ одержать побѣду надъ консервативнымъ кандидатомъ, такъ какъ Ландсбэри хорошо извѣстенъ въ этомъ округѣ и занималъ долгое время выборныя должности. Но на другой день либералы выставили своего кандидата Спендера, и намъ пришлось отступить. Имъ ничего не стоитъ потерять нѣсколько сотъ совереновъ, мы же не въ состояніи бросать денегъ на вѣтеръ. Если бы Ландсбэри не отказался отъ кандидатуры, прогрессивные голоса разбились бы между нимъ и Спендеромъ, и каждый изъ нихъ получилъ бы, такимъ образомъ, меньше голосовъ, чѣмъ консервативный кандидатъ".

Упомянемъ еще объ одной особенности англійской конституціи, которая хотя и имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ отсутствіе перебаллотировокъ, тѣмъ не менѣе способствуетъ удержанію господства владѣющихъ классовъ въ парламентѣ. Особенность эта—такъ называемый множественный или плюральный вотъ. Англійскіе избирательные законы предо-

ставляютъ право вота каждому владѣльцу недвижимой собственности. Если англичанинъ владѣетъ недвижимой собственностью въ нѣсколькихъ округахъ, онъ, по закону, получаетъ право вота въ каждомъ изъ этихъ округовъ, но не болѣе одного голоса въ каждомъ избирательномъ округѣ. А такъ какъ крупныя фирмы имѣютъ недвижимую собственность—напр. магазины—во многихъ городахъ или помѣстья, земли въ разныхъ графствахъ, то ихъ хозяева или главные управляющіе имѣютъ не одинъ голосъ, а иногда цѣлые десятки голосовъ. Такіе господа имѣютъ возможность вотировать за угоднаго имъ либеральнаго кандидата въ одномъ округѣ и за консервативнаго въ другомъ. Мистеръ Бексендейль, владѣющій землями во многихъ округахъ, имѣетъ въ общемъ 43 голоса. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ округахъ плюральный вотъ оказываетъ большую услугу правительству. Такъ, напр., въ округѣ Чертси на двѣнадцать тысячъ избирателей имѣется около 1.500 голосовъ, принадлежащихъ лицамъ, не живущимъ въ Чертси, но имѣющимъ тамъ недвижимую собственность. Недавно въ этомъ округѣ были дополнительные выборы, имѣвшіе огромное значеніе для всей Англіи. Отъ того, кто будетъ выбранъ, консервативный кандидатъ или радикальный, зависѣла судьба кабинета Бальфура: Бальфуръ рѣшилъ, что онъ подастъ въ отставку, если его партія потерпитъ пораженіе на выборахъ. Если бы эти 1.500 отсутствовавшихъ избирателей не имѣли голоса, радикальный кандидатъ получилъ бы большинство. Но они, согласно конституціи, имѣютъ право голосовать и они сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы спасти консервативное министерство. Чтобы подать свой голосъ, они съѣхались въ день выборовъ со всѣхъ концовъ Англіи; нѣкоторые избиратели были вызваны для этой цѣли даже изъ за-границы, изъ Франціи, Бельгіи; одинъ прикатилъ изъ Испаніи. И консервативная партія была спасена: ея кандидатъ получилъ большинство въ 1.170 голосовъ. Вотъ почему въ Англіи съ давнихъ поръ выставляется радикальными демократами требованіе: one man, one vote, т. е. каждый человѣкъ долженъ имѣть голосъ, и только одинъ голосъ.

Мы остановились такъ долго на всѣхъ этихъ деталяхъ избирательнаго права потому, что иностранные изслѣдователи конституціоннаго закона Англіи обходятъ ихъ почти полнымъ молчаніемъ [1]); между тѣмъ, благодаря именно этимъ незамѣтнымъ деталямъ конституціи, имущіе классы владѣютъ

---

[1]) См., напр., упомянутый трудъ Франквилля; также А. Эсмена: „Основныя начала государственнаго права".

безраздѣльно парламентомъ и, слѣдовательно, всей политической властью страны. Этими деталями обусловливается организованность парламентскихъ преній и двухъ-партійная система правленія, объясняющая секретъ устойчивости англійскихъ кабинетовъ.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ о выборныхъ законахъ, касается исключительно нижней палаты. Эти законы, какъ мы видѣли, гораздо болѣе демократичны во Франціи, чѣмъ въ Англіи. На первый взглядъ можетъ показаться, что и верхняя палата Франціи представляетъ болѣе демократичное учрежденіе, чѣмъ англійская палата лордовъ. Въ самомъ дѣлѣ, французскіе сенаторы избираются,—правда, не прямымъ народнымъ голосованіемъ, а косвеннымъ,—тогда, какъ члены палаты лордовъ назначаются короной, по представленію министерства. Сверхъ того, каждые три года треть сенаторовъ подвергается переизбранію; лорды же назначаются не только пожизненно, но и наслѣдственно,—по смерти лорда его старшій сынъ de jure занимаетъ мѣсто въ палатѣ лордовъ. Наконецъ, французскіе сенаторы получаютъ жалованье такое же, какъ и депутаты, англійскіе же лорды никакого жалованья не получаютъ.

Однако, всѣ эти преимущества французскаго сената стушевываются передъ однимъ великимъ преимуществомъ англійской конституціи, а именно—передъ правомъ короны назначать, по представленію премьера, такое число новыхъ лордовъ, какое ей вздумается. Благодаря этому праву, правительство, - т. е. палата общинъ, въ рукахъ которыхъ оно находится,—можетъ всегда преодолѣть сопротивленіе палаты лордовъ, разъ оно этого дѣйствительно хочетъ.

Во Франціи, когда сенатъ и палата депутатовъ приходятъ въ столкновеніе, побѣда всегда остается на сторонѣ сената. У правительства нѣтъ никакого законнаго орудія заставить сенатъ подчиниться ясно выраженной волѣ народныхъ представителей палаты.

Такой мертвой стѣны палата лордовъ не представляетъ. По своему духу и составу, палата лордовъ представляетъ гораздо болѣе консервативное учрежденіе, чѣмъ сенатъ. Было вычислено, что въ общемъ одна недвижимая собственность лордовъ, засѣдающихъ въ этой палатѣ, составляетъ шестую часть всей территоріи Великобританіи. И эти крезы готовы всегда загородить дорогу всякой реформѣ, направленной къ облегченію участи ихъ обездоленныхъ соотечественниковъ. Но англійской демократіи незачѣмъ прибѣгать къ революціи, чтобы устранить этотъ тормозъ. Когда возникаетъ серьезный, принципіальный конфликтъ между

обѣими палатами, уступить приходится палатѣ лордовъ, такъ какъ иначе правительство можетъ ввести въ палату столько новыхъ лордовъ, что противники дебатируемой реформы окажутся въ меньшинствѣ. Въ критическую минуту лорды всегда уступаютъ. Такъ было въ 1832 году: когда палата лордовъ отказалась пропустить вотированный палатою билль объ избирательной реформѣ, премьеръ получилъ отъ короля,—противъ воли послѣдняго,—разрѣшеніе увеличить число лордовъ. И лорды, узнавъ объ этомъ, тотчасъ уступили.

Здѣсь мы видимъ превосходство англійской конституціи передъ французской. Та конституція, тотъ государственный строй осуждены на погибель, которые не оставляютъ иного пути для развитія, кромѣ революціоннаго. Англійская конституція снабжена всѣми необходимыми предохранительными клапанами, и потому, каковы бы ни были ея недостатки, она совершеннѣе другихъ европейскихъ конституцій. Конституція, въ концѣ концовъ, есть не что иное, какъ форма, охватывающая борющіяся общественныя силы, и чѣмъ эластичнѣе эта форма, тѣмъ лучше гарантируетъ она общественному организму мирное развитіе.

Я сказалъ, что правительство всегда можетъ устранить тормазъ, представляемый палатой лордовъ, разъ палата общинъ этого дѣйствительно хочетъ, разъ между обѣими палатами возникаетъ серьезный, принципіальный конфликтъ. Но, къ несчастію, она этого очень рѣдко хочетъ, и дѣйствительно принципіальнаго конфликта за послѣдніе полвѣка между обѣими палатами не возникало. Палата лордовъ есть ultima spes для палаты общинъ, которая, какъ мы видѣли, по своему составу, мало чѣмъ отъ нея отличается. Палата общинъ нисколько не боится палаты лордовъ, такъ какъ она всегда можетъ заставить капитулировать гарнизонъ послѣдней. Но она дорожитъ ею, какъ превосходнымъ орудіемъ для отвода глазъ англійской демократіи. Когда коммонерамъ приходится противъ воли вотировать, подъ давленіемъ избирателей, какую-нибудь реформу, они всегда могутъ разсчитывать, что палата лордовъ провалитъ эту реформу. А тамъ, пока эта реформа снова вернется въ палату общинъ (не раньше слѣдующей сессіи, по закону), народныя страсти улягутся или будутъ отвлечены въ другую сторону. Палата лордовъ – это твердыня волокиты, въ которой глохнутъ всѣ благія начинанія.

Такъ, когда Гладстону, послѣ неслыханной борьбы, удалось провести „гомъ-руль“ въ палатѣ общинъ (въ 1893 г.), палата лордовъ отвергла этотъ билль большинствомъ 419 противъ 41. Той же участи подверглись при Гладстонѣ и

другія реформы, принятыя палатой общинъ. По поводу этихъ дѣйствій палаты лордовъ Гладстонъ произнесъ 1 марта 1894 г. въ палатѣ общинъ рѣчь, призывающую коммонеровъ къ неумолимой борьбѣ противъ лордовъ. „Такое положеніе вещей,—воскликнулъ Гладстонъ торжественнымъ голосомъ,—не можетъ болѣе продолжаться!" Всѣ ожидали, что послѣ этой рѣчи Гладстонъ распуститъ парламентъ и начнетъ избирательную агитацію за уничтоженіе палаты лордовъ. Но вмѣсто этого онъ сложилъ съ себя обязанности премьера и удалился отъ политической жизни. На его мѣсто королева пригласила лорда Розбэри, члена палаты лордовъ.

„Почему,—спрашиваетъ Макъ-Карти [1]),—Гладстонъ не сдѣлалъ призыва къ странѣ, почему онъ не пытался разрѣшить, наконецъ, этотъ долгій и великій конфликтъ съ палатой лордовъ? Какъ мы уже говорили, онъ навѣрное имѣлъ на это основательныя причины. Но можетъ ли кто-нибудь объяснить намъ, что это были за причины? Совсѣмъ недавно, болѣе двухъ лѣтъ послѣ событія, одна газета пыталась дать объясненія". И Макъ-Карти далѣе разсказываетъ о разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ „Pall-Mall-Gazette".

Изъ этихъ разоблаченій видно, что въ кабинетѣ гладстоновскаго министерства царствовало разногласіе по самымъ существеннымъ вопросамъ, что большинство членовъ стояло за примирительную политику въ дѣлѣ конфликта съ палатой лордовъ, власть которой Гладстонъ хотѣлъ сократить, и что кабинетъ санкціонировалъ увеличеніе расходовъ на флотъ, несмотря на самое горячее сопротивленіе Гладстона. Вспомнимъ, что членами министерства здѣсь бываютъ всегда лидеры отдѣльныхъ группъ, входящихъ составными элементами въ правительственную партію, и мы поймемъ, что не только консервативная партія палаты общинъ, но и весьма значительная часть, быть можетъ, большинство членовъ либеральной партіи, желаетъ сохраненія палаты лордовъ въ ея настоящемъ видѣ, хотя и скрываетъ это желаніе. Какъ разъ наканунѣ рѣчи Розбэри о томъ, что всѣ силы либеральной партіи должны быть сосредоточены на агитаціи за уничтоженіе палаты лордовъ, королева (конечно, по представленію Розбэри) возвела четырехъ либераловъ въ лорды. „Безспорно,—замѣчаетъ по этому поводу „Annual Register" [2]),—эти джентльмены заслуживали повышенія, но моментъ былъ выбранъ неудачно, такъ какъ этимъ актомъ укрѣплялась та самая палата, которую Розбэри хотѣлъ уничтожить",

---

[1]) J. Mac-Karthy: „A. History of our own time", T. V, стр. 359—360. London, 1897.

[2]) „Annal Register", 1895 г., стр. 149.

укрѣплялась, благодаря введенію въ нее свѣжихъ силъ. Призывъ Гладстона къ агитаціи за Ending or Mending палаты лордовъ (т. е. за полное уничтоженіе или реформированіе ея) былъ встрѣченъ восторженными рукоплесканіями во всѣхъ рядахъ либеральной партіи. Но многіе изъ этихъ апплодисментовъ были лишь актомъ лицемѣрія. Искренно желаютъ парализаціи верхней палаты лишь ирландцы [1]), да тѣ немногіе убѣжденные радикалы и рабочіе представители, которые попали въ Вестминстерскій дворецъ, несмотря на выше изложенныя нами преграды англійскаго избирательнаго права.

Исторія англійскаго государственнаго права показываетъ намъ, что нельзя ожидать уничтоженія палаты лордовъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Англійская нація не любитъ коренныхъ измѣненій. Говорить серьезно можно, поэтому, лишь о реформѣ палаты лордовъ, объ ограниченіи ея правъ. Недостатка въ проектахъ на этотъ счетъ не имѣется. Ирландецъ Макъ-Нейль увѣряетъ даже, что никакой реформы не нужно, что должно лишь привести въ дѣйствіе старинный, давно забытый законъ, предоставляющій коронѣ прерогативу созывать письмомъ лордовъ въ парламентъ. „Стоитъ министрамъ,—говоритъ Макъ-Нейль [2]),—не созывать тѣхъ лордовъ, которые противятся волѣ большинства палаты общинъ, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Карлъ I не прислалъ пригласительнаго письма одному не понравившемуся ему лорду, и послѣдній былъ лишенъ возможности явиться въ парламентъ“. Такая мѣра, если ее примѣнить не къ одному лорду, а къ цѣлой партіи, представляла бы настоящую „революцію сверху“. Ни одинъ министръ въ Англіи не возьметъ на себя отвѣтственности за проведеніэ подобной мѣры, такъ какъ она легко привела бы къ гражданской войнѣ.

Болѣе практичными являются проекты, направленные къ ограниченію права veto палаты лордовъ. Согласно этимъ проектамъ, билль, дважды отвергнутый палатой лордовъ, становится de jure закономъ, разъ онъ будетъ принятъ въ третій разъ палатой общинъ. Такая реформа несомнѣнно ослабила бы реакціонную силу палаты лордовъ и въ то же время сохранила бы за этой палатой характеръ законодательнаго учреж-

---

[1]) Замѣтимъ, однако, что въ настоящій моментъ, благодаря внесенію Бальфуромъ въ палату билля о выкупѣ ирландскихъ земель, между ирландскими націоналистами и консервативной партіей заключенъ союзъ, и теперь еще трудно сказать, какъ отразится этотъ союзъ на прежнихъ радикальныхъ тенденціяхъ ирландскихъ депутатовъ.

[2]) Mac-Neill: „A short way with the House of Lords“, въ „Fortnightly Review“, за 1895 г., т. 57.

денія. Но, можетъ быть, наиболѣе практичнымъ является путь, избранный австралійскими колоніями. Согласно федеральной конституціи, федеральный парламентъ Австраліи состоитъ изъ двухъ палатъ, и члены обѣихъ этихъ палатъ избираются всѣмъ населеніемъ (избирательные округа для верхней палаты гораздо обширнѣе, чѣмъ округа для нижней, такъ какъ число членовъ первой вдвое меньше, чѣмъ во второй). Въ случаѣ конфликта между обѣими палатами, онѣ будутъ распущены и назначены будутъ новые выборы. Такимъ образомъ, населеніе получитъ возможность высказать свое мнѣніе по возникшему спорному вопросу. Если и въ новомъ парламентѣ палаты не придутъ къ соглашенію, онѣ будутъ созваны вмѣстѣ на общее собраніе, и спорный вопросъ будетъ рѣшенъ большинствомъ двухъ третей голосовъ.

V.

Выборы; либеральный и консервативный кандидаты.

Въ конституціонныхъ странахъ политическая жизнь и борьба партій проявляются въ наиболѣе рельефной и яркой формѣ во время избирательной горячки, въ періоды всеобщихъ выборовъ. На выборахъ можно также получить наиболѣе ясное представленіе о томъ, какъ функціонируютъ въ дѣйствительной жизни избирательные законы. Вотъ почему я считаю нужнымъ остановиться подробно на послѣднихъ всеобщихъ выборахъ (1900 года), причемъ я постараюсь ихъ изобразить такъ, какъ я ихъ самъ видѣлъ въ Лондонѣ.

Я стоялъ на улицѣ и разсматривалъ огромныя избирательныя афиши. „Голосуй за Лэнжа, либеральнаго кандидата!" — повторяли безчисленное множество разъ желтыя афиши. „Голосуй за Ленжа! Долой политику авантюристовъ!„—добавлялось на нихъ; и внизу неизмѣнно стояла фраза: „Миръ, реформы и экономія въ финансахъ", являющаяся постояннымъ знаменемъ англійскаго либерализма. „Голосуй за Береля и за сильную объединенную имперію!"— отвѣчали синія афиши своими гигантскими буквами. „За Береля, мѣстнаго жителя, кандидата консервативной партіи!"

Желтыя и синія афиши, развѣшенныя повсюду густыми рядами, лѣзли въ глаза, казались назойливыми, крикливыми арміями, ведущими между собою ожесточенную борьбу изъ-за права терзать вашъ мозгъ, изнурять ваше вниманіе. Вотъ онѣ столпились вокругъ своихъ орудій, какъ бы готовясь вступить въ послѣдній, смертный бой. Каждая изъ армій облѣпила рядъ саженныхъ, раскрашенныхъ яркими красками, картинъ. Вамъ эти картины пріѣлись до тошноты, до оду-

рѣнія, потому что вы ихъ встрѣчаете на каждомъ шагу не только въ томъ избирательномъ округѣ, гдѣ вы живете, но повсюду, во всѣхъ 62 округахъ безконечнаго, чудовищнаго Лондона. И, тѣмъ не менѣе, вы не можете пройти мимо нихъ, не остановившись: онѣ гипнотизируютъ васъ своей яркостью, своимъ нахальнымъ безобразіемъ. Вотъ въ тѣсномъ кругу желтыхъ афишъ пріютилась картина, изображающая Чемберлэна въ ночномъ женскомъ халатѣ и чепцѣ, со своимъ моноклемъ въ глазу, открывающаго пустой буфетъ. Возлѣ Чемберлэна стоитъ изнуренный старый песъ, съ голодной жадностью заглядывающій въ буфетъ. На спинѣ пса имѣется надпись — „пенсія для престарѣлыхъ рабочихъ" („Old Age Pension"). Воображеніе досказываетъ зрителю остальное. Во время выборовъ 1895 г. Чемберлэнъ и другіе юніонистскіе кандидаты торжественно обѣщали избирателямъ провести въ парламентѣ законъ о пенсіяхъ старости. Чемберлэнъ тогда прямо заявилъ, что у него уже имѣется готовый проектъ, который такъ же легко осуществить, какъ выпить стаканъ чаю. И вотъ прошло пять лѣтъ, парламентъ закончилъ свое существованіе, а закона о пенсіяхъ нѣтъ, и не только нѣтъ, но и не можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ: „Буфетъ пустъ!„—указываетъ Чемберлэнъ голодному, старому псу,— всѣ деньги растрачены на войны.

Вотъ другая яркая картина. Изъ огромной бочки съ надписью „казна" выглядываетъ толстый, типичный Джонъ Булль, направляющій въ верхнее отверстіе бочки золотую трубу съ „налогами", стекающими въ бочку. Внизу типичный тори открываетъ кранъ бочки. Толстый улыбающійся попъ уноситъ два наполненныхъ изъ-подъ крана ведра съ надписью на одномъ—„пособіе церковнымъ школамъ" и на другомъ—„пособіе для меня самого; десятинный налогъ". Рядомъ жирный лэндлордъ уноситъ третье полное ведро съ надписью —пособіе лэндлордамъ". Картина носитъ названіе: „Разгадка загадки". Джонъ Булль смотритъ на уносимыя ведра и восклицаетъ: „Такъ вотъ куда уходятъ мои денежки!" И эта картина говоритъ многое зрителю. Министерство Сольсбэри-Чемберлэна одержало на выборахъ 1895 года свою блестящую побѣду отчасти благодаря энергичной агитаціи, веденной въ его пользу кабатчиками, духовенствомъ и лэндлордами. Поддержка эта, очевидно, была оказана на условіи do ut des. Получивъ власть, министерство принялось вознаграждать своихъ друзей. Въ угоду кабатчикамъ, водочнымъ и пивоваренным магнатамъ, министерство отложило въ сторону всѣ билли, направленные противъ пьянства. Въ награду лэндлордамъ оно провело въ 1896 г. законъ, понизив-

шій на половину всѣ поземельные налоги. Благодаря этому закону, проведенному временно, на 5 лѣтъ, лэндлорды получаютъ ежегодную подачку въ 16 мил. рублей. Въ слѣдующемъ году духовенство получило для своихъ церковныхъ школъ ежегодную субсидію въ 8 мил. руб. Въ 1898 году ирландскіе землевладѣльцы были освобождены отъ налога на бѣдныхъ и нѣкоторыхъ другихъ налоговъ, благодаря чему въ ихъ карманахъ остается ежегодно болѣе 7 мил. р. Герцогъ Девонширскій, маркизъ Лондондерри, маркизъ Лэндсдоунъ и лордъ Сольсбэри,—все члены кабинета министровъ и крупные землевладѣльцы,—выигрываютъ благодаря этимъ законамъ, десятки тысячъ рублей ежегодно. Наконецъ, въ 1899 году правительство дало духовенству новую подачку въ 850 тыс. руб. подъ видомъ сокращенія на половину налога, взимавшагося въ пользу казны съ такъ называемыхъ „десятинныхъ доходовъ“ духовенства.

Третья картина не менѣе содержательная. Она изображаетъ земной шаръ, на которомъ отмѣчены всѣ многочисленныя войны и международныя конфликты, прямо или косвенно вызванные имперьялистской политикой юніонистскаго министерства за послѣднія 5 лѣтъ. Пограничныя войны въ Индіи, набѣгъ Джемсона, конфликтъ съ Германіей, война въ Суданѣ, фошадскій конфликтъ съ Франціей, первая война въ Ашанти, вторая война въ Ашанти, конфликтъ, съ Америкой по поводу Венецуэлы, война съ Трансваалемъ и Оранжевой республикой, война въ Китаѣ. И въ то время, какъ британское правительство расточало сотни милліоновъ на расширеніе колоніальной территоріи, главнѣйшая изъ британскихъ колоній—Индія—переживала почти непрерывный рядъ голодныхъ годовъ, милліоны людей погибали тамъ ежегодно отъ голода, чумы, холеры и голоднаго тифа.

Эти картины вмѣстѣ съ другими, менѣе краснорѣчивыми, передавали въ живыхъ, хотя и аляповатыхъ, образахъ наиболѣе существенныя черты исторіи правительственной дѣятельности за послѣднія 5 лѣтъ. Ихъ краски были слишкомъ ярки, но факты, передаваемые ими, не были преувеличены. И все, что можно было бы отвѣтить желтой арміи афишъ, это развѣ слѣдующее: „Да, ваша критика вѣрна! Но что вы дѣлали, чтобы преотвратить эти бѣдствія? Развѣ ваши руки не обагрены той же кровью?...“

Но, разумѣется, не этими словами отвѣчали голубыя афиши юніонистскихъ кандидатовъ. „Всякій голосъ, подаваемый вами въ пользу либераловъ, есть выстрѣлъ бура въ нашу армію!“—гласитъ одна изъ голубыхъ афишъ. На другой нарисованъ англійскій солдатъ съ раненой рукой и го-

ловой. „Мы отстояли имперію въ Южной Африкѣ, пусть же наша кровь не будетъ пролита даромъ! Подавайте голоса за юніонистовъ, защитниковъ имперіи!“ Далѣе, картина, изображающая трехъ радикальныхъ депутатовъ, — Лабушера, Кларка и Эллиса,—поддерживающихъ на своихъ плечахъ кресло съ весело улыбающимся Крюгеромъ, „Вотъ какъ наши измѣнники — либеральные депутаты—поддерживаютъ Крюгера!“ Рѣчь, очевидно, идетъ объ опубликованныхъ Чемберлэномъ письмахъ этихъ трехъ депутатовъ къ трансваальскому правительству, написанныхъ до войны и столь же далекихъ отъ измѣны, сколько правда далека отъ лжи. На другой картинѣ, на двухъ школьныхъ скамейкахъ усажены всѣ лидеры либеральной партіи. Учитель —Чемберлэнъ— даетъ этимъ школьникамъ „наглядный урокъ“ въ политикѣ,— онъ указываетъ на доску, на которой перечислено, что выиграла Англія за послѣднія 5 лѣтъ: Суданъ возвращенъ цивилизаціи. Имперія упрочена. Южная Африка замирена Уваженіе за-границею къ намъ возрасло. Связь между колоніями и метрополеій усилена. Законъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья проведенъ и т. д. Желтыя афиши подвергали критики правительство, и имъ это легко было дѣлать, такъ какъ дѣйствія правительства представляли богатѣйшій матеріалъ для критики. Голубыя афиши отвѣчали ложью и клеветами, такъ какъ правительство, добившееся власти при помощи лживыхъ обѣщаній и клеветъ, не имѣетъ другого оружія для самозащиты, кромѣ новой лжи, новыхъ, еще болѣе безстыдныхъ клеветъ. Эта система борьбы практиковалась не въ одномъ только моемъ избирательномъ округѣ. Во всѣхъ другихъ округахъ висѣли тѣ же картины, — продукты центральныхъ лондонскихъ комитетовъ партій; виднѣлись тѣ же афиши, часто съ варіаціями по формѣ, но всегда тождественны по содержанію.

Такими-то орудіями боролись кандидаты моего округа. Оба они—типичные кандидаты; мотивы, двигающіе ими, въ моральномъ отношеніи однородны съ мотивами, побуждающими огромное большинство другихъ англійскихъ кандидатовъ добиваться парламентскихъ почестей.

Берель и Лэнжъ не хуже и не лучше множества другихъ. Я видѣлъ ихъ обоихъ, слышалъ ихъ рѣчи къ избирателямъ. Оба они адвокаты и люди не безъ извѣстной смѣлости. Берель вездѣ заявляетъ открыто, что онъ консерваторъ по убѣжденіямъ. Онъ охотно дискутируетъ вопросы политики съ людьми другихъ убѣжденій, чѣмъ онъ, и даже не побоялся читать лекцію о консервативной программѣ въ мѣст-

Джозефъ Чемберленъ.

номъ соціалистическомъ клубѣ. „Я знаю, что мнѣ васъ не убѣдить,—заявилъ онъ,—но я не боюсь также и вашей критики“. Берель—мѣстный житель, хорошо извѣстный большинству населенія своего округа. Болѣе всего онъ добивается популярности, такъ какъ при помощи ея его адвокатская практика расширяется, и также обезпечивается его политическая карьера. Онъ уже нѣсколько лѣтъ состоитъ гласнымъ въ лондонской думѣ, гдѣ онъ быстро завоевалъ себѣ почетное мѣсто, благодаря своему трудолюбію и дѣловитости. До него членомъ парламента отъ мѣстнаго округа состоялъ неизмѣнно, въ теченіе 15 лѣтъ, консерваторъ, самый округъ считается твердыней консерватизма, и не было никакого сомнѣнія, что Берель будетъ выбранъ. Поэтому на митингахъ Берель держалъ себя съ достоинствомъ, какъ человѣкъ, уже власть имущій, и въ своемъ избирательномъ манифестѣ онъ заявилъ:

„Большинство изъ васъ знаетъ, что я юніонистъ и пламенный приверженецъ высокихъ идеаловъ и политики лорда Сольсбэри. Было бы безполезно отрицать, что настоящіе выборы вращаются вокругъ вопроса о каки [1]), и оно такъ и должно быть, что бы не возражали противъ этого... Мы вынуждены были отразить нашествіе,—у насъ не было другого выбора... мы вынуждены присоединить Трансвааль,—у насъ нѣтъ другого выбора.

„Какая бы партія ни была отвѣтственна за нашу неподготовленность къ войнѣ,—и, вѣроятно, онѣ обѣ отвѣтственны,—я считаю, что было бы преступнымъ безуміемъ съ нашей стороны не воспользоваться уроками войны и не реформировать кореннымъ образомъ всю нашу военную организацію. Я изучилъ жгучій вопросъ о жилищахъ для рабочихъ и буду говорить о немъ, а равно и о другихъ нуждахъ рабочаго класса на избирательныхъ митингахъ. Приглашаю всѣхъ на эти митинги и буду охотно отвѣчать на всякіе вопросы. Если способность къ упорной работѣ, основательное знакомство съ вашими нуждами, внимательное отношеніе къ вашимъ просьбамъ и жительство въ вашемъ округѣ суть тѣ условія, которыхъ вы требуете отъ вашего представителя въ парламентѣ, я смѣю заявить, что этимъ условіямъ я отвѣчаю, и поэтому я съ довѣріемъ и почтительно жду отъ васъ вниманія и голоса въ мою пользу“.

Его соперникъ—еще совсѣмъ молодой и неопытный человѣкъ. Лэнжъ только что закончилъ свое образованіе въ

---

[1]) Каки—цвѣтъ одежды южно-африканской арміи. Для краткости, вся имперіалистская политика Чемберлэна названа каки.

Оксфордскомъ университетѣ, гдѣ, какъ извѣстно, преподаютъ не столько науки, сколько искусство спорта, и записался въ адвокаты. Въ данный округъ онъ явился впервые лишь за десять дней до выборовъ. Его никто не знаетъ, и онъ самъ не знаетъ никого изъ жителей округа, ни ихъ нуждъ. Знакомство съ политическими вопросами у него весьма слабое. Его избирательный манифестъ не менѣе безсодержателенъ, чѣмъ манифестъ его соперника, и либеральная программа, выставленная имъ, въ сущности ничѣмъ не отличается отъ консервативной программы Береля. Единственная реформа, о которой онъ упоминаетъ въ своемъ манифестѣ, тоже касается постройки рабочихъ жилищъ. Въ отличіе отъ Береля, онъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ всю политику министерства и называетъ южно-африканскую войну несправедливой. Но онъ, какъ и Берель, принимаетъ всѣ послѣдствія этой политики, признаетъ необходимымъ присоединеніе къ Англіи республикъ буровъ. На трибунѣ онъ держится смѣло, скорѣе даже дерзко, какъ истый Балалайкинъ, но говоритъ крайне посредственно, безъ краснорѣчія и даже безъ всякой гладкости рѣчи. И лишь только онъ заканчиваетъ свою рѣчь и его смѣняетъ другой ораторъ, онъ начинаетъ безцеремонно болтать со своимъ сосѣдомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на публику, которой онъ желаетъ быть довѣреннымъ лицомъ въ парламентѣ.

Какое право имѣетъ этотъ молодой нахалъ претендовать на роль законодателя?—думается невольно, глядя на него.

— Должны ли мы подавать голосъ за либеральнаго кандидата Лэнжа, или совсѣмъ воздержаться отъ подачи голоса?—поставленъ былъ вопросъ въ мѣстномъ соціалистическомъ клубѣ. Одни утверждали, что необходимо подать голосъ за Лэнжа, другіе—что слѣдуетъ воздержаться отъ голосованія.

— Выборы вертятся исключительно вокругъ вопроса о томъ, одобряетъ ли нація затѣянную правительствомъ войну, или осуждаетъ?—доказывали первые.—И если мы воздержимся отъ голосованія, мы въ сущности этимъ увеличимъ большинство, которое получитъ правительственный кандидатъ, то есть выразимъ довѣріе правительству.

— Но, помилуйте,—отвѣчали вторые,—какъ можно подать голосъ за человѣка, къ которому не питаешь ни малѣйшаго довѣрія,—подать голосъ только потому, что этотъ человѣкъ себя называетъ либераломъ. Вѣдь это возмутительно со стороны либераловъ назначить такого человѣка въ кандидаты. Если мы будемъ голосовать за него, мы этимъ усилимъ либеральную партію, которая ничѣмъ не лучше консервативной...

Большинство оказалось на сторонѣ воздержанія.

Но, несмотря, однако на полную безцвѣтность и безнадежность либеральнаго кандидата, поддерживать его выступило нѣсколько лучшихъ либераловъ и радикаловъ этого округа, людей безусловно честныхъ, уважаемыхъ населеніемъ и талантливыхъ.

— Почему мы не выставили своей собственной кандидатуры?—спросилъ я одного изъ нихъ, распинавшагося за Лэнжа передъ кучкой слушателей на уличномъ митингѣ.

— Не могу!—отвѣтилъ онъ.—На выборы нужно затратить около 1.000 фунт. ст. Я не могу рискнуть такой суммой.

— Но какъ могла центральная организація либеральной партіи послать такого ничтожнаго кандидата?

— Потому что этотъ округъ—твердыня консерватизма, и либеральный кандидатъ не имѣетъ сколько-нибудь значительныхъ шансовъ получить большинство. Въ такіе округа партія посылаетъ такъ называемыхъ *carpet-beggars* (т. е. людей, обивающихъ пороги), готовыхъ взять на себя всѣ расходы за честь, выступить кандидатомъ отъ партіи.

— Но если Лэнжъ не питаетъ надежды получить большинство, что же его побуждаетъ тратиться на выборы?

— Отчего же? Выборы—превосходная реклама, и потому потратить деньги на выборы—выгодное помѣщеніе капитала. Лэнжъ—адвокатъ, не имѣющій практики, безъ всякаго имени. Теперь же, благодаря тому, что его имя рекламируется во всѣхъ газетахъ и на всѣхъ улицахъ, онъ пріобрѣтетъ извѣстный вѣсъ и, слѣдовательно, практику...

И несмотря однако на все ничтожество Лэнжа, несмотря на то, что онъ, изъ экономіи, велъ выборную компанію спустя рукава, въ округѣ нашлось 2.166 человѣкъ, рѣшившихся подать за него голосъ. Его соперникъ получилъ 5.458 голосовъ. На предыдущихъ выборахъ (1895 г.) выступалъ рабочій кандидатъ, тоже отъ имени либеральной партіи, и онъ получилъ 3.238 голосовъ противъ 5.107 гол., поданныхъ за консерватора. Такимъ образомъ, число либеральныхъ или, вѣрнѣе, оппозиціонныхъ голосовъ, понизилось болѣе, чѣмъ на тысячу. Въ то же время число вотировавшихъ, составлявшее около 70% всего числа избирателей въ 1895 г., составляетъ теперь только 58%.

VI.

Рабочій депутатъ Джонъ Бернсъ.

Но стоитъ перебраться черезъ Темзу, въ округъ Бэттерси, чтобы наткнуться на картину совершенно иного характера.

Здѣсь избирательная борьба вылилась въ вполнѣ опредѣленную форму—въ форму борьбы классовъ. Здѣсь кандидатами выступили, съ одной стороны, пролетарій Джонъ Бернсъ, вываренный съ самаго ранняго дѣтства въ фабричномъ котлѣ, а съ другой—богатѣйшій пивоваръ Гартонъ, владѣлецъ сотни кабаковъ и работодатель многихъ тысячъ рабочихъ.

Но прежде, чѣмъ описывать эту борьбу, я ознакомлю читателя съ Джономъ Бернсомъ.

Джонъ Бернсъ знаетъ свой округъ Бэттерси, какъ свои пять пальцевъ, и Бэттерси знаетъ прекрасно своего Джона. Всякій мальчишка въ Бэттерси скажетъ вамъ, кто такой Джэкъ (уменьшительное имя Джона), и укажетъ его маленькій домикъ; Бернсъ и Бэттерси какъ бы слились другъ съ другомъ въ своей исторіи. Когда Бернсъ родился, Бэттерси былъ маленькимъ предмѣстьемъ Лондона съ какимъ нибудь десяткомъ тысячъ жителей. Это было въ 1858 году. Съ тѣхъ поръ Бернсъ и Бэттерси росли вмѣстѣ. Маленькимъ мальчикомъ Бернсъ сталъ бѣгать въ народную школу Бэттерси. Предмѣстье расширилось, выстроилась свѣчная фабрика, и едва достигшій десятилѣтняго возраста Джонъ уже началъ работать на этой фабрикѣ. Но отецъ Джона былъ слесарь и, когда Джонъ набрался нѣсколько силъ, онъ его отдалъ въ слесарную мастерскую точить гайки. Способный мальчикъ быстро усвоилъ искусство точенія гаекъ и скоро перешелъ въ качествѣ ученика къ болѣе искусному механику, въ мастерской котораго онъ и оставался до своего совершеннолѣтія. Здѣсь онъ подружился съ другимъ рабочимъ, французомъ, бѣжавшимъ изъ Парижа послѣ крушенія коммуны. Подъ вліяніемъ своего друга-француза, молодой Бернсъ принялся поглощать книгу за книгой, отдавая чтенію свои ночи,—дни онъ работалъ въ мастерской. Умственный горизонтъ его расширялся, знанія накоплялись въ его головѣ, онъ усвоилъ теоріи своего друга и скоро почувствовалъ потребность подѣлиться со своими товарищами тѣми лучами свѣта, какіе, казалось, ему, озарили его мозгъ. Бернсъ сталъ устраивать митинги на улицахъ, подъ открытымъ небомъ,—не приходится платить за помѣщеніе,—и послѣ одного особенно успѣшнаго митинга, какъ разъ когда кончился срокъ его ученичества, его хозяинъ вѣжливо попросилъ его оставить мастерскую. Джонъ почувствовалъ себя вольной птицей, и ему захотѣлось увидѣть бѣлый свѣтъ. Онъ нанялся главнымъ мастеромъ-механикомъ въ Нигерію, въ Западной Африкѣ, скопилъ тамъ за годъ небольшую сумму денегъ и на эти сбереженія совершилъ шестимѣсячное путешествіе по Европѣ.

Вернувшись въ Лондонъ, онъ женился и снова занялся своимъ ремесломъ и чтеніемъ. Вскорѣ, однако, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими рѣчами о соціализмѣ, произнесенными имъ на устроенной въ Лондонѣ конференціи хозяевъ и рабочихъ. Съ тѣхъ поръ Бернсъ сдѣлался неизмѣннымъ ораторомъ на всѣхъ крупныхъ рабочихъ собраніяхъ. Состоя членомъ одного изъ наиболѣе могущественныхъ трэдъ-юніоновъ Англіи Amalgamated Society of Engineers (союзъ рабочихъ металлическихъ заводовъ и мастерскихъ, насчитывающій теперь до 100.000 членовъ), Бернсъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе товарищей и былъ выбранъ секретаремъ этого общества. Здѣсь онъ впервые проявилъ свои блестящія ораторскія способности, благодаря которымъ онъ и сдѣлался самымъ выдающимся вождемъ рабочаго Лондона.

Болѣе всего популярности среди всѣхъ классовъ населенія Джонъ Бернсъ пріобрѣлъ во время знаменитой стачки докеровъ въ 1889 году. Я не стану передавать исторію этой стачки: о ней достаточно сообщалось въ русской литературѣ. Напомню только, что участники ея,—числомъ до ста тысячъ,—принадлежали къ наиболѣе неорганизованнымъ, невѣжественнымъ и деморализованнымъ слоямъ рабочаго класса Англіи: докеры—были Lumpenproletariat Лондона, и условія ихъ работы принадлежали къ числу наихудшихъ въ Англіи. Бернсъ, вмѣстѣ съ Томомъ Мэнномъ и Беномъ Тиллетомъ, организовалъ эти безпорядочныя массы въ стройные рабочіе союзы, объединилъ эти союзы въ одну неодолимую армію, научилъ ихъ бороться за улучшеніе своей участи, разсказалъ, при помощи устнаго и печатнаго слова, англійской націи о мукахъ, претерпѣваемыхъ этими рабами судовладѣльцевъ, привлекъ симпатіи всѣхъ классовъ населенія и обильную денежную помощь на сторону докеровъ и повелъ ихъ къ побѣдѣ. Грандіозная стачка была выиграна.

Къ тому времени Бернсъ дѣлается одной изъ центральныхъ фигуръ Лондона, и въ то же время его родина Бэттерси, все расширяясь и разростаясь (теперь въ немъ насчитывается до 200.000 жителей), слился съ Лондономъ и сдѣлался однимъ изъ его главныхъ округовъ. И когда, въ 1888 году, въ Лондонѣ было введено новое городское самоуправленіе, Бэттерси послалъ своего гражданина Джона Бернса совѣтникомъ (гласнымъ) въ новую лондонскую думу (London County Council). И съ тѣхъ поръ Бернсъ состоитъ непрерывно на общественной службѣ Бэттерси. 15 лѣтъ уже онъ избирается гласнымъ лондонской думы и 11 лѣтъ чле-

номъ палаты общинъ отъ округа Бэттерси (онъ былъ выбранъ впервые въ 1892 г.).

„Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся интересовъ труда,—пишетъ о немъ безпристрастный „Hazell's Annual“,—Бернсъ считается авторитетомъ, уважаемымъ какъ предпринимателями, такъ и рабочими. Работники и ихъ союзы непрестанно прибѣгаютъ къ его помощи и совѣту. Онъ четыре раза былъ выбираемъ гласнымъ отъ округа Бэттерси въ London County Council, и въ этой думѣ, благодаря ему, была уничтожена система подрядовъ и замѣнена системой прямого найма на всѣ работы, предпринимаемыя муниципалитетомъ; и вообще онъ много сдѣлалъ для улучшенія условій труда на муниципальныхъ работахъ. Онъ дважды былъ выбранъ отъ того же округа въ члены парламента, и тамъ онъ очень скоро выдѣлился, и его рѣчи считаются вѣскими и авторитетными“ [1]). Таковъ отзывъ изданія, которое никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ рабочимъ лидерамъ. Своимъ успѣхомъ Бернсъ всецѣло обязанъ тому, что онъ не ограничивается красивыми рѣчами, а старается быть полезнымъ всегда и вездѣ, гдѣ онъ можетъ что-либо сдѣлать. Для примѣра, приведу опять-таки его дѣятельность въ Бэттерси. 12 лѣтъ тому назадъ, передъ тѣмъ, какъ Бернсъ сдѣлался гласнымъ и депутатомъ отъ этого округа, Чарльсъ Бутсъ писалъ о Бэттерси, какъ объ округѣ, весьма бѣдно снабженномъ мѣстами для общественнаго развлеченія и общественныхъ собраній. Теперь, благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности Джона Бернса, это одинъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ округовъ Лондона, имѣющій прекрасный паркъ съ удобными лугами для игръ и спорта, массу скверовъ, нѣсколько даровыхъ общественныхъ читаленъ и библіотекъ, общественныя бани, прекрасный народный политехническій институтъ и т. д.

Хотя Бернсъ по убѣжденіямъ своимъ соціалистъ, онъ никоимъ образомъ не является таковымъ въ своей практической дѣятельности. Онъ давно отложилъ въ сторону пропаганду соціалистическихъ идей и всецѣло посвятилъ себя дѣлу улучшенія повседневной жизни низшихъ классовъ. Это реформаторъ по своей природѣ, и притомъ реформаторъ-практикъ. Количество энергіи, которую онъ тратитъ на свою практическую дѣятельность, просто невѣроятно.

— За послѣдніе пять мѣсяцевъ я произнесъ 157 рѣчей,— сказалъ онъ мнѣ вскорѣ послѣ выборовъ.—Необходимо отдохнуть.

---

[1]) „Hazell's Annual,“ за 1900 г., стр. 113.

На другой же день я его встрѣтилъ на демократической конвенціи. Онъ произнесъ страстную рѣчь, въ которой съ необыкновенной ясностью освѣтилъ практическія задачи конвенціи, и живо направился къ выходу.

— Не уходите, посидите до конца,—задержалъ я его.

— Не могу. У меня сегодня еще три митинга, на которыхъ я долженъ говорить.

Таковъ Джонъ Бернсъ. Это чрезвычайно сильный человѣкъ-практикъ, не брезгающій никакимъ мелкимъ дѣломъ, это типичный англійскій рабочій, но рабочій высшаго порядка, прошедшій черезъ всѣ тяжелыя испытанія рабочей карьеры и своимъ горбомъ пробившій себѣ дорогу къ болѣе широкой дѣятельности. Но всей своей душой онъ остался рабочимъ. Несмотря на свой небольшой ростъ и тщедушность, онъ отличается выдающейся физической силой и всегда готовъ вступить съ обидчикомъ въ кулачный бой, — черта, особенно нравящаяся англійскимъ рабочимъ. Въ немъ сильно развиты всѣ типичныя стороны характера послѣднихъ. Онъ честенъ, смѣлъ, настойчивъ, самонадѣянъ и подчасъ наивно хвастливъ. Послѣдніе три-четыре года онъ сталъ какъ-то тише, но война снова воспламенила его энергію.

— Мѣсяцевъ пять тому назадъ,—разсказывалъ онъ мнѣ,—негодяи-джинго устроили ночью скандалъ передъ моимъ домомъ, разбили камнямя окна, перепугали мою жену и ребенка. 14 ночей подъ-рядъ простоялъ я послѣ того за моей дверью съ желѣзнымъ шкворнемъ въ рукахъ и подстерегалъ этихъ негодяевъ. Но эти трусы побоялись явиться вторично. Тогда я рѣшился заставить рабочихъ моего округа посмотрѣть на войну моими глазами и сталъ устраивать открытые митинги въ паркѣ. И я достигъ своей цѣли!

Теперь Бернсъ готовится начать агитацію по всей странѣ,—„сдѣлать для Англіи то, что онъ сдѣлалъ для Лондона“. Выборы и событія послѣднихъ лѣтъ показали ему, что „моральный уровень англійскихъ рабочихъ понизился за послѣдніе годы“, что они „слишкомъ погрузились въ матеріальные интересы“. Поэтому онъ пишетъ манифестъ къ англійской націи, въ которомъ онъ призываетъ Англію воспрянуть отъ загипнотизировавшаго ее золотого тельца.

— Я еще силенъ, и нравственнаго мужества у меня достаточно,—говорилъ мнѣ этотъ совершенно сѣдой 47 лѣтній человѣкъ.—Я могу работать, сколько угодно, и до 60 лѣтъ я еще совершу крупныя дѣла...

Рабочіе Бэттерси прямо обожаютъ Бернса, но въ этомъ

обожаніи нѣтъ ничего рабскаго: это—обожаніе и преданность младшаго товарища къ старшему. Мы сидѣли съ Бернсомъ въ нижнемъ этажѣ его домика. Обѣ комнаты этого этажа превращены въ одну большую залу всѣ стѣны которой снизу до верху уставлены полками съ книгами. Среди этихъ тысячъ книгъ я нашелъ очень мало теоретическихъ сочиненій,—почти всѣ онѣ или были оффиціальныя изданія, или же касались практическихъ вопросовъ. Бернсъ приводилъ свою библіотеку въ порядокъ и стиралъ съ книгъ пыль,—прислуги у него нѣтъ. Вошелъ рабочій съ длинными палками и кольцами для занавѣсей въ рукахъ.

— Я слышалъ, Джэкъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Бернсу,—что вамъ нужно приладить занавѣси. Такъ вотъ я и подумалъ: лучше я это сдѣлаю, а Джэкъ за это время приготовится къ митингу.

— Броунъ, нашъ мѣстный капиталистъ, — представилъ его мнѣ Бернсъ.

Капиталистъ въ заплатанныхъ сапогахъ кивнулъ мнѣ головой, взобрался на шатающуюся лѣстницу подъ потолокъ и принялся за работу.

— Осторожно, разобьетесь: лѣстница плоха, — предупредилъ его Бернсъ.

— Ничего, взыщемъ съ васъ по закону объ отвѣтственности хозяевъ,—отвѣтилъ Броунъ.

И Броунъ и Бернсъ продолжали каждый свою работу, обмѣниваясь въ то же время свѣдѣніями и совѣтами по поводу предстоявшихъ выборовъ.

VII.

Подготовленіе къ выборамъ.

Возвращаюсь къ выборамъ въ Бэттерси.

За Бернса говорили его непоколебимая честность и преданность интересамъ труда и дѣлу прогресса, его несравненный талантъ организатора и его долголѣтняя служба въ выборныхъ должностяхъ отъ округа Бэттерси. Гартонъ сыпалъ безъ счета деньгами, этимъ жизненнымъ нервомъ всякой войны, и изо всѣхъ силъ трубилъ въ патріотическую трубу, чтобы настроить рабочее населеніе Бэттерси противъ Бернса, открыто выступившаго самымъ непримиримымъ противникомъ южно-африканской войны. За Гартона стояли средніе и богатые классы Бэттерси, которые имѣютъ сильный зудъ противъ Бернса за его муниципальную дѣятельность, и, наконецъ, само правительство, видящее въ Бернсѣ одного изъ своихъ наиболѣе непримиримыхъ и наиболѣе талантливыхъ противниковъ. Изъ всѣхъ

членовъ оппозиціи одинъ только Бернсъ рѣшился выступить открыто передъ уличной толпой съ огненными филиппиками противъ южно-африканской войны и противъ всей вообще политики Сольсбэри и Чемберлэна. Каждое воскресенье въ продолженіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ устраивалъ Джонъ Бернсъ митинги подъ открытымъ небомъ въ обширномъ паркѣ Бэттерси, и на этихъ митингахъ подвергалъ безпощадной критикѣ джингоизмъ, войну, реакціонную политику. Съ каждымъ разомъ многотысячная толпа, слушавшая его, становилась все гуще, все многочисленнѣе, и—такова власть Бернса надъ толпой—ни разу у сторонниковъ правительства не хватило мужества возбудить безпорядки, чтобы помѣшать Бернсу говорить. И въ это самое время митинги, устраиваемые другими противниками войны, кончались, даже въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, сплошь и рядомъ безпорядками и избіеніемъ ораторовъ. Бернсъ, такимъ образомъ, сдѣлался фактическимъ вождемъ антиджингоистскаго авангарда, и рѣчи, произнесенныя имъ въ парламентѣ и въ паркѣ, печатались и расходились въ несчетномъ количествѣ экземпляровъ. Таковы причины, сдѣлавшія избирательную борьбу въ Бэттерси центральнымъ фокусомъ, на которомъ сосредоточились взоры не только Лондона, но и всей Англіи. Правительство послало на помощь Гартону одного изъ своихъ лучшихъ ораторовъ,—товарища военнаго министра, Джорджа Уайндгэма. На помощь Бернсу стеклись со всѣхъ сторонъ преданные ему работники-добровольцы; за него также говорилъ на митингахъ Леонардъ Кортней, старый парламентскій боецъ, исключенный теперь изъ юніонистскаго лагеря за свою упорную оппозицію чемберлэновской политикѣ. И борьба эта возбуждала тѣмъ большій интересъ, что на предыдущихъ выборахъ Бернсъ одержалъ побѣду большинствомъ всего лишь въ 253 голоса при общемъ тогда числѣ избирателей въ 13.000 человѣкъ. Обѣ стороны имѣли теперь приблизительно равные шансы на успѣхъ, и для одержанія побѣды той или другой стороной необходимо было крайнее напряженіе энергіи.

Энергіи же требовалось для этой борьбы масса. Процессъ избирательной борьбы состоитъ въ Англіи изъ четырехъ актовъ: регистраціи, канвассированія, агитаціи и, наконецъ баллотировки. При выполненіи каждаго изъ этихъ актовъ кандидатъ долженъ имѣть опытныхъ и преданныхъ помощниковъ, долженъ затратить массу труда и денегъ. Регистрація, или занесеніе каждаго имѣющаго право на голосъ въ избирательные списки,

производится муниципальными властями даннаго округа, по требованію заинтересованнаго лица. Но дѣло въ томъ, что многіе избиратели отличаются политической индиферентностью и не требуютъ занесенія ихъ въ избирательные списки. Наоборотъ, другія лица могутъ потребовать занесенія въ избирательные списки, хотя они не отвѣчаютъ условіямъ, которыя законъ предъявляетъ къ избирателямъ. Въ виду этого, регистрація производится подъ перекрестнымъ контролемъ уполномоченныхъ отъ обоихъ кандидатовъ. Каждому изъ кандидатовъ важно, чтобы возможно большее число живущихъ въ данномъ округѣ и симпатизирующихъ ему лицъ было занесено въ избирательные списки, такъ какъ безъ такого занесенія никто не вправѣ вотировать; но, съ другой стороны, для него не менѣе важно, чтобы въ эти списки было занесено какъ можно меньшее число приверженцевъ его соперника. Эта двойная цѣль и достигается каждымъ изъ кандидатовъ при помощи собиранія точныхъ свѣдѣній о всѣхъ жителяхъ даннаго округа и тщательнаго контроля надъ составленіемъ избирательныхъ списковъ. Легко понять, какъ велика эта работа, если вспомнить, что во многихъ англійскихъ округахъ населеніе превышаетъ 200.000 чел. Но это еще далеко не все. Избирательные списки составляются въ концѣ года, и по англійскому закону право на вотъ имѣетъ лишь тотъ, кто прожилъ въ данномъ округѣ не менѣе 12 мѣсяцевъ передъ послѣднимъ іюлемъ. Избирательные списки 1900 г. еще не составлялись, и выборы, слѣдовательно, должны были производиться по спискамъ прошлаго года, въ которые занесены лишь тѣ, кто поселился въ данномъ округѣ за годъ до 1-го іюля 1899 г. Такимъ образомъ, благодаря выборамъ по старому регистру, многія сотни тысячъ лицъ, перемѣнившихъ свое жительство послѣ 1-го іюля 1898 г., т. е. за послѣдніе два года, лишились своихъ избирательныхъ правъ. Правда, они могутъ подать свой голосъ въ округѣ, откуда они переѣхали, но у многихъ ли изъ нихъ хватитъ охоты и возможности поѣхать на свое старое мѣсто жительства, чтобы опустить свой бюллетень въ урну? Вѣдь часто мѣняютъ квартиру, главнымъ образомъ, рабочіе, а у рабочихъ нѣтъ ни времени, ни денегъ на такую поѣздку. Но для кандидата голоса этихъ лицъ чрезвычайно важны, такъ какъ иногда судьба выборовъ зависитъ отъ нѣсколькихъ лишнихъ голосовъ въ ту или другую сторону. Поэтому каждый кандидатъ. лично или черезъ своихъ агентовъ, старается выслѣдить всѣхъ избирателей, оставившихъ его округъ, посѣтить ихъ, склонить на свою сторону

и дать имъ возможность пріѣхать для подачи своего вота. По закону, кандидатъ не имѣетъ права привозить на свой счетъ избирателя къ мѣсту баллотировки? Но, увы! и въ Англіи законъ нерѣдко издается лишь для того, чтобы его обходить. Кто, напримѣръ, можетъ запретить другу избирателя заѣхать за нимъ, чтобы взять его съ собою къ мѣсту баллотировки? И почему такимъ другомъ не можетъ быть неоффиціальный агентъ или помощникъ кандидата? Процессъ такого выслѣживанія покинувшихъ округъ избирателей крайне сложенъ и стоитъ много денегъ. Изъ Бэттерси за послѣдніе 2 года выѣхало болѣе 4.000 избирателей, и Бернсу удалось выслѣдить новыя квартиры 2.000 изъ нихъ. Его конкуррентъ, не стѣснявшійся въ затратахъ, навѣрное выслѣдилъ всѣхъ.

Еще болѣе труднымъ является второй актъ избирательной борьбы,—канвассированіе, т. е. наборъ приверженцевъ. Канвассированіе заключается въ слѣдующемъ: кандидатъ разсылаетъ всѣмъ избирателямъ даннаго округа циркуляръ или манифестъ, въ которомъ онъ излагаетъ свои политическіе взгляды, свою программу и критикуетъ программу и политику противной партіи. Разославъ манифестъ, кандидатъ и его агенты и помощники отправляются канвассировать: они обходятъ всѣ дома округа и въ каждомъ домѣ, при помощи всевозможныхъ средствъ, стараются склонить на свою сторону хозяина или, за его отсутствіемъ хозяйку. Это наиболѣе вѣрный способъ привлеченія приверженцевъ. Здѣсь кандидатъ или его помощникъ находится съ глазу на глазъ со своимъ избирателемъ и потому можетъ пустить въ ходъ всѣ средства, не запрещенныя строго закономъ, а иногда и запрещенныя, если онъ можетъ обойти его безопасно. Онъ ласкаетъ и цѣлуетъ дѣтей простодушной хозяйки-работницы, говоритъ ей комплименты, заводитъ бесѣду о ея нуждахъ, даетъ совѣты, заговариваетъ съ хозяиномъ, старается, при помощи всевозможныхъ доводовъ, доказать ему ложность политическихъ взглядовъ его соперника, нерѣдко разсказываетъ о послѣднемъ небылицы, словомъ старается заполучить голосъ хозяина въ свою пользу. И онъ часто успѣваетъ въ этомъ. Но вся бѣда въ томъ, что его соперникъ тоже не дремлетъ...

Канвассированіе несомнѣнно ведетъ къ немалому количеству злоупотребленій. Но въ рукахъ добросовѣстныхъ кандидатовъ оно служитъ могущественнымъ орудіемъ. Съ другой стороны, и лица, ведущія эту работу, также вынуждаются расширить свой политическій горизонтъ. Канвассированіе есть специфическая черта англійской избирательной

борьбы и практикуется здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Въ настоящее время въ канвассированіи принимаютъ энергичное участіе дамы.

VIII.

Участіе женщинъ въ выборахъ.

„Вы спрашиваете, въ чемъ состоитъ „канвассированіе“ нашихъ лэди“?—разсказывалъ мнѣ одинъ знакомый англичанинъ-консерваторъ.—„Вотъ послушайте. На послѣднихъ выборахъ я выставилъ свою кандидатуру въ Бэтнелль-Гринѣ, рабочемъ кварталѣ Лондона. Участокъ этотъ представляетъ настоящій очагъ соціализма и я не имѣлъ никакой надежды быть избраннымъ. Чего я добивался,—это только увеличенія юніонистскихъ голосовъ. И если я получилъ значительное число голосовъ, я этимъ обязанъ безкорыстной и неустрашимой энергіи нашихъ дамъ. Ежедневно, въ теченіе долгихъ часовъ, онѣ бѣгали по лѣстницамъ рабочихъ домовъ, раздавали брошюры и прокламаціи, убѣждали колеблющихся избирателей, бѣгали разыскивали тѣхъ, которыхъ не заставали дома, провѣряли и исправляли избирательные списки,—словомъ, не пренебрегали никакими легальными средствами, чтобы склонить лишній голосъ въ пользу нашей партіи. Но канвассированіе ихъ не ограничивалось однимъ этимъ. Онѣ устраивали днемъ уличные митинги, говорили вечеромъ въ закрытыхъ собраніяхъ. На послѣднемъ собраніи было болѣе 3.000 человѣкъ, и вся эта публика внимательно прислушивалась къ рѣчамъ нашихъ лэди. Эти рѣчи, лишенныя фразъ и напыщенныхъ словъ, поражали своею искренностью, содержательностью и убѣжденностью. Онѣ были затѣмъ напечатаны и розданы избирателямъ. И когда, наконецъ, карету, въ которой я разъѣзжалъ по округу съ моимъ секретаремъ, стали забрасывать каменьями, и многіе изъ моихъ партизановъ-мужчинъ покинули меня, лэди безстрашно продолжали свое канвассированіе, даже еще съ большей, противъ прежняго, энергіей“...

Канвассированіе еще особенно цѣнно потому, что женщины занимаются имъ не только во время выборной агитаціи, но и въ обыденное время, подготовляя почву для будущихъ выборовъ. И, такимъ образомъ, канвассированіе, поддерживаетъ неослабный интересъ къ политикѣ въ населеніи.

Консервативная партія первая поняла, какую пользу можетъ она извлечь, организовавъ этихъ добровольцевъ агитаторшъ. Въ 1883 году, вскорѣ послѣ смерти Биконсфильда, былъ основанъ, посвященный его памяти, консервативный

клубъ Primrose League (любимый цвѣтокъ Биконсфильда былъ подснѣжникъ—primrose). Защита конституціи, религіи и имперіи была сдѣлана задачей этого клуба, и женщины были приглашены вступить въ его члены. Такимъ образомъ, женщины были открыто признаны способными, наравнѣ съ мужчинами, принимать участіе въ политической жизни страны. И ихъ участіе во время послѣдовавшихъ выборовъ 1885 года было настолько полезно консервативной партіи, что Сольсбэри и Бальфуръ выразили имъ по этому поводу публичную благодарность. Primrose League разросталась съ необыкновенной быстротой; въ настоящее время отдѣленія этого клуба —такъ называемыя „habitations"—имѣются во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Великобританіи, и число ихъ членовъ въ одной только Англіи, не считая Шотландіи и Ирландіи, превышаетъ милліонъ. Консервативные лидеры считаютъ его самымъ вліятельнымъ изъ клубовъ ихъ партіи, и премьеръ свои „большія" политическія рѣчи произноситъ на годичныхъ собраніяхъ Primrose League.

Либералы не замедлили, конечно, послѣдовать примѣру консерваторовъ. Въ 1886 году былъ организованъ союзъ либеральныхъ женщинъ, подъ предсѣдательствомъ жены Гладстона, а въ 1888 году организовались и либералъ-юніонистки. Первая изъ этихъ организацій—Women's Liberal Federation—была до сихъ поръ наиболѣе энергичнымъ бойцомъ за политическія права женщинъ. По настоянію этой организаціи, въ палату общинъ былъ дважды внесенъ билль объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Въ первый разъ при либеральномъ министерствѣ, въ 1892 году, билль былъ отвергнутъ большинствомъ 175 противъ 125 голосовъ. Во второй разъ, въ 1897 году, при консервативномъ министерствѣ, билль получилъ 230 голосовъ и прошелъ при второмъ чтеніи, но при третьемъ чтеніи онъ былъ отвергнутъ, благодаря разнымъ ухищреніямъ его противниковъ.

До 1899 года Women's Liberal Federation ставила на первомъ планѣ своей программы пунктъ о политическихъ правахъ. Этотъ пунктъ и послужилъ причиной выхода въ 1892 г. въ отставку жены Гладстона, которая считала это требованіе не главнымъ, а подчиненнымъ пунктомъ либеральной программы. Вмѣстѣ съ Гладстонъ выступило изъ этой организаціи много другихъ женщинъ, и былъ сформированъ новый женскій союзъ—Women's National Liberal Association, сдѣлавшійся наиболѣе вліятельной организаціей среди либеральныхъ женщинъ. Въ 1899 г. Liberal Federation на своемъ годичномъ собраніи рѣшила, что отказъ либеральнаго кандидата подписаться подъ требованіемъ политическихъ правъ для

женщинъ не долженъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы члены женской федераціи канвассировали не въ его пользу. Такимъ образомъ, былъ сдѣланъ шагъ къ соглашенію между либеральными организаціями женщинъ, что послужитъ къ усиленію ихъ вліянія. Само собою разумѣется, что во всѣхъ упомянутыхъ организаціяхъ участвуютъ лишь женщины болѣе или менѣе состоятельныя, имѣющія достаточно досуга и образованія, чтобы заниматься канвассированіемъ. И этотъ фактъ, что въ канвассированіи участвуютъ однѣ лишь богатыя лэди, и вводитъ въ заблужденіе консервативныхъ и либеральныхъ лидеровъ. Консервативныхъ богатыхъ лэди несравненно больше, чѣмъ либеральныхъ, и консервативные лидеры поэтому думаютъ, что распространеніе избирательныхъ правъ на женщинъ усилитъ консервативную партію; либеральные же лидеры возстаютъ противъ такого распространенія, опасаясь, что оно ослабитъ ихъ значеніе въ странѣ. Но обѣ стороны забываютъ про женщинъ низшихъ классовъ, составляющихъ большинство, которыя показали въ Новой Зеландіи и Южной Австраліи, на чьей сторонѣ онѣ стоятъ. Тамъ тоже консерваторы и клерикалы стояли за избирательныя права женщинъ, надѣясь выиграть отъ избирательной реформы. Дѣйствительность, однако, не замедлила разсѣять эти радужныя мечты. Выборы 1893, 1896 и 1899 г.г. въ Новой Зеландіи и 1894 и 1897 г.г. въ Южной Австраліи усили численность демократической партіи въ парламентѣ и упрочили положеніе радикальнаго министерства. Женщины высказались тамъ открыто противъ религіозныхъ школъ, противъ кабатчиковъ и пивоваровъ и т. п. Должно полагать, что таковы же будутъ результаты дарованія политическихъ правъ женщинамъ и въ Англіи [1]).

---

[1]) Уже въ прошломъ столѣтіи аристократическія лэди начали принимать по временамъ участіе въ выборахъ путемъ канвассированія. Въ знаменитыхъ выборахъ Вестминстерскаго округа въ 1784 г., гдѣ кандидатами выступили извѣстный вигъ Фоксъ и тори Рей, канвассированіе велось, главнымъ образомъ, красавицами-аристократками, и онѣ рѣшили побѣду. Въ началѣ борьбы, длившейся 6 недѣль, шансы Фокса были слабы, и тогда партія виговъ прибѣгала къ новому орудію. „Герцогиня Девонширская,—пишетъ очевидецъ этой борьбы,—спасла судьбу вождя виговъ. Успѣхъ ея канвассированія удивителенъ. Послѣ того, какъ всѣ избиратели Вестминстера подали свои голоса, единственная надежда осталась на предмѣстья. Герцогиня моментально приказала подать экипажъ и вмѣстѣ со своей сестрой принялась объѣзжать дома избирателей предмѣстьевъ. Уговоры, шутки, улыбки, комплименты,—все было пущено въ ходъ, чтобы склонить этихъ грубыхъ законодателей. И повсюду народу пришлось по вкусу канвассированіе этихъ аристократокъ и красавицъ. Избиратели галантно направились къ урнамъ, и Фоксъ, отставшій раньше отъ Рея на сто голосовъ, скоро очутился впереди его на цѣлую

Замѣтимъ, что въ Англіи женщины не всегда были лишены избирательныхъ правъ. Въ прежнія времена здѣсь признавался принципъ, что „тамъ, гдѣ существуетъ представительный образъ правленія, не пользоваться его выгодами, значитъ быть почти исключеннымъ изъ числа членовъ націи; одинъ только фактъ, что данный человѣкъ родился женщиной, не долженъ служить причиной лишенія его избирательныхъ правъ“ [1]).

До 1832 г., съ точки зрѣнія избирательнаго закона, было безразлично, является хозяиномъ недвижимой собственности мужчина или женщина: всякій владѣлецъ опредѣленнаго ценза имѣлъ избирательныя права. Всѣхъ избирателей числилось въ Англіи до Реформы 1832 г. — 500.000; около $^1/_7$ этого числа были женщины. Реформа увеличила число избирателей до 1 милліона, устранивъ женщинъ отъ пользованія правами, но сохранивъ за прежними женщинами-избирательницами ихъ права. Такимъ образомъ, число женщинъ-избирательницъ оставалось неизмѣннымъ вплоть до 1867 г. Въ этомъ году новая избирательная реформа увеличила число избирателей до 2 милліоновъ, но женщинъ совершенно исключила изъ списковъ избирателей. Во время дебатовъ въ парламентѣ по поводу билля о Реформѣ 1867 г. Джонъ Стюартъ Милль предложилъ замѣнить въ законѣ слово „man“ (мужчина) словомъ „person“ (особа) для того, чтобы женщины имѣли возможность пользоваться политическими правами. Но это предложеніе было отклонено палатой общинъ. Во время первыхъ всеобщихъ выборовъ, состоявшихся по новому избирательному закону, въ 1868 г., болѣе 5.000 женщинъ требовали въ одномъ Манчестерѣ внесенія ихъ въ избирательные списки. Тоже самое имѣло мѣсто во многихъ другихъ городахъ. Судъ отклонилъ эти требованія. Въ томъ же году были основаны въ Бирмингамѣ, Бристолѣ и во многихъ другихъ городахъ Women's Suffrage

---

сотню. Со стороны враждебнаго лагеря была сдѣлана попытка бороться противъ этого новаго способа веденія войны аналогичнымъ способомъ, и лэди Сольсбэри отправилась спасать погибающаго правительственнаго кандидата. Но попытка эта не привела ни къ чему: она была лишь подражаніемъ, да и было слишкомъ поздно. И сверхъ того, герцогинѣ было 26 лѣтъ, а лэди Сольсбэри—34 года!...“ (Joseph Grego: „History of Parliamentary Elections and Electioneer ng“. London. 1892, стр. 270—271). Вслѣдъ за герцогиней Девонширской отправились канвассировать и другія красавицы-аристократки обоихъ лагерей. Фоксъ одержалъ побѣду, и это была крайне важная побѣда того времени надъ королевской партіей. Фактъ, что герцогиня купила голосъ одного непреклоннаго мясника цѣною поцѣлуя, считается не подлежащимъ сомнѣнію“. (Ibid., стр. 272).

[1]) Helen Blackburn „Because“, 1888, стр. 8.

Societies (Общества борьбы за избирательныя права женщинъ).

Дизраэли, проведшій реформу 1867 г., лишившую женщинъ избирательныхъ правъ, высказался, однако, за годъ до того, въ пользу женщинъ. По этому, женщины не теряли надежды, и въ 1873 г. Дизраэли и Гладстону были представлены по этому поводу мемуары, подписанныя 11.000 женщинъ. Вотъ отвѣтъ Дизраэли:

„Я очень польщенъ мемуаромъ, врученнымъ мнѣ Вами и подписаннымъ 11.000 женщинъ, среди которыхъ есть нѣкоторыя знаменитыя имена. Въ мемуарѣ этомъ женщины благодарятъ меня за мои попытки уничтожить существующую аномалію, въ силу которой самостоятельныя домохозяйки могутъ быть избирательницами при выборахъ въ органы самоуправленія, но лишены избирательныхъ правъ при выборахъ въ парламентъ. Эта аномалія, по моему убѣжденію, вредитъ интересамъ страны, и я вѣрю, что она исчезнетъ по рѣшенію парламента“ [1]).

Но, хотя Дизраэли снова сдѣлался премьеромъ въ 1874 г., избирательныя права не были даны женщинамъ. Съ 1867 и до 1883 г. билли объ избирательныхъ правахъ женщинъ вносились въ парламентъ то Дж. Ст. Миллемъ, то Яковомъ Брайтомъ, Леонардомъ Кортней или Мэйсономъ, и билли эти встрѣчали значительную поддержку со стороны либераловъ, но консервативная партія ихъ аккуратно проваливала. Съ 1883 г.—со времени основанія Примрозъ-Лиги—роли мѣняются: консерваторы поддерживаютъ такіе билли, либералы ихъ проваливаютъ. Но кто бы ни былъ палачемъ этихъ биллей, фактъ остается тотъ, что женщины въ Англіи до сихъ поръ лишены избирательныхъ правъ въ парламентъ.

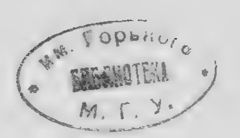
Иная была судьба правъ женщинъ для выборовъ въ органы мѣстнаго самоуправленія. Женщины пользовались этими правами до 1835 года; въ этомъ же году они у нихъ были отняты, хотя были сохранены еще тогда избирательныя права женщинъ при выборахъ въ парламентъ. Въ 1869 г. женщинамъ были возвращены избирательныя права въ мѣстномъ самоуправленіи, хотя права для выборовъ въ парламентъ тогда уже были отняты. И въ настоящее время женщины пользуются правами избирателей для органовъ мѣстнаго самоуправленія. Число такихъ избирательницъ для выборовъ въ Совѣты Графствъ (County Council) равнялось по регистру 1892 года—503.199 [2]).

---

[1]) Цит. въ книгѣ Helen Blackburn: „A Handbook for Women“. Bristol? 1895.

[2]) Ibid.

Джонъ Бернсъ.


им. Горького
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.

IX.

Борьба между Бернсомъ и Гартономъ.

Влажный, теплый осеннiй лондонскiй вечеръ. Широкiя торговыя улицы Бэттерси залиты яркими волнами свѣта электрическихъ фонарей и переполнены народомъ. Избирательная борьба въ полномъ разгарѣ. Каждый день и каждый вечеръ устраиваются партiей Бернса многочисленные митинги на улицахъ и въ закрытыхъ помѣщенiяхъ, и толпы народа неизмѣнно присутствуютъ на этихъ митингахъ. Попробовалъ и Гартонъ устраивать открытые митинги, но рабочiе не подались на его рѣчи. Они открыто обвинили его, при помощи ряда фактовъ, въ светерствѣ, и Гартону, не сумѣвшему опровергнуть этихъ фактовъ, пришлось отказаться отъ устройства митинговъ и ограничиться подпольнымъ канвассированiемъ. Всѣ кабаки Бэттерси, имѣющiеся почти на каждомъ углу торговыхъ улицъ округа, превратились въ операцiонные базисы для канвассированiя. Гартонъ - предсѣдатель союза пивоваровъ, и потому всѣ кабаки (принадлежащiе въ Лондонѣ почти всегда тому или другому крупному пивовару) предложили свои услуги Гартону. Законъ запрещаетъ опаивать избирателей даровыми напитками, но кто можетъ запретить кабатчикамъ, не Гартону, продавать публикѣ превосходное пиво и виски за ничтожную цѣну? Въ законѣ объ этомъ ничего не сказано, и народъ валитъ въ кабаки, чтобы воспользоваться исключительнымъ благопрiятнымъ случаемъ напиться. Законъ также не можетъ запретить тайнымъ агентамъ Гартона сидѣть въ этихъ кабакахъ и за кружкой добраго пива разглагольствовать о добродѣтеляхъ кандидата Гартона и осыпать клеветами „предателя Бернса, продавшаго свое отечество бурамъ“. Такимъ-то путемъ обходится законъ и производится кабачное канвассированiе въ пользу Гартона. Въ то же самое время по улицамъ разъѣзжаютъ роскошныя кареты съ разряженными лэди, Primrose Dames, ведущими канвассированiе въ домахъ избирателей. Всѣ пружины приведены въ дѣйствiе. Заборы, окна, стѣны и двери магазиновъ, лавокъ, кабаковъ и богатыхъ домовъ покрыты гигантскими афишами и картинами, возвеличивающими патрiотизмъ Гартона и издѣвающимися надъ Бернсомъ. „Vote for Garton“— таковъ кличъ всѣхъ богатыхъ улицъ и домовъ. Но почти въ каждомъ изъ скромныхъ рабочихъ домиковъ узкихъ пустынныхъ улицъ, утопающихъ въ желтомъ свѣтѣ газовыхъ фонарей, вывѣшена скромная афиша съ призывомъ:

„Vote for John Burns, the friend of the people!—Голосуй за Бернса, друга народа!“.

Митингъ Бернса назначенъ на 8 ч. вечера въ огромной залѣ городской думы, вмѣщающей нѣсколько тысячъ человѣкъ. Когда я подошелъ въ назначенное время къ зданію думы, оказалось, что уже къ $7^1/_2$ ч. зала была полнымъ-полна и доступъ въ нее прекращенъ. Но такъ какъ народъ все прибывалъ, то былъ устроенъ одновременно другой митингъ во второй, меньшей залѣ думы. Однако и этотъ залъ оказался скоро переполненнымъ, а народъ все еще прибывалъ. Пришлось, поэтому, нанять еще третью залу въ зданіи школы, находящейся въ одной изъ сосѣднихъ улицъ. Бернсъ долженъ былъ говорить на каждомъ изъ этихъ митинговъ. И пока онъ говорилъ въ одномъ мѣстѣ, его помощники, между которыми были Леонардъ Кортней, Каннингэмъ Грэмъ—извѣстный путешественникъ и соціалъ-демократъ—и другіе, говорили на другихъ митингахъ.

Я отправился вслѣдъ за Бернсомъ въ школьную залу. Она уже была биткомъ-набита. Составъ публики—люди низшихъ классовъ. Бернсъ началъ свою рѣчь, и сразу между нимъ и слушателями установилась невидимая духовная связь. Вы это чувствуете всѣми фибрами вашей души, какъ это чувствуетъ вотъ этотъ сморщенный старикъ-рабочій, механически двигающій губами, одобрительно трясущій головой и продѣлывающій безсознательно мускулами своего лица всѣ тѣ движенія, какія продѣлываетъ Бернсъ. Вы забываетесь, какъ забывается вотъ этотъ толстый мясникъ, котораго все болѣе громкое восторженное гоготанье мѣшаетъ Бернсу говорить и котораго Бернсъ каждый разъ осаждаетъ властнымъ, хотя и не обиднымъ окрикомъ „Keep quiet man!—Замолчи парень“!

Нужно слышать Джона Бернса, чтобы понять, какое обаяніе онъ имѣетъ на рабочихъ. Въ его маленькой фигурѣ, въ его преждевременно состарившемся лицѣ, густо обросшемъ совершенно сѣдою бородой, вы не увидите ничего замѣчательнаго; только мрачный взглядъ его сверкающихъ глазъ, глубоко сидящихъ подъ густыми черными нависшими бровями, обращаетъ на себя вниманіе. Но въ этомъ маленькомъ тѣлѣ обрѣтается великая мощь духа. Онъ говоритъ не академическими фразами, а простымъ народнымъ языкомъ; онъ не развиваетъ теоріи и не витаетъ въ абстракціяхъ, а разсказываетъ всѣмъ извѣстные факты повседневной жизни и выясняетъ практическіе пути борьбы съ этими фактами. Его голосъ наполняетъ всѣ уголки огромнаго зала.

Онъ говорилъ о войнѣ, о хищнической политикѣ импе-

ріализма, о народныхъ нуждахъ, о ложности утвержденія джинго, что „торговля слѣдуетъ за военнымъ флагомъ,— the trade follows the flag“. Я не стану передавать его рѣчи. Нельзя передать на бумагѣ страстныхъ, могучихъ звуковъ, нельзя изобразить перомъ энтузіазма, все болѣе овладѣвавшаго во время рѣчи и самимъ Бернсомъ, и всѣми слушателями.

Бернсъ кончилъ и отправился на другіе митинги, въ думу. Медленно и неохотно расходилась публика изъ школьнаго зданія. Разбуженная мысль жаждала общенія, — и многіе отправились въ думу. Но тамъ все было полно, ихъ не впустили, и они остались на улицѣ, раздѣлившись на группы. Въ каждой группѣ завязалась оживленная бесѣда.

* *
*

Баллотировка—четвертый актъ избирательной кампаніи; и этотъ актъ также требуетъ неослабной энергіи и бдительности со стороны кандидата и его агентовъ.

По конституціи, баллотировка производится отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Для удобства избирателей и въ виду обширности избирательныхъ округовъ, каждый округъ разбивается на нѣсколько кварталовъ, и въ каждомъ кварталѣ устраивается особый баллотировочный пунктъ. Такимъ образомъ, баллотировка производится въ нѣсколькихъ пунктахъ одновременно, и если бы она имѣла мѣсто въ воскресный или праздничный день, то всякій могъ бы вотировать безъ затрудненій. Но въ Англіи баллотировка назначается на будній день, и это мѣшаетъ извѣстному числу рабочихъ подать свой голосъ. Большинство лондонскаго рабочаго населенія работаетъ не въ томъ округѣ, гдѣ живетъ, а въ какомъ-нибудь другомъ, часто за десять и болѣе верстъ. Ѣхать на работу приходится такъ называемыми „дешевыми рабочими поѣздами“, идущими только между 5 и 7 часами утра.

Такимъ образомъ, рабочій покидаетъ свой округъ прежде чѣмъ начинается баллотировка. Возвращается онъ, если не работаетъ сверхъ-урочныхъ часовъ, между 6—7 часами вечера, усталый и голодный. Онъ снимаетъ свое рабочее платье, смываетъ осѣвшую на немъ во время работы грязь, садится со своей семьей за сытный ужинъ, — обѣдаетъ онъ всегда налегкѣ, чѣмъ попало, — закуриваетъ по окончаніи ужина трубку и за нѣсколько минутъ до 8 часовъ отправляется въ ближайшій баллотировочный пунктъ. Но такъ какъ рабочіе, работающіе на сторонѣ, поступаютъ такимъ же точно образомъ, то въ баллотировочномъ пунктѣ происхо-

дитъ давка, и часть рабочихъ не успѣваетъ баллотировать, лишь только часы бьютъ 8, голосованіе прекращается, баллотировочный ящикъ запечатывается и уносится въ думу. Такимъ образомъ, не только рабочіе, исполняющіе сверхъурочную работу, лишаются возможности подать свой голосъ, но и часть рабочихъ, вернувшихся домой во-время, не успѣваетъ воспользоваться своимъ бюллетенемъ. Для предупрежденія этой нежелательной потери голосовъ, агентамъ и добровольнымъ помощникамъ кандидата,—въ особенности рабочаго кандидата,—приходится цѣлый день шнырять по округу, побуждать избирателей вотировать возможно раньше, подвозить къ баллотировочному пункту тѣхъ изъ нихъ, которые не могутъ успѣть явиться во-время пѣшкомъ, и вообще неусыпно слѣдить за правильнымъ теченіемъ баллотировочнаго процесса.

День баллотировки является рѣшающимъ днемъ избирательной борьбы; въ этотъ день колебавшійся раньше избиратель долженъ, наконецъ, склониться на ту или другую сторону, и потоку напряженность избирательной агитаціи въ этотъ день достигаетъ своей кульминаціонной точки. Говорить рѣчи, устраивать митинги теперь уже поздно. Чтобы повліять на колеблющагося избирателя, необходимо насытить электричествомъ энтузіазма всю атмосферу округа, въ особенности атмосферу тѣхъ улицъ, по которымъ долженъ пройти колеблющійся избиратель, гдѣ находятся баллотировочные пункты.

Въ Бэттерси оживленіе началось съ ранняго утра и съ каждымъ часомъ все усиливалось. Къ шести часамъ вечера, когда рабочіе начали возвращаться со своихъ фабрикъ и мастерскихъ, всѣ главныя улицы Бэттерси превратились въ сплошное, залитое яркимъ свѣтомъ, бушующее море человѣческихъ тѣлъ, экипажей, невообразимо дикихъ звуковъ. Кареты съ вылощенными господами въ цилиндрахъ и съ афишами—„Vote for Garton“, коляски и автомобили съ примрозъдамами въ нихъ, убогія телѣжки, разукрашенныя флажками съ надписью—„Vote for Burns„—и гигантскіе фургоны черныхъ угольщиковъ, выкрикивающихъ этотъ же призывъ, велосипедисты и величественные городовые на прекрасныхъ лошадяхъ,—все это двигалось взадъ и впередъ, съ трудомъ прочищая себѣ дорогу сквозь массы народа, запрудившаго улицы, гдѣ находились баллотировочные пункты. „У-лю-лю-гу-гу!“—раздается зловѣщее гиканье толпы, когда проѣзжаетъ экипажъ партіи Гартона. „Ура-а-а!“—привѣтствуетъ та же толпа повозки Бернса.

Улица цѣликомъ принадлежитъ Бернсу. Приверженцы

Гартона, если они и имѣлись въ толпѣ, не рѣшались высказывать открыто своихъ симпатій. Только на опушкахъ толпы попадались жидкія группы мальчишекъ и дѣвочекъ, манифестировавшихъ въ пользу Гартона. Диссонансъ, производимый ими, совершенно теряется въ восторженномъ энтузіазмѣ приверженцевъ Бернса. Сотни фабричныхъ дѣвушекъ, возвращающихся съ работы, носятъ на своихъ шляпкахъ его портретъ. Арміи ребятишекъ обоего пола, подражая своимъ взрослымъ братьямъ и сестрамъ, наполняютъ воздухъ радостными криками въ честь Джона. Но густая масса рабочихъ, столпившихся передъ домомъ, гдѣ происходитъ баллотировка, хранитъ сдержанное молчанье. Напряженнымъ взоромъ слѣдятъ они за лицами входящихъ въ калитку и выходящихъ избирателей, стараясь отгадать, въ чью сторону они отдаютъ свой голосъ. Молодой, здоровенный парень расхаживаетъ взадъ и впередъ по тротуару и выкрикиваетъ импровизацію голосомъ, страшно осипшимъ отъ долгой повидимому, натуги:

„Stick to John
And John will stick to you
Like glue“ [1]).

По обѣ стороны калитки стоятъ агенты кандидатовъ. Избиратели то гуськомъ, то въ одиночку входятъ въ нее и выходятъ.

„Garton the sweater!“—кричитъ въ упоръ каждому входящему стоящій у калитки приверженецъ Джона.—Гартонъ—светеръ, эксплуататоръ; платитъ рабочимъ голодную плату! Гартонъ—светеръ!

Агентъ Гартона ничего не выкрикиваетъ, но смотритъ на избирателя инквизиторскимъ взглядомъ.

— Гартонъ знаетъ, что никого убѣдить онъ не сумѣетъ,— поясняетъ мнѣ одинъ изъ зрителей.—Онъ поставилъ агента лишь для того, чтобы тотъ выслѣживалъ, не сносятся ли его собственные рабочіе съ агентами Бернса.

Вотъ подкатила шикарная коляска, и изъ нея вышелъ гладкій джентльменъ съ лоснящимся лицомъ подъ лоснящимся цилиндромъ. Увѣренной походкой направляется онъ во дворъ баллотировочнаго пункта и стойко выдерживаетъ пущенный на него яростный окрикъ: „Garton—светеръ!“ Въ комнатѣ, куда онъ вошелъ за длиннымъ столомъ сидитъ представитель муниципалитета. По обѣ стороны отъ него делегаты отъ кандидатовъ, зорко слѣдящіе за тѣмъ, чтобы

---

[1]) „Держись Джона, и Джонъ будетъ держаться васъ, какъ приклеенный“.

не дѣлалось никакихъ злоупотребленій. Въ рукахъ представителя муниципалитета шнуровая книга, въ которую подъ номерами занесены избиратели.

— Ваше имя, фамилія, адресъ?—спрашиваетъ онъ у избирателя. Получивъ отвѣтъ, онъ отыскиваетъ въ книгѣ номеръ бюллетеня избирателя. Бюллетень зашнурованъ и пропунктированъ въ серединѣ. На одной половинѣ его напечатаны номеръ, имя, фамилія и адресъ избирателя, на другой—только его номеръ и имена кандидатовъ. Вторая половина бюллетеня отрывается и дается избирателю. Послѣдній удаляется за перегородку, гдѣ находится избирательный ящикъ, ставитъ на бюллетенѣ крестъ противъ имени избраннаго кандидата, опускаетъ этотъ бюллетень въ отверстіе избирательнаго ящика и уходитъ.

А на улицѣ, между тѣмъ, толпа все растетъ, и экипажи, и повозки кандидатовъ мчатся въ все большемъ количествѣ въ поискахъ за запоздавшими избирателями. Внезапно шумъ толпы превратился въ одинъ восторженный гулъ, и народъ, предводительствуемый всезнающими мальчишками, хлынулъ широкой неудержимой волной въ глубь улицы. Я послѣдовалъ за другими и увидѣлъ впереди толпы па велосипедѣ сѣдого Джона Бернса. Онъ объѣзжалъ свои „комитеты“, собирая справки касательно хода баллотировки. У ближняго комитета онъ сошелъ съ велосипеда. Густая толпа моментально окружила его. Мальчишки, взрослые принялись гладить его ноги, спину, жать руки, обмѣниваться привѣтствіями. Не знаю, что чувствовалъ въ эту минуту Бернсъ, но я не видалъ въ своей жизни болѣе трогательной сцены.

Бьетъ 8 часовъ. Всѣ избирательные пункты немедленно закрываются. Избирательные ящики запечатываются и уносятся въ мѣстную думу. Тамъ уже ждетъ спеціальный чиновникъ муниципалитета, и въ присутствіи его и опять-таки уполномоченныхъ отъ кандидатовъ, ящики вскрываются, и начинается подсчетъ голосовъ. Подсчетъ этотъ длится долго, такъ какъ уполномоченные отъ кандидатовъ стараются каждый забраковать возможно большее число непріятельскихъ бюллетеней. Всякое отступленіе отъ требуемой закономъ формы—крестъ, поставленный не на мѣстѣ, какой-нибудь лишній значокъ или надпись, сдѣланная избирателемъ,—достаточно, чтобы лишить бюллетень силы. Когда подсчетъ будетъ сдѣланъ и имя побѣдившаго кандидата будетъ объявлено, протестовать противъ нарушеній формы будетъ уже поздно. По окончаніи выборовъ побѣжденный кандидатъ можетъ опротестовать ихъ на основаніи лишь матерьяльнаго нарушенія закона, если, напр., онъ убѣдился, что подавали

голосъ люди, не имѣющіе на это права. Въ этомъ случаѣ онъ подаетъ „петицію", прося о провѣркѣ бюллетеней. Судебная комиссія производитъ эту провѣрку, отыскивая по номерамъ бюллетеней имена лицъ, занесенныхъ въ упомянутой выше шнуровой книгѣ, и провѣряетъ избирательныя права этихъ лицъ. Но для „петиціи" приходится израсходовать новый десятокъ тысячъ рублей.

Между тѣмъ на улицѣ передъ зданіемъ думы толпился народъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи результата. Къ полуночи внезапно одно изъ оконъ открылось и кто-то прокричалъ: „Джонъ выбранъ!" Безумный восторгъ всколыхнулъ всю толпу.—„Jack! Come on! Джекъ! Сюда!"—вырвались призывные клики изъ тысячи глотокъ. Бернсъ показался въ окнѣ и началъ что-то говорить. Но толпа его не слушала. Она слишкомъ истомилась отъ напряженія и сомнѣній послѣднихъ дней, и ей нужно было дать волю охватившему ее чувству, нужно было осязать своего любимца. Бернсъ повернулся, чтобы спуститься внизъ.

— Не ходите! Они васъ искалѣчатъ!—останавливали его джентльмены думы. И дѣйствительно, случаи гибели любимыхъ кандидатовъ при аналогичныхъ условіяхъ бывали.

Но Бернсъ не боится толпы. Да и онъ самъ чувствуетъ неодолимую потребность позабыть на мигъ все и слиться съ толпой въ одномъ безумномъ ликованіи. Черезъ минуту Бернсъ былъ въ толпѣ. Множество рукъ подхватило его, подняло, и онъ поплылъ въ воздухѣ надъ головами массы переходя изъ рукъ въ руки. Какой-то матросъ содралъ съ него шляпу и надѣлъ ему на голову свою матросскую шапку. Нѣсколько здоровенныхъ резервныхъ солдатъ овладѣли имъ безраздѣльно и понесли по улицамъ, окруженные ликующей толпой...

X.

Результаты выборовъ.

Выборы дали слѣдующіе результаты: консерваторовъ было выбрано—401 (въ томъ числѣ 67 либералъ-юніонистовъ), членовъ оппозиціи—269 (въ томъ числѣ 174 либерала, 13 рабочихъ депутатовъ и 82 ирландскихъ націоналиста). Такимъ образомъ, правительственное большинство равнялось 132. Эта цифра на 20 голосовъ меньше правительственнаго большинства, полученнаго во время предыдущихъ выборовъ 1895 года, но она все-таки на 2 голоса больше числа голосовъ, которыми правительство располагало наканунѣ только-

что закончившихся выборовъ. Такъ какъ этотъ выигрышъ 2 голосовъ означаетъ переходъ лишь одного мѣста изъ рукъ оппозиціи въ руки консерваторовъ, то можно сказать, что фактически взаимное отношеніе обѣихъ партій въ палатѣ общинъ осталось послѣ выборовъ такимъ же, какимъ оно было до выборовъ, что народная воля сохранила за обѣими партіями ихъ старыя позиціи. Болѣе внимательный анализъ сравнительныхъ чиселъ данныхъ голосовъ и полученныхъ мѣстъ за послѣднія 15—20 лѣтъ покажетъ намъ, однако, что подъ кажущейся внѣшней неподвижностью партійныхъ силъ совершаются въ дѣйствительности важныя перемѣны.

За послѣднюю четверть вѣка выборы дали слѣдующіе результаты:

Въ 1874 г.	консерваторы (съ Биконсфильдомъ во главѣ) получили	352	мѣста.
„	либералы (съ Гладстономъ) . . .	300	„
	Консервативное большинство . .	**52**	
Въ 1880 г.	либералы (съ Гладстономъ) . . .	414	„
„	консерваторы (съ Биконсфильдомъ).	238	„
	Либеральное большинство. . . .	**176**	
Въ 1885 г.	либералы (съ Гладстономъ) . . .	334	„
„	консерваторы (съ Сольсбэри) . .	250	„
„	націоналисты (съ Парнеллемъ) .	86	„
	Либеральное большинство (считая націоналистовъ)	**170**	

Но такъ какъ отъ ирландцевъ зависѣла судьба кабинета, то послѣдній не могъ долго держаться, и въ 1886 г. парламентъ былъ распущенъ.

Въ 1886 г.	консерваторы (съ Сольсбэри во главѣ) получили	316	мѣстъ.
„	либералъ-юніонисты	78	„
„	либералы (съ Гладстономъ) . .	191	„
„	націоналисты	85	„
	Консервативное больш. (включая либералъ-юніонистовъ)	**118**	„
Въ 1892 г.	либералы (съ Гладстономъ) . . .	274	„
„	націоналисты.	81	„
„	консерваторы (вмѣстѣ съ либералъ-юніонистами).	315	„
	Либеральное большинство (включая націоналистовъ)	**40**	

Въ 1895 г.	консерваторы получили	411	мѣстъ.
„	либералы.	177	„
„	націоналисты.	82	„
	Консервативное большинство . .	**152**	
Въ 1900 г.	консерваторы (включая либ.-юніон.)	401	„
„	либералы (включая 13 рабочихъ представителей)	187	„
„	націоналисты	82	„
	Консервативное большинство . .	**132**	

Эти данныя указываютъ, съ одной стороны, на замѣчательную устойчивость политическихъ убѣжденій народа Ирландіи и, съ другой, на необычайное непостоянство избирателей Великобританіи. Оставляя на время Ирландію въ сторонѣ, займемся внимательнѣе статистическими показаніями Великобританіи.

Уже изъ приведенныхъ данныхъ можно усмотрѣть, что, несмотря на вообще крайне широкій размахъ колебаній маятника избирательной урны, положеніе консервативной партіи въ Великобританіи гораздо прочнѣе, чѣмъ положеніе либеральной. Въ то время, какъ число мѣстъ консервативной партіи [1]) за послѣднюю четверть вѣка ни разу не спускалось ниже 238 и дважды перешагнуло за 400, число мѣстъ либераловъ трижды спускалось ниже 200 и только одинъ разъ перешагнуло за 400. Сверхъ того, если мы ограничимся пятнадцатью послѣдними годами, мы убѣдимся, что консервативная партія все болѣе упрочивается въ странѣ, а либеральная, наоборотъ, все болѣе теряетъ почву подъ ногами. За четыре выбора этого періода консерваторамъ досталось 394, 315, 411 и 401 мѣсто, либераламъ же—191, 274, 177 и 187 мѣстъ. Но и эти цифры далеко не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей. За послѣднія нѣсколько лѣтъ въ либеральномъ лагерѣ зародились и все болѣе усиливаются имперіалистскія и джингоистскія тенденціи. Это теченіе, наконецъ, оформилось въ новую „либералъ-имперьялистскую" партію (Liberal-Imperial League), относящуюся съ открытой враждебностью къ либераламъ покроя Гаркорта, Морлея, Лабушера и даже Кампбелль-Баннермана. По своей программѣ либералъ-имперьялисты ничѣмъ не отличаются отъ либералъ-юніонистовъ, которые, въ свою очередь

[1]) Въ своихъ расчетахъ я отождествлялъ либералъ-юніонистовъ съ консерваторами, такъ какъ между ними нѣтъ никакой разницы въ программахъ.

ничѣмъ не отличаются отъ консерваторовъ, и если они пока еще не отдѣлились отъ либеральной партіи, то лишь изъ расчета, а не вслѣдствіе принципіальныхъ соображеній. Присоединившись къ министерской партіи, они бы затерялись тамъ вслѣдствіе многочисленности консерваторовъ; оставаясь же въ либеральномъ лагерѣ, они могутъ расчитывать на значительное вліяніе въ этомъ обезсиленномъ лагерѣ. Сколько имѣется теперь въ палатѣ общинъ либералъ-имперьялистовъ? На этотъ вопросъ пока трудно отвѣтить. Въ манифестѣ исполнительнаго совѣта этой партіи заявляется, что изъ числа выставленныхъ ею кандидатовъ оказалось выбранными 81 чел. Наоборотъ, крайняя лѣвая либеральной партіи третируетъ либералъ-имперьялистовъ, какъ quantite negligeable. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что изъ оффиціальныхъ лидеровъ либеральной партіи Эдуардъ Грэй, Генри Фоулеръ, Халдейнъ и Перксъ принадлежатъ къ либералъ-имперьялистамъ, и насчитываютъ-ли послѣдніе въ своихъ рядахъ 8 десятковъ членовъ или же только 3—4 десятка, они во всякомъ случаѣ висятъ мельничнымъ жерновомъ на шеѣ либеральной партіи и парализуютъ силу оппозиціи.

XI.

Либеральная и юніонистская партія.

Ознакомившись съ относительной силой обѣихъ партій въ палатѣ общинъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію силы этихъ партій въ самой странѣ, т. е. къ статистикѣ поданныхъ за каждую партію голосовъ. Статистика голосовъ яснѣе, чѣмъ статистика полученныхъ мѣстъ, отражаетъ политическую физіономію страны, такъ какъ только въ статистикѣ голосовъ можно наблюдать нивеллирующее дѣйствіе закона большихъ чиселъ, стирающаго случайности. Въ статистикѣ же мѣстъ, имѣющій дѣло лишь съ небольшими числами, случайности играютъ значительную роль и потому легко вводятъ въ заблужденіе. Такъ, въ Германіи соціалъ-демократы имѣютъ 81 мѣсто въ рейхстагѣ, т. е. около одной пятой общаго числа депутатовъ (=397), голосовъ же они получили на выборахъ 3.025.103, т. е. около $^2/_5$ общаго числа поданныхъ голосовъ (9.489.000); наоборотъ, клерикалы (т. е. центръ) собрали всего 1.853.707 голосовъ, мѣстъ же имъ досталось 102, т. е. на 21 болѣе, чѣмъ соціалъ-демократамъ. Аналогичное явленіе наблюдается въ Бельгіи и

другихъ парламентскихъ странахъ. Это несоотвѣтствіе между волей избирателей и численной силой партій въ парламентѣ обусловливаются отчасти неравенствомъ избирательныхъ округовъ, но, главнымъ образомъ, основнымъ дефектомъ господства большинства, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что при выборахъ большинство въ одинъ голосъ считается равносильнымъ большинству во много тысячъ голосовъ и, съ другой стороны, многотысячное меньшинство считается равносильнымъ нулю. Устранить этотъ дефектъ можно лишь установленіемъ пропорціональнаго представительства, т. е. распредѣленіемъ депутатскихъ мѣстъ между партіями пропорціонально общему числу голосовъ, полученному каждой партіей во всей странѣ.

Если мы предположимъ теперь, что въ какой-либо странѣ симпатіи избирателей распредѣляются приблизительно поровну между двумя политическими партіями, мы увидимъ, что въ такой странѣ, какъ бы ни были устойчивы политическія воззрѣнія населенія, распредѣленіе парламентскихъ мѣстъ между обѣими партіями будетъ отличаться крайней неустойчивостью и зависѣть, главнымъ образомъ, отъ случайностей даннаго момента.

Такой именно страной является Великобританія. Каждый ребенокъ въ Англіи,—замѣтилъ одинъ изъ англійскихъ публицистовъ,—рождается или маленькимъ консерваторомъ, или маленькимъ либераломъ. На каждые пять англичанъ (оставляя въ сторонѣ Ирландію) двое обязательно либералы, двое—консерваторы и, наконецъ, пятый—величина неизвѣстная, отъ рѣшенія которой и зависитъ вопросъ о томъ, какое правительство будетъ стоять во главѣ Великобританіи. Голоса этихъ-то пятыхъ людей въ третьей четверти прошлаго вѣка высказались, по большей части въ пользу либераловъ, въ послѣдней же четверти они все съ большимъ и большимъ единодушіемъ переходятъ на сторону консерваторовъ. Трижды удавалось Гладстону перетянуть пятаго человѣка на свою сторону: въ 1880 г.—при помощи выставленной имъ программы—three acres and a cow, т. е. обѣщанія дать каждому желающему осѣсть на землю 3 акра земли и корову; въ 1885 г.—благодаря проведенной имъ передъ тѣмъ избирательной реформѣ, расширившей число избирателей на цѣлыхъ два милліона, а также и благодаря обѣщанію другихъ радикальныхъ реформъ; наконецъ, въ 1892 г., благодаря обѣщанію цѣлаго ряда еще болѣе радикальныхъ реформъ. Но изъ числа этихъ трехъ побѣдъ послѣднія двѣ оказались весьма эфемерными. Мы видѣли раньше, что, вслѣдствіе особенностей англійской конституціи, быть членами парла-

мента могутъ лишь люди очень богатые, но классъ богачей не любитъ радикальныхъ реформъ. Правительство Гладстона 1885 г. просуществовало лишь нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ значительная часть его партіи (либералъ-юніонисты) отдѣлилась и присоединилась къ консерваторамъ. Точно также либеральное министерство 1892 г. провалилось за 4 года до истеченія нормальнаго семилѣтняго срока правленія,— и на этотъ разъ тоже вслѣдствіе раскола, возникшаго въ рядахъ либеральныхъ членовъ парламента. Исторія англійскаго парламента послѣднихъ 10—15 лѣтъ есть исторія перехода богатыхъ людей изъ либеральнаго лагеря въ консервативный. Благодаря этому, касса либеральной партіи все болѣе пустѣетъ, все меньше становится число кандидатовъ, готовыхъ потратить нѣсколько тысячъ на избирательную агитацію, а центральная организація партіи не имѣетъ денегъ, чтобы помочь лицамъ, имѣющимъ шансы на успѣхъ, но лишеннымъ средствъ, на уплату расходовъ по выборамъ. Въ 1892 г. въ Англіи въ 26 избирательныхъ округахъ либералы не выставили кандидатовъ, предоставивъ, такимъ образомъ, эти округа въ безспорное владѣніе консерваторовъ; юніонисты же оставили неоспоримыми лишь 12 либеральныхъ кандидатуръ. Въ 1895 г. неоспоренныхъ консервативныхъ кандидатуръ въ Англіи было уже 105, либеральныхъ же только 10 (сверхъ того, въ Шотландіи было первыхъ 4, вторыхъ—1). Наконецъ, на послѣднихъ выборахъ 1900 г.—число неоспоренныхъ консервативныхъ кандидатуръ возросло до 143, число же либеральныхъ до 22. Включая Ирландію, гдѣ осталось неоспоренными 20 консервативныхъ и 59 націоналистскихъ округовъ, общее число неоспоренныхъ мѣстъ достигло 244, т. е. болѣе $^1/_3$ общаго числа мѣстъ палаты депутатовъ; иными словами, благодаря путамъ, налагаемымъ англійской конституціей на неимущіе классы, болѣе трети общаго числа избирателей не имѣетъ возможности вотировать на выборахъ.

На выборахъ 1892 г. партія Гладстона получила приблизительно на 200.000 голосовъ больше, чѣмъ юніонисты. Въ 1895 г. большинство голосовъ въ оспоренныхъ округахъ все еще досталось либераламъ, но было уже низведено до 66 тыс.; если же взять въ расчетъ неоспоренные округа, то получится значительное большинство въ пользу консерваторовъ. Наконецъ, въ 1900 г. большинство голосовъ въ оспоренныхъ округахъ, даже не считая неоспоренныхъ, досталось консерваторамъ. Оно достигло 43.734.

Разсмотримъ статистику голосовъ послѣднихъ двухъ выборовъ. Такъ какъ число неоспоренныхъ округовъ было въ обоихъ случаяхъ весьма значительно, то мы должны ихъ

принять въ расчетъ. Слѣдуя примѣру газеты „Daily News“, мы будемъ руководствоваться слѣдующимъ методомъ. Въ оспоренныхъ округахъ число поданныхъ голосовъ равнялось 75% всего числа зарегистрованныхъ избирателей. Мы, поэтому, будемъ предполагать, что и въ неоспоренныхъ округахъ такой же процентъ избирателей готовъ былъ явиться къ избирательнымъ урнамъ. Мы предположимъ, сверхъ того, что изъ этихъ 75% избирателей двѣ трети голосовъ было бы подано за кандидата той партіи, которая такого выставила и $^1/_3$ за партію, не выставившую кандидата. И мы ограничимся одной Великобританіей, оставивъ Ирландію въ сторонѣ, въ виду рѣзкаго отличія мотивовъ ея политической жизни. Мы получимъ тогда слѣдующую таблицу:

Было подано голосовъ на выборахъ—

	за консерваторовъ:		за оппозицiон. кандидат.:	
	Въ 1895 г.	Въ 1900 г.	Въ 1895 г.	Въ 1900 г.
Въ Лондонѣ . . .	249.218	263.622	166.273	167.453
„ остальн. англійскихъ городахъ.	614.054	681.523	534.751	542.597
„ англійскихъ деревняхъ. . . .	1.136.688	1.174.527	947.333	940.059
Всего въ Англіи. .	1.999.960	2,119.672	1.648.357	1.650.109
Въ Шотландіи . .	235.567	257.909	246.408	254.878
„ Уэльсѣ	93.940	88.354	124.295	144.077
Всего въ Великобританіи . . .	2.329.467	2.465.935	2.019.060	2.049.064
Увелич. за 5 лѣтъ	—	136.468	—	30.004
Консерватив. большинство. . . .	310.407	416.871	—	—

Статистика голосовъ, какъ мы видимъ, вноситъ поправку въ тѣ выводы, къ какимъ мы выше пришли на основаніи статистики мѣстъ. Неустойчивость политическаго міросозерцанія англійскихъ избирателей оказывается лишь видимою, а не дѣйствительною. Широкій размахъ колебаній въ числахъ полученныхъ каждой партіей мѣстъ, обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ дефектомъ „господства большинства“, о которомъ мы говорили выше. Переходъ 2—3 сотенъ тысячъ избирателей въ другой лагерь уменьшаетъ вдвое число полученныхъ мѣстъ одной партіи и увеличиваетъ вдвое силы другой партіи въ парламентѣ. Въ 1892 г. газета „Times“ послала спеціальнаго комиссара для изслѣдованія въ странѣ положенія дѣлъ. Оказалось, что только прибли-

зительно въ 100 округахъ вопросъ, кому достанется мѣсто, теменъ, и въ этихъ округахъ вопросъ этотъ зависитъ отъ рѣшенія всего лишь нѣсколькихъ сотенъ избирателей.

Мы видимъ изъ статистики голосовъ, что политическія воззрѣнія англійскихъ избирателей отличаются, наоборотъ, удивительной устойчивостью. Не смотря на еще не умолкшій грохотъ войны, несмотря на всѣ усилія Чемберлэна и консервативныхъ лидеровъ раздуть джингоистскіе инстинкты массъ, несмотря на крайнюю деморализацію либеральной партіи въ парламентѣ, на расколъ и непремѣримыя разногласія среди ея лидеровъ, число поданныхъ за либеральныхъ кандидатовъ голосовъ не только не упало, но даже слегка поднялось за послѣднія пять лѣтъ. Но мы видимъ, съ другой стороны, что число поданныхъ за консерваторовъ голосовъ увеличилось за этотъ же періодъ несравненно сильнѣе. Благодаря приросту населенія, общее число вотировавшихъ избирателей поднялось за эти пять лѣтъ на 166.472; изъ этого прироста только 30 тысячъ подало голосъ за либераловъ, остальныя 136 тысячъ присоединились къ консерваторамъ, иначе говоря, около 18% прироста сдѣлалось либералами, и цѣлыхъ 82%—консерваторами. Такимъ образомъ, не только „пятый человѣкъ" со все большимъ единодушіемъ переходитъ въ лагерь консерваторовъ, но что важнѣе, подростающее поколѣніе направляется въ ту же сторону. Вышеприведенная таблица показываетъ намъ, что ²/₃ прироста либеральныхъ голосовъ приходится на Уэльсъ, страну углекоповъ, сохранившую свой старый кельтскій языкъ и свои старыя традиціи религіозной независимости, гротивныя господствующей англиканской церкви. Во всѣхъ остальныхъ областяхъ либерализмъ застылъ. Въ деревенскихъ областяхъ Англіи онъ даже сдѣлалъ шагъ назадъ, въ городахъ—въ особенности въ Лондонѣ—онъ стоитъ почти на одномъ и томъ же мѣстѣ. Абсолютныя цифры показываютъ, что либерализмъ сохраняетъ свои старыя позиціи въ населеніи Великобританіи, но относительныя цифры,—а парламентскія побѣды опредѣляются именно ими,—указываютъ на усиливающееся преобладаніе консерватизма. Послѣдній значительно усилился въ деревенскихъ округахъ, но наибольшій прогрессъ онъ сдѣлалъ среди городского населенія. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ населеніе континентальныхъ столицъ является авангардомъ прогрессивныхъ армій, Лондонъ — величайшая столица міра — дѣлается все болѣе твердыней консерватизма.

Газета „Daily News",—главный органъ либераловъ,—анализируя статистику голосовъ, отмѣчаетъ съ большимъ безпри-

страстіемъ этотъ застой либерализма. „Непріятный выводъ, ясно вытекающій изъ статистики голосовъ, таковъ: либеральная партія теряетъ свое вліяніе среди молодыхъ людей. Наиболѣе характерная черта послѣднихъ выборовъ — это ростъ консервативныхъ голосовъ, и этотъ ростъ наиболѣе значителенъ въ тѣхъ округахъ, которые нѣкогда были главными источниками силы либерализма. Единственнымъ исключеніемъ является Уэльсъ, гдѣ религіозный вопросъ играетъ всегда роль наборщика рекрутовъ для партіи стоящей за религіозную свободу. Но повсюду въ другихъ мѣстахъ—въ Шотландіи, въ городахъ Англіи и даже, хотя въ меньшей степени, въ деревенскихъ округахъ—либерализмъ почти не двигается впередъ, а консерватизмъ быстро пріобрѣтаетъ новыхъ приверженцевъ... Число либеральныхъ голосовъ осталось почти тѣмъ же; наоборотъ, консерваторы увеличили свое большинство надъ либералами болѣе, чѣмъ на сто тысячъ. Считать „каки“ отвѣтственнымъ за все это—нельзя. Ростъ консерватизма былъ почти непрерывенъ съ 1885 года. Отпаденіе отъ либераловъ юніонистской секціи въ 1886 году усилило и упрочило консерватизмъ, но ростъ послѣдняго, особенно въ городахъ, начался еще раньше, чѣмъ Гладстонъ отдался дѣлу гомъ-руля. Либерализмъ не двигается назадъ, но консерватизмъ двигается впередъ. По мѣрѣ роста числа избирателей ростутъ голоса консервативной партіи. Языкъ цифръ ясенъ. Что же онѣ показываютъ? Значитъ-ли это, что либеральная партія, — партія, которая прежде всего должна итти за вѣкомъ и приспособляться къ новымъ условіямъ,—потеряла соприкосновеніе съ духомъ новаго времени и, такимъ образомъ, не въ силахъ болѣе дѣйствовать на воображеніе націи?“ [1]).

Этотъ вопросъ сдѣлается яснѣе, если мы станемъ отличать либеральную партію въ парламентѣ, то есть тѣхъ богачей, которые нашли выгоднымъ для себя „помѣстить“ часть своего капитала въ выборную агитацію, отъ либеральной или, вѣрнѣе, прогрессивной партіи массъ, цѣпляющихся до сихъ поръ за либеральное знамя этихъ магнатовъ, несмотря на то, что послѣдніе причинили имъ столько горькихъ разочарованій. Магнаты раньше, пока имъ это было выгодно, дѣйствительно оказывали крупныя услуги дѣлу прогресса, но теперь либерализмъ пересталъ быть для нихъ выгоднымъ, и потому въ настоящее время они прикрываются либеральнымъ знаменемъ лишь какъ фиговымъ листкомъ, чтобы скрыть свою принципіальную наготу. Но для рядовыхъ ли-

---

[1]) „Daily News“, 19 октября 1900 г.

беральной партіи знамя прогресса осталось по-прежнему близкимъ и дорогимъ, потому что оно есть символъ улучшенія всѣхъ условій ихъ жизни. И, такимъ образомъ, между этими двумя элементами прежней либеральной партіи

„Порвалась цѣпь великая,
Порвалась и ударила
Однимъ концамъ по барину,
Другимъ по мужику...“

И этой цѣпи парламентскому барину связать болѣе не удастся. Вѣра съ трудомъ поддается элементамъ разрушенія, но разъ поддавшись, она исчезаетъ безвозвратно. Возбудить энтузіазмъ націи сумѣютъ только такіе вожди, какъ Бернсъ [1], только люди, вышедшіе изъ рядовъ народа и сохранившіе общіе съ нимъ интересы. Но этимъ людямъ входъ въ парламентъ преграждаютъ конституціонныя препятствія, о которыхъ я говорилъ выше. Устранить эти препятствія и составляетъ ближайшую задачу для передовыхъ людей Англіи.

XII.

Въ палатѣ общинъ.

Мы до сихъ поръ знакомились съ политической жизнью Англіи внѣ стѣнъ парламента. Заглянемъ же теперь въ парламентъ.

Всякій, кто посѣтилъ Лондонъ видѣлъ, конечно, огромное, великолѣпное зданіе Вестминстерскаго дворца, расположеннаго у самаго берега древней мутной Темзы. Въ этомъ готическомъ зданіи рядъ корридоровъ необъятныхъ размѣровъ ведетъ къ сравнительно небольшой и уютной залѣ, гдѣ засѣдаетъ палата общинъ, эта мать европейскихъ парламентовъ.

Заглянемъ въ эту законодательную лабораторію. Странное впечатлѣніе производитъ она. Стѣны отдѣланы рѣзнымъ дубомъ среднихъ вѣковъ. Вмѣсто потолка стеклянная крыша, черезъ которую льетъ мягкій электрическій свѣтъ,—изобрѣтеніе новѣйшаго времени. Внизу, посрединѣ комнаты, длинный столъ съ тремя креслами впереди его и съ трономъ подъ балдахиномъ впереди креселъ. На общихъ собраніяхъ палаты,

---

[1]) Кромѣ Бернса, въ парламентъ попали еще Кейръ-Гарди (вождь Независимой рабочей партіи), Ричардъ Беллъ (секретарь гигантскаго союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ) и около десятка рабочихъ вождей меньшаго калибра. Издержки на ихъ выборы были покрыты отчасти путемъ подписки, отчасти изъ кассъ трэдъ-юніоновъ.

Лордъ Розбери.

когда обсуждаются законопроекты въ ихъ цѣломъ, предсѣдательствуетъ самъ спикеръ, его мѣсто—на тронѣ. Когда же палата обсуждаетъ частные вопросы биллей, когда она „засѣдаетъ въ коммиссіяхъ“, тронъ пустуетъ, и предсѣдательствуетъ одинъ изъ предсѣдателей комиссій; онъ занимаетъ крайнее мѣсто у стола, и рядомъ съ нимъ, на другихъ двухъ креслахъ, сидятъ его дѣлопроизводители—„клэрки Дома“, въ сѣдыхъ парикахъ, съ начисто выбритыми физіономіями. По обѣ стороны трона, вдоль всей комнаты тянутся длинныя скамьи, безо всякихъ приспособленій для записыванія. На нихъ-то находятъ себѣ мѣста всѣ 670 коммонеровъ палаты.

Выше, вдоль стѣнъ, устроены галлереи и для публики и репортеровъ. Наконецъ, на самомъ верху въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ вдѣланы узорчатыя желѣзныя рѣшетки. За этими рѣшетками мелькаютъ неясныя очертанія человѣческихъ лицъ. Вы поражены.

— Кто эти узники тамъ, у потолка, за рѣшеткой?—спрашиваете вы у служителя палаты, на важномъ лицѣ котораго написано гордое сознаніе его высокаго положенія.

— Это не узники, сэръ, это благородныя лэди!—отвѣчаетъ онъ внушительно.

Оказывается, что „благородныя лэди“ не имѣютъ права сидѣть въ галлереяхъ для публики. Съ дѣлами своей родины онѣ могутъ знакомиться только изъ-за густыхъ желѣзныхъ решетокъ. Въ началѣ прошлаго вѣка въ галлереи одинаково допускались мужчины и женщины. Но случился грѣхъ. Однажды, на передней скамьѣ, какъ разъ противъ спикера, сидѣла благородная лэди красоты необыкновенной. Спикеръ, въ которомъ почтенный возрастъ не успѣлъ еще вытравить всякій интересъ къ высокимъ эстетическимъ наслажденіямъ, зазѣвался на красавицу, да такъ зазѣвался, что не замѣтилъ, какъ говорившій ораторъ кончилъ свою рѣчь и не далъ во-время слова новому оратору. Скандалъ небывалый въ анналахъ англійскаго парламента! Кончилось тѣмъ, что былъ наказанъ не провинившійся спикеръ, а всѣ вообще представительницы прекраснаго пола, безразлично—оправдываютъ ли онѣ это завидное званіе, или же носятъ его вполнѣ незаслуженно. И съ тѣхъ поръ благородныя лэди сидятъ за густыми желѣзными рѣшетками, и только во время перерывовъ засѣданій, спустившись въ корридоры, могутъ онѣ смущать суровыхъ законодателей блескомъ своей красоты и нарядовъ.

Но увы!—какое разочарованіе постигнетъ насъ, если мы заглянемъ въ эту святыню свободы, гдѣ въ серединѣ этого

вѣка Джонъ Брайтъ, Кобденъ и затѣмъ Джонъ Стюартъ Милль боролись за принципы философскаго радикализма, и гдѣ еще такъ недавно и съ такимъ блескомъ великій Гладстонъ училъ Англію, какъ нужно уступать прогрессивнымъ требованіямъ прогрессивнаго вѣка... Какъ низко пала эта палата! Еще въ началѣ 1900 года въ палатѣ имѣлась группа въ 135 человѣкъ, энергично боровшаяся противъ имперіалистской политики Чемберлэна. 135 рѣшительныхъ и убѣжденныхъ людей въ палатѣ общинъ — это крупная сила. Путемъ неустанной агитаціи по всей странѣ эти 135 членовъ палаты общинъ могли бы измѣнить общественное мнѣніе Англіи. Но прошло 6 мѣсяцевъ, и эта группа распалась, какъ песчаная колонна, высушенная тропическимъ солнцемъ. Оппозиція исчезла, какъ бы сокрушенная заклятіемъ невѣдомаго мага. Въ то время, какъ цѣлый рядъ войнъ нависъ черной тучей надъ горизонтомъ Великобританіи и сотни милліоновъ выбрасываются изъ національной казны на осуществленіе преступныхъ плановъ королей биржи, правительство занято проведеніемъ реакціонныхъ биллей, и въ палатѣ общинъ не находится сильнаго человѣка, который окружилъ бы себя группой убѣжденныхъ людей и крикнулъ бы властнымъ голосомъ правительству: „Остановись, безумство!..“

Точно осеннія мухи, бродятъ уныло притихшіе коммонеры по обширнымъ заламъ Вестминстерскаго Дворца, предоставляя правительству полную свободу дѣлать, что оно вздумаетъ, и когда кто-либо изъ нихъ зашумитъ соннымъ жужжаніемъ протеста, всѣ другіе коммонеры принимаются досадливо отмахиваться отъ назойливаго протестанта.

Перелистаемъ послѣдніе три-четыре года исторіи англійской оппозиціи. Выборы октября 1900 г., какъ мы видѣли выше, не измѣнили ея числа. Составъ ея тоже мало измѣнился послѣ выборовъ. Нѣкоторые радикалы, какъ, напримѣръ, Стэнгонъ, Вильфридъ Лаусонъ [1]) потерпѣли пораженіе на выборахъ; но за то попали въ парламентъ членъ Независимой Рабочей Партіи Кейръ-Гарди и рабочій Беллъ. И до конца войны, до лѣта 1902 года оппозиція въ парламентѣ была фактически мертвой. Только внесеніе и проведеніе Бальфуромъ новаго школьнаго закона, возмутившаго всѣхъ послѣдователей диссидентскихъ церквей въ странѣ, и цѣлый рядъ другихъ реакціонныхъ мѣръ, вызвавшихъ негодованіе противъ правительства въ рабочемъ классѣ, только, повторяемъ, открыто высказанное избирателями на послѣднихъ частич-

[1]) На частичныхъ выборахъ 8 апрѣля 1903 года Лаусонъ снова былъ выбранъ въ палату общинъ.

ныхъ выборахъ недовольство реакціонно-грабительской политикой министерства начало будить голосъ мужественнаго протеста въ рядахъ парламентской оппозиціи. Изъ рядовъ оппозиціи недавно выдѣлилась группа крайнихъ, готовыхъ бороться дружно противъ силъ реакціи за истинно демократическія реформы. Сколько же членовъ насчитываетъ эта группа? Она сама назвала себя группой „Трехъ Дюжинъ". Между тѣмъ условія, при которыхъ приходится этой группѣ бороться въ парламентѣ, значительно измѣнились за послѣдніе 3 года къ худшему, благодаря измѣненіямъ, внесеннымъ Бальфуромъ въ уставъ парламентской процедуры. Согласно этимъ новымъ правиламъ, дебаты въ палатѣ общинъ сами собою закрываются въ 12 ч. ночи (Twelfe o'clock Closure). И такъ какъ для обсужденія биллей, вносимыхъ не министерствомъ, а членами палаты, отводится только одинъ день въ недѣлю, — остальные дни заняты обсужденіемъ правительственныхъ биллей,—то простому члену палаты теперь почти нѣтъ никакой возможности провести черезъ палату свой билль.

Это на себѣ живо испыталъ Вильямъ Круксъ, вновь избранный на частичныхъ выборахъ въ Вуличѣ (въ мартѣ 1903 года) рабочій депутатъ.

Круксъ представляетъ еще болѣе оригинальную фигуру въ парламентѣ, чѣмъ даже Джонъ Бернсъ. Если Бернсъ—сынъ рабочаго-пролетарія, то Круксъ вышелъ непосредственно изъ рядовъ Lumpenproletariat'а. Родители Крукса закончили свое сѣрое существованіе въ мрачныхъ стѣнахъ Poor House'а (Рабочаго Дома), и среди тѣхъ же стѣнъ выросъ Круксъ, и въ школѣ для бѣдныхъ получилъ онъ свое образованіе. Бернсъ былъ опытнымъ рабочимъ-механикомъ, Круксъ же простымъ чернорабочимъ. Вмѣстѣ съ Бернсомъ, Круксъ выдѣлился своей замѣчательной агитаціей во время стачки докеровъ 1889 года и, подобно Бернсу, онъ пробилъ себѣ дорогу къ законодательной дѣятельности своимъ неукротимымъ мужествомъ и вѣдающимися талантами практика-организатора. Я помню живо могучую фигуру Вильяма Крукса на Трафальгаръ-Скверѣ въ одно октябрьское воскресенье 1899 года, какъ разъ наканунѣ войны. Стотысячная толпа собралась на огромной площади и мѣшала всѣми средствами говорить ораторамъ, вздумавшимъ протестовать противъ воинственныхъ замысловъ Чемберлэна. Яблоки, селедки и даже раскрытые перочинные ножи летѣли въ ораторовъ, но Круксъ непоколебимо стоялъ на своемъ посту и продолжалъ свою рѣчь, изъ которой никто, за ревомъ толпы, не могъ разслышать ни одного слова.

— Это буръ! Долой предателя бура!—ревѣла грозная разъ-

яренная толпа, наступая на нѣсколькихъ „боби“ (лондонскихъ городовыхъ), которые по долгу службы охраняли Крукса, хотя и всей душой сочувствовали толпѣ.

Уже Гайндмамъ, оцарапанный брошеннымъ въ него ножемъ, удалился, удалились и другіе ораторы, а Круксъ, со своимъ густо обросшимъ лицомъ и плотной фигурой, дѣйствительно напоминающій бура, все еще стоялъ на возвышеніи и говорилъ, бросая изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей огненные взоры на разъяренную и все-таки трусливую толпу.

Такъ вотъ этотъ самый Вильямъ Круксъ, прошедши черезъ многолѣтнюю службу въ органахъ мѣстнаго самоуправленія въ качествѣ гласнаго и первагo рабочаго мэра одного изъ лондонскихъ округовъ и одержавши наиболѣе крупную въ исторіи парламентской борьбы побѣду въ недавно еще джингоистскомъ Вуличѣ, попадаетъ, наконецъ, въ парламентъ. Здѣсь встрѣтили съ величайшими почестями этого сына „бывшихъ людей“, живущаго и теперь еще со своей семьей въ домикѣ, стоющемъ менѣе 10 р. въ мѣсяцъ [1]). Палата общинъ встрѣтила его громомъ рукоплесканій. Самъ наслѣдникъ престола, бывшій среди публики, попросилъ чести быть представленнымъ Круксу. И Круксъ, упоенный славой и розовыми надеждами, немедленно внесъ слѣдующую резолюцію: „Палата общинъ, считая необходимымъ предоставить избирателямъ дѣйствительную свободу при выборѣ кандидатовъ, находитъ желательнымъ и своевременнымъ, чтобы издержки по выборамъ были возложены на казну и чтобы избраннымъ депутатамъ было назначено отъ государства достаточное жалованье“.

Круксу посчастливилось. Частныхъ биллей такое множество, что дебаты по нимъ назначаются по жребію, и резолюція Крукса выпала на ближайшій вторникъ. Наступилъ этотъ желанный день (31 марта). Засѣданіе палаты открывается въ два часа дня, и до полуночи достаточно времени, чтобы обсудить такую простую и ясную резолюцію, какую

---

[1]) Великолѣпная „Times“, во время выборовъ въ Вуличѣ, высмѣивала Крукса за то, что онъ живетъ въ такой скромной обстановкѣ. Для характеристики Крукса отмѣтимъ слѣдующій фактъ. Во время своего служенія мэромъ Круксъ до такой степени полюбился своимъ избирателямъ, что по окончаніи срока его службы они, по англійскому обычаю, захотѣли выразить свою благодарность путемъ поднесенія крупной суммы. Круксъ рѣшительно отказался. Напомнимъ, что Парнеллю при его жизни ирландцы поднесли 500.000 р., и онъ принялъ подарокъ. Точно также недавно новозеландскій премьеръ Седдонъ не побрезговалъ принять собранный ему по подпискѣ денежный подарокъ. Парнелль былъ землевладѣльцемъ, Седдонъ—богатый пивоваръ, а Круксъ—пролетарій...

внесъ Круксъ. Но прежде, чѣмъ дебатировать частные билли палата по вторникамъ должна еще выслушивать отвѣты министровъ на многочисленные запросы, внесенные депутатами за недѣлю. И на этотъ разъ отвѣты министровъ, какъ бы нарочно, были крайне растянуты и отняли массу времени. Но вотъ, наконецъ, кончены запросы. Однако, до дебатовъ по резолюціи Крукса еще далеко. Сначала, согласно регламенту, имѣло мѣсто „первое чтеніе" новыхъ биллей. Затѣмъ, начались дебаты по „второму чтенію" биллей, очередь которымъ выпала раньше резолюціи Крукса. И члены министерской партіи, повидимому сговорившись заранѣе, нарочно затягивали всячески дебаты, чтобы оставить Круксу возможно меньше времени. Когда, наконецъ, наступила очередь злополучной резолюціи Крукса, пробило половина двѣнадцатаго ночи. Въ распоряженіи Крукса осталось только 30 минутъ!

Въ торопливой рѣчи Круксъ объясняетъ палатѣ мотивы, руководившіе имъ при составленіи его резолюціи. „Бѣдные люди,—заявляетъ онъ,—не имѣютъ доступа въ палату, такъ какъ у нихъ нѣтъ средствъ оплатить свои выборы. Его собственное избраніе доказываетъ, что рабочіе классы предпочитаютъ имѣть своими представителями людей изъ своей среды. Среди неимущихъ есть не мало людей, обладающихъ здравымъ смысломъ и получившихъ практическое воспитаніе при завѣдываніи мѣстнымъ самоуправленіемъ. И онъ увѣренъ, что, если бы рядомъ посадить полдюжины такихъ рабочихъ и полдюжины людей, только что окончившихъ университетъ, и дать имъ въ руки управленіе дѣлами родины, здравый смыслъ окажется на сторонѣ первыхъ"...

Но время не ждетъ. Круксъ заканчиваетъ свою рѣчь. Другой депутатъ изъ рабочихъ, Бродгэрстъ, поддерживаетъ его резолюцію. Лидеръ оппозиціи Кампбеллъ-Баннерманъ высказывается въ нѣсколькихъ словахъ за своевременность предложенной Круксомъ реформы. Отъ имени министерства выступаетъ графъ Перси и заявляетъ, что правительство ничего не имѣетъ противъ рабочаго представительства, но что состояніе государственныхъ финансовъ не позволяетъ теперь вводить реформу, предложенную „почтеннымъ членомъ отъ Вулича". А стрѣлка часовъ неумолимо двигается впередъ. Осталось двѣ минуты до полуночи. Скорѣй...

— Прошу закрыть дебаты и приступить къ голосованію! — взываетъ Круксъ къ спикеру.

— Нельзя. Резолюція недостаточно обсуждена...—отвѣчаетъ безстрастный спикеръ.

И еще одинъ членъ министерской партіи встаетъ и начи-

наетъ что-то говорить. Но часы бьютъ полночь. Засѣданіе закрывается, и вмѣстѣ съ этимъ резолюція Крукса сваливается въ могилу благихъ пожеланій, гдѣ похоронено уже такъ много благодѣтельныхъ реформъ [1]).

И Круксъ, растерянный и разочарованный, надѣваетъ свою старую шляпу и молча идетъ домой, полный неопредѣленныхъ сомнѣній. А правительство Бальфура продолжаетъ законодательствовать въ пользу своихъ друзей, лэндлордовъ, духовенства, пивоваровъ и биржевыхъ игроковъ.

XIII.

Вожди правительственной партіи.

„Что же представляетъ собою нынѣшнее правительство?"— задался вопросомъ Гайндманъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ Квинтъ-Холлѣ 25 марта 1903 года.—Эта крѣпость, построенная изъ картъ. Эта четырехсторонная неспособность. Взгляните на нихъ: Бальфуръ, Чемберлэнъ, Лэнсдоунъ и Бродрикъ. Цинизмъ, политическій развратъ, глупость и заносчивость". По отношенію къ Лэнсдоуну и Бродрику мы этой сжатой характеристикой и ограничимся, замѣтивъ только, что на послѣдніе два эпитета имѣютъ одинаковое право какъ Лэнсдоунъ (министръ иностранныхъ дѣлъ), такъ и Бродрикъ министръ по дѣламъ Индіи). Гораздо большого вниманія заслуживаютъ Бальфуръ и Чемберлэнъ, и на нихъ то мы и остановимся.

Глава нынѣшняго министерства—Артуръ Джемсъ Бальфуръ—циникъ par excellence, циникъ во всѣхъ смыслахъ. И поскольку политическій цинизмъ граничитъ съ политическимъ развратомъ, постольку Бальфуръ имѣетъ общаго съ Чемберлэномъ. Но этимъ и ограничивается сходство между ними. Чемберлэнъ дѣлецъ съ ногъ до головы, вся жизнь его была жизнью дѣльца, не дѣлающаго ни одного шага безъ опредѣленнаго расчета, безъ заранѣе намѣченной цѣли. Бальфуръ, наоборотъ, легкомысленный диллетантъ, настолько же поверхностный, насколько разносторонній, смотрящій на политику и государственныя дѣла, на науку и религіозные вопросы одинаково съ точки зрѣнія диллетанта и спортсмэна. Онъ написалъ двѣ книги („A Defence of Philosophic Doubt" и „The foundations of Belief"), представляющія характеристическія попытки поверхностнаго атеиста дать основы истинной ре-

---

[1]) Этотъ пріемъ устраненія нежелательныхъ биллей называется—to talk out, т. е. „заговорить" билль.

лигіи. Онъ получилъ множество ученыхъ степеней отъ различныхъ англійскихъ университетовъ по медицинскому, философскому, юридическому факультетамъ и въ то же время состоитъ „президентомъ“, „капитаномъ“ велосипедистовъ, голфистовъ и др. спортсмэнскихъ клубовъ. Велосипедныя гонки, голфистскія мэчи, занятія теологіей и наукой, философіей и государственными дѣлами,—ко всему этому Бальфуръ относится съ одинаковымъ интересомъ и одинаковымъ легкомысліемъ. И несмотря на то, что всякое серьезное дѣло въ рукахъ Бальфура теряетъ свое содержаніе и превращается въ игру, онъ—по англійскимъ понятіямъ молодой еще человѣкъ (ему только 55 лѣтъ)—достигъ высшаго поста въ государствѣ, сдѣлался главой правительства, вершащаго судьбы 400 милліоновъ человѣкъ. Въ теченіе восьми лѣтъ своего руководительства палатой общинъ Бальфуръ надѣлалъ множество крупныхъ ошибокъ и сильно уронилъ достоинство палаты и серьезность дебатовъ. Но добродушный цинизмъ, съ какимъ онъ относится къ государственнымъ дѣламъ и къ своимъ ошибкамъ, гладкость рѣчи, бонвиванскія манеры и аристократическій лоскъ, которыми онъ прикрываетъ полное отсутствіе убѣжденій, вѣрованій и правдивости, все это вызываетъ въ рядахъ вырождающихся аристократовъ-торіевъ особое чувство обожанія къ нему; либералы же и радикалы какъ-то привыкли не брать его въ серьезъ. И такимъ образомъ, подъ клики шумнаго восторга спортсмэновъ-торіевъ и пренебрежительнаго попустительства либераловъ, Бальфуръ сдѣлался премьеромъ Англіи. И первымъ актомъ этого премьера-атеиста было проведеніе школьнаго закона, которымъ усиливается вліяніе духовенства въ первоначальныхъ школахъ.

Въ первые годы своей политической карьеры Бальфуръ выступилъ членомъ такъ называемой четвертой партіи, организованной въ 1880 г. лордомъ Рандольфомъ Черчилемъ. Въ этой партіи было всего четыре члена (Черчиль, Бальфуръ, Горстъ и Вольфъ), но всѣ они умѣли красно говорить и были неистощимы по части изобрѣтеній разнаго рода предлоговъ для нападокъ на правительство Гладстона. Поэтому, посреди посредственностей консервативной партіи, эти люди скоро заняли выдающееся мѣсто, и четвертая партія быстро получила значительное вліяніе. Но оказалось, что Черчиль, глава четвертой партіи, отличавшійся наибольшей безалаберностью, умудрился въ то же время имѣть свои убѣжденія. Онъ захотѣлъ придать своей партіи консервативно-демократическій характеръ, увѣряя, какъ это раньше дѣлалъ Дизраэли и позже Чемберлэнъ, что торійская партія въ состоя-

ніи сдѣлать гораздо больше для рабочаго класса, чѣмъ либеральная. И когда, въ 1886 г., съ переходомъ власти въ руки Сольсбэри, Черчиль былъ сдѣланъ министромъ финансовъ, онъ выработалъ демократическій бюджетъ, вносившій самую строгую экономію въ расходованіе общественныхъ суммъ на военныя и морскія дѣла. Сольсбэри на эти „демократическія затѣи“ своего коллеги согласія, конечно, не далъ, и честный Черчиль подалъ немедленно въ отставку и исчезъ навсегда съ политической арены.

Не такъ относился Бальфуръ къ задачамъ четвертой партіи. Онъ считалъ свое участіе въ ней остроумной и занятной шуткой, а practical joke - какъ говорятъ англичане, и когда Черчиль подалъ въ отставку изъ-за принципіальныхъ разногласій съ Сольсбэри, Бальфуръ, получившій не задолго передъ тѣмъ портфель, не послѣдовалъ за своимъ политическимъ вождемъ Черчилемъ, а заявилъ—j'y suis, j'y reste - и остался въ кабинетѣ своего дяди Сольсбэри (Бальфуръ женатъ на дочери Сольсбэри). Теперь роли перемѣнились. Сольсбэри уступилъ премьерство своему племяннику Бальфуру. А сынъ покойнаго вождя четвертой партіи, Винстонъ Черчиль, попалъ на послѣднихъ выборахъ въ парламентъ. И среди безголовыхъ и безпринципныхъ тори молодой Черчиль-сынъ уже сталъ завоевывать выдающееся мѣсто благодаря своимъ знаніямъ и краснорѣчію. Всѣ ждутъ отъ него образованія новой четвертой партіи [1]), и его критика правительственныхъ военныхъ мѣръ уже не разъ ставила Бальфура въ неловкое положеніе. Повторитъ ли онъ блестящую роль, сыгранную его отцомъ, зависитъ отъ того, окажутся ли у него собственныя, независимыя убѣжденія. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что онъ очень скоро сдѣлается однимъ изъ парламентскихъ вождей.

Карьера Чемберлэна нисколько не похожа на карьеру Бальфура, хотя на Чемберлэна теперь многіе смотрятъ, какъ на политическаго наслѣдника Бальфура. Наука, чтеніе, фи-

---

[1]) Есть указанія, что были сдѣланы попытки сформировать изъ недовольныхъ элементовъ юніонистскаго лагеря „Четвертую Партію“. Неизвѣстно еще, кому принадлежитъ первенство въ этой слагающейся партіи— Винстону Черчилю или Яну Малкалису. Партія эта или, вѣрнѣе, группа объединена не какой либо общей программой, а лишь презрѣніемъ и враждой къ бывшему военному министру, нынѣ министру по дѣламъ Индіи, Бродрику. „Передайте моимъ избирателямъ,—пишетъ 7-го апрѣля Янъ Малкалисъ,—что я по прежнему остаюсь непоколебимымъ и вѣрнымъ союзникомъ правительства. Насъ раздѣляютъ только взгляды на военную реорганизацію“... Въ этой группѣ насчитывается около $2^1/_2$ десятковъ человѣкъ и она важна не сама по себѣ, а лишь какъ признакъ разложенія правительственной партіи.

лософія, религія въ жизни Чемберлэна не играли никакой роли. Въ своей молодости онъ завѣдывалъ фабрикой винтовъ, унаслѣдованной имъ отъ своего отца, а когда ему удалось нажить крупное состояніе, онъ передалъ свою фабрику въ другія руки, а самъ занялся общественной дѣятельностью въ своемъ родномъ городѣ Бирмингамѣ. Онъ былъ выбранъ гласнымъ, затѣмъ мэромъ бирмингамской думы, и здѣсь онъ обнаружилъ большія способности въ качествѣ завѣдывающаго городскимъ хозяйствомъ. Онъ много содѣйствовалъ благоустройству своего города и своимъ крайнимъ радикализмомъ привлекъ къ себѣ симпатіи городскихъ рабочихъ. Это было въ началѣ 70 хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ 1876 году онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ г. Бирмингама въ палату общинъ, и его появленіе въ этой палатѣ, его первая рѣчь—дѣвственная рѣчь (maiden speech), какъ выражаются англичане о первой рѣчи всякаго новичка въ палатѣ общинъ,—поразили его тогдашнихъ политическихъ противниковъ до крайности. „По представленіямъ средняго тори или вига палаты общинъ,—разсказываетъ очевидецъ Жюстинъ Макъ-Карти,—для Чемберлэна главной задачей его жизни было разрушить сначала тронъ, а затѣмъ алтарь, или же сначала алтарь и затѣмъ тронъ: честный тори или вигъ того времени не рѣшался сказать съ увѣренностью, за что именно раньше возьмется Чемберлэнъ... И вдругъ вмѣсто патагонца или зулуса въ заморскомъ костюмѣ, они увидѣли спокойнаго, сдержаннаго и прекрасно одѣтаго джентльмена". Своимъ сильнымъ, рѣзкимъ голосомъ съ искусной аргументаціей Чемберлэнъ сразу привлекъ къ себѣ вниманіе всей палаты и черезъ 4 года, при переходѣ власти въ руки Гладстона, онъ уже получилъ министерскій портфель. Вплоть до 1886 года Чемберлэнъ оставался радикаломъ самаго крайняго характера. Его рѣчи того времени, лишенныя ораторскихъ красотъ и книжныхъ цитатъ, — Чемберлэнъ лишенъ силы воображенія и онъ очень мало читалъ въ своей жизни, — отличались, однако, необычайной убѣдительностью, и въ нихъ онъ доводилъ до конца свои демократическіе взгляды, не останавливаясь ни передъ какими выводами, исключая только выводы чистаго соціализма. И теперь, когда Чемберленъ „сжегъ все то, чему онъ поклонялся", теперь его политическіе противники не находятъ лучшихъ аргументовъ противъ его нынѣшней, новой политики, какъ тѣ, которые они черпаютъ въ его же старыхъ рѣчахъ радикальнаго періода. Въ 1886 г. Чемберлэнъ выступилъ изъ министерства Гладстона на томъ основаніи, что онъ будто бы считаетъ пагубнымъ проектъ гомъ-руля, выработанный Глад-

стономъ. За Чемберлэномъ послѣдовало нѣсколько десятковъ либераловъ, образовавшихъ сначала отдѣльную либерально-юніонистскую партію, но вскорѣ слившихся съ консерваторами. Труденъ только первый шагъ. Измѣнивъ дѣлу Ирландіи, интересовъ которой онъ до того выступалъ самымъ горячимъ защитникомъ, Чемберлэнъ постепенно сталъ спускаться все ниже по наклонной плоскости ренегата, и въ 1895 г. мы его уже видимъ министромъ колоній въ консервативномъ кабинетѣ Сольсбэри. Съ этого времени Чемберлэнъ становится продолжателемъ политики Іуды, съ той разницей, что политика Чемберлэна лишена тѣхъ слѣдовъ сантиментальности и припадковъ раскаянія, которые, какъ извѣстно, довели Іуду до самоубійства. Іуды нашего времени научились сжигать свои кумиры и наживать славу и серебренники безъ всякаго видимаго ущерба для ихъ душевнаго равновѣсія. На выборахъ 1895 г. Чемберлэнъ наобѣщалъ своимъ рабочимъ избирателямъ кучу благодѣтельныхъ законовъ; пользуясь уроками, преподанными въ старые годы Биконсфильдомъ. Чемберлэнъ пытался уловить рабочій классъ въ сѣти „демократически-консервативной программы“. И когда его попытки увѣнчались успѣхомъ, онъ, пользуясь опять-таки уроками того же Биконсфильда, выдвигаетъ на очередь цѣлый рядъ вопросовъ внѣшней политики для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ какое либо движеніе въ пользу внутреннихъ реформъ. Вызвавъ затѣмъ наиболѣе гнусную въ исторіи южно-африканскую войну, Чемберлэнъ, подъ шумъ и рокотъ военныхъ событій, устраиваетъ новые выборы, а его жена, братъ, сыновья, дочери, зятья въ тоже время расширяютъ свои заводы, поставляющіе, главнымъ образомъ, на военное и морское министерства. Никакія разоблаченія, никакія обвиненія не вызываютъ въ Чемберлэнѣ смущенія, не встрѣчаютъ его неподготовленнымъ. И когда милліарды народныхъ денегъ были растрачены и десятки тысячъ человѣческихъ жизней были принесены въ жертву политикѣ Чемберлэна, онъ, по окончаніи войны, ѣдетъ въ Южную Африку въ благодарной роли миротворца, предоставивъ Бальфуру и его товарищамъ расплачиваться своей репутаціей за раззореніе страны и вынести первые удары проснувшагося народнаго негодованія.

Чемберлэнъ — это злой геній Англіи. Онъ расточилъ ея ресурсы, которыя она накопляла въ теченіе сорока лѣтъ мира. Онъ уронилъ въ глазахъ міра ея военную и нравственную репутацію. Онъ вовлекъ ее въ долгую и унизительную войну, во время которой значительная часть ея торговли отошла къ другимъ странамъ. Онъ парализовалъ

дѣятельность Гладстона и обезсилилъ либеральную партію, которая, несмотря на всѣ ея недостатки, была все-таки партіей прогресса. И теперь онъ занятъ, какъ мы увидимъ ниже, разрушеніемъ юніонистской партіи, фактическимъ лидеромъ которой онъ такъ долго состоялъ.

Чемберлэнъ и Бальфуръ это, по всеобщему признанію два самыхъ сильныхъ человѣка въ правительственной партіи. Всѣ другіе юніонистскіе коммонеры настолько убоги духовно, что на нихъ не зачѣмъ останавливаться. Я перехожу, поэтому, къ оппозиціонному лагерю, гдѣ есть не мало выдающихся талантовъ, но гдѣ, къ несчастью, также нѣтъ ни одного великаго духомъ человѣка.

XIV.

Лидеры оппозиціи.

Вотъ этотъ сытый 68-лѣтній англичанинъ, съ широкими круглыми плечами и круглымъ брюшкомъ, съ гладко выбритыми круглыми щеками и добродушными сверкающими юморомъ глазами, это—лидеръ оппозиціи сэръ Генри Кампбеллъ-Баннерманъ. Онъ былъ выбранъ въ лидеры либеральной партіи четыре года тому назадъ на смѣну старому Вильяму Гаркорту. Нельзя сказать, чтобы даже самые пламенные оптимисты, выбирая его, возлагали на него очень большія надежды. Его выбрали только потому, что, по своимъ убѣжденіямъ онъ представляетъ золотую середину, что онъ, по ироническому замѣчанію газеты „Times“, „обладаетъ предусмотрительностью и осторожностью“. Онъ не принадлежитъ какъ Морлей и Гаркортъ, къ типу гладстоновскихъ либераловъ, такъ называемыхъ литлингглэндистовъ, но онъ также не увлекается, какъ Розбэри и Грей, имперіализмомъ и внѣшнимъ величіемъ Англіи; онъ не ставитъ во главѣ своей программы гомъ-руля, но и не отказывается помочь ирландцамъ, „когда это будетъ своевременно“. Онъ весьма богатъ, и это очень важно для лидера оппозиціи, который долженъ всецѣло отдаться своему дѣлу и который не получаетъ никакого жалованья. Какъ ораторъ, онъ далеко не безцвѣтенъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ораторовъ, которые мягко стелятъ, но отъ рѣчей которыхъ жестко спится. Рѣчь его сдержана и тактична, пересыпана остротами и звучитъ самымъ добродушнымъ юморомъ, но ея стрѣлы вонзаются глубоко. Въ лидеры онъ былъ избранъ единодушно, и въ этомъ сказалась созданная вѣками свободы сознательная дисциплина англичанъ. „Я буду вести васъ на

приступъ",—заявилъ онъ своей партіи, когда его избрали въ лидеры, но своего слова сдержать онъ не сумѣлъ. Ему не удалось сплотить оппозиціонныхъ силъ для веденія энергичной аттаки противъ правительства, недостойнаго своей родины. Баннерманъ—человѣкъ середины и, какъ таковой, онъ не въ состояніи былъ подняться на высоту своего положенія. Ему не удалось понять причинъ безсилія оппозиціи, потому что у него самого нѣтъ программы, нѣтъ опредѣленнаго общественнаго идеала. „Онъ былъ взвѣшенъ на вѣсахъ исторіи и найденъ легковѣснымъ", — такой приговоръ поставленъ надъ Кампбеллъ-Баннерманомъ. Онъ былъ хорошимъ офицеромъ, но оказался плохимъ генераломъ. Баннерманъ былъ избранъ за то, что онъ величайшій искусникъ по части сидѣнья между двумя стульями. Но, когда страна переживаетъ критическій моментъ, нужны не эквилибристы, а смѣлые вожди. Баннерманъ молчалъ, пока дипломатія запутывала трансваальскій вопросъ; когда же война началась, онъ осудилъ съ разными оговорками въ 2—3 рѣчахъ дипломатію, но онъ не поднялъ энергичной агитаціи, не обратился съ воззваніемъ къ народу. Въ результатѣ—всѣ недовольны Баннерманомъ: правительственные депутаты его осмѣиваютъ, оппозиціонная пресса его замалчиваетъ, и никто ему не повинуется. Фактически онъ только формально носитъ званіе лидера, но не имѣетъ связаннаго съ этимъ званіемъ вліянія.

Прежде чѣмъ перейти отъ генерала, отличающагося, неуловимостью своей программы, къ офицерамъ, расходящимся по всѣмъ принципіальнымъ вопросамъ, я попрошу читателя оставить на минуту палату общинъ и заглянуть въ палату лордовъ. Здѣсь лидеромъ оппозиціи состоитъ графъ Спенсеръ, строгій сторонникъ гладстоновскаго либерализма, человѣкъ безусловно честный и съ благородной рѣчью, но слишкомъ вылощенный и слишкомъ старый, чтобы играть первую роль въ государственныхъ дѣлахъ своей родины. Мы, поэтому, оставимъ его въ покоѣ и обратимся къ лорду Розбэри, этому не оправдавшему возлагавшихся на него надеждъ, наслѣднику Гладстона. Восемь лѣтъ тому назадъ этотъ „радикальный" графъ и лордъ сложилъ съ себя званіе вождя прогрессивной партіи, отказался публично отъ участія въ политической жизни вообще и удалился въ частную жизнь. Моментъ, выбранный имъ для этого дезертирства, не обнаруживаетъ въ немъ особенно героической души. Либеральная партія была разбита на выборахъ 1895 г., юніонисты одержали крупнѣйшую свою побѣду, Гладстонъ готовился сойти въ могилу, и среди ослабленной оппозиціи ро-

сла рознь, усиливались раздоры между ея лидерами. Въ такую злую минуту мужественный человѣкъ не покидаетъ поля сраженія. Но можно было ожидать, что Розбэри, отчаявшись въ возможности провести въ жизнь свой идеалъ путемъ политической борьбы, возьмется за непосредственную общественную дѣятельность, посвятитъ свои богатые таланты дѣлу народнаго прогресса, поднятію духовнаго и матерьяльнаго прогресса массъ. Вѣдь онъ такъ краснорѣчиво говорилъ объ обязанностяхъ передъ трудящимися классами! Но онъ не сдѣлалъ и этого. Ему некогда было. Онъ занялся личнымъ надзоромъ за управляющими его обширнѣйшими помѣстьями, унаслѣдованными отъ предковъ и пріобрѣтенными, благодаря браку съ дочерью Ротшильда. Онъ предался благородной страсти къ спорту, охотѣ и лошадинымъ скачкамъ. Наконецъ, оставшіеся отъ скачекъ досуги онъ отдалъ изслѣдованію о жизни и дѣятельности Питта,—въ теченіе почти трехъ лѣтъ о Розбэри почти не было слышно. Радикальныя убѣжденія лорда прекрасно совмѣщались съ заботами о дрессировкѣ лошадей. Но вдругъ четыре года тому назадъ благородный схимникъ заговорилъ: отечество оказалось въ опасности—Франція тянулась откусить кусокъ суданскаго пирога. Розбэри рѣшительно сталъ на сторону правительства въ этомъ „фашодскомъ“ конфликтѣ. Во имя „истиннаго патріотизма“, т. е. во имя захвата ни на что не нужныхъ территорій, во имя все большаго расширенія Британской имперіи, приглашалъ онъ всю націю сплотиться и поддержать „честь Англіи“. Исполнивъ этотъ патріотическій долгъ, Розбэри снова погрузился въ жизнеописаніе Питта и воспитаніе скакуновъ, но не надолго. Питтъ былъ конченъ, и выдрессированные скакуны одержали побѣду; дочь была выдана замужъ. И Розбэри заговорилъ вторично. На этотъ разъ отечество не было въ опасности. Праздновалось двадцатипятилѣтіе лондонскаго либеральнаго клуба, въ которомъ принимаютъ участіе какъ либералы, такъ и либералы-юніонисты, и Розбэри счелъ умѣстнымъ изложить новую политическую программу, способную, по его мнѣнію, примирить эти двѣ распавшіяся части старой либеральной партіи. „Пока,—заявилъ онъ,—всѣ либералы не вернутся къ старой либеральной программѣ, пока не сплотятся обѣ распавшіяся части либеральной партіи, оппозиціи не удастся занять въ странѣ господствующее положеніе“. Старая программа до 1886 г., значитъ—программа безъ гомъ-руля. Но со времени 1886 г. возникло множество новыхъ вопросовъ, назрѣли новыя задачи, которыхъ „старая программа“ не могла предусмотрѣть. Соціальныя реформы выступили на первый

планъ, и приступить къ нимъ либеральная партія не можетъ, не проведши предварительной политической реформы, о которой мы говорили на предыдущихъ страницахъ. Какъ относится лордъ Розбэри къ этимъ реформамъ, которыя еще недавно были, казалось, такъ близки его сердцу? Объ этомъ онъ предпочелъ благоразумно умолчать; вѣдь онъ говоритъ не какъ политическій дѣятель, а какъ частный человѣкъ... Но за то онъ указалъ, что „получитъ-ли либеральная партія преобладаніе въ парламентѣ, или на ея мѣсто станетъ новая прогрессивная партія, во всякомъ случаѣ придется ввести одинъ новый элементъ въ политику страны. Элементъ этотъ—имперіализмъ, приверженность къ „Великой Британіи“ (Greater Britain)“. И Розбэри тонко осмѣялъ „политическихъ философовъ“ (т. е. Дж. Морлея и В. Гаркорта), которые создали теорію „литлинглэндизма“, т. е. противниковъ расширенія территоріи Британской имперіи, приверженцевъ мира и „Малой Британіи“ (Little Britain).

Таковы были первыя ласточки, возвѣстившія возвращеніе графа Розбэри въ „лоно Авраамово“, возвращеніе его къ политическимъ воззрѣніямъ того класса, къ которому онъ принадлежитъ по своему рожденію, воспитанію и связямъ. Въ юности Розбэри находился подъ сильнымъ вліяніемъ Биконсфильда. Могучая личность Гладстона привлекла его въ лагерь демократическихъ радикаловъ; но лишь только Гладстонъ умеръ, Розбэри покинулъ этотъ лагерь и благополучно вернулся къ джингоистскимъ мечтамъ своей юности.

Южно-африканская война дала Розбэри поводъ сдѣлать болѣе рѣшительный шагъ въ новомъ направленіи. Въ произнесенной имъ въ самомъ началѣ войны въ г Басѣ „большой“ рѣчи онъ возвѣстилъ нарожденіе новой партіи, имѣющей передъ собою задачу замѣстить нынѣшнюю оппозицію. Эту партію Розбэри называетъ либералами-имперіалистами.—„Я вѣрю,—и лѣтъ черезъ десять вы, быть можетъ, вспомните мое пророчество,—что партіи либераловъ-имперіалистовъ суждено направлять судьбами нашей страны“. Что же это за партія будущаго, лидеромъ которой „суждено“, повидимому, быть именно лорду Розбэри?

„Когда я смотрю на нашъ маленькій островъ, столь одиноко плавающій въ сѣверныхъ моряхъ, на который великія имперіи міра смотрятъ съ такой завистью и враждебностью, съ такой злобной жадностью, и который одинъ, безъ всякихъ друзей, долженъ выдерживать натискъ народовъ, имѣющихъ милліонныя арміи,—когда я думаю объ этомъ маленькомъ островѣ, о работѣ, которую онъ предпринялъ, объ имперіи, которую онъ основалъ и которую онъ полонъ рѣшимости

сохранить въ неприкосновенности,—когда я думаю обо всемъ этомъ, признаюсь, я безъ колебанія громко повторю слова Чатама: „Будьте сплоченной, единой націей, забудьте всѣ партійныя разногласія для общественнаго блага“. Когда вы плаваете во время бури, вы хорошо сдѣлаете, если довѣритесь всецѣло капитану, стоящему на вышкѣ“. Время критики наступитъ потомъ. „Во время Крымской кампаніи вопросы, касающіеся военнаго положенія сторонъ, обсуждались горячо въ самый разгаръ войны, но оцѣнка дипломатической стороны конфликта была сдѣлана лишь 20 или 25 лѣтъ спустя“. Въ такихъ-то образныхъ выраженіяхъ Розбэри призываетъ 40 мил. человѣкъ, населяющихъ „маленькій островъ“, довѣриться слѣпо правительству и стать единой грудью противъ врага, противъ горсти буровъ, жаждавшихъ лишь одного—чтобы ихъ оставили въ покоѣ. „Но, — прибавляетъ Розбэри,—не думайте, что Трансваальская война — малая война... Не забывайте, что пресса всей Европы, симпатіи всего контитента почти единодушно противъ насъ“. Итакъ, истинный либералъ-имперіалистъ долженъ поддерживать безъ ропота агрессивную политику противъ крошечныхъ республикъ, политику, вызывающую „почти единодушное“ осужденіе всей Европы и потому способную вызвать всѣ ужасы обще-европейской войны. Таковъ *имперіализмъ* Розбэри; *либерализмъ* же свой онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ. За всѣ восемь лѣтъ, прошедшихъ со времени отставки Розбэри, онъ не обмолвился ни единою рѣчью, которая показала бы, что онъ еще не забылъ, въ чемъ заключаются прогрессивныя задачи либерализма. Только разъ, на веселомъ банкетѣ, онъ провелъ параллель между положеніемъ богатыхъ и бѣдныхъ и поплакалъ надъ долей... богатыхъ, которые „не могутъ наслаждаться, ни съѣсть больше, ни выпить больше, чѣмъ бѣдный...“

Розбэри по мѣткому выраженію Гайндмана, это *édition de luxe* Чемберлэна, это тотъ же Чемберлэнъ, только въ роскошномъ изданіи. Чемберлэнъ создалъ либералъ-юніонистскую партію, Розбэри занятъ созданіемъ либералъ-имперіалистской партіи. Чемберлэну ничего не стоитъ убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывать то, что вчера онъ столь же убѣдительнѣйшимъ образомъ опровергалъ. Съ такой же легкостью и Розбэри мѣняетъ свои убѣжденія, хотя онъ и обставляетъ свои измѣны болѣе великолѣпной фразеологической обстановкой.

Мы потому такъ долго остановились на Розбэри, что этому маленькому человѣку съ большой головой, напоминающей головастика, предстоитъ еще, по всѣмъ даннымъ, играть пе-

редовую роль въ исторіи Англіи. Его радикализмъ выдохся безъ остатка, и онъ пошелъ по дорожкѣ ренегатовъ, пробитой Чемберлэномъ и старымъ герцогомъ Девонширскимъ. Вниманіе всей Англіи теперь сосредоточено на Чемберлэнѣ, и потому Розбэри до нѣкоторой степени стушевывается. Но Чемберлэнъ homo novus, „выскочка" изъ рядовъ буржуазіи, отличающійся грубымъ невоздержнымъ языкомъ. Онъ уже совершилъ будучи министромъ рядъ крупныхъ дипломатическихъ ошибокъ по отношенію къ Франціи, Россіи, Испаніи, Германіи, не говоря уже объ его южно-африканской политикѣ. Если онъ добьется премьерства, онъ, во всякомъ случаѣ, не сможетъ долго сохранить свое господство. Иное дѣло Розбэри, обладающій не только тактомъ и лоскомъ, необходимыми для дипломата, но и жгучимъ краснорѣчіемъ энтузіаста, какого нѣтъ ни у кого изъ членовъ парламента. Сверхъ того Розбэри, съ англійской точки зрѣнія, еще молодъ: ему только 56 лѣтъ, Чемберлэнъ же на 12 лѣтъ старше.

Вернувшись въ палату общинъ къ Front Bench, мы сразу убѣждаемся, что именно либералъ-имперьялизмъ и является похороннымъ маршемъ старой либеральной партіи. Сэръ Эдуардъ Грей, Генри Фоулеръ, талантливый Асквитъ, ученый Сидней Бэкстонъ,—всѣ эти бывшіе министры кабинетовъ Гладстона и Розбэри теперь открыто или тайно причисляютъ себя къ лагерю либералъ-имперьялистовъ, и всѣ они по своимъ воззрѣніямъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ Чемберлэна и либералъ-юніонистовъ. Либералъ-юніонизмъ, подкосившій силы старой либеральной партіи, является, вмѣстѣ съ торіями, партіей откровеннаго джингоизма. Либералъ-имперьялизмъ, которому суждено убить либеральную партію, есть джингоизмъ стыдливый. Какъ либералъ-юніонизмъ, такъ и либералъ-имперьялизмъ вызваны однимъ и тѣмъ же процессомъ экономической эволюціи Англіи: оба они обозначаютъ шаги приведенія къ одному знаменателю всѣхъ имущихъ классовъ страны, сплоченіе ихъ въ одинъ и тотъ же лагерь капитала, противъ котораго выступитъ въ недалекомъ будущемъ сплоченная организація труда.

На самомъ краю Front Bench, какъ бы сторонясь отъ ея джингоистскихъ элементовъ, сидитъ Джонъ Морлей. Читатель, знакомый съ его историческими трудами и монографіями объ энциклопедистахъ, былъ бы не мало разочарованъ, если-бъ увидѣлъ эту маленькую головку съ гладко причесанными остатками волосъ, тонкимъ, длиннымъ носомъ и начисто выбритымъ лицомъ. Но вглядитесь ближе въ это строгое, сухое лицо съ открытыми, смѣлыми глазами и тон-

Джонъ Морлей.

кими губами, внезапно искривляющимися въ сардоническую улыбку, вслушайтесь внимательнѣе въ эту тихую рѣчь, не отличающуюся ни красотой выраженій, ни гладкостью, но дышащую глубокимъ убѣжденіемъ, сжатостью и силой,—и вы поймете, почему этотъ человѣкъ пользуется такимъ уваженіемъ среди людей всѣхъ партій какъ литературнаго, такъ и политическаго міра.

Джонъ Морлей и его другъ престарѣлый Вильямъ Гаркортъ уже давно окрещены Чемберлэномъ презрительной кличкой „литлинглэндистовъ"; въ свою очередь, въ устахъ Морлея Чемберленъ и его политическіе друзья слывутъ „джингоистами". Горячность, съ которой каждая изъ сторонъ открещивается отъ называемой ей клички, показываетъ, что клички эти даются не спроста и что ими обозначается все то, что противоположная сторона болѣе всего ненавидитъ. Что же такое джинго и литлинглэндистъ?—„Пусть Чемберлэнъ опредѣлитъ литлинглэндизмъ, тогда я опредѣлю джингоизмъ",—заявилъ Морлей въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ Монрозе. Чемберлэнъ съ обычной ему рѣшительностью отвѣтилъ на другой же день на вызовъ Морлея: „Литлинглэндистъ есть человѣкъ, который добросовѣстно вѣритъ, что расширеніе территоріи нашей страны влечетъ за собой обязательства, далеко перевѣшивающія могущія отъ того получиться выгоды".

„Джинго считаетъ,—отвѣтилъ ему Морлей,—что всякое расширеніе территоріи цѣнно само по себѣ и что мы поэтому должны присвоить всякій кусокъ земли, гдѣ бы онъ ни лежалъ, чего бы онъ намъ ни стоилъ и какія международныя столкновенія ни могли бы отъ того возникнуть. Джингоизмъ—это имперіализмъ, имперіализмъ—это милитаризмъ. Во внѣшней политикѣ джинго считаетъ полезнымъ попираніе правъ другихъ націй, во внутренней—отодвиганіе на второй планъ интересовъ народа, его благосостоянія и культуры, его нуждъ и потребностей. Джинго думаетъ, что развитіе торговли идетъ слѣдомъ за флагомъ, за расширеніемъ территоріи, мы же убѣждены, что ростъ торговли вызывается развитіемъ производительныхъ силъ страны и прогрессомъ народной культуры, и поэтому вопросъ объ обезпеченіи старости рабочихъ или объ ограниченіи пьянства для насъ безконечно важнѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе какой-нибудь новой пустыни въ Африкѣ".

Эти два противоположныя теченія политической жизни не представляютъ явленія послѣднихъ лѣтъ. Уже лѣтъ 20 тому назадъ Гладстонъ заявилъ однажды: „Въ Англіи имѣются двѣ партіи. Главная задача одной изъ нихъ заклю-

чается въ заботѣ о нуждахъ собственныхъ дѣтей Англіи, объ уничтоженіи ея соціальныхъ невзгодъ, удовлетвореніи народныхъ потребностей, улучшеніи законовъ и учрежденій. Противъ этой партіи домашнихъ реформъ стоитъ партія территоріальныхъ пріобрѣтеній, крайней централизаціи имперіи и нагроможденія множества фиктивныхъ интересовъ внѣ страны".

Замѣтимъ, однако, что Джонъ Морлей, остававшійся до послѣдняго времени вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ и заслужившій себѣ въ народѣ кличку „честнаго Джона" (the honest John), не понялъ все-таки задачъ своего времени и потому не имѣетъ того вліянія среди рабочихъ, на какое ему даютъ право его таланты, образованіе и безусловная преданность дѣлу труда и прогресса. Онъ отстаиваетъ до сихъ поръ гомъ-руль для Ирландіи, потому что „народъ, требующій въ продолженіе долгихъ лѣтъ самоуправленія, этимъ самымъ показываетъ, что онъ его заслужилъ". Онъ стоитъ за всякія политическія и просвѣтительныя реформы, но въ вопросѣ о соціальныхъ реформахъ онъ до сихъ поръ не освободился отъ пеленокъ манчестерской школы. Онъ всей душой сочувствуетъ дѣлу законодательнаго обезпеченія престарѣлыхъ рабочихъ и охраны женщинъ и дѣтей отъ эксплуатаціи предпринимателей, но онъ постоянно былъ непримиримымъ противникомъ вмѣшательства государства въ отношенія между хозяевами и взрослыми рабочими. Только при безусловной „свободѣ договора труда и капитала",—при равныхъ политическихъ правахъ обѣихъ сторонъ,—можетъ въ глазахъ Морлея правильно и энергично развиваться благосостояніе страны. Для такого развитія точно такъ же безусловно необходима свободная конкуренція товаровъ на международномъ рынкѣ, т. е. отсутствіе всякихъ „покровительственныхъ" и „запретительныхъ" тарифовъ. Вотъ эта-то теорія „невмѣшательства" (Морлей противъ установленія закономъ 8-ми часового рабочаго дня) и послужила причиной неравнаго отношенія къ Морлею различныхъ рабочихъ организацій. Такъ, при выборахъ въ Ньюкестлѣ, гдѣ Морлей поставилъ свою кандидатуру въ 1892 г., Кейръ-Гарди горячо боролся противъ него, а Джонъ Бэрнсъ и другіе члены рабочей партіи были за него.

Тѣмъ не менѣе, событія послѣднихъ лѣтъ, повидимому, вызвали перемѣну во взглядахъ даже непреклоннаго Морлея. Южно-африканская война сыграла въ Англіи ту же роль, хотя и не столь рѣшительно, какую сыграло во Франціи дѣло Дрейфуса: она сблизила наиболѣе искреннихъ изъ либераловъ и радикаловъ съ соціалистами. Джонъ Морлей свою

„большую“ рѣчь, произнесенную имъ въ Оксфордѣ 10 іюня 1900 года, закончилъ слѣдующимъ признаніемъ· „Въ тотъ день, когда либеральная партія забудетъ свои старые принципы—мира, экономіи и финансахъ и реформъ, — ей не останется ничего иного, какъ распустить свою организацію и исчезнуть. И кто же займетъ ихъ мѣсто? Соціалисты займутъ ихъ мѣсто. Мой другъ д-ръ Спенсъ Уастонъ, предсѣдательствующій на нашемъ митингѣ, знаетъ, что годъ за годомъ я боролся противъ соціалистовъ не потому, чтобы я не уважалъ благородную горячность этихъ людей, не потому, чтобы я не сочувствовалъ всѣмъ моимъ сердцемъ ихъ симпатіямъ къ судьбѣ труженника или ихъ рѣшимости сдѣлать работника болѣе мыслящимъ и его жизнь болѣе обезпеченной, но потому, что я думалъ и думаю, что ихъ средства неудачно выбраны, что они извратятъ характеръ индивидуума и послужатъ тормазомъ въ нашей борьбѣ, нашей жизненной борьбѣ за промышленные рынки, отъ которыхъ судьба рабочаго зависитъ въ неменьшей мѣрѣ, чѣмъ судьба капиталиста. Но тѣмъ не менѣе, если бы, по несчастію, мнѣ предстоялъ выборъ между соціалистомъ и поклонникомъ милитаризма съ его легкомысліемъ, его расточительностію національныхъ рессурсовъ и его неуваженіемъ къ правамъ и чувствамъ другихъ народовъ, я объявляю вамъ, что я бы выбралъ соціалиста, потому что считаю его маральный уровень выше и его задачи не менѣе осуществимыми“.

Это заявленіе Морлея есть своего рода знаменіе времени, хотя англійскіе соціалисты далеко не удовлетворены имъ. Они заявляютъ, что Морлей имѣетъ ложное представленіе объ ихъ теоріи, что онъ, слѣдуя Герберту Спенсеру, представляетъ себѣ соціализмъ чѣмъ-то вродѣ государственныхъ казармъ, въ которыхъ все населеніе будетъ работать подъ деспотическимъ контролемъ правительства. Когда Морлей ознакимится съ нашими задачами изъ первоисточниковъ, — говорятъ они,—онъ будетъ всецѣло нашъ.

Въ палатѣ общинъ имѣются, помимо Морлея, и другіе талантливые и убѣжденные люди, на которыхъ мы, къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, останавливаться не можемъ. Назовемъ извѣстнаго историка Джемса Брайса (автора „Американской республики“), бывшаго школьнаго учителя доктора Макнамару, талантливаго уэльскаго депутата Ллойда-Джорджа, лидера Независимой Рабочей Партіи Кейръ-Гарди, наконецъ, неумолимаго обличителя хищничества и бойца за демократическіе реформы архимилліонера Лабушера, по странному недоразумѣнію являющагося также и неумолимымъ противникомъ эманципаціи женщинъ.

Всѣ эти люди несомнѣнно войдутъ въ число членовъ будущей возрожденной оппозиціи. Какой характеръ эта оппозиція будетъ носить, мы разсмотримъ въ заключеніе нашего очерка.

XV.

Двухъ-партійная система и имперьялизмъ.

„Находимся-ли мы наканунѣ крушенія двухъ-партійной системы правленія?"—задается тревожнымъ вопросомъ Т. Kebbel [1]) „Должны ли мы смотрѣть на крушеніе одного изъ крыльевъ нашего государственнаго зданія (т. е. либеральной партіи) какъ на указаніе, что все зданіе прогнило и рухнетъ въ ближайшемъ будущемъ, или же лишь какъ на признакъ временной неурядицы, которую не трудно будетъ привести въ порядокъ?".

Г. Кеббель считаетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ временной неурядицей, что система эта еще не отжила свой вѣкъ. Въ оппозиціи—говоритъ онъ—окрѣпнутъ новыя силы, радикальная партія сдѣлается доминирующимъ центромъ, и она объединитъ вокругъ себя всѣ элементы оппозиціи. Я не стану пророчествовать насчетъ будущности „государственнаго зданія" Англіи. Въ мою задачу входитъ лишь ознакомленіе русскаго читателя съ современнымъ состояніемъ политическихъ партій англійскаго парламента. По справедливому мнѣнію Кеббеля, двухъ-партійная система держится на двухъ устояхъ: во-первыхъ, на дисциплинѣ и организованности каждой партіи и, во-вторыхъ, на принципіальномъ различіи,—обѣ партіи должны быть раздѣлены принципіально въ вопросахъ длящейся важности. Само собой разумѣется, что отъ второго пункта зависитъ въ значительной степени первый, что не мыслима дисциплированная борьба двухъ организованныхъ политическихъ партій, разъ между этими партіями нѣтъ длящихся принципіальныхъ разногласій. И по мѣрѣ исчезновенія принципіальнаго отличія либеральной партіи отъ консервативной, падала также и дисциплина въ рядахъ либераловъ и росло число перебѣжчиковъ изъ либеральнаго лагеря въ консервативный.

Въ настоящее время трудно найти какое-либо принципіальное различіе между либераломъ и консерваторомъ,—конечно, если мы будемъ судить объ этихъ двухъ партіяхъ

---

[1]) T. Kebbel: „Is the party system breaking up", въ „Nineteenth Ceintury", за 1895 г., стр. 502.

не по однѣмъ ихъ оффиціальнымъ рѣчамъ, но и по ихъ дѣятельности. „Теперь для всякаго ясно, что партійное правленіе не заключаетъ съ себѣ никакого принципа“ [1],—говоритъ проницательный англичанинъ въ Fortnightly Review“. Къ такому же мнѣнію пришелъ и Франквилль десятью годами раньше.

До начала прошлаго вѣка власть оспаривалась двумя аристократическими партіями,—тори и вигами, придворнымъ дворянствомъ и поземельными владѣльцами. Съ начала этого вѣка начинается ростъ могущества буржуазіи и постепенное проникновеніе ею партіи виговъ. Въ 1832 году буржуа получаетъ политическое господство, и партія виговъ превращается въ либеральную партію, а тори перекрещиваются въ консерваторовъ. Періодъ чартистскаго движенія,—съ 1832 по 1848 г.г.,—является единственнымъ періодомъ въ исторіи Англіи, когда существовало дѣйствительно партійное правленіе, когда обѣ партіи раздѣляло глубокое принципіальное разногласіе. Народъ стоналъ подъ тяжестью хлѣбныхъ законовъ, и молодая буржуазія, нуждавшаяся въ полной свободѣ торговли для развитія своихъ предпріятій, явилась выразительницей народной воли въ своей борьбѣ за дешевый хлѣбъ. Эта борьба между фабрикантами и народомъ, съ одной стороны, и землевладѣльцами, съ другой, закончилась, какъ извѣстно, полнымъ торжествомъ первыхъ. „Когда Пилль,—разсказываетъ Фредерикъ Гэйль [2],—послѣ принятія закона объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ, вышелъ изъ палаты на улицу, онъ нашелъ ее запруженной народомъ; увидя Пилля, народъ снялъ шапки и, молча, съ непокрытой головой, провелъ его до дому“. Побѣда Кобдена, Брайта и Уилльерса—этихъ трехъ великихъ апостоловъ свободной торговли—была не только побѣдой принципа: она знаменовала собою также исчезновеніе цѣлой экономической системы. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ лишаетъ лэндлордовъ не только ихъ политическаго господства, какъ класса, но также и ихъ экономическихъ устоевъ. Съ отмѣной хлѣбныхъ законовъ и торжествомъ фритредерства начинается паденіе земледѣлія и сокращеніе площади обрабатываемой земли. Поземельная собственность перестаетъ быть главной основой экономическаго благосостоянія страны, лэндлорды обзаводятся промышленными акціями и облигаціями, фабриками и заводами, а фабриканты и заводчики начинаютъ пріобрѣтать земли и превращать ихъ въ парки, куда они ѣздятъ отдохнуть и

---

[1]) A. B. C.: „The Nemessis of Party“, въ „Fortnightly Review“. 1898, стр. 3.

[2]) „Frederik Gale“, 40 years in the lobby of the House o Commons, въ „Fortnightly Review“, 1898, стр. 242.

поохотиться. Мало-по-малу каждая изъ обѣихъ партій превращается въ агломератъ представителей всѣхъ имущихъ классовъ и въ настоящее время различіе въ составѣ обѣихъ партій является въ общемъ различіемъ лицъ, а не экономическихъ интересовъ или общественныхъ идеаловъ.

Реорганизація оппозиціи теперь неизбѣжна,—и именно потому, что современный джингоизмъ, охватившій Англію, имѣетъ подъ собою глубокія экономическія основанія, является результатомъ глубокихъ перемѣнъ въ организмѣ страны. Пока хозяиномъ экономической жизни Англіи былъ промышленный капиталъ, пока жизненный пульсъ ея регулировался, главнымъ образомъ, внутреннимъ производствомъ, джингоизмъ не имѣлъ прочныхъ корней въ либеральной партіи. Манчестерская теорія была святая святыхъ либераловъ, и на расширеніе территоріи они смотрѣли, какъ на ненужное бремя. Все, чего желала Англія 50—70 г.г.,—это свободнаго доступа ея товаровъ на внѣшніе рынки. Но за послѣднія десятилѣтія положеніе дѣлъ сильно измѣнилось. Германія и Соединенные Штаты сдѣлали гигантскіе успѣхи въ крупной промышленности и начали тѣснить англійскіе товары. Они загородили свои собственные рынки охранительными тарифами и стали наводнять своими товарами англійскіе рынки, свободные отъ всякихъ таможенныхъ пошлинъ. Для Англіи возникъ вопросъ о самозащитѣ, и расширеніе колоніальной имперіи получило для нея нѣкоторый смыслъ.

Съ другой стороны, долгое господство на всемірномъ рынкѣ способствовало накопленію въ Англіи такихъ громадныхъ капиталовъ, которыя болѣе не находили приложенія на своей родинѣ. Излишки эти частью отдавались взаймы иностраннымъ правительствамъ, частью уходили въ молодыя промышленныя страны и превращались тамъ въ орудія эксплуатаціи естественныхъ богатствъ, въ акціи и облигаціи новыхъ заводовъ и шахтъ. Мало-по-малу Лондонъ сдѣлался центральной биржей, на которой котируются акціи, облигаціи и государственныя бумаги всего міра. По послѣднимъ вычисленіямъ, доходы Англіи отъ капиталовъ, помѣщенныхъ заграницей, достигаютъ теперь минимумъ 1.200.000.000 руб. въ годъ. На политическомъ фонѣ выросла, такимъ образомъ, новая сила представителей финансоваго, денежнаго, капитала, для которыхъ международное положеніе Британской Имперіи имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ отъ этого положенія зависитъ обезпеченность помѣщенныхъ за-границей капиталовъ, и которые въ расширеніи территоріи видятъ расширеніе годныхъ для реализаціи естественныхъ богатствъ.

Вотъ на этой-то почвѣ и разросся пышнымъ цвѣтомъ

джингоизмъ, этими измѣненіями и объясняются расколы въ либеральной партіи. Распаденіе это не есть явленіе случайное или временное. Оно началось еще при Гладстонѣ, когда крупная секція либераловъ и радикаловъ отпала и присоединилась къ консерваторамъ. Оно усилилось со смертью Гладстона, и сначала Розбэри, представитель имперьялизма, а затѣмъ Гаркортъ и Морлей, представители литлинглэндизма, отказались отъ обязанностей лидеровъ. Отставка Розбэри была послѣдней побѣдой философскаго манчестерства; отставка Гаркорта и Морлея была похоронной пѣсней этой теоріи и торжествомъ имперьялизма. Война дала могучій толчекъ разложенію, и, какъ мы видѣли, въ лагерѣ оппозиціи теперь своя своихъ не познаша. Но и въ лагерѣ юніонистовъ, какъ я уже упомянулъ выше, началась смута, въ силу тѣхъ же причинъ.

Торжество имперьялистской политики, въ силу самой природы ея, не можетъ быть продолжительнымъ въ странѣ съ свободными учрежденіями. Имперьялизмъ неизбѣжно обусловливаетъ быстрый ростъ государственнаго долга и податного бремени и неизмѣнно становится тормазомъ для развитія національной промышленности и торговли. И достаточно было 10—15 лѣтъ имперьялистской политики, чтобы Англія теперь очутилась лицомъ къ лицу передъ вопросомъ: какимъ путемъ можно вернуть странѣ ея еще столь недавно блестящій государственный кредитъ и пріостановить ростъ податного бремени [1])? И какія мѣры нужно принять для того, чтобы удержать за англійскою промышленностью первенствующее мѣсто на международномъ рынкѣ?

На этотъ вопросъ рабочій классъ и прогрессивная часть владѣющихъ классовъ отвѣчаютъ: путемъ соціальныхъ реформъ, подъема народнаго и высшаго образованія, демократизаціи знаній „Въ борьбѣ за рынки, въ борьбѣ за національное благосостояніе,—заявилъ на послѣднемъ конгрессѣ Британской Ассоціаціи ученыхъ ея президентъ сэръ Норманъ Локіеръ,—мѣсто мечей и физической силы заняли теперь науки и мозги. Народная школа, университетъ, лабораторія и мастерская,—вотъ та арена, на которой рѣшается вопросъ о побѣдѣ въ современной борьбѣ націй“.

Чемберлэнъ разрѣшаетъ иначе экономическія и финансовыя проблемы Англіи. Соединенные Штаты и Германія сдѣлались опасными соперниками Англіи на международ-

[1]) За послѣдніе пять лѣтъ биржевая цѣна англійскихъ консолей упала на 25%. Государственный бюджетъ Англіи возросъ за послѣдніе 8 лѣтъ почти на 100%.

номъ рынкѣ. Почему? Потому что эти двѣ страны покровительствуютъ своей индустріи,—отвѣчаетъ Чемберлэнъ; слѣдовательно, и Англія должна покинуть знамя свободной торговли перейти къ протекціонизму. Соединенные Штаты и Германія оградила себя отъ англійскихъ товаровъ таможенными тарифами и начинаютъ наводнять англійскій рынокъ своими товарами. Слѣдовательно, чтобы поддержать англійскую промышленность, нужно оградить англійскій рынокъ таможенными пошлинами и заключить съ британскими колоніями таможенный союзъ, подобный германскому Zollverein'у. Англія страна обрабатывающей промышленности, главный же ея ввозъ состоитъ изъ продуктовъ сельскаго хозяйства и сырыхъ матерьяловъ или полуфабрикатовъ; наоборотъ, британскія колоніи нуждаются главнымъ образомъ въ рынкѣ для вывоза продуктовъ сельскаго хозяйства и сырыхъ матерьяловъ, ввозятъ же они по преимуществу фабричныя издѣлія. Поэтому нужно, чтобы Англія предоставила своимъ колоніямъ свободный ввозъ ихъ продуктовъ на англійскій рынокъ и обложила пошлиной ввозъ такихъ продуктовъ изъ другихъ странъ; и нужно, чтобы британскія колоніи предоставили Англіи аналогичныя привиллегіи для ея фабричныхъ издѣлій. Такой таможенный союзъ, выгодный для обѣихъ сторонъ, соединитъ болѣе тѣсными узами Англію съ ея колоніями. Протекціонизмъ, такимъ образомъ, является дальнѣйшимъ развитіемъ имперьялизма. Онъ, сверхъ того, спасетъ англійскую промышленность отъ иностранной конкурренціи, уменьшитъ, поэтому, количество безработныхъ и повыситъ въ Англіи заработную плату. Въ тоже время таможенныя пошлины дадутъ такой избытокъ государственныхъ доходовъ, что сдѣлается возможнымъ провести законъ о выдачѣ изъ казны пенсій престарѣлымъ рабочимъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ аргументы, которыми обставилъ Чемберлэнъ новый протекціонный девизъ, выставленный имъ на своемъ знамени въ маѣ 1903 г. Обѣщаніемъ высокой заработной платы и пенсій старости Чемберлэнъ надѣялся привлечь на свою сторону рабочій классъ. Но рабочіе хорошо еще помнятъ времена хлѣбныхъ законовъ, когда заработная плата держалась на крайне низкомъ уровнѣ, несмотря на то, что цѣна на хлѣбъ была вчетверо выше нынѣшней. „Пусть намъ раньше повысятъ заработную плату, а тамъ мы, можетъ, и согласимся на обложеніе хлѣба налогомъ",—заявилъ насмѣшливо Чемберлэну одинъ чернорабочій. И засѣдавшій въ началѣ сентября 1903 г.

конгрессъ трэдъ-юніоновъ высказался единодушно противъ протекціонистскихъ плановъ Чемберлэна.

Еще болѣе расчитывалъ Чемберлэнъ на поддержку владѣющихъ классовъ, въ особенности лэндлордовъ, которымъ хлѣбные законы приносили сказочные барыши. Насколько оправдаются эти надежды, покажетъ ближайшее будущее. Здѣсь же замѣтимъ, что пока проекты Чемберлэна внесли расколъ въ среду юніонистской партіи и ея прессы: часть партіи и прессы стоятъ за него, другая—противъ. Я уже говорилъ выше, что теперь въ Англіи лэндлорды и фабриканты перемѣшаны, и если для капиталиста хлѣбные законы означали бы повышеніе ренты съ его земель, то съ другой стороны, они были бы невыгодны для его фабрикъ, такъ какъ вызвали бы ретамацію противъ англійскихъ товаровъ со стороны вывозящихъ хлѣбъ державъ. Но хозяева болѣе отсталыхъ отраслей промышленности, мелкіе капиталисты и биржевики, т. е. представители крупнаго денежнаго капитала являются горячими сторонниками протекціонистской политики Чемберлэна.

А пока что, Чемберлэнъ проявляетъ колоссальную энергію въ своей протекціонистской кампаніи, и основанный имъ въ Бермингамѣ Тарифный Комитетъ отпечаталъ 50.000.000 брошюръ, въ которыхъ при помощи произвольнаго сопоставленія оффиціальныхъ данныхъ доказывается, что промышленность и торговля Англіи упали за послѣдніе 30 лѣтъ и что только путемъ тарифовъ можетъ она снова вернуть свое благосостояніе. Съ своей стороны, Кобденскій Клубъ, выпустившій также милліоны брошюръ, но въ защиту свободной торговли доказываетъ при помощи тѣхъ же данныхъ, что благосостояніе и промышленность Англіи никогда не стояли такъ высоко, какъ теперь, и что достигла она этого именно благодаря своей фритредерской политикѣ.

Считаю, поэтому, не лишнимъ ознакомить русскаго читателя непосредственно съ оффиціальными данными, не подтасовывая ихъ, а въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ въ Синихъ Книгахъ (см. стр. 218) [1]).

Анализъ этихъ цифръ никоимъ образомъ не даетъ повода говорить о паденіи англійской торговли и промышленности. За первую половину XIX в., когда Англія придерживалась протекціонной политики и хлѣбныхъ законовъ и

---

[1]) Пользуюсь, главнымъ образомъ, послѣдними изданіями: „Memorandum on the comparative statistics of population, industry and commerce“ (1902 г.) и „Condition of Trade and Pepole“ (1903 г.).

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ и ИРЛАНДІЯ [1]).

Годы.	Населеніе (въ милліонахъ).	Цѣны на хлѣбъ (четверть въ 480 анг. фунг. вѣсу). Пшеница Руб.	Пшеница К.	Ячмень Руб.	Ячмень К.	Весь ввозъ пищевыхъ продуктовъ.	Ввозъ пищ. пр. изъ однихъ только британскихъ владѣній.	Вывозная торговля. (въ милліон. рублей).	Ввозная торговля. (въ милліон. рублей).	Капиталъ, обложенный подоходнымъ налогомъ.
1801	Нѣтъ точныхъ данныхъ.	59	74	34	24	Нѣтъ	данныхъ.	420	Нѣтъ точныхъ данныхъ.	Нѣтъ данныхъ.
1811		47	62	21	12			350		
1821	20.9	28	04	13	—			360		
1831	24.0	33	16	19	—			370		
1841	26.7	32	16	16	40			520		
1851	27.4	19	24	12	36	(въ милліо	нахъ рубл.)	740		(въ милл. р.)
1861	28.9	27	66	18	04	881.4	166.6	1.250	2.170	3.119
1871	31.5	28	32	18	08	1,307.7	214.6	2.230	3.310	4.457
1881	34.9	22	66	15	95	1,816.7	300.1	2.340	3.970	5.601
1891	37.7	18	50	14	08	1,881.8	361.1	2.470	4.350	6.682
1901	41.4	13	36	13	58	2,245.9	416.5	2.800	5.220	8.670

[1]) Для удобства мы переводимъ англійскія деньги на русскія, считая 1 фунтъ ст. = 10 руб.; 1 шил. = 50 к. и 1 пенсъ = 4 к .п. Напомнимъ, что пошлины на хлѣбъ въ Англіи были окончательно отмѣнены въ 1846 г.

когда, слѣдовательно, цѣны на хлѣбъ были высоки, вывозная торговля ея увеличилась только на 75%; за вторую половину XIX ст., при господствѣ режима свободной торговли и дешевыхъ цѣнъ на хлѣбъ, вывозная торговля Англіи поднялась почти на 300%. Почти столь же сильно возросли капиталы, обложенные подоходнымъ налогомъ. Сильное превышеніе ввоза надъ вывозомъ уравновѣшивается, главнымъ образомъ, двумя факторами. Во-первыхъ, ре-транзитной торговлей Англіи: англійскіе суда и матросы перевозятъ ежегодно иностранныхъ товаровъ въ другія государства на 600—650 милл. р. въ годъ. Во-вторыхъ, тѣми доходами, которые англійскіе капиталисты получаютъ отъ своихъ капиталовъ, помѣщенныхъ за-границей въ видѣ государственныхъ займовъ, акцій, облигацій и т. п.

Иная картина получается при сравненіи роста англійской внѣшней торговли съ внѣшней торговлей Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. За послѣднее 20-лѣтіе (1880—1900 гг.) вывозная торговля Германіи поднялась съ 1,450 милл. руб. до 2,290 м. р.. т. е. на 480 милл. р.: и Соединенныхъ Штатовъ съ 1,720 до 2,860 милл. р., т. е. на 1,140 милліоновъ. Между тѣмъ вывозъ Англіи за это же время возросъ лишь на 680 милліоновъ руб. Такимъ образомъ, темпъ развитія англійскаго вывоза значительно слабѣе темпа развитія германскаго или американскаго вывоза, причемъ вывозная торговля Соединенныхъ Штатовъ стоитъ уже теперь приблизительно на одномъ уровнѣ съ вывозомъ Англіи. Вотъ этотъ именно фактъ и служитъ указаніемъ на то, что англійская промышленность постепенно теряетъ ту гегемонію на всемірномъ рынкѣ, какою она пользовалась въ продолженіе столь долгаго времени. Этотъ фактъ и далъ поводъ многимъ западно-европейскимъ и русскимъ публицистамъ провозгласить, что англійская промышленность падаетъ. Мы видѣли, что фактически имѣетъ мѣсто не паденіе, а лишь сравнительно медленный ростъ ея. Въ этомъ замедленіи безспорно важную роль играетъ слабая постановка техническаго, а также общаго высшаго и средняго образованія въ Англіи. Но несомнѣнно также, что для выясненія истиннаго положенія англійской промышленности нужно принять во вниманіе и цифры населенія сравниваемыхъ странъ. За послѣдніе 20 лѣтъ (1881—1901) населеніе Англіи возросло съ 34.9 милл. до 41.5 м., т. е. на 6.6 милл.; на этотъ же періодъ (1880—1900) населеніе Германіи увеличилось на 11.2 милл. (съ 45.2 до 56.4 милл.), а населеніе Соединенныхъ Штатовъ на 25.3 милл. (съ 50.2 до 75.3 милл.) и теперь превышаетъ на-

селеніе Англіи почти вдвое. Если принять во вниманіе сравнительныя цифры числа жителей, то мы получимъ слѣдующій средній годовой ввозъ и вывозъ, падающій на каждаго жителя (по пятилѣтіямъ):

Годы.	Англія.				Германія.				Соед. Штаты.			
	Вывозъ.		Ввозъ.		Вывозъ.		Ввозъ.		Вывозъ.		Ввозъ.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К
1875—79	60	—	95	16	31	50	43	04	28	12	21	20
1880—84	66	58	97	66	34	32	34	12	32	95	27	78
1885—89	61	82	87	08	32	74	34	70	25	90	24	44
1890—94	61	44	93	62	31	36	41	08	29	50	25	95
1895—99	59	70	98	58	33	58	43	40	29	16	19	95

Изъ этой таблицы мы видимъ, что по отношенію къ числу жителей позиціи внѣшней торговли сравниваемыхъ странъ почти не измѣнились за послѣднюю четверть вѣка и что ввозъ и вывозъ, падающій на каждаго жителя, по прежнему въ 2—3 раза выше въ Англіи, чѣмъ въ Германіи или Соединенныхъ Штатахъ.

XVI.

Соціалистическія и рабочія организаціи.—Ирландскія партіи.

Путаница, возникшая въ рядахъ обѣихъ парламентскихъ партій, не можетъ продолжаться долго. Въ странѣ зрѣютъ новыя прогрессивныя силы, и онѣ съорганизовавшись, сумѣютъ прочистить политическую и соціальную атмосферу страны. И если эти силы еще не заняли въ парламентѣ соотвѣтствующаго имъ мѣста, если онѣ еще не сказали тамъ своего вѣскаго слова, причины этому лежатъ въ упомянутыхъ выше несовершенствахъ англійской конституціи, и прежде всего въ страшной дороговизнѣ выборовъ.

Устраненіе этой „золотой преграды",—the golden bar, какъ выражаются англичане,—закрывающей именно представителямъ трудящихся классовъ входъ въ законодательную лабораторію, является тѣмъ ключемъ, который откроетъ Англіи дорогу къ возрожденію и прогрессу. Я особенно напираю на это обстоятельство потому, что задачу очищенія родины отъ духовной косности и политическаго застоя можетъ разрѣшить въ Англіи только рабочій классъ, а не классы владѣющіе. Я этимъ, конечно, не хочу сказать, что та или иная группа владѣющихъ классовъ не можетъ играть благодѣтельной роли въ этомъ возродительномъ процессѣ. Но я хочу отмѣтить, что наиболѣе вліятельные слои правящихъ классовъ жизненно не заинтересованы въ развитіи существующихъ демократическихъ учрежденій; наоборотъ, для нихъ крайне важно сохранить въ неизмѣнномъ видѣ эти учрежденія, такъ какъ онѣ отдали цѣликомъ въ ихъ руки политическую власть, отъ которой зависитъ ихъ экономическое господство.

Эти демократическія учрежденія, какъ мы видѣли, обладаютъ извѣстной степенью эластичности, благодаря которой массы, въ моменты сильнаго скопленія политическаго недовольства, могутъ оказывать давленіе на направленіе законодательной дѣятельности. Этими моментами опредѣляются этапы въ исторіи развитія этихъ учрежденій. Но до послѣдняго времени рабочія массы, за исключеніемъ этихъ моментовъ косвеннаго воздѣйствія, не принимали сколько нибудь значительнаго активнаго участія въ политической жизни своей родины. Въ парламентѣ *рабочей* партіи, то есть такой партіи, которая являлась бы представительницей рабочаго класса въ его цѣломъ, какъ въ Германіи, Бельгіи или Франціи,—такой партіи въ англійскомъ парламентѣ нѣтъ. Та дюжина рабочихъ представителей, которымъ удалось пробраться въ палату общинъ, не носитъ въ себѣ даже зародышей для образованія независимой рабочей партіи съ опредѣленной классовой программой. Каждый изъ этихъ рабочихъ депутатовъ посланъ своимъ округомъ не для того, чтобы отстаивать обще-классовые интересы труда, а наоборотъ, чтобы проводить „*a parochial policy*"—*политику даннаго прихода*, то есть, чтобы отстаивать тѣ узкіе интересы пославшаго его округа, которые противоположны интересамъ рабочихъ другихъ округовъ. Такъ, напримѣръ, углекопы Дэргемскаго и Нортумберленскаго округовъ, объединенные въ могущественный трэдъ-юніонъ, посылаютъ въ палату общинъ двухъ рабочихъ депутатовъ Фенвика и Вильсона затѣмъ, чтобы они боролись противъ введенія восьмичасоваго рабочаго дня въ каменноугольныхъ копяхъ. Такое

ограниченіе рабочаго дня для углекоповъ этихъ округовъ не выгодно по причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить. Наоборотъ, Генеральная Федерація Углекоповъ, обнимающая почти всѣхъ остальныхъ углекоповъ Великобританіи, посылаетъ своихъ представителей затѣмъ, чтобы отстаивать 8-ми часовой день. Точно также и другіе крупные трэдъ-юніоны—желѣзнодорожныхъ рабочихъ, текстильныхъ фабрикъ и др., имѣютъ по одному представителю, обязанному слѣдить затѣмъ, чтобы какъ нибудь не пострадали интересы данной группы рабочихъ. По всѣмъ же вопросамъ общегосударственнаго или общенаціональнаго характера избиратели предоставляютъ полную свободу своимъ депутатамъ. И эти рабочіе депутаты, не связанные никакой общей программой, ни общей идеей, обыкновенно въ такихъ вопросахъ тянутся въ хвостѣ либеральной партіи, а иногда и консервативной. Въ общемъ это „молчаливые" депутаты, берущіе слово только тогда, когда затрагиваются интересы ихъ „прихода". Болѣе талантливые изъ нихъ, какъ Ричардъ Беллъ, превращаются въ активныхъ членовъ либеральной партіи.

Исключеніемъ изъ этого правила являются только Джонъ Бернсъ, Кейръ Гарди и вновь избранный Вильямъ Круксъ. Формально Бернсъ зачисленъ въ ряды либеральной партіи и дѣйствуетъ дружно съ лучшими представителями ея. Но фактически онъ сохраняетъ вполнѣ независимое положеніе и представляетъ въ палатѣ, единолично, какъ бы особую партію; онъ неутомимо отстаиваетъ всякую мѣру, которая способна улучшить условія жизни рабочаго класса. Это та же программа, которой слѣдуетъ рабочая партія Новой Зеландіи. Соціализмъ въ этой программѣ не играетъ никакой прямой роли и не упоминается. Но косвенно осуществленіе этой программы ведетъ къ преобразованію государственнаго строя въ духѣ соціализма.

Про Кейръ-Гарди можно сказать, что онъ, единолично, также представляетъ отдѣльную партію въ парламентѣ общинъ. Онъ единственный оффиціальный представитель соціализма въ парламентѣ. Онъ предсѣдатель Независимой Рабочей Партіи, внѣ парламентской организаціи, исходящей къ своей программѣ изъ принциповъ соціализма. Подобно Бернсу и Круксу Кейръ-Гарди принадлежитъ по происхожденію къ рабочему классу. Съ малыхъ лѣтъ—онъ родился въ 1856 году—онъ работалъ въ каменноугольной шахтѣ. Потомъ, при помощи чтенія пополняя недостатокъ школьнаго образованія, Кейръ-Гарди началъ писать въ газетахъ

сдѣлался редакторомъ рабочей газетки и, наконецъ, однимъ изъ организаторовъ Независимой Рабочей Партіи.

Скажемъ здѣсь, кстати, нѣсколько словъ о важнѣйшихъ соціалистическихъ организаціяхъ Англіи. Старѣйшая изъ этихъ организацій — Соціалъ-Демократическая Федерація, основанная въ 1881 году, — не имѣетъ до сихъ поръ ни одного представителя въ парламентѣ. По своимъ теоретическимъ основоположеніямъ и по своей политической программѣ, эта организанія ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Но въ то время, какъ послѣдняя непрерывно усиливается и успѣла уже по своей численности занять первое мѣсто въ странѣ, Соціалъ-Демократическая Федерація за послѣднія десять лѣтъ не обнаруживаетъ сколько-нибудь замѣтнаго прогресса и играетъ весьма второстепенную роль въ Англіи. Номинально эта организація имѣетъ около 150 кружковъ (branches), насчитывающихъ около 10.000 членовъ; но фактически и эти цифры значительно преувеличены, такъ какъ многіе изъ этихъ branches давно прекратили свое существованіе и фигурируютъ лишь на бумагѣ. Газета этой организаціи „Justice" раскупается въ 2—3 тыс. экз. [1]), и литература, издаваемая ею, весьма скудна. Важнымъ признакомъ слабости Соціалъ-Демократической Федераціи служитъ отсутствіе въ ея рядахъ выдающихся по образованію и талантамъ людей. Джонъ Бернсъ, Томъ-Маннъ и др. покинули ее давно. Даже Гайндманъ, самый выдающійся членъ и бывшій ея вождемъ въ продолженіе 20 лѣтъ, года два тому назадъ, усталый и разочарованный, сложилъ съ себя обязанности предсѣдателя и выступилъ изъ Центральнаго Совѣта ея [2]).

Мы здѣсь не станемъ искать общихъ причинъ этой слабости соціалъ-демократіи въ Англіи. Причины эти коренятся въ особенностяхъ всего процесса эволюціи общественно-политической жизни Англіи, и не находятся ни въ какой зависимости отъ марксизма вообще. Разсмотрѣніе этихъ причинъ отняло бы у насъ слишкомъ много мѣста. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь одну частную причину, указанную Гайндманомъ въ его рѣчи, произнесенной имъ года два тому назадъ въ Кельмскотъ-Клубѣ (въ Лондонѣ). „Соціализмъ—заявилъ Гайндманъ,—задерживается въ Англіи, благодаря развитію трэдъ-юніонизма. Трэдъ-юніонисты узки и эгоистичны и интересуются больше увеличеніемъ своей рабочей

---

[1]) Ея редакторъ—Квелчъ, бывшій рабочій, теперь послѣ Гайндмана, стоящій во главѣ Соціалъ-Демократической Федераціи.

[2]) Впрочемъ въ самое послѣднее время онъ, отдохнувъ, снова сталъ дѣятельнымъ ея членомъ.

платы или сокращеніемъ рабочаго дня, чѣмъ какимъ-либо идеаломъ. Трэдъ-юніонизмъ является поэтому страшной консервативной силой, которая преграждаетъ дорогу прогрессу соціализма". Озлобленіе, съ какимъ Гайндманъ нападалъ на трэдъ-юніоны вызвало горячіе протесты со стороны бывшихъ на митингѣ трэдъ-юніонистовъ. И въ этомъ озлобленіи, которое въ большей или меньшей степени проглядываетъ во всей дѣятельности Гайндмана за время его руководительства Соціалъ-Демократической Федераціей, лежитъ, вѣроятно, немаловажная причина слабости этой организаціи.

Второй крупной, по времени возникновенія, организаціей, именующей себя соціалистической, является Общество Фабіанцевъ, основанное въ 1883 г. Это общество состоитъ, главнымъ образомъ, изъ интеллигенціи руководимой извѣстнымъ экономистомъ Сиднеемъ Веббомъ и остроумнымъ драматургомъ Бернардомъ Шау. Общество Фабіанцевъ стремится „къ преобразованію общественнаго строя путемъ освобожденія земли и промышленнаго капитала отъ права частной собственности и передачи ихъ въ руки всего общества для блага всей націи". Къ этой соціалистической цѣли фабіанцы стремятся путемъ проникновенія правящихъ классовъ идеями соціализма и повышенія интеллектуальнаго уровня трудящихся классовъ. Исходя изъ этой программы, фабіанцы вначалѣ оказали существенную услугу рабочему движенію тѣмъ, что они издали множество популярныхъ брошюръ по разнымъ вопросамъ экономіи и политики. За одинъ только послѣдній отчетный годъ (1901—2) они распространили болѣе 150 тыс. брошюръ. Но мало-по-малу мелко-буржуазное направленіе фабіанцевъ (кунктаторовъ) выродилось въ импотентный джингоизмъ; послѣдній особенно рельефно проявился во время южно-африканской войны, когда Бернардъ Шау опубликовалъ одобренную большинствомъ членовъ партіи книгу, въ которой онъ доказывалъ, что соціалисты должны быть прежде всего имперіалистами, и что завоеваніе Англіей бурскихъ республикъ есть шагъ по пути къ осуществленію соціализма. Года три тому назадъ Общество Фабіанцевъ имѣло 818 членовъ, среди которыхъ было не мало талантливыхъ людей. Но за послѣдніе годы число членовъ стало падать и значеніе самого общества стало тускнѣть.

Позднѣйшей по времени организаціей является Независимая Рабочая Партія, организованная въ 1893 г. и насчитывающая въ настоящее время около 12,000 членовъ. Отъ Соц.-Дем. Федераціи эта партія отличается не своей конечной цѣлью и не своими теоретическими предпосылками, а лишь большой ограниченностью и опредѣленностью своей

Кайеръ-Гарди.

практической программы. Ея главная задача—создать рабочую партію въ парламентѣ на основѣ независимой классовой программы. и потому она прежде всего борется за мѣры, направленныя „къ расширенію избирательныхъ правъ мужчинъ и женщинъ и къ демократизаціи государственныхъ учрежденій“. Однако, до самаго послѣдняго времени усилія этой организаціи не увѣнчивались сколько нибудь замѣтнымъ успѣхомъ. Ея единственный представитель въ парламентѣ Кейръ-Гарди засѣдалъ тамъ въ 1892—95 г.г., провалился на выборахъ 1895 года, и наконецъ, снова былъ выбранъ въ 1900 году. Въ палатѣ общинъ его присутствіе остается незамѣтнымъ, такъ какъ онъ духовно менѣе одаренъ, чѣмъ напримѣръ, Джонъ Бернсъ. Въ апрѣлѣ 1901 года Кейръ-Гарди внесъ въ палату предложеніе о томъ, чтобы „въ виду увеличивающейся тяжести, какую частная собственность на землю и капиталъ налагаетъ на трудящіеся и полезные классы общества, въ виду бѣдности, нищеты и всеобщаго духовнаго и физическаго вырожденія, являющагося результатомъ системы конкуренціи въ производствѣ, направленной прежде всего къ полученію прибыли, а также результатомъ быстраго роста трестовъ и синдикатовъ, способныхъ въ силу своихъ колоссальныхъ капиталовъ вліять на правительства и вовлекать, въ своихъ интересахъ, мирныя націи въ кровавые конфликты,—въ виду всего этого палата считаетъ желательнымъ принятіе такихъ законодательныхъ мѣръ, которыя направлены были бы къ созданію соціалистическаго строя, основаннаго на обобществленіи земли и капитала, на производствѣ для потребленія, а не для полученія прибыли и на полномъ равенствѣ всѣхъ гражданъ“. Это предложеніе, поддержанное Белломъ, склоннымъ къ соціализму представителемъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, постигла такая же судьба, какая постигла болѣе скромную резолюцію Крукса (см. стр. 196—198). Палата милліонеровъ „заговорила“ его.

Изъ демократическихъ организацій упомянемъ еще о Національной Демократической Лигѣ (National Democratie League), основанной года три тому назадъ и поставившей себѣ задачу добиться уничтоженія и „золотой преграды“, затрудняющей образованіе въ парламентѣ рабочей партіи, и парализаціи палаты лордовъ. Предсѣдатель этой лиги—В. Томсонъ, редакторъ „Reynold's Newspaper“. Среди членовъ отмѣтимъ упомянутаго нами Вильяма Крукса. Нац. Дем. Лига—это организація крайней радикальной демократіи.

Всѣ перечисленныя нами организаціи, для достиженія

своихъ цѣлей, стремятся прежде всего опереться на рабочій классъ, создать въ парламентѣ рабочую партію. При этомъ Соц.-Дем. Федерація стремится къ тому, чтобы эта будущая партія носила чисто соціалистическій характеръ и стояла на чисто классовой точкѣ зрѣнія. Наоборотъ, Нац. Дем. Лига агитируетъ за то, чтобы эта партія совершенно отрѣшилась отъ соціализма и состояла изъ союза всѣхъ демократовъ, безразлично, исповѣдуютъ ли они соціализмъ, радикализмъ или либерализмъ. Наконецъ, Независимая Рабочая Партія стоитъ за то, чтобы эта партія будущаго была соціалистической in spe, но рабочей, т. е. трэдъ-юніонистской въ началѣ своего существованія. Эта послѣдняя точка зрѣнія теперь восторжествовала.

Рабочій классъ въ Англіи до самаго послѣдняго времени довольствовался тѣми правами гражданской свободы и тѣми правами ограждающими свободу экономической борьбы, какіе за нимъ признали правящіе классы. Онъ вѣрилъ, что одной только экономической борьбой,—въ предѣлахъ, допускаемыхъ, уставами трэдъ-юніоновъ,—косвеннымъ давленіемъ на правительство на выборахъ и путемъ петицій и монстръ-митинговъ, онъ въ состояніи будетъ отстаивать условія для сноснаго человѣческаго существованія. И въ теченіе долгаго времени побѣды, одерживаемыя трэдъ-юніонизмомъ, подтверждали фактами основательность этой вѣры. Но за послѣдніе нѣсколько лѣтъ жизнь начала подкашивать корни этой вѣры. Рядъ гигантскихъ стачекъ, стоившихъ огромныхъ жертвъ трэдъ-юніонамъ, былъ проигранъ благодаря образовавшейся негласно федераціи хозяевъ. Затѣмъ, еще болѣе важные удары были нанесены уже не тому или иному трэдъ-юніону, а самому принципу трэдъ-юніонизма. Во время стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ Тафвальской Компаніи хозяева предъявили въ судъ искъ къ Объединенному Союзу желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, требуя возмѣщенія убытковъ за причиненныя Компаніи потери. Поводомъ для этого иска послужило то, что одно изъ должностныхъ лицъ трэдъ-юніона занималось „picketing", т. е. стояло у входа въ желѣзнодорожныя мастерскія и убѣждало рабочихъ не работать. Picketing считалось законнымъ въ продолженіе десятилѣтій, но теперь Компанія вздумала оспаривать это право рабочихъ. Дѣло это тянулось болѣе 2 лѣтъ и трэдъ-юніонъ проигралъ его во всѣхъ инстанціяхъ, затративъ около 100.000 руб. на судебныя издержки. Судъ, вѣроятно, подъ закулиснымъ давленіемъ правительства, призналъ въ принципѣ, что picketing запрещено закономъ и что всякій трэдъ-юніонъ отвѣтственъ своей казной за дѣйствія своихъ должностныхъ лицъ, и при-

судилъ взыскать съ Объединеннаго Союза жел.-дорожныхъ рабочихъ въ пользу Тафвальской Компаніи болѣе 200.000 р. И эта сумма была внесена Союзомъ.

Это рѣшеніе суда лишило трэдъ-юніоны увѣрености въ неприкосновенности ихъ кассъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлало серьезную стачечную борьбу почти невозможной, такъ какъ эта борьба въ Англіи всегда стоитъ рабочимъ огромныхъ денежныхъ затратъ. Такимъ образомъ передъ рабочимъ классомъ воочію сталъ вопросъ объ участіи ихъ въ парламентѣ для изданія законовъ, охраняющихъ права трудящихся. Не мало повліяла на рабочихъ также разорительная политика правительства послѣднихъ восьми лѣтъ, приведшая къ установленію налога на хлѣбъ [1]), чай, сахаръ, табакъ и пиво. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, было достигнуто то, чего не могли достигнуть перечисленныя выше организаціи. Рабочій классъ убѣдился въ необходимости создать свою собственную рабочую партію, которая завоевала бы мѣста въ палатѣ и образовала бы тамъ самостоятельную группу, независимую отъ консерваторовъ или либераловъ и имѣющую своей цѣлью проведеніе такихъ мѣръ, которыя способствовали бы улучшенію условій труда.

Для достиженія этой цѣли въ 1901 году состоялся съѣздъ представителей отъ трэдъ-юніонистскихъ и соціалистическихъ организацій, и на этомъ съѣздѣ было положено основаніе Комитету Рабочаго Представительства члены котораго обязываются вносить одинъ шиллингъ въ годъ для покрытія издержекъ на выборы и на содержаніе рабочихъ представителей въ парламентѣ. Въ настоящее время число членовъ этого Комитета достигаетъ уже милліона человѣкъ, и, такимъ образомъ, фактъ выступленія рабочихъ массъ на политическую арену имѣется уже на лицо.

Какой характеръ будетъ носить эта грядущая рабочая партія—трудно теперь сказать. На послѣднемъ съѣздѣ въ Ньюкестлѣ было рѣшено не вступать въ союзъ съ консерваторами, либералами или радикалами, и это рѣшеніе встрѣчено либерально-радикальной партіей съ большимъ неудовольствіемъ. Съ другой стороны, Соціалъ-Демократическая Федерація недавно выступила изъ Комитета, повидимому оттого, что онъ недостаточно соціалистиченъ. Доминирующимъ элементомъ Комитета является теперь Независимая Рабочая Партія (съ Кейръ-Гарди во главѣ), не теряющая надежды сдѣлать Комитетъ учрежденіемъ чисто соціалистическимъ,

---

[1]) Подъ давленіемъ частичныхъ выборовъ, налогъ на хлѣбъ былъ отмѣненъ въ 1903 году.

Но надолго ли сохранитъ свое вліяніе эта партія въ Комитетѣ, трудно сказать.

Таковы тѣ новыя силы, которыя взяли на себя задачу создать въ Англіи возрожденную оппозицію. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ первостепенной важности. Новому движенію теперь недостаетъ еще вождя, чтобы вылиться въ опредѣленную форму. По иниціативѣ Кейръ-Гарди, этотъ постъ былъ на дняхъ предложенъ Джону Бернсу. Но еще не извѣстно, согласится ли онъ взяться за это трудное дѣло.

Другимъ явленіемъ первостепенной важности, которое несомнѣнно наложитъ свою печать на судьбы политической жизни ближайшихъ лѣтъ, должно считать перемѣну ирландской политики консервативной партіи.

До 70-хъ годовъ XIX в. въ Англіи фигурировали только двѣ политическія партіи, консерваторы и либералы. Въ 70-хъ г.г. нарождается третья партія — ирландскихъ гомрулеровъ, требовавшихъ возрожденія независимаго ирландскаго парламента. Эта партія, основанная ирландскимъ адвокатомъ Буттомъ, отдѣлилась въ самостоятельную отъ консерваторовъ и либераловъ группу и готова была поддерживать ту изъ двухъ англійскихъ партій, которая согласится удовлетворить ея требованія. При Парнеллѣ, въ 80-хъ г.г., партія насчитывала 86 членовъ и достигла, благодаря его парламентскому генію, такого вліянія въ палатѣ общинъ, что Гладстонъ склонился къ удовлетворенію ея требованій. Между либералами и гомрулерами (или ирландскими націоналистами) былъ заключенъ союзъ. Консерваторы въ 1885 г., въ свою очередь, готовы были, въ лицѣ Сольсбэри, искать союза съ ирландскими націоналистами. Но происшедшій въ это время расколъ въ либеральномъ лагерѣ по вопросу именно о гомъ-рулѣ настолько ослабилъ либераловъ, и переходъ къ консерваторамъ отколовшейся отъ либераловъ фракціи либералъ-юніонистовъ настолько усилилъ партію Сольсбэри, что онъ отказался отъ проекта союза съ ирландцами и объявилъ войну гладстоновскому проекту гомъ-руля. Послѣ смерти Парнелля—въ 1890 г.— между націоналистами началась междуфракціонная борьба, продолжавшаяся до 1900 года и уронившая значительно престижъ ирландской партіи въ Англіи. Несмотря на это, ирландскій народъ продолжалъ упорно посылать свыше 80 депутатовъ гомрулеровъ, какъ бы этимъ подтверждая, что требованіе національнаго парламента есть воля всего народа и не зависитъ отъ распрей или дружнаго дѣйствія вождей. Вотъ почему Сольсбэри, продолжая свою политику противодѣйствія гомъ-рулю, который либеральная партія безуспѣшно старалась про-

вести, счелъ все таки необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя частичныя уступки ирландскому народу. Чтобы убить гомъ-руль „мягкостью (te kill home rule bu Kindness)“, были проведены въ Ирландіи кой какія аграрныя реформы, было учреждено тамъ министерство земледѣлія, принявшееся организовать фермеровъ въ кооперативные союзы, было даровано Ирландіи мѣстное самоуправленіе на широкихъ демократическихъ началахъ. Но этими мѣрами требованіе гомъ-руля нисколько не было ослаблено. Въ органы мѣстнаго самоуправленія были выбраны въ подавляющемъ большинствѣ гомрулеры. Плункеттъ, новый министръ земледѣлія, ревностно работавшій на благо Ирландіи, потерпѣлъ однако пораженіе на парламентскихъ выборахъ 1898 г. Весь ирландскій народъ объединился подъ знаменемъ Объединенной Ирландской Лиги, основанной въ 1898 г. двумя ирландскими патріотами, Вильямомъ О'Брайеномъ и Майколемъ Дэвитомъ, и поставившей себѣ задачей передачу земли народу и возрожденіе національнаго парламента.

Замѣтимъ здѣсь, что черезъ всю національную борьбу Ирландіи послѣдняго столѣтія красной нитью проходитъ одно основное требованіе народа: возвращеніе земли въ собственность земледѣльцамъ, уничтоженіе лэндлордизма, высасывавшаго всѣ жизненные соки изъ страны. Это была и есть жизненная потребность, такъ какъ лэндлорды, захвативъ всѣ земли въ свою монопольную собственность, повысили арендныя цѣны до такихъ размѣровъ, которые сдѣлали хроническое голоданіе неизбѣжнымъ явленіемъ. Начиная съ 1846 г. населеніе Ирландіи стало сокращаться и за послѣдніе 56 лѣтъ уменьшилось съ $8^1/_2$ до $4^1/_2$ мил. жителей. Чтобы уничтожить лэндлордизмъ, ирландцамъ нужно было создать свой парламентъ и сдѣлаться самостоятельными законодателями. Добитьсяэтого въ англійскомъ парламентѣ они разсчитывать не могли, такъ какъ англійская палата лордовъ и консервативная партія,—естественные союзницы ирландскихъ лэндлордовъ (мы видѣли выше, что сами консервативные министры владѣютъ обширными землями въ Ирландіи), не допустили бы проведенія такой реформы. Именно страхъ передъ этимъ требованіемъ уничтоженіе лэндлордизма и дѣлалъ консервативную партію непримиримой противницей гомъ-руля.

Но чего не могла сдѣлать вѣковая борьба, было сдѣлано измѣнившимися экономическими условіями. Аграрныя реформы Гладстона и Сольсбэри постепенно понизили арендную плату въ Ирландіи на цѣлую треть. Кооперативное движеніе увеличило доходность сельскаго хозяйства, спло-

тило крупныхъ и среднихъ фермеровъ бывшаго раньше консервативнымъ Ульстерскаго округа, и начатая въ 1900 г. бывшимъ юніонистскимъ министромъ Росселемъ агитація въ пользу обязательнаго выкупа всѣхъ земель нашла въ Ульстерѣ массу адептовъ и вызвала сближеніе ирландскихъ юніонистовъ съ націоналистами. Наконецъ, новое демократическое самоуправленіе изгнало изъ мѣстной жизни Ирландіи вліяніе лэндлордовъ и тѣмъ понизило ихъ доходы, а слѣдовательно и привлекательность для нихъ ихъ землевладѣнія. Такимъ образомъ, жизнь незамѣтно подготовила почву для сближенія между лэндлордами и фермерами. Когда землевладѣніе потеряло значительную долю своей привлекательности для лэндлордовъ, по иниціативѣ одного изъ лэндлордовъ собралась нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Дублинѣ конференція изъ представителей отъ нихъ и отъ фермеровъ. На конференціи былъ выработанъ проектъ передачи всѣхъ земель въ собственность фермеровъ на условіяхъ выкупа, выгодныхъ какъ для лэндлордовъ, такъ и для фермеровъ. И правительство Бальфура, еще лѣтомъ 1902 г. посадившее въ тюрьму дюжину ирландскихъ депутатовъ, теперь заключило союзъ съ партіей націоналистовъ и провело въ палатѣ депутатовъ законопроектъ о выкупѣ ирландскихъ земель подъ гарантіей казначейства и при помощи даровой субсидіи отъ казны въ 120.000.000 руб.

А разъ падетъ ирландскій лэндлордизмъ, растаетъ также, какъ вешній снѣгъ, и та вѣковая вражда, которая донынѣ раздѣляетъ Англію и Ирландію. Тогда дарованіе Ирландіи самостоятельнаго парламента будетъ естественнымъ послѣдствіемъ выкупа земли. Объ этомъ уже намекаетъ весьма ясно само правительство. А пока что, ирландскіе націоналисты, бывшіе до сихъ поръ въ оппозиціи, теперь сдѣлались союзниками консервативной партіи, которая одна только и можетъ провести желательные для нихъ реформы, такъ какъ на ея сторонѣ стоитъ палата лордовъ. И этотъ неожиданный союзъ затрудняетъ теперь усилія оппозиціи низвергнуть правительство.

Д. Сатуринъ.

БЕЛЬГІЯ.

I.

Введеніе.

За послѣднія тридцать лѣтъ XIX столѣтія Бельгія подверглась глубокимъ измѣненіямъ: изъ страны типичной олигархіи, въ которой двѣ партіи, либеральная и католическая, поперемѣнно оспаривали власть другъ у друга, почти цѣликомъ игнорируя интересы стоящихъ внѣ этихъ партій общественныхъ элементовъ, она превратилась на нашихъ глазахъ въ страну, которую можно назвать почти демократической. И эта перемѣна произошла подъ прямымъ давленіемъ пробуждающихся къ политической жизни широкихъ массъ народа, которыя заявили уже о себѣ въ трудную годину національнаго освобожденія, а въ настоящее время выступаютъ какъ организованная и дисциплинированная сила, преслѣдующая опредѣленные общественные идеалы и толкающая государство на путь реформъ. Введеніе всеобщаго равнаго избирательнаго права, которое является теперь очередной задачей Бельгіи, еще болѣе усилитъ демократію, которая и сейчасъ играетъ роль главнаго защитника традиціонныхъ бельгійскихъ свободъ и привлекаетъ къ себѣ, поэтому, наиболѣе передовые элементы либеральной партіи.

Бельгійская демократія нашла благопріятную почву для своего роста въ свободныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, которыя до извѣстной степени (и по своему объему, и по характеру своего развитія) сближаютъ Бельгію съ Англіей. Но въ то же время исторія бельгійскаго политическаго строя представляетъ свои особенности. Бельгія завоевала свою конституцію не путемъ внутренней междуусобной борьбы, а посредствомъ общенаціональнаго возстанія противъ чужеземнаго гнета: свою свободу она получила вмѣстѣ съ національной независимостью. Консервативные и либеральные элементы владѣющихъ классовъ, рознь между которыми всюду облегчила сопротивленіе стараго порядка новымъ вѣяніямъ, въ Бельгіи соединились для общаго дѣла борьбы за націо-

нальную автономію и свободу. Голландская монархія, чужеродный наростъ на тѣлѣ бельгійской націи, не могла такимъ образомъ воспользоваться борьбой партій для укрѣпленія своей позиціи и для борьбы съ требованіями бельгійскаго народа. Католики и прогрессисты проникнуты были одинаковой ненавистью къ иноземному владычеству; тѣ и другіе заставили временно умолкнуть тѣ разногласія, которыя уже и тогда отчасти ихъ раздѣляли, для того чтобы совмѣстными усиліями обезпечить право свободнаго развитія за обществомъ и личностью.

Такова одна изъ главныхъ причинъ широкаго развитія политической и гражданской свободы въ Бельгіи. Другая причина заключается въ слабости бельгійской монархіи. Не то, чтобы монархія была чужда Бельгіи вообще, какъ форма правленія; что это не такъ, что это, по крайней мѣрѣ, было не такъ въ эпоху отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи, видно изъ того, что въ средѣ Національнаго Конгресса нашлось только 13 человѣкъ, вотировавшихъ за республику. Если, съ одной стороны, провозглашеніемъ монархической формы правленія члены конгресса думали задобрить реакціонныя правительства Европы и легче добиться отъ нихъ признанія самостоятельности маленькой страны, возставшей противъ постановленій Вѣнскаго Конгресса, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что обѣ главныя фракціи буржуазіи считали парламентарную монархію формой, наиболѣе пригодной для свободнаго развитія общественныхъ силъ и для обезпеченія нормальной эволюціи политической жизни страны. Но царствующая въ Бельгіи династія не выросла на бельгійской почвѣ и не могла, поэтому, пустить тамъ глубокіе корни. Несмотря на это, она пыталась въ первое время устроиться въ качествѣ монархіи конституціонной, но не считающейся съ прямой волей національнаго представительства при составленіи кабинета. Но съ дифференціацией политическихъ партій, эта попытка потерпѣла неудачу, несмотря на то, что французская іюльская монархія поддерживала бельгійскую корону въ ея сопротивленіи либеральной партіи. И съ середины сороковыхъ годовъ въ Бельгіи окончательно упрочивается парламентарная монархія.

Не забудемъ, наконецъ, что бельгійскій народъ пользуется обширными гражданскими вольностями съ незапамятныхъ временъ. Со временъ средневѣковья Бельгія была страной областной и коммунальной автономіи. Ни испанское, ни австрійское владычество, ни присоединеніе къ Франціи во время революціи, ни поднесеніе страны въ подарокъ Голландіи Вѣнскимъ Конгрессомъ не могли вытравить изъ

національной души воспоминанія о былой свободѣ. И недаромъ нѣкоторые бельгійскіе писатели, перефразируя слова Мирабо, говорятъ, что Франція путемъ судорожныхъ потрясеній 1789—1793 г.г. успѣла добиться лишь части тѣхъ свободъ, которыми бельгійцы пользовались еще въ средніе вѣка.

Но въ конечномъ счетѣ ростъ новѣйшей демократіи сводится къ процессу экономической эволюціи Бельгіи въ капиталистическомъ направленіи.—„Нужно сдѣлать изъ Бельгіи первую мастерскую континента!"—восклицаетъ бельгійскій публицистъ въ брошюрѣ, изданной въ Брюсселѣ въ 1852 году. И дѣйствительно, бельгійская индустрія въ ея современной формѣ крупной машинной промышленности развилась въ неслыханныхъ размѣрахъ. Ремесло, домашняя промышленность, мелкое самостоятельное производство теперь замѣтно исчезаютъ передъ напоромъ крупнаго капиталистическаго производства. Въ свою очередь, старинныя формы капитала, ростовщическій и торговый капиталъ, подчинились промышленному производительному капиталу. Вмѣстѣ съ тѣмъ шелъ процессъ обезлюденія деревни и низведенія сельскаго хозяйства до степени второстепеннаго придатка къ капиталистической индустріи. Въ то время какъ земледѣльческое населеніе составляетъ въ Венгріи 67,2%, Италіи—62,6, Австріи—59,8, Германіи—46,7, Франціи—46,3%, въ Бельгіи оно едва равняется 29% общаго населенія страны. Подчиненіе деревни городу составляетъ естественный и все усиливающійся результатъ этого процесса.

Сперва послѣдній велъ къ переходу экономической, политической и моральной гегемоніи въ руки буржуазнаго класса, на который опиралась либеральная партія въ эпоху своего расцвѣта. Онъ доставилъ городамъ главенство надъ деревней, обративъ всѣ силы и рессурсы страны въ орудіе усиленія буржуазіи, заставляя всѣ министерства и партіи, смѣнявшіяся у власти, служить интересамъ капиталистическаго развитія. Но этотъ же самый процессъ создалъ новыя общественныя силы, которыя стали оспаривать у буржуазіи господство, и отраженнымъ дѣйствіемъ пробудилъ къ политической жизни земледѣльческія массы, до того времени остававшіяся въ сторонѣ отъ историческаго движенія. Крестьянство пока оказывается въ Бельгіи неспособнымъ играть самостоятельную политическую роль и пока усиливаетъ только католическую партію. Но созданный прямымъ воздѣйствіемъ новѣйшаго промышленнаго развитія общественный слой выставилъ собственную программу отдаленныхъ и ближайшихъ реформъ и началъ систематически вытѣс-

нять либеральную партію изъ большихъ городовъ, издавна служившихъ оплотомъ либеральнаго владычества. Вмѣстѣ съ тѣмъ консервативные элементы буржуазіи стали неуклонно дезертировать изъ рядовъ либеральной арміи и переходить въ католическій лагерь, создавая такимъ образомъ индустріально-аграрную коалицію крупныхъ собственниковъ. Этимъ объясняется усиленіе католической партіи, которая признается ими надежной защитницей status quo отъ всякихъ покушеній. Крупная буржуазія въ массѣ отказалась отъ традиціоннаго свободомыслія и примирилась съ католической церковью для совмѣстной защиты основъ современнаго порядка.

Стиснутая между двумя крайними партіями, такъ или иначе опирающимися на народныя массы, либеральная партія вынуждена ограничиваться все болѣе узкимъ поприщемъ дѣятельности. Мелкая буржуазія городовъ, составлявшая нѣкогда либеральную армію, остается вѣрной старому знамени. Но суровый экономическій процессъ, съ одной стороны, толкаетъ все болѣе широкіе ея слои въ ряды пролетаріата, гдѣ она пріобрѣтаетъ новый соціальный обликъ и новые политическіе идеалы; съ другой стороны, озлобляя мелкую буржуазію противъ крупнаго капитала, все болѣе подчиняющаго своему вліянію ту ея часть, которая еще сохраняетъ по внѣшности имущественную самостоятельность, этотъ процессъ толкаетъ ее на всякаго рода реакціонные эксперименты и дѣлаетъ ее легкой добычей клерикальныхъ политикановъ. Разъ ставши на скользкую почву борьбы противъ рабочей партіи (напр., противъ кооперативъ), эта часть мелкой буржуазіи постепенно скатывается по наклонной плоскости и подпадаетъ подъ вліяніе реакціонеровъ. Что же касается мелкой деревенской буржуазіи, въ которой отрицательныя черты современной эпохи соединяются съ средневѣковой грубостью и суевѣріемъ, то она остается до сихъ поръ вѣрнѣйшимъ союзникомъ и пособникомъ католической партіи.

Средняя буржуазія, буржуазія либеральныхъ профессій и такъ называемая интеллигенція остаются вѣрны либеральной партіи по традиціи и по склонности. Сюда же нужно отнести значительную часть деревенской интеллигенціи, которымъ приходится на мѣстѣ сталкиваться съ аристократическимъ высокомѣріемъ феодаловъ и съ фанатизмомъ кюре. Значительная часть промышленниковъ также примыкаетъ къ либеральной партіи изъ ненависти къ протекціонистскимъ поползновеніямъ клерикальной реакціи, которыя грозятъ ей раззореніемъ. Наконецъ, къ либеральной партіи принадлежатъ рабочіе, успѣвшіе выбиться изъ общихъ рядовъ и добиться

званіе мастера, надсмотрщика и т. п. Изъ нихъ либералы пытались создать либеральную рабочую партію, но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ.

Что касается либеральныхъ профессій, то и въ средѣ ихъ представителей со временемъ совершилась знаменательная диффереціація. Не имѣя собственной классовой физіономіи и примыкая то къ одному, то къ другому общественному классу съ ясно выраженнымъ характеромъ и стремленіемъ, интиллигенція либеральныхъ профессій, оставаясь въ массѣ вѣрна старымъ принципамъ, стала въ тоже время делегировать часть своихъ силъ въ реакціонныя сферы. Этотъ процессъ особенно усилился, когда стало ясно, что господство католиковъ представляетъ далеко не временное явленіе, а удовлетворяетъ, очевидно, насущной потребности бельгійскаго общественнаго развитія. И можно сказать, что именно въ этой средѣ консервативно-клерикальная партія находитъ самыхъ талантливыхъ своихъ выразителей. Съ другой стороны, та часть интиллигенціи, преданность которой идеямъ свободы и прогресса была не пустымъ звукомъ, примыкаетъ къ трудовой демократіи.

Выступивши съ широкимъ планомъ общественныхъ реформъ, эта демократія увлекла за собой лѣвое крыло либерализма, которое въ теченіе нѣкотораго времени играло роль болѣе или менѣе вѣрнаго ея союзника („радикалы"). Въ концѣ концовъ, радикалы возсоединились съ либералами, но они успѣли все-таки наложить на всю либеральную партію извѣстную прогрессивную печать. Возстановленная либеральная партія идетъ дальше старыхъ „доктринеровъ", но вернувшись въ ея составъ, сами радикалы зато сильно потускнѣли.

Теперь, во всякомъ случаѣ, либеральная партія есть не болѣе какъ тѣнь прежняго величія. Было время, когда она стояла во главѣ національнаго освободительнаго движенія, когда она творила новую Бельгію по своему образу и подобію, когда къ рѣчамъ ея лидеровъ прислушивалась вся страна и когда она воплощала въ себѣ всѣ надежды національнаго прогресса. Теперь же она играетъ роль безсильной оппозиціи, опирающейся лишь на растущую силу крайней лѣвой. Будущее должно представляться партизанамъ либерализма не въ розовомъ свѣтѣ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ объяснять простой случайностью тотъ фактъ, что со смертью старыхъ бойцовъ либеральная партія не въ силахъ выдвинуть новыхъ громкихъ именъ, тогда какъ остальныя партіи находятъ себѣ талантливыхъ и выдающихся выразителей.

Либералы могутъ надѣяться въ ближайшемъ будущемъ

привлечь на свою сторону часть городскихъ избирателей, теперь вотирующихъ за католиковъ. Гораздо слабѣе ихъ надежды на деревенскую армію клерикаловъ. Послѣдняя весьма разношерстна; въ ней объединены и крупные землевладѣльцы, и батраки, и мелкіе арендаторы, и крупные арендаторы, и крестьяне-собственники, и деревенскіе торговцы, и кюре. Распаденіе ея, признаки котораго мы видимъ въ движеніи дансистовъ, весьма вѣроятно. И тогда какъ часть ея еще тѣснѣе и сознательнѣе сольется съ консерваторами, другая (и немаловажная) часть должна будетъ фатально избрать другую оріентировку. Но совершится-ли послѣдняя въ сторону рабочей или либеральной партіи? Послужитъ-ли послѣдняя центромъ притяженія для деревенскихъ массъ, оторвавшихся отъ консервативнаго ядра, или же крестьяне сольются съ организаціей промышленныхъ рабочихъ? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ не только судьба католическаго министерства, а вся дальнѣйшая исторія Бельгіи.

Въ настоящій моментъ католики располагаютъ въ палатѣ большинствомъ 26 голосовъ (96 католиковъ противъ 34 либераловъ, 34 соціалистовъ и 2 христіанскихъ демократовъ), а до введенія пропорціональнаго представительства, т. е. до 1900 года, они располагали импозантнымъ большинствомъ въ 72 голоса (112 консерваторовъ противъ 12 либераловъ и 28 соціалистовъ). Но не слѣдуетъ думать, что въ Бельгіи господствуетъ какая-нибудь теократія или что Бельгія, обѣтованная страна свободы, превратилась въ капуцинскій монастырь. Не говоря уже о дѣйствіи вышеуказанной причины—роста демократіи, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ странѣ клерикалы далеко не образуютъ сплоченнаго большинства и что они преобладаютъ въ парламентѣ благодаря многимъ причинамъ: во-первыхъ, благодаря неравномѣрному распредѣленію округовъ, при которомъ, по расчету Дестре, требуется 10.469 голосовъ для выбора католика и 14.553 для избранія кандидата оппозиціи; во-вторыхъ, благодаря множественнымъ вотумамъ, въ виду чего въ рукахъ зажиточныхъ лицъ скопляется по 2 и 3 голоса; въ-третьихъ, благодаря поддержкѣ умѣренныхъ либераловъ. Прежде, во времена мажоритарной системы, консервативные либералы отдавали свои голоса католикамъ при перебаллотировкахъ, а теперь они голосуютъ за нихъ при первомъ же вотумѣ тамъ, гдѣ либералы вовсе не выставляютъ своихъ кандидатовъ, или тамъ, гдѣ приходится выбирать между консервативнымъ и радикально-соціалистическимъ или даже просто радикальнымъ листомъ.

Принятая Національнымъ Конгрессомъ конституція огра-

ничила число пользующихся политическими правами граждан небольшой группой имущихъ. Когда въ 1848 г. цензъ былъ пониженъ въ городахъ и деревняхъ до минимума, допускаемаго конституцiей, т. е. до 20 флориновъ, то число избирателей поднялось съ 46.463 до 79.076. (Тогда Бельгiя насчитывала четыре миллiона жителей, нынѣ въ ней шесть миллiоновъ). Наканунѣ пересмотра конституцiи, къ 1893 г., всѣхъ избирателей было 137.772; новый избирательный законъ сразу почти удесятерилъ эту цифру, поднявши число избирателей до 1.354.891 человѣка, располагающаго 2.085.605 голосами.

При старыхъ условiяхъ, когда участiе въ политической жизни страны составляло привилегiю весьма ограниченныхъ группъ населенiя, возможны были неожиданные сюрпризы и рѣзкiя колебанiя въ политической атмосферѣ даже при отсутствiи очень серьезныхъ причинъ. При господствовавшей тогда мажоритарной системѣ, исключавшей представительство меньшинства, и при выборахъ по цѣлымъ спискамъ (результатъ большихъ округовъ), достаточно было каприза со стороны избирательнаго корпуса и перемѣщенiя нѣсколькихъ сотъ голосовъ для того, чтобы низвергнуть правительство и вчерашнихъ трiумфаторовъ превратить въ безсильную оппозицiю. Такъ при разгромѣ либеральной партiи въ 1870 г. католики получили 42.058 голосовъ и провели 72 депутатовъ, тогда какъ либералы съ 35.501 голосомъ имѣли лишь 35 депутатовъ. Въ 1880 г. несоотвѣтствiе было еще рѣзче, такъ какъ 22.000 либеральныхъ голосовъ дали всего 26 мѣстъ, тогда какъ 20.999 католическихъ избирателей послали въ палату не менѣе 40 депутатовъ. Въ 1884 г. либералы получаютъ 22.117 голосовъ и 2 депутатовъ. Частичные выборы 1888 г. аналогичные результаты: католики проводятъ 44 депутатовъ, а либералы только двухъ, между тѣмъ какъ первые получили всего на 681 голосъ больше, чѣмъ вторые [1]).

Съ увеличенiемъ числа избирателей, когда бельгiйская исторiя стала дѣлаться массами, возможность малооснователь-ныхъ капризовъ со стороны избирательнаго корпуса уменьшилась. Но пока въ силахъ оставалась мажоритарная система, до тѣхъ поръ большинство въ парламентѣ далеко еще не соотвѣтствовало большинству въ странѣ. Вотъ наглядный примѣръ этого. Въ 1896 и 1898 г.г. (двукратное частичное, т. е. полное обновленiе палаты) католики получили 848.047 голосовъ, соцiалисты—534.324, либералы—361.307 и христiанскiе демократы—58.984. Число депутатовъ было распредѣлено въ

[1]) Goblet d'Alviella: „La représentation propertionelle". Bruxelles, 1890.

1898 г.: 112, католиковъ, 28 соціалистовъ и 12 либераловъ. Другими словами: правительство располагало подавляющимъ большинствомъ (72 голоса) въ палатѣ, тогда какъ въ странѣ за него было подано 848.047, а за оппозицію (даже не считая христіанскихъ демократовъ)—895.631, т. е. на 47.000 голосовъ болѣе. Это несоотвѣтствіе еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что за католическими голосами стоитъ относительно меньшее число гражданъ, чѣмъ за оппозиціонными, такъ какъ большинство избирателей съ 2 и 3 голосами вотируетъ, естественно, за консерваторовъ. Но даже и теперь, съ введеніемъ пропорціональнаго представительства, большинство въ парламентѣ можетъ опираться на меньшинство въ странѣ, потому что во многихъ чисто-католическихъ провинціяхъ сохранены небольшіе округа, гдѣ пропорціональность не примѣняется, тогда какъ католики обезпечили себѣ пропорціональное представительство во всѣхъ крупныхъ центрахъ, гдѣ они относительно всегда были въ меньшинствѣ.

Вотъ таблица, показывающая распредѣленіе голосовъ и депутатовъ:

Годы.	Голоса.				Депутаты.			
	Католики.	Либералы.	Соціалисты.	Христіан. демократы.	Католики.	Либералы.	Соціалисты.	Христ. демокр.
1894	943.825	544.237	334.500	23.000	103	20	28	1
1896 [1])	450.952 } 848.047	179.017 } 361.307	210.609 } 534.224 [3])	22.058 } 58.984	110	12	29	1
1898 [1])	397.095 }	182.290 }	323.715 }	36.926 }	112	12	28	—
1900	995.056	497.304	467.326	55.736	85	34	32	1
1902 [1])	843.851	363.816	387.104	26.190	96 [2])	34 [2])	34 [2])	2 [2])

Приводимъ также таблицу голосовъ, полученныхъ партіями въ различныхъ провинціяхъ во время общихъ выборовъ 1900 г., когда впервые примѣнено было пропорціональное представительство (въ скобкахъ показано соотвѣтствующее число голосовъ, поданныхъ на частичныхъ выборахъ 1902 г. [4]).

---

[1]) Частичные выборы.

[2]) Число членовъ палаты увеличено съ 152 до 166 чел.

[3]) Въ этой суммѣ заключается также около 60.000 радикальныхъ голосовъ.

[4]) Въ 1902 г. выборы имѣли мѣсто въ провинціяхъ: Антверпенъ, Брабантъ, Зап. Фландріи, Люксембургъ и Намюръ и въ 2 округахъ Вост. Фландріи, 2 округахъ Геннегау, 2 округахъ Люттиха. Цифры по этимъ округамъ показаны особо (для сравненія съ 1900 г.).

Бельгійская палата депутатовъ.

Провинціи.	Административные округа.	Католики.	Соціалисты.	Либералы.	Христіанскіе демократы.
Антверпенъ	—	131.111	15.425	66.806	5.355
		(140.421)	(18.967)	(62.776)	(5.237)
Брабантъ	—	157.710	93.321	89.147	11.798
		(172.882)	(90.661)	(94.655)	(11.851)
З. Фландрія	—	157.692	9.529	52.535	9.223
		(167.538)	(4.131)	(57.913)	(9.102)
В. Фландрія	(по всей провинц.)	182.298	26.814	62.090	23.424
	Алостъ	33.339	3.189	7.430	10.717
		(36.013)	(6.024)	(12.262)	(—)
	Гентъ-Ээклоо	71.125	20.963	31.181	6.296
		(75.938)	(31.010)	(24.231)	(—)
Геннегау	(по всей провинц.)	135.347	172.218	101.276	—
	Шарлеруа	36.286	76.008	18.048	—
		(36.896)	(73.950)	(22.216)	
	Суаньи	18.650	22.974	13.437	—
		(19.710)	(26.525)	(12.076)	
Люттихъ	(по всей провинц.)	77.766	104.974	60.653	3.697
	Люттихъ	37.271	63.952	34.885	—
		(48.292)	(65.118)	(25.983)	
	Вервье	19.336	19.333	12.128	3.697
		(29.011)	(25.027)	(—)	(—)
Лимбургъ	—	49.538	841	11.185	1.322
Люксембур.	—	43.843	3.445	29.360	—
		(46.035)	(5.794)	(26.706)	
Намюръ	—	59.751	41.759	24.252	918
		(71.115)	(39.897)	(24.998)	(—)
Итого въ 1900 году		996.056	467.326	497.304	55.737

Изъ приведенныхъ таблицъ слѣдуетъ, что католики и до сихъ поръ опираются, главнымъ образомъ, на фламандскія чисто земледѣльческія провинціи. Такъ, они имѣютъ абсолютное большинство въ провинціяхъ Антверпенъ, въ обѣихъ Фландріяхъ, Лимбургѣ и въ валлонской крестьянской провинціи Люксембургъ. Они очень сильны также въ полуфламандской и полуземледѣльческой провинціи Брабантъ, гдѣ они преобладаютъ въ деревнѣ, но слабѣе въ большихъ центрахъ (въ Брюсселѣ, къ которому приписаны

и окрестныя деревни, они получили въ 1900 г. 89.964, соціалисты—59.389, либералы — 56,568, хр.-демократы — 10.178, а въ 1902 г., католики собрали 99.725 гол., соціалисты — 57.512, либералы—59.934 и христіанскіе демократы—11.851). Они гораздо слабѣе въ чисто промышленныхъ провинціяхъ, какъ Геннегау и Люттихъ, гдѣ преобладаютъ соціалисты. Въ Шарлеруа послѣдніе сильнѣе даже католиковъ и либераловъ, вмѣстѣ взятыхъ. За то они очень слабы въ чисто земледѣльческихъ провинціяхъ, и ихъ форпостъ въ этой области (Гентъ) тонетъ въ крестьянскомъ морѣ католическихъ Фландрій. Либералы сильны поддержкой торгово-промышленныхъ слоевъ въ коммерческихъ и индустріальныхъ центрахъ, какъ Антверпенъ, Брюссель, Монсъ, Турне, и насчитываютъ также довольно много сторонниковъ въ валлонскихъ земледѣльческихъ провинціяхъ (Люксембургъ, Намюръ, Люттихъ) и даже во Фландріяхъ, преимущественно въ городахъ.

Въ настоящее время палата насчитываетъ 152 депутата; изъ нихъ 85 католиковъ (въ томъ числѣ 8 правительственныхъ христіанскихъ демократовъ), 34 либерала (въ томъ числѣ 12 доктринеровъ, 21 прогрессистъ и 1 рабочій-либералъ), 31 соціалистъ, 2 христіанскихъ демократа-дансиста.

Эти депутаты распредѣляются по профессіямъ слѣдующимъ образомъ: (См. табл. на слѣд. стр.).

II.

Эпоха либерально-католической уніи.

Уже на зарѣ самостоятельной политической жизни Бельгіи обнаружились разногласія между партіями и столкновеніе интересовъ, которыя должны были показать всякому вдумчивому наблюдателю, что дальнѣйшее теченіе бельгійской исторіи не будетъ безмятежнымъ, что эта маленькая страна сдѣлается со временемъ ареной ожесточенной политической борьбы и острыхъ соціальныхъ конфликтовъ. Къ моменту бельгійской революціи 1830 г. экономическая эволюція страны, въ которой товарное производство процвѣтало еще со времени средневѣковья, успѣла положить прочное основаніе капиталистическому развитію. Съ одной стороны, она успѣла экспропріировать и толкнуть въ ряды пролетаріата значительное количество мастеровъ, составлявшихъ нѣкогда оплотъ бельгійской свободы и благосостоянія, съ другой—она подготовила значительную концентрацію капиталовъ въ рукахъ торговой и промышленной буржуазіи и заложила, такимъ

	Католики.	Либералы. Доктринеры.	Прогрессисты.	Рабочіе либералы.	Соціалисты.	Дансисты.	Всего.
Адвокаты	42	7	8	—	3	1	61
Фабриканты и крупн. дѣльцы	12	3	4	—	1	—	20
Нотаріусы	2	—	3	—	—	—	5
Инженеры	1	2	—	—	—	—	3
Администраторы финансовыхъ компаній	3	—	—	—	—	—	3
Землевладѣльцы	10	—	—	—	—	—	10
Бургомистры	5	—	2	—	—	—	7
Профессора	1	—	—	—	2	—	3
Публицисты	1	—	2	—	4	—	7
Врачи	2	—	—	—	2	—	4
Агрономы	—	—	1	—	—	—	1
Учителя	—	—	—	—	1	—	1
Приказчики	—	—	—	1	—	—	1
Фермеры	1	—	—	—	—	—	1
Крестьяне	2	—	—	—	—	—	2
Рабочіе	—	—	—	—	18	—	18
Священники	—	—	—	—	—	1	1
Прочіе	3	—	1	—	—	—	4
Итого	85	12	21	1	31	2	152

образомъ, фундаментъ крупной индустріи, превратившей впослѣдствіи маленькую Бельгію въ мастерскую Европы. Земледѣліе сдѣлало большіе успѣхи, перейдя къ интенсивнымъ

формамъ хозяйства; фламандское ткачество занимаетъ десятки тысячъ рукъ; каменноугольные районы уже стали проявлять лихорадочную энергію, и задымились высокія трубы колоссальныхъ литейныхъ заводовъ.

Въ связи съ этимъ экономическимъ развитіемъ стали формироваться общественные классы, изъ которыхъ политическія партіи черпали свои силы, выражая въ то же время ихъ интересы. Создается богатая буржуазія, тяготящаяся давленіемъ и произволомъ безконтрольнаго управленія и стремящаяся захватить власть въ свои руки, дабы, такимъ образомъ, дать политическое выраженіе накопившейся въ ея нѣдрахъ соціальной энергіи, буржуазія, недовольная тѣмъ, что вся финансовая и экономическая политика голландскаго правительства направлена къ удовлетворенію интересовъ кучки голландскихъ плутократовъ. Благодаря развитію науки, которое шло рука объ руку съ экономическимъ расцвѣтомъ, и въ связи съ послѣднимъ вырабатывается зажиточный и образованный средній слой. Существованіе голландскаго абсолютизма противорѣчило всѣмъ экономическимъ, политическимъ и умственнымъ интересамъ этого слоя, который и является, поэтому, главнымъ руководителемъ разгорающейся оппозиціи. Его существенные интересы, главнымъ образомъ, сильно затрагиваются закономъ о признаніи голландскаго языка государственнымъ, т. е. объ обязательномъ его употребленіи во всѣхъ административныхъ и судебныхъ актахъ. Его интересы грубо нарушаются предпочтительнымъ назначеніемъ голландцевъ на всѣ государственныя и общественныя должности. Въ его интересахъ, наконецъ, лежитъ полное отдѣленіе бельгійскихъ провинцій отъ голландскихъ, исключительное господство національно-бельгійскаго капитала въ бельгійскомъ общественномъ производствѣ, проведеніе автономіи и свободы въ политическую жизнь страны, что открыло-бы ему полный просторъ для примѣненія своихъ силъ въ наукѣ, въ прессѣ, въ общественной дѣятельности. И въ теченіе долгаго времени этотъ слой будетъ составлять ядро и позвоночникъ либеральной партіи.

Рабочій классъ, въ значительной мѣрѣ состоявшій тогда еще изъ ремесленниковъ, уже попалъ въ зубцы капиталистической машины. Онъ глухо протестовалъ и волновался. Благодаря отчасти собственной отсталости, отчасти внушеніямъ либеральныхъ пропагандистовъ, онъ склоненъ былъ объяснять свое положеніе политическимъ гнетомъ Оранскаго Дома. Не будучи въ состояніи выставить собственную программу, онъ послушно шелъ за представителями либеральной оппозиціи, своей физической силой помогая имъ до-

биться осуществленія ихъ стремленій. Но такимъ путемъ онъ подготовлялъ условія для собственнаго освобожденія отъ всѣхъ политическихъ иллюзій.

По мѣрѣ усиленія политической зрѣлости этого класса, крупная буржуазія изъ либеральнаго лагеря переходила въ консервативно-католитическую партію, основы которой также были заложены въ Бельгіи до революціи 1830 г. Ея кадры были созданы, во первыхъ, потомками суровыхъ феодольныхъ владѣльцевъ, сидѣвшихъ нѣкогда въ своихъ замкахъ и господствовавшихъ надъ забитымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Гордые бароны, помѣщики и иные представители крупнаго землевладѣнія матеріальная и духовная власть, которыхъ надъ крестьянствомъ возрастала по мѣрѣ увеличенія земельной тѣсноты, чувствовали себя пасынками при господствѣ до-революціоннаго голландскаго режима. При Оранскомъ Дворѣ они были чужими; въ государственномъ механизмѣ ихъ роль была низведена до минимума; государственная и военная служба, источникъ доходовъ и почестей для дворянскихъ дѣтей, была для уроженцевъ южныхъ провинцій почти закрыта; наконецъ, католической религіи, охрана которой была для нихъ дѣломъ семейной чести, традиціей и опорой ихъ вліянія, казалось, грозила опасность вслѣдствіе господства протестантской династіи и принципа свободы вѣроисповѣданій. Въ этомъ пунктѣ они сходились съ католическимъ духовенствомъ, съ которымъ они и раздѣлили власть надъ суевѣрнымъ и задавленнымъ населеніемъ деревень. Католическое духовенство, сила котораго коренится еще въ условіяхъ средневѣковой жизни, и въ отсталости бельгійскаго крестьянства, начавшаго просыпаться къ жизни лишь на нашихъ глазахъ, усилило свое вліяніе на народъ и свое общественное значеніе—благодаря позиціи, которую оно заняло въ борьбѣ бельгійскаго народа за свою автономію и старинныя права сначала съ австрійскимъ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, а затѣмъ съ голландскимъ владычествомъ. Вмѣстѣ съ дворянствомъ оно составило штабъ католической реакціонной партіи, котораго армію составило крестьянство и нѣкоторые слои рабочаго класса. Для освобожденія отъ голландскаго гнета эта партія вступила во временное соглашеніе съ либералами, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ разорвать этотъ союзъ и открыть эру борьбы между двумя главными буржуазными направленіями. Этотъ компромиссъ подсказывался интересами той и другой стороны.

Враждебныя отношенія между либералами и клерикалами облегчали сохраненіе голландскаго владычества. Либералы говорили вмѣстѣ съ Дотранжемъ въ декабрѣ 1825 г.: „Го-

сударь, защитите насъ отъ іезуитовъ, но освободите насъ отъ налога на помолъ".—Нѣкоторыя уступки, быть можетъ, могли бы привлечь либеральную оппозицію на сторону правительства, но этого сдѣлано не было. Нашлись умѣренные люди, которые послужили связывающимъ звеномъ между двумя враждебными теченіями и побудили ихъ временно оставить свои разногласія, чтобы общими силами отстаивать общую всѣмъ бельгійцамъ программу. Католикъ Герлахъ далъ лозунгъ этой уніи, объявивъ логически неразрывными свободу вѣроисповѣданія, печати и преподаванія, и съ 1823 г. оппозиція объединяется подъ этимъ общимъ знаменемъ.

Но это кажущееся единство не мѣшало проявленію непримиримыхъ интересовъ и расходящихся стремленій. И это обнаружилось какъ во время возстанія (августъ—октябрь 1830 г.), такъ и сейчасъ же послѣ него. Въ то время какъ вожди оппозиціи, которую смѣло можно было бы назвать династической, не шли дальше требованій административнаго отдѣленія южныхъ провинцій и обезпеченія элементарныхъ политическихъ свободъ, народъ, возставшій вопреки расчетамъ умѣренныхъ элементовъ, сразу поставилъ ребромъ вопросъ о низложеніи монархіи. Кромѣ того, рабочій классъ имѣлъ свои собственные интересы и стремленія, отличные отъ стремленій и интересовъ всей оппозиціи. Наряду съ требованіями изгнанія голландцевъ, толпа требуетъ также хлѣба и работы. Разгромъ дома министра юстиціи, ненавистнаго совѣтника короля, ванъ-Маанена, далѣе дома начальника полиціи и зданія судебныхъ установленій дополнялся нападеніемъ народа на ткацкія фабрики и другія промышленныя заведенія въ разныхъ пунктахъ страны. Чтобы оказать противодѣйствіе бунтовщикамъ, буржуазія составила гражданскую гвардію, первой задачей которой было не столько бороться съ голландской арміей, сколько съ мятежнымъ народомъ, который явно становится господиномъ положенія, особенно послѣ побѣды, одержанной почти безоруженной массой надъ обученнымъ голландскимъ войскомъ на улицахъ Брюсселя.

Но если народъ умѣлъ сражаться и умирать за свободу, онъ совершенно неспособенъ былъ воспользоваться побѣдой въ своихъ интересахъ. Мѣсто, освободившееся послѣ бѣгства голландцевъ, немедленно заняла бельгійская буржуазія и постаралась о томъ, чтобы всѣ плоды революціи достались ей одной. Временное правительство, несмотря на то, что въ составъ его входили даже крайніе республиканцы, приступая къ созванію Національнаго Конгресса, ограничило участіе гражданъ въ выборахъ. Избирателями

могли быть лишь бельгійцы или люди, прожившіе не менѣе 6 лѣтъ въ Бельгіи, платящіе извѣстный прямой налогъ или же обладающіе опредѣленными гражданскими или военными чинами. Немудрено, что конгрессъ, положившій основаніе Бельгіи, какъ независимому государству, и выработавшій конституцію, которая просуществовала до послѣдняго времени почти безъ измѣненій, состоялъ изъ представителей интересовъ крупной буржуазіи и почти поровну дѣлился между либералами и клерикалами. Предложеніе сохранить для Бельгіи республиканскую форму правленія, было отвергнуто почти единогласно (174 гол. противъ 13). Исключивши навсегда Нассаускій Домъ отъ участія въ правленіи, конгрессъ приступилъ къ выработкѣ конституціи, которая и была обнародована 7 февраля 1831 г. [1]).

Въ свое время она была самой либеральной хартіей на континентѣ Европы и, по словамъ Лавеле, послужила образцомъ для конституцій Италіи, Румыніи, Греціи, Испаніи и Португаліи [2]). „Всѣ власти исходятъ отъ націи“,—гласитъ § 25, но далѣе эта „нація“ ограничивается очень небольшимъ кругомъ собственниковъ, такъ что подъ націей бельгійская конституція разумѣла буржуазію, и положеніе о равенствѣ всѣхъ бельгійцевъ передъ закономъ слѣдуетъ также понимать въ условномъ только смыслѣ. Законодательная власть принадлежитъ королю, палатѣ депутатовъ и сенату коллективно (§ 26), причемъ право иниціативы имѣетъ каждый изъ трехъ источниковъ законодательной власти (§ 27). Но, чтобы придать больше авторитета и силы національному представительству, сюда введенъ пунктъ англійскаго происхожденія, гласящій, что „всякій законъ относительно государственныхъ доходовъ и расходовъ или относительно контингента арміи долженъ быть сначала вотированъ палатой депутатовъ [3])“. Законодательной власти принадлежитъ право контроля надъ политическими дѣйствіями и финансовой и административной политикой правительства. Одинъ депутатъ приходится на 40.000 жителей и 1 сенаторъ на 80.000; срокъ депутатскаго полномочія опредѣленъ въ 4 года, а сенатскаго—въ 8 лѣтъ. Каждая палата обновляется (по истеченіи поло-

---

[1]) Giron: „Le Droie public de la Belgique“. Brux., 1884;—Vauthier: „Das Staatsrecht des Königreichs Belgien“. Freiburg, 1892 („Handbuch des oeffentlichen Rechts“ Марквардсена, т. IV, I, 5). См. также популярный комментарій—Wywekens: „Notions élémentaires sur la Constitution belge, Br., 1879.

[2]) Laveley: „Quelques considérations sur la Constitution belge“ въ его „Essais et études“, томъ II, стр. 178.

[3]) Бюджетъ и контингентъ вотируется ежегодно.

вины этого срока) по группамъ провинцій: въ 1 группу входятъ провинціи Антверпенъ, Брабантъ, Западная Фландрія, Люксембургъ и Намюръ, во 2 группу — Геннегау, Люттихъ, Лимбургъ и Восточная Фландрія. Сенатъ не имѣетъ права собираться когда распущена палата.

Но главная борьба должна была разгорѣться по поводу пунктовъ, устанавливающихъ условія участія въ выборахъ и избираемости. Несмотря на огромныя свободы, предоставляемыя личности и обществу бельгійской конституціей, въ этомъ пунктѣ особенно ясно сказался ея узко-групповой характеръ (§§ 47, 49, 53). Депутаты и сенаторы выбираются посредствомъ прямыхъ выборовъ изъ лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ ценза. Цензъ, дающій право участвовать въ выборахъ не долженъ превышать 100 флориновъ прямыхъ налоговъ (211 фр. 16 сант. или 80 руб.), ни быть ниже 20 фл. Сенаторы выбираются тѣми же избирателями, что и депутаты, но кандидаты въ сенатъ должны быть не моложэ 40 лѣтъ (въ депутаты—25 лѣтъ) и платить не менѣе 1.000 флориновъ прямыхъ налоговъ, включая въ эту сумму и патентный сборъ. Чтобы быть избирателемъ, нужно быть не моложе 21 года, а чтобы быть избирателемъ и кандидатомъ, нужно быть бельгійцемъ или натурализоваться.

Борьба партій (не говоря о школьномъ вопросѣ) сконцентрировалась вокругъ § 47, опредѣлявшаго условія ценза. Надо замѣтить, что конституція установила минимумъ ценза для законодательныхъ, но не для общинныхъ и провинціальныхъ выборовъ. Поэтому, цензъ для законодательныхъ выборовъ могъ быть пониженъ простымъ закономъ лишь до 42 фр. 32 сант., что и было сдѣлано въ 1848 году (законъ 12 марта) подъ вліяніемъ февральской революціи. Но для дальнѣйшаго его пониженія или полной отмѣны требовался пересмотръ конституціи, который могъ быть произведенъ лишь особой конституантой и большинствомъ $^{2}/_{3}$ голосовъ. Это и было сдѣлано въ 1893 г. Теперь согласно § 47 конституціи, „депутаты въ палату представителей избираются путемъ прямыхъ выборовъ“, причемъ правомъ голоса пользуется каждый гражданинъ, имѣющій 25 лѣтъ отъ роду и живущій не менѣе года въ той же коммунѣ. При этомъ однимъ добавочнымъ голосомъ пользуются отцы семействъ, платящіе государству по меньшей мѣрѣ 5 фр. личнаго налога на жилища и пр., а также и лица, обладающія недвижимою собственностью цѣнностью въ 2.000 фр. или же бельгійскою рентою, приносящею не менѣе 100 фр. въ годъ; двумя добавочными голосами пользуются лица, обладающія дипломомъ высшаго учебнаго заведенія или равносильнаго диплома, или же лица

занимающія такія общественныя или частныя должности, которыя предполагають у нихъ по меньшей мѣрѣ, знанія средней школы.—Никто не можетъ обладать болѣе, чѣмъ тремя голосами.

Право толкованія законовъ принадлежитъ только законодательной власти.

Власть короля, сильно „ограниченная уже конституціей, на практикѣ введена въ совершенно тѣсные предѣлы, и Бельгія, подобно Англіи, является страной съ чисто парламентарнымъ режимомъ: фактически вся власть сосредоточена въ рукахъ парламента и министерства, хотя и назначаемаго королемъ, но точно представляющаго господствующее въ палатѣ большинство. Этому порядку тѣмъ легче было установиться, что бельгійская монархія не имѣла въ странѣ никакихъ историческихъ корней. Распоряженія короля ни въ какомъ случаѣ не могутъ пріостановить дѣйствія самихъ законовъ, ни избавить кого бы то ни было отъ ихъ исполненія (§ 67). Ему предоставлены болѣе, такъ сказать, почетныя функціи. Король представляетъ націю передъ иностранными государствами. Онъ командуетъ сухопутными и морскими силами и раздаетъ военные чины (§ 66 и 68). Онъ возводитъ въ дворянство (чисто почетный титулъ при полномъ равноправіи всѣхъ бельгійцевъ) (§ 73). Король неотвѣтственъ и неприкосновененъ. Но за то министерство отвѣтственно за правительственные акты. Ни одинъ актъ короля не имѣетъ силы безъ подписи соотвѣтственнаго министра (ни одинъ членъ королевской семьи не можетъ быть министромъ).

Судебная власть совершенно независима отъ администраціи и административныхъ распоряженій. Судьи несмѣняемы. Суды постановляютъ свои рѣшенія на точномъ основаніи опредѣленныхъ законовъ, причемъ интересы правосудія гарантируются полной публичностью судопроизводства. По всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, а также по дѣламъ политическимъ и проступкамъ печати рѣшаетъ судъ присяжныхъ. Королю принадлежитъ право помилованія. Смертная казнь отмѣнена, равно какъ конфискація имуществъ и такъ называемая гражданская смерть.

Переходимъ теперь къ гарантіямъ личной свободы § 7 конституціи гласитъ: „Никто не можетъ быть преслѣдуемъ, кромѣ какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, и въ формѣ, предписанной закономъ“. Далѣе: „За исключеніемъ ареста на мѣстѣ преступленія, никто не можетъ быть арестованъ безъ мотивированнаго приказа судьи, приказа, который долженъ быть подписанъ въ моментъ ареста или

не позже какъ черезъ 24 часа". § 10 провозглашаетъ неприкосновенность жилища. „Обыскъ не можетъ быть произведенъ, кромѣ какъ въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ закономъ, и въ формѣ, предписанной закономъ „И то только днемъ. Ночью же полиція не имѣетъ права ни подъ какимъ предлогомъ входить въ домъ, кромѣ пожара или въ случаѣ, если ее зовутъ (во время убійства, несчастнаго случая и т. п.).

Всѣ бельгійцы равны передъ закономъ. Всякія кастовыя и сословныя перегородки уничтожены. Всѣ граждане имѣютъ свободный доступъ къ государственнымъ и общественнымъ должностямъ. Всѣ равны передъ судомъ. Всѣ одинаково несутъ податное бремя. Каждый гражданинъ имѣетъ право выражать и распространять свои мнѣнія (§ 14). Свобода совѣсти (т. е. свобода вѣры и невѣрія) признана абсолютнымъ правомъ. Государство не вмѣшивается въ назначеніе священнослужителей какого бы то ни было культа или во внутреннія дѣла религіозныхъ общинъ (§ 16). Въ этомъ смыслѣ проведено отдѣленіе церкви отъ государства, но проведено односторонне, такъ какъ бюджетъ культовъ существуетъ. Поэтому въ настоящее время прогрессивныя партіи требуютъ осуществленія этого принципа до конца, т. е. наряду съ признаніемъ полной свободы религіозныхъ общинъ—прекращеніе всѣхъ затратъ со стороны государства на религіозныя дѣла.

Неприкосновенность переписки (§ 22): только судебные слѣдователи въ закономъ установленныхъ случаяхъ допускаются въ почтовыя учрежденія. Свобода печати (§ 18): „Печать свободна; никогда не можетъ быть установлена цензура", даже на церковныя книги. Система залоговъ отмѣнена; законами 25 мая 1848 г. и 8 іюня 1883 г. отмѣненъ кромѣ того, штемпельный сборъ съ журналовъ и газетъ. Судъ присяжныхъ по дѣламъ печати (§ 17). „Обученіе свободно; всѣ предупредительныя мѣры отмѣнены; наказаніе проступковъ регулируется только закономъ". Полная свобода собраній, безъ предварительнаго разрѣшенія (§ 19). Только собранія подъ открытымъ небомъ подлежатъ дѣйствію полицейскаго устава, въ томъ смыслѣ, что городская дума или городской голова (бургомистръ) могутъ въ крайнихъ случаяхъ запретить уличныя демонстраціи или шествія, но это очень рѣдко практикуется.—Свобода союзовъ безъ ограниченій; но ассоціаціи могутъ, если желаютъ, требовать своего „признанія закономъ", для того чтобы получить право на государственную субсидію и т. п. (§ 20).

Право петицій съ нѣкоторыми измѣненіями, несущественными при господствующей въ Бельгіи политической сво-

бодѣ).—§ 24 даетъ право всякому гражданину преслѣдовать судомъ всѣхъ чиновниковъ (кромѣ министровъ, подлежащихъ суду парламента), безъ испрашиванія на то согласія ихъ начальства. — Теперь прибавлено равноправіе обоихъ языковъ (французскаго и фламандскаго).

Такова была эта конституція, подъ эгидой которой Бельгія вступила въ эпоху самостоятельнаго національнаго существованія.

Въ продолженіе перваго періода политической жизни Бельгіи партійныя разногласія тлѣли подъ пепломъ. Страна жила подъ постояннымъ страхомъ разрыва съ Голландіей, который могъ положить конецъ существованію молодого государства, не успѣвшаго еще стать на ноги и устроить свои финансы и армію. Эта угроза сблизила партіи, и различіе между католиками и либералами стушевалось передъ дѣленіемъ на „зеленыхъ“ и „зрѣлыхъ“, сторонниковъ и противниковъ войны; вѣрнѣе, первое затемнялось вторымъ. Здѣсь снова подтвердилась старая истина, по которой страна можетъ развить всѣ присущія ей внутреннія противорѣчія лишь послѣ того, какъ уладитъ внѣшнія свои отношенія.

Тогда друзьями правительства считались тѣ, кто хотѣлъ мира, во что бы то ни стало; оппозиція же состояла изъ тѣхъ, кто, хотя и не желая непремѣнно войны требовалъ болѣе энергичнаго образа дѣйствій по отношенію къ Голландіи и желалъ спасти Люксембургъ и Лимбургъ, которые пришлось уступить въ 1839 г. Самыя названія „либералы“ и „католики“ не успѣли еще войти въ обыденный политическій жаргонъ. И хотя наиболѣе дальновидные элементы обѣихъ фракцій буржуазной партіи предвидѣли неизбѣжный разрывъ и предстоящую ожесточенную борьбу, но масса не успѣла еще выйти изъ аморфнаго состоянія, она еще не была разбужена къ политической жизни громомъ парламентскихъ дебатовъ.

Борьба между католиками и либералами давняго происхожденія; вмѣстѣ съ Лавеле мы можемъ отнести ея начало къ концу XVIII вѣка, эпохѣ Брабантскаго возстанія противъ Іосифа II. Въ то время явно намѣчаются въ бельгійскихъ провинціяхъ два теченія. Одна группа, состоявшая изъ части буржуазіи и дворянства, была сторонницей идей французскихъ просвѣтителей; во главѣ ея стоялъ адвокатъ Вонкъ. Другая группа, проникнутая идеями ультрамонтантства, находилась подъ руководствомъ Ванъ-деръ-Нота и поддерживалась духовенствомъ. Обѣ партіи, раздавленныя во время французскаго владычества, снова очутились лицомъ къ лицу, когда Вѣнскій Конгрессъ въ 1815 г. отторгъ бельгійскія про-

винціи отъ Франціи и присоединилъ ихъ къ Голландіи. Со временемъ тенденціи либераловъ даже обострились, отчасти благодаря близкимъ связямъ съ членами Конвента, изгнанными изъ своего отечества и искавшими убѣжища въ Бельгіи.

Но не дремала и враждебная партія, которая опиралась на союзъ аристократіи и духовенства, весьма сильнаго въ Бельгіи по историческимъ традиціямъ. Когда въ 1815 г. Вильгельмъ далъ Бельгіи конституцію, которую по тому времени можно было назвать самой либеральной на континентѣ, епископы, тѣ самые епископы, которые требовали на Вѣнскомъ Конгрессѣ возстановленія десятины и хотѣли запретить своему монарху, какъ протестанту, публичное отправленіе своего культа опубликовали „jugement doctrinal“ (пастырское постановленіе), осуждавшее новую конституцію съ точки зрѣнія католической религіи. Ихъ вліяніе было такъ велико, что собранные въ Брюсселѣ нотабли большинствомъ 798 голосовъ противъ 527 отвергли конституцію (несмотря на это, Вильгельмъ объявилъ ее все таки принятой). Епископы съ особеннымъ негодованіемъ протестовали противъ свободы печати, противъ допущенія протестантовъ къ общественнымъ должностямъ и противъ суприматіи свѣтскаго государства.

Съ этими-то элементами пришлось либераламъ заключать „Унію“ 1828 г. Значеніе этого компромисса не ослабляется даже тѣмъ фактомъ, что многіе бельгійскіе священники находились тогда подъ вліяніемъ „либеральнаго католицизма“ (идей Ламене, Лакордера, Монталамбера). Нѣкоторые священники на національномъ конгрессѣ вотировали даже за республику. Наличностью такого настроенія у нѣкоторой части клира, не считавшаго себя еще достаточно сильнымъ, чтобы сразу высказать свои завѣтныя стремленія, отчасти объясняется соглашеніе между либералами и католиками на конгрессѣ .

Соглашеніе это впрочемъ, не было особенно прочнымъ. Уже въ 1831 г., т. е. въ медовый мѣсяцъ либерально-католической уніи, одна группа либераловъ основываетъ газету „L'Indépendance“, которая явно выставляетъ анти-католическое знамя. Она высказывается противъ провозглашенной въ конституціи абсолютной свободы религіи, свободы, которая на дѣлѣ должна была превратиться въ католическую монополію. Она констатируетъ, что католическая церковь всегда стремилась наложить свою тяжелую руку на свѣтское общество, и ставитъ своей задачей постоянно слѣдить за дѣйствіями этого непримиримаго врага свѣтскаго государства.

Однако на конгрессѣ либералы, даже свободомыслящіе подоб-

но Ш. Рожье, вотировали полную свободу религіи, но не довели своего дѣла до конца: установивши невмѣшательство государства во внутреннія дѣла церкви, они сохранили въ то же время бюджетъ культовъ. Но скоро опасность католической партіи стала бросаться въ глаза и политическимъ дѣятелямъ либеральной буржуазіи. Въ августѣ 1830 г. Демарто пишетъ Рожье: „Но искуснѣе всѣхъ дѣйствуетъ, безъ сомнѣнія, католическая партія... Эти господа находятся въ наиболѣе благопріятномъ положеніи: во всѣхъ коммунахъ они располагаютъ организованной милиціей: кюре—это неутомимое войско“. Какой смыслъ могли при такихъ условіяхъ имѣть договоры относительно „божьяго мира“ между католиками и либералами?

Самъ Рожье, одинъ изъ подготовителей и организаторовъ революціи, провалился, благодаря клерикаламъ, на выборахъ въ Люттихѣ. Самолюбію его нанесенъ былъ сильный ударъ: ему пришлось выставить свою кандидатуру въ Турнгаутѣ, захолустномъ мѣстечкѣ Кемпена, но и здѣсь онъ прошелъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ низшее духовенство преслѣдовало его, какъ свободнаго мыслителя, съ неслыханнымъ азартомъ. Уже тогда католическая церковь пускала въ ходъ свои обычные пріемы, во множествѣ выпуская клеветническіе пасквили и раздавая ихъ на всѣхъ перекресткахъ невѣжественнымъ крестьянамъ.

Такъ уже съ самаго начала существованія Бельгіи въ качествѣ самостоятельнаго государства разгоралась та борьба между двумя буржуазными партіями, которая должна была наполнить политическую жизнь страны въ теченіе всего столѣтія. Уже тогда факты недвусмысленно говорили, что католическая церковь собирается съ силами для новой рѣшительной аттаки на свѣтское общество и приспособляется къ буржуазному порядку для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе подчинить его своимъ интересамъ. Но либералы не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, тогда какъ реакціонная партія дѣйствовала какъ организованная и дисциплинированная сила.

* * *

Первому періоду политической жизни Бельгіи, характеризующемуся невыясненностью политической физіономіи общественныхъ элементовъ и постепенной дифференціаціи аморфной массы на ярко выраженныя политическія направленія соотвѣтствуютъ смѣшанныя и дѣловыя министерства, которыя довольно часто смѣняютъ другъ друга у власти. Этому

вполнѣ соотвѣтствуетъ также тотъ фактъ, что корона избѣгаетъ (или не можетъ составить) партійныхъ министерствъ. Правительство отказывается выставить опредѣленную программу и подыскиваетъ для этого своего нежеланія различные аргументы, вродѣ того, что программа связываетъ дѣятеля и мѣшаетъ ему работать на общую пользу. А все дѣло было только въ томъ, что для выставленія и защиты правительствомъ опредѣленной программы не назрѣли еще объективныя условія: они лишь постепенно вырабатывались. Министерствамъ же казалось, что они безцвѣтны по собственной волѣ.

Послѣ заключенія окончательнаго мира съ Голландіей дѣло измѣняется. Начинается борьба между тѣми, кто съ Рожье, Лебо и Дево говорятъ, что нужна опредѣленная политика, либеральная или католическая, и тѣми, кто съ Нотомбомъ стоитъ за сохраненіе уніи 1830 г. Но послѣдняя фактически уже разорвана въ 1838 г. послѣ того, какъ извѣстный историкъ Поль Дево съ очевидностью выяснилъ въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ въ „Revue Nationale“ ту пропасть, которая существуетъ между обоими враждебными принципами.

Неустойчивая политика продолжается. Либеральное министерство (Рожье-Лебо) могло продержаться только одинъ годъ (1840—41) и, не успѣвши показать, чего оно хочетъ и на что способно, пало отъ враждебной демонстраціи сената. Его замѣняетъ снова смѣшанное министерство Нотомба, состоявшее изъ 3 католиковъ и 3 либераловъ. Апогеемъ и послѣднимъ словомъ примирительнаго духа, пытавшагося сочетать разнородные элементы и объединить несоединимое, явился законъ о преподаваніи 1842 г. Глава министерства, либеральный католикъ Нотомбъ, характеризовалъ сущность этого закона, который далъ толчекъ къ окончательному распаденію партій, въ слѣдующихъ словахъ: „Нравственное и религіозное воспитаніе есть необходимое условіе первоначальнаго образованія. Мы отвергаемъ философскія ученія XVIII столѣтія, которыя стремились сдѣлать образованіе свѣтскимъ и построить общество на раціональныхъ основаніяхъ“.

Одна эта формулировка ясно обнаруживаетъ сущность этого закона. Либералы приняли его со смиреніемъ, радуясь, что онъ еще не хуже, а католики, располагавшіе къ тому времени множествомъ церковныхъ школъ, также не были такъ имъ восхищены, какъ это казалось. Законъ постановлялъ, что общины обязаны открывать общественныя первоначальныя школы тамъ, гдѣ существовало мало частныхъ,—и это давало удовлетвореніе либераламъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объя-

вилъ преподаваніе религіи обязательнымъ даже въ общественныхъ школахъ и предоставилъ право надзора за веденіемъ дѣла духовенству. Часть либераловъ, правда, утѣшалась тѣмъ соображеніемъ, что прямымъ результатомъ закона будетъ опустѣніе католическихъ школъ въ пользу свѣтскихъ, которыя, давая вѣрующимъ такія же религіозныя гарантіи, превосходили ихъ болѣе совершенными методами преподаванія и болѣе высокимъ уровнемъ преподавательскаго персонала.

Но большинство либераловъ видѣло въ этомъ законѣ уступку клерикальнымъ притязаніямъ и отреченіе либеральной партіи отъ своей программы, требующей государственной организаціи свѣтской общедоступной школы. Во главѣ недовольныхъ стоялъ вождь бельгійскихъ франкмасоновъ, Дефакъ. Еще за годъ до изданія этого закона, при участіи Дефака составился союзъ представителей оппозиціи, включавшій оранжистовъ, либераловъ и демократовъ и ставившій себѣ цѣлью добиваться расширенія избирательнаго права и цѣлаго ряда политическихъ и экономическихъ реформъ. Послѣ изданія закона 1842 г. по всей Бельгіи образовались либеральныя общества для подготовленія общественнаго мнѣнія. А когда министерство Нотомба пало (не столько благодаря либеральнымъ аттакамъ, сколько нетерпимости епископской партіи) и послѣ недолговѣчнаго смѣшаннаго кабинета Ванъ-де-Вейера (либералъ) и Жюля Малу (клерикалъ) у власти очутился чисто-католическій кабинетъ „шести Малу“, дѣйствительнымъ главой котораго былъ графъ де-Те (Theux), то либеральная агитація чрезвычайно усилилась въ странѣ.

III.

Либеральная и прогрессистская партіи.

Для борьбы съ реакціоннымъ министерствомъ во всѣхъ большихъ городахъ Бельгіи создаются либеральныя ассоціаціи. Явилась необходимость столковаться и намѣтить общій планъ дѣйствій. По иниціативѣ „Союза“, въ 1846 г. былъ созванъ въ Брюсселѣ съѣздъ либеральныхъ обществъ и ассоціацій, состоявшій изъ 320 делегатовъ и засѣдавшій въ ратушѣ подъ предсѣдательствомъ Дефака, бывшаго члена національнаго конгресса и старшаго президента верховнаго суда. Съѣздъ постановилъ основать либеральныя общества въ избирательныхъ округахъ и выработалъ резолюціи, извѣстныя подъ названіемъ „программы либеральнаго конгресса“. Главными пунктами программы было пониженіе

ценза до минимума, допускаемаго конституціей (20 флориновъ), передача народнаго просвѣщенія въ исключительное вѣдѣніе государственной пласти, предоставленіе возможности общественнымъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ успѣшно конкуррировать съ частными (по большей части католическими) школами и устраненіе духовенства отъ вмѣшательства въ преподаваніе въ государственныхъ школахъ.

Съ вѣрой въ будущее разъѣхались члены либеральнаго конгресса, чтобы поднять на мѣстахъ агитацію и начать вербовку сторонниковъ. Министерство, вѣрное своей политикѣ, пыталось въ 1847 г. провести законъ о среднемъ образованіи, усиливавшій и въ этой области вліяніе духовенства. Отвѣтомъ на эту попытку были манифестаціи, устроенныя либералами въ большихъ городахъ. Изъ Парижа отъ Луи-Филиппа (тестя бельгійскаго короля) пришелъ совѣтъ круто расправиться съ бунтовщиками и не жертвовать министерствомъ въ угоду мятежному либеральному союзу. Зять оказался разумнѣе тестя и предпочелъ уступить демонстрирующей буржуазіи. Благодаря отчасти растущему вліянію либеральныхъ ассоціацій, выборы 8 іюня дали большинство (правда, незначительное) либераламъ, и король составилъ чисто либеральное министерство изъ умѣренныхъ либераловъ, получившихъ впослѣдствіи названіе „доктринеровъ": кабинетъ Рожье.

Съ этого момента Бельгія вступаетъ въ полосу парламентаризма. У власти другъ друга смѣняютъ однородныя министерства, составленные изъ представителей того направленія, которое имѣетъ за собой большинство въ палатѣ, и выходящія въ отставку, когда оказываются въ меньшинствѣ. Партіи, наконецъ, опредѣлились; онѣ нашли свои лозунги, арміи и вождей. Отнынѣ между ними начинается систематическая борьба при выборахъ въ органы мѣстнаго и общаго управленія, въ палатахъ, въ печати и въ жизни. Скоро намѣчаются и главныя области, въ которыхъ та или иная партія успѣла пустить прочные корни. Въ то время, какъ либеральная партія опирается, главнымъ образомъ, на промышленныя валлонскія провинціи (Геннегау, Брабантъ, Люттихъ) и на крупные города, католическая партія рекрутируетъ себѣ сторонниковъ въ земледѣльческихъ фламандскихъ провинціяхъ (Восточная и Западная Фландрія, Антверпенъ, Лимбургъ). Большинство въ другихъ провинціяхъ переходитъ то на ту, то на другую сторону, но въ общемъ прогрессивно подпадаетъ подъ вліяніе католической партіи.

Либеральная партія—есть партія, представляющая интересы буржуазіи. Мы объявляемъ себя представителями бур-

Бельгійская палата депутатовъ.—Залъ засѣданій.

жуазіи"—такъ заявляла „Брюссельская Либеральная и Конституціонная Ассоціація" въ своемъ манифестѣ отъ ноября 1846 г. А въ апрѣлѣ 1892 г., когда новый классъ населенія стучался въ двери цензитарнаго парламента, Фреръ-Орбанъ, послѣ 26 лѣтъ пребыванія въ министрахъ и 45 въ депутатахъ, воскликнулъ въ палатѣ: „Какъ я позволилъ себѣ сказать, вѣчной гордостью передъ исторіей будетъ для буржуазіи тотъ фактъ, что всѣ ея завоеванія, всѣ совершенныя ею реформы были произведены въ общихъ интересахъ, а не къ одной ея выгодѣ". Это отчасти справедливо, но произошло совершенно отъ нея независимо. Она пыталась расчистить дорогу для свободнаго развитія капиталистическаго общества и устранить съ его пути всѣ помѣхи, мѣшавшія его нормальному росту, въ томъ числѣ и средневѣковую католическую церковь, поскольку она вмѣшивалась въ веденіе государственныхъ дѣлъ. Но при этомъ либеральная буржуазія нисколько не думала допустить и другіе обездоленные классы къ участію въ политической жизни страны. Она просто заботилась о своей монополіи, а послѣдней мѣшала католическая партія, опиравшаяся на землевладѣльческую аристократію и огромную часть народа.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, либеральная партія стремилась къ укрѣпленію національнаго единства, къ созданію централизованнаго свѣтскаго государства, уничтоженію мѣстныхъ особенностей, корпоративныхъ привиллегій и другихъ пережитковъ средневѣковаго строя. Шарль Рожье говорилъ въ 1841 г.: „Я и мои друзья думали, что чѣмъ болѣе свободъ предоставляется странѣ, тѣмъ большей силой нужно облечь правительство не для того, чтобы ограничить эти свободы, но чтобы умѣрить и упорядочить пользованіе ими и чтобы лучше обезпечить народу практическую отъ нихъ выгоду". Фреръ-Орбанъ послѣдовательно проводилъ эту тактику до конца, и вся либеральная политика до 1884 г. проникнута этимъ принципомъ. При всей своей нерѣшительности и шаткости, законы 1842 и 1850 гг. о первоначальномъ и среднемъ образованіи являются извѣстнымъ ограниченіемъ абсолютной свободы обученія; создается зародышъ промышленнаго законодательства и мѣръ по охраненію народнаго здравія; автономія провинцій и общинъ суживается, и правительство присвоиваетъ себѣ право назначать бургомистровъ и эшевеновъ [1]). Клерикальные педагогическіе курсы, открытіе новыхъ церквей, устройство клад-

[1]) Теперь центральная власть только утверждаетъ лицъ, выбранныхъ муниципалитетами.

бищъ, напр., вопросъ о старинныхъ демаркаціонныхъ линіяхъ для погребенія лицъ разныхъ вѣроисповѣданій,—ничто не ускользаетъ отъ контроля государства, защищающаго общіе интересы современнаго общества противъ традиціонныхъ предразсудковъ и узкой ограниченности средневѣковой разрозненности. Эта политика идетъ на пользу крупнымъ центрамъ; избирательное вліяніе мѣстечекъ и деревень прогрессивно нейтрализуется. Желѣзныя дороги и телеграфныя проволоки ведутъ къ усиленію централизаціи и къ неуклонному просачиванію новыхъ идей въ самые захолустные углы. Создается бюрократія, это могучее орудіе современнаго государства и опора правительства. И постепенно, вмѣсто федераціи автономныхъ областей, каковой была старая Бельгія, создается единое и централизованное государство.

Экономическая политика либеральной партіи клонилась также къ созданію тѣхъ условій, которыя необходимы были бельгійской буржуазіи для расцвѣта національнаго богатства, т. е. для развитія капиталистическаго производства и торговли. Первое либеральное министерство заключаетъ заемъ въ 82 милліона франковъ, которые идутъ на погашеніе долговъ и на созданіе различныхъ промышленныхъ предпріятій. Учреждаются во множествѣ профессіональныя училища всѣхъ родовъ (земледѣльческія, промышленныя, торговыя); отмѣняются городскіе октруа (таможни); вырабатывается новый уголовный и торговый кодексъ; понижаются желѣзнодорожные тарифы; выкупается Шельдская пошлина, которую обязаны были уплачивать всѣ бельгійскія торговыя суда по договору 1839 г. и которая возбуждала постоянное недовольство бельгійскаго купечества. И когда въ 1880 г. Бельгія торжественно праздновала 50-лѣтіе своего самостоятельнаго существованія, когда въ прессѣ, въ толстыхъ книгахъ и въ ораторскихъ рѣчахъ повсюду констатировали огромные успѣхи, сдѣланные страной на экономическомъ поприщѣ, либеральная партія могла съ гордостью оглянуться на пройденный путь и выставить передъ торжествующей буржуазіей всѣ свои безспорныя заслуги.

И по внѣшности эти горделивыя указанія имѣли подъ собой твердую почву. Статистика промышленности и торговли обнаруживала непрерывный прогрессъ; земледѣліе также не стояло на одномъ мѣстѣ, хотя развитіе его отставало отъ семимильныхъ шаговъ индустріи и коммерческихъ оборотовъ. И съ точки зрѣнія успѣховъ производства и обогащенія предпринимателей дифирамбисты были несомнѣнно правы. Но эта блестящая медаль имѣла и оборотную

сторону Рядомъ съ ростомъ національнаго богатства ухудшались относительно условія существованія класса производителей, росло и недовольство его своимъ положеніемъ. А либералы о другой сторонѣ медали и слышать не хотѣли. Даже когда вредныя послѣдствія промышленнаго развитія для рабочаго класса обнаружились съ достаточной ясностью, когда становилось очевиднымъ, что капитализмъ ведетъ къ относительному обнищанію и вырожденію массы трудящагося населенія, либералы оставались упорно глухи къ требованіямъ жизни и обнаружили гораздо меньше истинно „государственной мудрости", чѣмъ ихъ политическіе соперники-католики, которые впослѣдствіи весьма ловко воспользовались этой ахиллесовой пятой либеральнаго доктринерства. Ихъ основнымъ принципомъ было вмѣшательство государства въ экономическую жизнь страны, поскольку, конечно, дѣло шло о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Всякую, самую мелкую уступку у либеральныхъ правителей приходилось вырывать угрозой и силой, причемъ они уступали или подъ вліяніемъ своего крайняго лѣваго крыла, видѣвшаго всю опасность узко-классовой политики либерализма, или подъ давленіемъ волнующихся рабочихъ массъ. Исторія жестоко наказала ихъ за эту эгоистическую политику.

Иногда, впрочемъ, крупныя событія, разыгрывавшіяся въ соціальной жизни и угрожавшія потрясеніями, принуждали либераловъ, хотя на время, отказаться отъ практики чистаго манчестерства. Таковъ былъ кризисъ 1847 г., охватившій всю Западную Европу и подготовившій почву для европейскихъ событій 1848 г. Этотъ промышленный кризисъ поставилъ въ отчаянное положеніе фламандскихъ ткачей, и безъ того стоявшихъ на границѣ человѣческаго существованія. Въ виду угрожающаго положенія дѣлъ, министерство Рожье устроило для нихъ общественныя работы. Для нихъ, а также для заводскихъ рабочихъ Люттиха и углекоповъ Геннегау, Рожье въ томъ же году предлагаетъ вмѣшательство государства въ организацію системы страхованія. Черезъ годъ министръ внесъ законопроектъ объ обществахъ взаимнаго вспомоществованія.

Но это было вскорѣ послѣ іюньскихъ дней, когда сильны были еще реформаторскія стремленія. Но гроза прошла, и либералы вернулись къ своимъ прежнимъ доктринамъ, и когда католики, воспользовавшись промахами либерализма, приступили къ осуществленію ряда соціальныхъ реформъ, привлекшихъ къ нимъ симпатіи значительной части населенія, либералы все-таки не хотѣли примириться съ этими реформами, за которыя стояли католики съ одной стороны, радикалы съ

другой. „Всякая регламентація труда есть особая форма подчиненія—и только. Если эта регламентація абсолютна, то это рабство. Если она частична, то это крѣпостничество“. Такъ резюмировалъ Фреръ-Орбанъ свою доктрину въ 1869 г. въ отвѣтъ на интерпелляцію прогрессистовъ, требовавшихъ законодательнаго регулированія женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ. И такъ онъ думалъ до конца и весьма скептически относился къ законодательнымъ усиліямъ своихъ противниковъ, надѣявшихся ослабить опасность соціализма нагроможденіемъ законовъ и регламентовъ.

И, дѣйствительно, результаты двадцати - шестилѣтняго пребыванія либераловъ у власти, съ соціальной точки зрѣнія, минимальны. Отмѣнена 1781 ст. гражданскаго уложенія, дававшая силу закона слову патрона для опредѣленія размѣра заработной платы, и допущено въ такихъ случаяхъ равенство сторонъ; отмѣнены обязательныя рабочія книжки; отмѣнено заключеніе за долги; дано право коалицій рабочимъ; созданы законы о кооперативахъ и обществахъ взаимопомощи. Либералы не хотѣли обязательнаго страхованія для старости, но Фреръ-Орбанъ содѣйствовалъ учрежденію пенсіонныхъ кассъ, противъ которыхъ тогда возставали католики, но которыя они впослѣдствіи замѣнили общей системой рабочихъ пенсій. Созданы были, наконецъ, сберегательныя кассы, дано лучшее устройство промышленнымъ трибуналамъ, учрежденнымъ еще въ 1842 г. Къ этому сводится активъ либеральной дѣятельности въ области соціальнаго законодательства.

Но нигдѣ такъ ярко не проявился классовый характеръ бельгійскаго либерализма, какъ въ вопросѣ о пересмотрѣ конституціи и расширеніи избирательнаго права. Уже въ 1846 г. либеральный конгрессъ выставилъ, между прочимъ, требованіе пониженія избирательнаго ценза при законодательныхъ выборахъ до границъ, допускаемыхъ конституціей. Распространеніе избирательныхъ правъ на гражданъ, платящихъ не менѣе 20 фл. прямыхъ налоговъ, могло оказаться выгоднымъ лишь для массы городской средней буржуазіи и, такимъ образомъ (по крайней мѣрѣ, на первое время), только усилить позицію либеральной партіи. Но даже для проведенія этой реформы понадобилась революція 1848 г., которая принудила либеральное министерство поторопиться увеличить составъ защитниковъ порядка и ослабить ряды возможной оппозиціи. И, дѣйствительно, во всей Западной Европѣ, Бельгія оказалась единственной страной, которую миновали политическія сотрясенія 1848 г. Буржуазія была въ ней политически и экономически удовлетворена, отъ крѣ-

постного права не осталось здѣсь давно никакихъ слѣдовъ— и, слѣдовательно, отсутствовали двѣ главныя причины, служившія повсюду въ другихъ странахъ ферментомъ броженія. О самостоятельной же политической роли низшихъ слоевъ населенія тогда въ Бельгіи не могло быть и рѣчи.

На допущеніи къ участію въ политической жизни средней буржуазіи либералы хотѣли поставить точку. Но за флагомъ осталась мелкая буржуазія, политическія притязанія которой должны были возрастать по мѣрѣ того, какъ падала ея экономическая самостоятельность. Далѣе. Развитіе капитализма создавало новые слои населенія, сгруппировавшіеся, главнымъ образомъ, въ городахъ и приближавшіеся по своему соціальному положенію къ пролетаріату, но отличавшіеся отъ него образомъ жизни, относительной зажиточностью и извѣстной степенью образованности. Цензитарная система оставляла за бортомъ и этотъ слой, который тѣмъ не менѣе росъ количественно и въ своемъ сознаніи. Выраженіемъ стремленій этихъ двухъ группъ населенія явилась радикальная партія, лѣвое крыло либерализма.

Аттака на цензитарную систему велась еще съ двухъ сторонъ. Клерикальная партія имѣла также свою лѣвую, о которой мы ниже будемъ говорить подробнѣе. Католическая или христіанская демократія, особенно когда рабочій классъ началъ являть признаки пробужденія (въ серединѣ 60-хъ гг.), поняла необходимость для торжества защищаемаго ею дѣла опереться на народныя массы. Такъ какъ рабочая партія была еще очень слаба, либералы же вовсе не имѣли ни связей, ни симпатій въ рабочей средѣ, а съ другой стороны— крестьянство было такой вѣрной опорой, на которую католическая партія еще долгое время могла смѣло полагаться, то христіанская демократія стала явно склоняться къ требованію расширенія избирательнаго права на массы трудящихся. Что же касается рабочей партіи, то ея положеніе въ этомъ вопросѣ ясно само по себѣ. Первый рабочій манифестъ, требовавшій всеобщаго права голоса, относится еще къ 1866 г.

Съ этимъ напоромъ демократіи либералы (получившіе съ момента отдѣленія отъ нихъ прогрессистской или радикальной фракціи кличку доктринеровъ) совершенно не хотѣли считаться. Они презирали большинство, массу и въ то же время боялись ея. Хотя Рожье внесъ въ свою министерскую программу въ 1865 г. пониженіе избирательнаго ценза съ однимъ только ограниченіемъ: умѣнье читать и писать; хотя въ 1870 г. онъ говорилъ въ палатѣ: „слово всеобщее избирательное право не очень-то меня пугаетъ, я

думаю, что наступить пора, когда всеобщее право голоса будетъ господствовать во всѣхъ странахъ",—но на самомъ дѣлѣ крайняя мѣра, до которой возвышалась въ этомъ вопросѣ либеральная мысль, это было предоставленіе права голоса всѣмъ capacités. Фреръ-Орбанъ, который въ электоральномъ вопросѣ вѣрнѣе представлялъ либеральное общественное мнѣніе, былъ по своему послѣдовательнѣе. Онъ былъ даже вообще противъ какого бы то ни было расширенія избирательнаго корпуса, даже противъ включенія средней буржуазіи въ число полноправныхъ въ политическомъ отношеніи гражданъ. Въ 1848 г. онъ говорилъ, что, понижая цензъ до 20 флориновъ, будутъ имѣть „слугъ, а не независимыхъ избирателей". Лишь скрѣпя сердце, подчинился онъ мнѣнію товарищей по министерству, такъ какъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ опасность грозила не только учрежденіямъ, но и самой независимости Бельгіи.

Когда „молодые либералы" (радикалы) стали требовать, чтобы партія внесла въ свою программу пунктъ о расширеніи избирательнаго права Фреръ-Орбанъ надменно отвѣчалъ: „Никогда!" Въ отвѣтъ на всѣ подобныя требованія, связывавшіяся съ требованіемъ соціальныхъ реформъ въ пользу обездоленныхъ классовъ, либералы отвѣчали указаніемъ на экономическій расцвѣтъ Бельгіи, имѣвшій мѣсто именно при дѣйствіи старой конституціи, да ссылкой на то, что правящая буржуазія можетъ заботиться объ интересахъ рабочихъ гораздо лучше, чѣмъ они сами, люди невѣжественные. „Право голоса невѣждъ" — говорилъ Фреръ-Орбанъ въ палатѣ въ 1892 г., т. е. за годъ до дарованія права голоса рабочимъ классамъ,—„не можетъ разрѣшить никакихъ вопросовъ". Онъ доходилъ до заявленій, что голоса всѣхъ этихъ „чернорабочихъ" можно будетъ купить за нѣсколько бочекъ спирта. Исторія наказала его за это, и первое же примѣненіе всеобщаго голосованія вымело надменнаго доктринера изъ палаты [1]). Когда же либералы присоединились къ требованію пересмотра конституціи, было уже поздно. Свѣжія силы и новыя партіи занимали мѣсто, и пересмотръ конституціи совершился даже безъ участія доктринеровъ: произвели его католики вмѣстѣ съ радикальной лѣвой и соціалистами

Не лучше обстоитъ дѣло со школьнымъ вопросомъ, который всегда составлялъ яблоко раздора между двумя враждующими партіями. Ни въ чемъ, быть можетъ, не проявились такъ ярко нерѣшительность и безсиліе бельгійскаго ли-

---

[1]) Къ чести его слѣдуетъ замѣтить, что онъ не хотѣлъ снискивать клерикальныхъ голосовъ—и потому провалился.

берализма, какъ именно въ борьбѣ противъ клерикальнаго владычества надъ народнымъ сознаніемъ. Даже Лавеле, который въ борьбѣ между либералами и радикалами принялъ сторону первыхъ, долженъ былъ признать въ своей книгѣ „Le parti clerical en Belgique“, что въ этомъ вопросѣ его партія обанкротилась. Онъ ставитъ прямой упрекъ либеральнымъ министерствамъ, смѣнявшимся у власти съ 1847 до 1870 г. (съ трехлѣтнимъ только перерывомъ) и съ 1878 по 1884 г., что они далеко не сдѣлали того, что диктовалось имъ всѣмъ положеніемъ дѣлъ. Они должны были, говоритъ онъ, сдѣлать первоначальное образованіе даровымъ и обязательнымъ, умножить число общественныхъ школъ, усилить университетское образованіе, затратить милліоны для того, чтобы создать сильное умственное движеніе, способное оказать сопротивленіе ультрамонтанскому вліянію, должны были создать нейтральную школу, свободную отъ клерикальнаго надзора.

Либералы Національнаго Конгресса допустили и провели своего рода отдѣленіе церкви отъ государства, но на оригинальный, чисто бельгійскій манеръ. Всѣ выгоды этого акта оказались на сторонѣ католическаго духовенства, всѣ невыгоды выпали на долю государства. Послѣднее предоставило полную свободу церкви и отказалось вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, даже въ назначеніе епископовъ, которые, въ свою очередь, назначаютъ священниковъ. Но то же государство обязалось выдавать изъ казны довольно крупную сумму на содержаніе клира, который совершенно отъ него не зависитъ. Далѣе Конгрессъ провозгласилъ свободу обученія, которая, какъ это скоро обнаружилось, при силѣ и богатствѣ католическаго духовенства и при слабости свѣтскаго общества, съ большой охотой подчиняющагося вліянію церкви, обратилась въ клерикальную монополію.

7-го декабря 1886 г., отвѣчая на запросъ одного католика, Фреръ-Орбанъ, ссылаясь на нейтральныя школы Голландіи и смѣшанныя школы Ирландіи и Соед. Штатовъ, сказалъ: „Можно было бы и въ Бельгіи имѣть школы, устроенныя по этому образцу, ничуть не компрометируя этимъ религіознаго принципа. Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшаетъ тому, чтобы религія преподавалась гдѣ-нибудь внѣ школы, или даже, чтобы она преподавалась въ школѣ, но только тѣмъ, кто этого захочетъ?“ Этотъ принципъ, въ болѣе рѣзкой формѣ, легъ въ основу закона 1879 г. Теоретически Фреръ-Орбанъ даже допускалъ „совершенно свѣтскія школы, въ которыхъ религіозному преподаванію вовсе не будетъ мѣста“. Но сдѣлавшись снова министромъ черезъ 12 лѣтъ, онъ не рѣшился

или не захотѣлъ дать полнаго удовлетворенія лѣвому крылу своей партіи и ограничился лишь введеніемъ религіознаго преподаванія въ общія рамки и провозглашеніемъ принципа равенства религій.

О настроеніи массы либеральныхъ избирателей и депутатовъ можно судить по тому, что въ 1850 г. на лѣвой было лишь 12 человѣкъ, готовыхъ вотировать либеральный законъ о народномъ просвѣщеніи; въ 1864 г. такихъ послѣдовательныхъ людей тоже было не очень много, и лишь въ 1879 г составилось большинство въ пользу закона, раздражившаго клерикаловъ, но не удовлетворившаго радикаловъ

Фреръ-Орбанъ произнесъ 22 апрѣля 1868 г. слѣдующія глубоко вѣрныя слова: „Когда въ Бельгіи говорятъ о свободѣ, о значеніи индивидуальнаго почина въ дѣлѣ образованія, то говорятъ нѣчто противное истинѣ. Въ области народнаго просвѣщенія въ Бельгіи на дѣлѣ нѣтъ мѣста для свободы; есть двѣ большія монополіи — государства и церкви". И тѣмъ не менѣе лидеръ лѣвой поддерживалъ во время дебатовъ католическую партію въ защитѣ „свободы" высшаго образованія. Несмотря на протесты и нападки либеральной прессы, нашлось все-таки 19 либераловъ, вотировавшихъ вмѣстѣ съ католическимъ большинствомъ законъ 1876 г., который предоставлялъ всякому университету, представляющему извѣстныя гарантіи, право выдавать дипломы по четыремъ академическимъ факультетамъ [1]).

Безхарактерность, можно сказать, безпринципность либеральной политики въ этомъ, по собственному сознанію либераловъ, главнѣйшемъ вопросѣ, отдѣляющемъ ихъ отъ клерикаловъ, съ особенной ясностью сказалась въ 1850 г. при обсужденіи закона о среднемъ образованіи. Надо замѣтить, что нѣкоторые либералы готовы были даже ставить на первый планъ освобожденіе отъ клерикальнаго вліянія именно среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ ихъ собственныя дѣти подвергались такимъ педагогическимъ пріемамъ, которые, по словамъ католика Декара, способны давать обществу не просвѣщенныхъ гражданъ, а кретиновъ. Такъ какъ именно изъ этихъ школъ выходили будущіе избиратели, удовлетворявшіе условіямъ ценза, будущіе общественные и государственные дѣятели, то, по мнѣнію этихъ либераловъ, секуляризація средняго и высшаго образованія должна послужить орудіемъ подготовки общей се-

---

[1]) Этотъ законъ, дополненный и видоизмѣненный въ 1890 г., сохранилъ силу до сихъ поръ.

куляризаціи народнаго просвѣщенія. Но и въ дѣлѣ вызволенія молодого поколѣнія собственнаго класса изъ-подъ вліянія католической педагогіи либералы не обнаружили больше послѣдовательности и мужества, чѣмъ въ дѣлѣ охраненія народнаго сознанія отъ ультрамонтанскаго господства.

Бельгійская школа стала католической; побѣда католицизма была въ этомъ отношеніи полная. Попытка ограничить свою программу борьбой съ клерикализмомъ и заключить свое свободомысліе въ узкія, почти конфессіональныя, рамки была осуждена исторіей. Необходимо было расширить программу либерализма и ввести въ нее новые элементы для того, чтобы спасти его отъ окончательнаго исчезновенія съ исторической сцены. Эту задачу взяли на себя радикалы.

Когда съ достаточной ясностью обнаружилось, что либеральная партія—есть партія соціальныхъ привилегій, политическаго неравенства, противница всякаго прогресса, тогда въ ея рядахъ сталъ назрѣвать протестъ, все болѣе обострявшійся съ теченіемъ времени и, въ концѣ концовъ, поведшій къ расколу. Дѣло шло о самомъ существованіи либеральной партіи, не въ качествѣ безсильной только оппозиціи католическому правительсту, а въ качествѣ серьезной силы, способной попрежнему руководить судьбами страны. Новыя силы выступили на арену исторіи, новыя тенденціи пробивались наружу. Просыпалась мелкая буржуазія, пробуждался къ политической жизни рабочій классъ. Либеральная партія съ этимъ не считалась. Прочно усѣвшись на великихъ завоеваніяхъ конституціи, гордая прогрессомъ національнаго богатства подъ эгидой цензитарной свободы, она съ высокомѣріемъ отвергала всѣ требованія слоевъ, обойденныхъ и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи.

Уже въ 50-хъ гг. въ рядахъ партіи появляются „молодые либералы“, недовольные соціально-политическимъ консерватизмомъ либеральнаго большинства и его нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ католической реакціи. Они и дали Фреръ-Орбану и его единомышленникамъ кличку „доктринеровъ“. Первымъ враждебнымъ выступленіемъ молодыхъ либераловъ противъ доктринеровъ былъ тотъ фактъ, что въ декабрѣ 1857 г. Брюссельская Либеральная Ассоціація, съ открытіемъ вакансіи въ палатѣ по смерти депутата Анспаха, предпочла ставленнику доктринеровъ, министру общественныхъ работъ, своего кандидата, либеральнаго публициста, Луи де Фре [1]). До чего обострились отношенія между

---

[1]) „Cinquante ans de liberté“ [Томъ I (политич. исторія) написанъ Гобле д'Альвіелой], стр. 141.

стариками и молодой оппозиціей, видно изъ того, что радикалы были въ восторгѣ отъ провала министерства 1857 г. По ихъ словамъ, это паденіе либеральнаго кабинета вызвало „общій вздохъ облегченія“. Одинъ изъ ихъ главныхъ органовъ писалъ: „Доктринерская политика умерла, теперь начинается эпоха либеральной политики“. По ихъ мнѣнію, министерство погибло изъ-за своей нерѣшительности и слабости по отношенію къ реакціоннымъ вѣяніямъ.

Чтобы составить противовѣсъ старой Либеральной Ассоціаціи, склоняющейся къ тактикѣ доктринеровъ, въ серединѣ 60-хъ годовъ основывается „Meeting Liberal“, который ставитъ себѣ задачей основать радикальную партію со слѣдующей программой: полное отдѣленіе церкви отъ государства; административная децентрализація; постепенное расширеніе права голоса вплоть до введенія всеобщаго избирательнаго права; эмансипація массъ путемъ просвѣщенія всѣхъ слоевъ народа; болѣе равномѣрное распредѣленіе налоговъ; изученіе и подготовленіе мѣропріятій, способныхъ повести къ улучшенію матеріальнаго и моральнаго положенія рабочаго класса; отмѣна конскрипціи; развитіе народнаго кредита.

Публицисты новаго направленія, котораго органомъ была „La Liberté“, протестовали противъ исключительнаго поглощенія всего вниманія либеральной партіи борьбой съ клерикализмомъ, противъ котораго притомъ не принималось никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Они указывали, что доктринеры совершенно игнорируютъ рабочій вопросъ, который между тѣмъ по самымъ условіямъ жизни выдвигается на первый планъ среди злобъ дня. Они требовали соціальныхъ реформъ, понимая, что въ противномъ случаѣ компрометируется самое существованіе либеральной партіи.

Вражда радикаловъ къ доктринерамъ уже тогда доходила до того, что первые готовы были для проведенія своихъ требованій или для низверженія либеральнаго министерства заключить сдѣлку съ католиками. Они готовы были не только голосовать съ ними вмѣстѣ въ парламентѣ, высказывать съ ними солидарность по опредѣленнымъ поводамъ въ прессѣ и на публичныхъ собраніяхъ, но даже поддержать ихъ во время выборовъ. Ибо, какъ они говорили, „клерикальный кандидатъ, который хочетъ избирательной реформы, болѣе прогрессивенъ, чѣмъ мнимый либералъ, отвергающій ее“. Они совѣтовали своимъ сторонникамъ воздерживаться отъ голосованія, и весьма вѣроятно, что провалъ либераловъ въ 1870 г. былъ отчасти вызванъ

тѣмъ обстоятельствомъ, что часть радикаловъ вотировала за католическихъ кандидатовъ.

Естественно, что съ обѣихъ сторонъ, стали требовать какого-нибудь соглашенія. Для установленія modus vivendi между доктринерами и прогрессистами въ 1870 г. собрался въ Брюсселѣ либеральный Конвентъ, на которомъ присутствовали делегаты либеральныхъ ассоціацій и прогрессистскихъ кружковъ. Онъ выработалъ слѣдующую программу: 1) избирательная реформа, дающая при общинныхъ и провинціальныхъ выборахъ право голоса независимо отъ ценза тѣмъ лицамъ, которыя удовлетворяютъ извѣстнымъ требованіямъ по образованію; 2) организація первоначальнаго обученія такимъ образомъ, чтобы позволить и дѣтямъ, и взрослымъ (въ курсахъ для взрослыхъ) получать степень, необходимую для полученія права голоса; 3) отдѣленіе церкви отъ государства, секуляризація народнаго просвѣщенія во всѣхъ степеняхъ; 4) равномѣрное распредѣленіе тягостей воинской повинности и уменьшеніе срока службы до предѣловъ, допускаемыхъ интересами національной защиты; 5) обязательное знакомство съ фламандскимъ языкомъ для чиновниковъ, назначаемыхъ въ обѣ фландрскія провинціи.

Доктринеры возмутились противъ уступокъ, сдѣланныхъ въ этой программѣ радикаламъ. Въ негодующемъ письмѣ къ Либеральной Ассоціаціи Гимансъ отклонилъ возобновленіе своего депутатскаго полномочія, а Поль Дево, ветеранъ либерализма, написалъ длинное посланіе Либеральной Ассоціаціи въ Брюгге, въ которомъ отказывался отъ титула почетнаго президента, мотивируя свой отказъ принятіемъ программы Конвента. Но тѣ же самыя причины, которыя заставили обѣ враждовавшія фракціи искать какого-нибудь соглашенія, заставили ихъ теперь постепенно сблизиться. Вызывающій образъ дѣйствій ультрамонтанскаго крыла католической партіи, угрожавшій странѣ гражданской войной, повелъ къ оживленію либерализма и къ окончательному сближенію враждующихъ его элементовъ. Составленная ими Либеральная Федерація подняла въ странѣ дѣятельную агитацію противъ католической партіи, и либераламъ удалось принудить министерство издать въ 1877 г. законъ, гарантирующій независимость голосованія. Результатомъ солидарной и энергичной дѣятельности объединенной фракціи было низверженіе реакціоннаго большинства и возвращеніе либераловъ къ власти въ 1878 г.

Новое либеральное министерство было составлено изъ доктринеровъ (кабинетъ Фреръ-Орбана), и утихшая было борьба между консервативными и прогрессистскими элемен-

тами либеральной партіи разгорѣлась съ новой силой. Либералы нарушили обѣщанія, сдѣланныя ими въ то время, когда они были въ оппозиціи. Ограничившись пересмотромъ закона 1842 г. о первоначальномъ обученіи, они не предприняли одновременно реформы средняго и высшаго образованія. О расширеніи избирательнаго права они не хотѣли и слышать; противъ требованія соціальнаго законодательства въ интересахъ рабочаго класса они выдвигали свои устарѣлыя теоріи манчестерства и „самодѣятельности".

При такихъ условіяхъ вражда между обѣими фракціями, разумѣется, все обострялась и постепенно дошла до формальнаго объявленія войны. „Нѣтъ ничего общаго между либерализмомъ и радикализмомъ",—восклицаетъ Фреръ-Орбанъ, а глава радикаловъ, Поль Жансонъ, грозитъ: „Мы будемъ преслѣдовать доктринеровъ до самой глубины ихъ норъ!" Въ 1883 г. разрывъ между обѣими фракціями былъ уже полный. причемъ самая ожесточенная борьба кипѣла, разумѣется, въ Брюсселѣ. Радикалы отдѣляются отъ либеральнаго большинства, которое представляло сплошную консервативную массу, враждебную всякому поступательному движенію. Они предпочитаютъ быть въ оппозиціи. Въ послѣднюю сессію 1883 г. радикалы чуть было не опрокинули либеральный кабинетъ, и брюссельская Либеральная Ассоціація высказала имъ порицаніе, на которое они не обратили, впрочемъ, никакого вниманія. Большинство либераловъ ушло изъ брюссельской Либеральной Ассоціаціи и основало доктринерскую Либеральную Лигу. Меньшинство радикаловъ сохранило старое названіе, и Либ. Ассоціація столицы, во главѣ которой сталъ П. Жансонъ, сдѣлалась центромъ политической дѣятельности радикаловъ въ странѣ.

Радикалы были особенно сильны въ Брюсселѣ и Лютгихѣ; они располагали значительнымъ вліяніемъ также въ Генегау и въ Гентѣ. Оторвавшись отъ либеральнаго ядра, радикалы, вождемъ которыхъ выступилъ талантливый демократъ Поль Жансонъ, естественно сблизился съ рабочей партіей. Хотя въ 1884 г. Жансонъ заявилъ на одномъ соціалистическомъ митингѣ: „Я присоединяюсь къ вашей программѣ, за исключеніемъ пункта о всеобщей подачѣ голосовъ",—но скоро онъ выдвинулся на первый планъ въ ряду защитниковъ всеобщаго избирательнаго права. На публичныхъ собраніяхъ радикалы и соціалисты выступали рука объ руку, причемъ скоро къ нимъ присоединились христіанскіе демократы. Въ 1887 г. Цезарь де-Папъ и его товарищи являются на прогрессистскій конгрессъзащищать тамъ избирательную реформу. Это же стремленіе сгруппировать

всѣ демократическія силы для рѣшительной борьбы толкнуло прогрессистовъ къ союзу съ рабочими во время общинныхъ выборовъ 1887 года.

Прогрессистская партія старалась хорошо организоваться, чтобы не впасть въ то состояніе умственнаго и политическаго маразма, въ которомъ уже долго прозябала либеральная партія при исключительномъ господствѣ доктринеровъ. Радикалы стали часто собираться на конгрессы и поддерживать регулярныя сношенія съ рабочей партіей. Это было вначалѣ источникомъ ихъ силы. Одно время даже казалось, что они имѣютъ въ странѣ гораздо больше сторонниковъ, чѣмъ доктринеры, да оно, пожалуй, такъ и было. Но постепенно ряды этой партіи стали рѣдѣть. Она начала терять приверженцевъ съ обоихъ фланговъ, и исторія паденія радикальной партіи наглядно иллюстрируетъ передъ наблюдателемъ причину органической слабости промежуточныхъ партій. Подвергаясь воздѣйствію программы рабочей партіи, радикалы восприняли отъ нея почти всѣ пункты такъ называемой программы—минимумъ: прогрессивный подоходный налогъ, народное вооруженіе, широкое соціальное законодательство, всеобщее равное избирательное право при всѣхъ выборахъ и т. п. Но эта эволюція вызвала дезертирство радикаловъ въ другія политическія организаціи. По мѣрѣ того, какъ обострялись ихъ возрѣнія и требованія, буржуазные элементы стали возвращаться обратно къ доктринерамъ, усиливая этимъ ихъ почти потерянныя позиціи, другіе же, болѣе крайніе элементы, доходя въ своихъ выводахъ до конца, эмигрировали въ рабочую партію. Такимъ образомъ, радикалы потеряли въ пользу соціалистовъ не только примыкавшихъ прежде къ нимъ рабочихъ, но и буржуазныхъ идеологовъ.

Но все это произошло впослѣдствіи, а пока, въ эпоху борьбы за пересмотръ конституціи, радикалы пользовались въ странѣ большимъ вліяніемъ. Имъ удалось даже настолько повліять на доктринеровъ, что постепенно стали вводить въ свою программу демократическія требованія, отстаиваніе которыхъ доставляло престижъ и вѣсъ радикаламъ.

Въ концѣ 1892 г. начались переговоры о созывѣ либеральнаго конгресса, но глубокія разногласія между радикалами и доктринерами мѣшали осуществленію этого намѣренія. Доктринеры не хотѣли согласиться на внесеніе въ программу требованія всеобщаго избирательнаго права, и многіе изъ нихъ мечтали о союзѣ съ умѣренными клерикалами для составленія центра, представляющаго коалицію всѣхъ буржуазныхъ интересовъ—желаніе, которое съ ними раздѣляли многіе члены католической партіи, какъ, напр., Ниссенсъ и

Бернаэртъ. Либералы были и хотѣли остаться партіей, представляющей интересы только буржуазіи. Такъ, когда шли толки о томъ, чтобы выработать либеральную платформу къ выборамъ 1894 г., многіе доктринеры находили это преждевременнымъ. Они предвидѣли, что при всеобщей подачѣ голосовъ „промышленные города будутъ выбирать соціалистовъ, деревни – клерикаловъ, а либералы удержатся лишь въ 2—3 валлонскихъ деревенскихъ округахъ, гдѣ населеніе имъ предано“. Поэтому на предложеніе выработать избирательную платформу, которая непремѣнно должна была бы содержать уступки рабочимъ классамъ, вѣрные старому знамени либералы отвѣчали, что лучше подождать пропорціональнаго представительства, а тогда можно будетъ ограничиться вѣрной традиціонному либерализму программой.

Радикалы смотрѣли на вопросъ совершенно иначе. Для нихъ выставленіе демократическихъ требованій далеко не играло только роли приманки избирателей, — оно вытекало изъ ихъ искреннихъ демократическихъ убѣжденій. Они тоже готовы были вступить въ компромиссы съ частью католической партіи, но не съ правой ея, какъ хотѣли доктринеры, а съ лѣвой, съ „независимыми“ и съ христіанскими демократами, съ партизанами всеобщаго голосованія, которые внушали правовѣрнымъ либераламъ не меньше ужаса, чѣмъ соціалисты. Но съ кѣмъ они хотѣли выступать въ самомъ тѣсномъ и дружескомъ союзѣ, такъ это именно съ рабочей партіей, которая была предметомъ ненависти для докринеровъ. И вотъ почему обѣ части либеральной партіи ни разу не могли собраться вмѣстѣ для общаго обсужденія, и каждой изъ нихъ пришлось при пересмотрѣ конституціи вступать въ отдѣльные переговоры съ правой.

Наконецъ, въ Брюсселѣ состоялся подъ предсѣдательствомъ Нежана (Neujane) чисто либеральный конгрессъ, на которомъ присутствовало 600 делегатовъ, представлявшихъ 30 окружныхъ ассоціацій, т. е. избирательныхъ комитетовъ. Этотъ конгрессъ обнаружилъ, что либеральная партія не имѣетъ никакихъ связей въ народѣ, никакихъ „соціальныхъ учрежденій“. Какъ говоритъ Гобле д'Алвіела: „несчастье либерализма состоитъ въ томъ, что онъ остался буржуазной партіей еще болѣе по своему составу, чѣмъ по программѣ“. Конгрессъ принялъ очень длинную и подробную программу, изъ которой мы приведемъ самые существенные пункты: I. Нейтрализація школы. Обязательное первоначальное образованіе. II. Отдѣленіе церкви отъ государства. III. Личная воинская повинность и пониженіе срока службы до предѣловъ необходимаго. IV. Болѣе справедливое распредѣленіе

податной тяжести: подоходный налогъ и налогъ на движимое имущество. V. Мѣры, способныя улучшить положеніе рабочаго класса, поскольку онѣ совмѣстимы съ признаніемъ принципа частной собственности и свободы труда. VI. Распространеніе сельскохозяйственныхъ обществъ. VII. Реформа законовъ о публичномъ призрѣніи. VIII. Равенство обоихъ языковъ. Несмотря на многочисленныя уступки, сдѣланныя въ этой программѣ требованіямъ новыхъ соціальныхъ слоевъ, либеральные кандидаты во время избирательной кампаніи почти не ссылались на нее, а примыкали къ радикальной программѣ, до такой степени либеральная партія была скомпрометирована въ прошломъ. Радикальная партія была тогда въ апогеѣ своей славы.

Но уже и въ это время, впрочемъ, обнаруживались проявленія слабости среди радикаловъ, поведшія постепенно къ охлажденію симпатій между ними и крайней лѣвой и показавшія, что среди радикаловъ имѣются элементы, болѣе склонные къ союзу съ доктринерами, чѣмъ съ рабочей партіей. Когда попытки католическаго правительства, не располагавшаго нужнымъ для пересмотра большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, войти въ соглашеніе съ доктринерами были ими отвергнуты (потому что они находили клерикаловъ слишкомъ крайними), тогда католики начали переговоры съ крайней лѣвой. Феронъ, вождь умѣреннаго крыла радикальной партіи, не скрывалъ своихъ симпатій къ системѣ множественныхъ вотумовъ. И предложеніе Ниссенса было принято большинствомъ, къ которому присоединились и радикалы, тогда какъ 14 доктринеровъ вотировали противъ изъ ненависти къ suffrage universel, а 12 крайнихъ реакціонеровъ (въ томъ числѣ Вустъ и Сметъ-де-Найеръ) воздержались.

Демократы были страшно разочарованы этимъ компромиссомъ. Но радикалы совершили еще другой неосторожный поступокъ. Чтобы привлечь колеблющихся членовъ правой къ примирительной сдѣлкѣ, Феронъ и его друзья заявили, что они считаютъ ее окончательной и обѣщали не начинать новой ревизіонистской агитаціи. Это послужило сигналомъ къ распаденію радикальной партіи. Отъ нея отдѣляется нео-прогрессистская группа или молодая лѣвая, приставшая скоро къ рабочей партіи; то же самое происходитъ въ Шарлеруа, гдѣ радикалы, вошедшіе въ Демократическую Федерацію, постепенно перешли къ соціалистамъ.

1 іюля 1894 г. собрался прогрессистскій конгрессъ, подавшій поводъ къ самымъ жаркимъ дебатамъ. Поль Жансонъ защищалъ идею „тройственнаго союза“, какъ его въ

шутку стали называть: доктринеровъ, радикаловъ и соціалистовъ, т. е. „концентрацію всѣхъ антиклерикальныхъ элементовъ". Но эта попытка была заранѣе осуждена на неудачу въ виду рѣшительнаго отказа рабочей партіи войти въ соглашеніе съ доктринерами. И, такимъ образомъ, радикаламъ пришлось въ Брюсселѣ заключить союзъ съ доктринерами, а въ Люттихѣ и въ Намюрѣ съ соціалистами. Эта двойственность вносила, конечно, смуту въ умы сторонниковъ радикальной партіи. Въ 1896 г., т. е. черезъ 2 года, она заключаетъ уже въ Брюсселѣ союзъ съ соціалистами, въ 1898 г. съ соціалистами и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Во время агитаціи за пропорціональное представительство въ 1900 г. прогрессисты снова выступаютъ вмѣстѣ съ соціалистами и христіанскими демократами.

4 іюля того-же года депутаты лѣвой (либералы и соціалисты) опубликовали коллективное посланіе къ бельгійскому народу, въ которомъ требовали распущенія палаты и брали на себя торжественное обязательство дѣйствовать единодушно и неразрывно, не уступая католической реакціи. Но уже въ концѣ августа прогрессистскіе депутаты нарушили принятое на себя обязательство. Лоранъ, Маньетъ, Гейшгенъ, Гамбюрсинъ и Мутонъ сообщили правительству Сметъ-де Найера, что они готовы вотировать его проектъ, если „предусматриваемые въ немъ избирательные округа будутъ расширены въ смыслѣ лучшаго и болѣе полнаго примѣненія пропорціональнаго представительства, и если правительство сдѣлаетъ удовлетворительныя заявленія относительно полнаго примѣненія пропорціональнаго представительства въ общинныхъ и провинціальныхъ выборахъ и относительно увеличенія числа депутатовъ и сенаторовъ". Правительство ничего этого не сдѣлало, и, тѣмъ не менѣе, радикалы присоединились къ нему, обезпечивъ ему спасеніе. Проектъ былъ принятъ 28 ноября большинствомъ 70 противъ 63, при 8 воздержавшихся, т. е. большинствомъ 7 голосовъ, составившимся изъ клерикаловъ и пяти прогрессистовъ, нарушившихъ взятое на себя обязательство.

Съ этого момента союзъ лѣвой былъ расторгнутъ. Рабочій классъ началъ подозрѣвать, что реформа, вводившая въ пользу либераловъ пропорціональное представительство, произведена въ ущербъ всеобщему избирательному праву. Это же подготовило, съ другой стороны, почву для сближенія враждующихъ частей либерализма и для возстановленія единой либеральной партіи. Для послѣдней вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ былъ вопросомъ жизни или смерти. Первое же примѣненіе новаго избира-

Ксавье Нёжанъ,
вождь либераловъ.

тельнаго закона въ 1894 г. повело къ полному разгрому либеральной партіи. Всѣ вожди ея, какъ доктринеры, такъ и прогрессисты, провалились. Хотя католики получили 927.000 голосовъ, либералы—535.000, а соціалисты—325.000, тѣмъ не менѣе, выбрано было депутатовъ католиковъ—104, либераловъ—20 и соціалистовъ—28. Дополнительные выборы 1896 г. уменьшили число либеральныхъ депутатовъ до 12, хотя число поданныхъ за нихъ голосовъ не уменьшилось. И только новая избирательная реформа и введеніе пропорціональнаго представительства вернуло либераловъ въ палату въ видѣ болѣе или менѣе солидной группы.

* * *

Но событія послѣднихъ лѣтъ не прошли для доктринеровъ напрасно. „Утро 15 октября 1894 г., говоритъ въ элегическомъ тонѣ старый либералъ, — было для многихъ печальнымъ пробужденіемъ“. Либералы начинаютъ сознавать свои ошибки. Проекты сыплются со всѣхъ сторонъ, какъ изъ рога изобилія. Одинъ предлагаетъ ввести въ программу непосредственныя требованія рабочей партіи, причемъ „Un liberal“ доходитъ даже до выставленія слѣдующей программы, обязательное страхованіе, участіе рабочихъ въ прибыляхъ: законодательное ограниченіе рабочаго времени, выкупъ государствомъ угольныхъ копей, реформа налоговъ и наслѣдства, ограниченіе продолжительности концессій. Другой говоритъ, что нужно усилить центральную власть для противодѣйствія злоупотребленіямъ всеобщаго избирательнаго права, практикуемымъ клерикалами въ деревняхъ и соціалистами въ городахъ. Третій совѣтуетъ перестроить либеральную программу на реформистской основѣ, дать ей избирательную платформу, пріемлемую для рабочихъ, чтобы создать либеральную партію и, мало-по-малу, внушить рабочимъ массамъ убѣжденіе, что люди, которымъ они довѣряютъ свою судьбу, еще долго не въ силахъ будутъ въ чемъ-нибудь существенно облегчить ихъ положеніе. Подобнаго рода попытка дѣйствительно дѣлается; наскоро сколачивается „рабочая либеральная партія“, которая при всей своей политической ничтожности, первымъ дѣломъ высказывается за демократическія реформы и за всеобщее избирательное право, такъ что либералы попадаютъ въ положеніе курицы, высидѣвшей утятъ.

Но какъ бы то ни было, старый либерализмъ, доктринаризмъ въ традиціонномъ смыслѣ слова, умиралъ. Мы уже видѣли, что доктринеры, вырабатывая избирательную плат-

форму 1894 г., внесли въ нее много радикальныхъ требованій. Послѣ вторичнаго погрома либеральной партіи на выборахъ 1896 г. уцѣлѣвшіе въ палатѣ 12 либеральныхъ представителей уже всѣ примыкали къ прогрессистской программѣ. Одно время прогрессисты стали даже преимущественно называть себя радикалами, такъ какъ многіе доктринеры, чувствуя все паденіе ихъ былого вліянія, стали именовать себя прогрессистами. Теперешняя палата насчитываетъ 33 либераловъ. Изъ нихъ 25 могутъ быть названы радикалами, и всѣ они входятъ въ „Лигу всеобщаго избирательнаго права". Но и остальные 8 „доктринеровъ" уже далеки отъ величественнаго презрѣнія къ массамъ, которое отличало эпоху господства Фреръ-Орбана. Они признаютъ почти всю прогрессистскую программу и даже не осмѣливаются высказаться противъ всеобщаго права голоса, хотя, конечно, пальцемъ о палецъ не ударятъ для его практическаго осуществленія. Ихъ представителями являются Гимансъ, Гюисмансъ и Нежанъ

Такимъ образомъ, либеральная партія возстановлена, но на основѣ прогрессистской программы. Она наряду съ рабочей партіей ведетъ теперь въ парламентѣ ожесточенную борьбу противъ католическаго правительства. Теперешніе либералы увѣряютъ, что они оставили мысль о составленіи центра вмѣстѣ съ умѣренными католиками, которыхъ (т. е. группу Бернаэрта) они называютъ „іезуитами" и ненавидятъ больше, чѣмъ „фанатиковъ", группирующихся вокругъ „свѣтскаго папы" Вуста. Они также не желаютъ смѣшаннаго либерально соціалистическаго министерства (конечно, въ случаѣ побѣды „антиклерикальной" коалиціи). Они разсчитываютъ создать чисто либеральное правительство, которое, балансируя между крайними партіями и опираясь то на лѣвую, то на католиковъ, могло бы править судьбами страны въ умѣренномъ духѣ.

Такъ думаютъ или, по крайней мѣрѣ, говорятъ вожди. Но въ буржуазныхъ партіяхъ вожди почти всегда гораздо прогрессивнѣе представляемой ими массы. А чтобы ознакомиться съ настроеніемъ либеральной массы, стоитъ присмотрѣться къ ея поведенію хотя бы на выборахъ. Въ то время какъ вожди заявляютъ, что они „готовы соединиться хотя съ чортомъ", лишь бы низвергнуть католическое большинство, въ то время, какъ дѣятели партіи устраиваютъ пресловутый „антиклерикальный картель", либеральные избиратели на перебаллотировкахъ обыкновенно доставляютъ побѣду католикамъ. Только часть изъ нихъ, вѣрная своимъ антиклерикальнымъ убѣжденіямъ, пересиливаютъ свое враждеб-

ное отношеніе къ крайней лѣвой, но подавляющее большинство, услышавъ бурныя и непривычныя рѣчи какого-нибудь рабочаго кандидата, кидается въ объятія клерикальной реакціи. И въ общемъ можно смѣло сказать, что на послѣднихъ выборахъ, напр., католическая партія удержала власть только благодаря либераламъ.

IV.

Католическая партія и христіанская демократія.

Оранжисты предсказывали, что революція 1830 г. пойдетъ на пользу только духовенству. Скоро многіе либералы съ горечью начали убѣждаться, что они были правы. Въ своихъ Souvenirs Гимансъ помѣстилъ письмо Дефака, въ которомъ послѣдній пишетъ: „Нужно сознаться, что провозглашеніе полной самостоятельности обѣихъ властей (т. е. свѣтской и духовной) было ошибкой что, только закрывая глаза на всѣ уроки исторіи, можно было не подчинить церковь государству во всѣхъ случаяхъ, когда они приходятъ въ соприкосновеніе. Эта суприматія гражданскаго закона всегда была въ моихъ глазахъ существеннымъ условіемъ для того, чтобы правительство могло итти по пути свободы и прогресса,—и то, что совершается съ 1830 г. могло только усилить въ этомъ отношеніи мое убѣжденіе". Самъ Лавеле находитъ въ 70-хъ г.г., что революція 1830 г. была ошибкой!

Дѣло въ томъ, что къ этому времени вполнѣ выяснилась грозная сила католической партіи и та опасность, которая грозила съ ея стороны всѣмъ завоеваніямъ буржуазнаго либерализма, всѣмъ „принципамъ 1789 г."

Католическая партія была великой партіей, между прочимъ, потому, что имѣла глубокіе корни въ отдаленномъ прошломъ страны. Она доказала уже свою силу, изгнавши двухъ королей, Іосифа II и Вильгельма I, имѣвшихъ несчастіе стать поперекъ ея дороги. Могущество ея основывалось также на невѣжествѣ и суевѣріи крестьянской массы. Но все это объясняетъ лишь одну половину дѣла. Современное вліяніе католицизма по своему содержанію представляетъ, въ сущности, совершенно новое, небывалое явленіе и, въ конечномъ счетѣ, сводится къ удачной позиціи, занятой церковью въ современной борьбѣ классовъ, и ея удивительной приспособляемости. На протяженіи исторіи мы видимъ католическую церковь то поддерживающей тиранію, то благословляющей кинжалъ, оттачиваемый для тирана, то сжигающей на кострахъ еретиковъ, то кропящей святой водой „деревья свободы". Она съ такимъ же легкимъ серд-

цемъ сегодня распѣваетъ „Domine salvam fac rempublicam“, съ какимъ еще вчера провозглашала анафему врагамъ стараго режима.

Понятіе реакціонной или, какъ она иногда себя называетъ, консервативной партіи гораздо шире понятія католической или, какъ ее называютъ иногда противники, партіи кюре. Первое шире потому, что охватываетъ защиту интересовъ, гораздо болѣе разнообразныхъ, чѣмъ права и преимущества католической церкви: интересы аристократіи крупнаго землевладѣнія, финансовой и промышленной плутократіи и т. д. Но элементы, представляющіе эти интересы, сочли для себя удобнымъ и выгоднымъ опереться на католическое духовенство, которое могло доставить реакціонерамъ изъ привилегированной среды содѣйствіе и помощь темныхъ народныхъ массъ, тащившихся на буксирѣ единственно близкой и понятной имъ церковной власти. Съ своей стороны, католическое духовенство для защиты своихъ спеціальныхъ интересовъ нашло для себя подходящимъ и наиболѣе естественнымъ заключить оборонительный и наступательный союзъ съ партіей политическаго и соціальнаго консерватизма и реакціи, создавая себѣ, такимъ образомъ, шансы изъ группы вѣчно будирующей оппозиціи превратиться рано или поздно въ правительственную партію или въ часть ея. Этимъ объясняется то сочетаніе аристократическихъ и демократическихъ (вѣрнѣе, демагогическихъ) элементовъ въ реакціонной партіи, которое, на первый взглядъ, способно сбить съ толку наблюдателя, но которое можно видѣть и въ реакціонныхъ партіяхъ другихъ странъ. Вотъ почему въ началѣ 70-хъ гг. либеральный публицистъ могъ писать: „Клерикальная партія состоитъ въ настоящее время изъ тѣхъ же классовъ, что и во времена брабантской революціи, о которой говоритъ намъ депеша, адресованная губернаторомъ австрійскихъ Нидерландовъ императору Леопольду: „Аристократія, священники, монахи, чернь и народная масса, которая ни аристократична, ни демократична, но которая возбуждена фанатическими и бунтовскими наставленіями кюре“ — вотъ элементы, входящіе въ реакціонную партію. Въ настоящее время къ этому перечню нужно прибавить: крупная и половина средней буржуазіи, значительная часть мелкой буржуазіи и интеллигенціи, часть пролетаріата.

Вотъ почему названіе „католикъ“ нужно понимать здѣсь въ смыслѣ политическомъ. Здѣсь рѣчь идетъ не столько объ исповѣданіи извѣстной совокупности религіозныхъ догматовъ, сколько о проведеніи опредѣленнаго политическаго и соціальнаго идеала. Нѣкогда, въ медовый мѣсяцъ бельгій-

ской исторіи понятія „либералъ“ и „католикъ“ не противоставлялись, какъ два понятія, раздѣленныя непроходимою гранью. Либеральный католикъ былъ обычной фигурой на національномъ конгрессѣ и въ первыхъ бельгійскихъ парламентахъ Политическая дифференціація скоро положила этому конецъ. Рѣдки были люди, которые сохраняя вѣрность духу конституціи, оставались добрыми католиками, не сдѣлавшись клерикалами въ политикѣ. Когда произошелъ расколъ на двѣ партіи, духовенство сдѣлалось болѣе систематическимъ и ярымъ въ своемъ анти-либерализмѣ. Прежде, особенно во Фландріи, оно было наиболѣе дѣятельнымъ агентомъ революціи; теперь оно съ той же энергіей стало служить новому дѣлу. Около 1850 г. въ бельгійскомъ парламентѣ было еще много либераловъ-католиковъ и католиковъ-либераловъ. Черезъ 10 лѣтъ указывали пальцемъ на послѣднихъ представителей этой исчезнувшей разновидности.

До 1840 г. католическая партія предпочитала называться консервативной; она всячески избѣгала открыто афишировать свою клерикальную маску. Знаменитая энциклика папы Григорія XII, направленная противъ либерализма вообще и противъ бельгійской конституціи въ частности, не являлась для католиковъ тѣмъ евангеліемъ, которымъ крайнее крыло ихъ провозгласило ее впослѣдствіи. 15 мая 1878 г. Ферръ-Орбанъ могъ сказать: „Энциклика Григорія XVI относится къ 1832 г. Въ продолженіе 20 лѣтъ кто говорилъ о ней въ странѣ? Если иногда случайно приходилось кому-нибудь о ней упомянуть, вы первые поднимались, чтобы заявить, что эта энциклика сдана въ архивъ древностей“.

Но со временемъ она была извлечена изъ этого архива и сдѣлалась моднымъ костюмомъ. Оживленіе католицизма со второй половины 19-го вѣка, когда въ глазахъ господствующихъ классовъ онъ сдѣлался главной консервативной силой, вызвало и въ Бельгіи болѣе открытое и смѣлое выступленіе католической партіи.

Благодаря энцикликамъ и Силлабусу, въ католической партіи создаются два теченія, до сихъ поръ продолжающія выступать совмѣстно въ рамкахъ единой партійной организаціи, но могущія при извѣстныхъ условіяхъ разойтись и дать начало новымъ политическимъ комбинаціямъ. Первое теченіе, объявляющее себя вѣрнымъ сторонникомъ конституціи и въ то же время вѣрнымъ дѣтищемъ католической церкви, живетъ экивоками, ибо трудно примирить преданность либеральнымъ принципамъ конституціи и вѣрность догматамъ католицизма, который устами своего признаннаго первосвященника произнесъ анафему всему либера-

лизму безъ исключенія. Это теченіе является представителемъ свѣтскихъ элементовъ католической партіи и защитникомъ интересовъ землевладѣльческой и денежной плутократіи. Эта консервативная партія въ собственномъ смыслѣ слова, во многихъ отношеніяхъ тождественная доктринерамъ. По существу, она скорѣе могла бы быть въ союзѣ съ этими послѣдними, чѣмъ съ воинствующимъ католицизмомъ, который часто пользуется демагогическими пріемами борьбы.

Другое теченіе въ католической партіи—теченіе чисто ультрамонтанское. Сила католической партіи—именно въ его рукахъ. Его вожди—епископы, его армія—кюре и руководимыя ими массы, его программа—Силлабусъ и энциклика De conditione opificum (О положеніи рабочихъ), его орудія—лувенскій университетъ и накинутая на страну сѣть католическихъ учебныхъ заведеній всякаго разряда—съ одной стороны, и „общественно-благотворительныя" учрежденія (oeuvres sociales)—съ другой. Въ каждомъ крупномъ центрѣ—у него своя газета и цѣлый рядъ экономическихъ организацій. Это теченіе, представляющее въ сущности специфическіе интересы интернаціональнаго католическаго духовенства, должно было для вовлеченія массъ и удержанія ихъ въ сферѣ своего вліянія постепенно сдѣлаться выразителемъ стремленій тѣхъ народныхъ слоевъ, которые страдаютъ отъ капиталистическаго развитія не менѣе пролетаріата, но не въ состояніи ни выработать самостоятельной программы дѣйствій, ни самостоятельно бороться за удовлетвореніе своихъ интересовъ. Мы имѣемъ въ виду разнообразные слои мелкой буржуазіи и, главнымъ образомъ сельское населеніе. Но часто демократическая маска не удерживается на лицѣ этой партіи—и тогда она выступаетъ передъ нами въ своемъ истинномъ видѣ стремящейся къ непосредственному успѣху реакціонной демагогіи. Ея идейнымъ и политическимъ вождемъ является талантливый публицистъ Вустъ, который во время дебатовъ, сопровождавшихъ пересмотръ конституціи, произнесъ слѣдующія многозначительныя слова, могущія служить типичнымъ выраженіемъ сокровенной мысли этой партіи: „Нѣтъ, мы не боимся демократіи, которой дали названіе дикой героини, но которую христіанство можетъ дисциплинировать, изъ которой оно можетъ сдѣлать мирную силу".

За 10 лѣтъ (отъ половины 60-хъ до половины 70-хъ гг.) клерикализмъ совершилъ значительную эволюцію. Правая не отвергаетъ уже такъ безусловно доктринъ абсолютизма, какъ это сдѣлалъ въ іюнѣ 1864 г. одинъ изъ ея членовъ. Она не отвергаетъ уже Силлабуса, а провозглашаетъ его

своей программой и съ гордостью называетъ себя ультрамонтанской. И отъ такой перемѣны католическая партія только выиграла. Она шла къ своей цѣли прямо и рѣшительно. Воспользовавшись трехлѣтнимъ перерывомъ, отдавшимъ власть въ руки клерикаловъ, составленное изъ умѣренныхъ католиковъ министерство внесло въ палату законопроектъ о благотворительности, непосредственнымъ результатомъ котораго было бы облегченіе учрежденія монастырей, уже и безъ того многочисленныхъ, и увеличеніе церковныхъ и монастырскихъ земель. Либеральные депутаты боролись противъ этого предложенія въ теченіе 27 засѣданій сряду съ большой энергіей. Въ Брюсселѣ вспыхнули уличные безпорядки. Толпа, прилично одѣтая, освистывала католиковъ на улицахъ, разбивала стекла въ ихъ домахъ. Король лично хотѣлъ вести войско противъ бунтовщиковъ, но потомъ отказался отъ своего плана. Засѣданія палаты были отсрочены; „законъ о монастыряхъ", какъ прозвала его оппозиція (loi de couvents), взятъ обратно. Общинные выборы, происходившіе вскорѣ послѣ этого, показали, что буржуазія возмутилась противъ католическихъ проектовъ: во всѣхъ крупныхъ центрахъ были избраны либеральные общинные совѣты. Министерство должно было уйти въ отставку. Время клерикаловъ еще не пришло; почва не была еще достаточно подготовлена.

Либеральное министерство распустило палату и получило въ новой палатѣ сильное большинство, съ которымъ оно продержалось у власти до 1870 г. Выборы этого года уменьшили либеральное большинство до 1—2 голосовъ. Произошло это отчасти благодаря переходу на сторону католиковъ нѣкоторой части либераловъ, испуганныхъ усиливавшейся фракціей „молодыхъ либераловъ" (будущихъ радикаловъ), требовавшихъ соціальныхъ реформъ и расширенія избирательнаго права, отчасти благодаря тому, что католики, по примѣру либераловъ, также начали устраивать постоянныя политическія организаціи, окружные союзы (associations d'arrondissement), которые въ 1867 г. составили федерацію католическихъ ассоціацій. Фреръ-Орбанъ подалъ въ отставку. Клерикалы вернулись къ власти съ новыми надеждами, съ назрѣвающими планами реформъ, съ укрѣпившимся положеніемъ въ странѣ.

Подражая примѣру либераловъ, католическое министерство д'Анетана распустило палату и сенатъ и назначило новые выборы, которые дали въ обѣихъ палатахъ большинство католикамъ, несмотря на то, что они не получили большинства голосовъ. Министерство д'Анетана оказалось не-

долговѣчнымъ. Но даже и послѣ его паденія католики остались у власти. Ихъ положеніе въ странѣ успѣло уже до извѣстной степени укрѣпиться, и это положеніе создавали имъ промахи доктринерской политики. Несмотря на требованія своего лѣваго крыла, либеральное министерство до тѣхъ поръ собиралось внести предложеніе о пониженіи ценза при общинныхъ и провинціальныхъ выборахъ, пока не провалилось. Католическій кабинетъ д'Анетана провелъ законъ, понижавшій цензъ для выборовъ въ общинные совѣты до 10 и въ провинціальные до 20 франковъ. Это привлекло на его сторону симпатіи новыхъ слоевъ избирателей, и ближайшіе выборы были торжествомъ католиковъ.

Либералы вообще не въ состояніи были бороться съ клерикалами въ деревнѣ, гдѣ послѣдніе господствовали почти безусловно. Они не могли бороться съ ними словомъ, такъ какъ фанатизированное пасторами и невѣжественное деревенское населеніе готово было побить камнями всякаго, на кого кюре указалъ бы пальцемъ, какъ на врага католической церкви. Они не могли также бороться съ клерикальнымъ вліяніемъ ни книгой, ни газетой. Достаточно сказать, что въ началѣ 70-хъ годовъ въ большихъ городахъ, какъ Брюгге, Куртре, Алостъ, Сенъ-Никола, насчитывавшихъ отъ 25 до 50 тысячъ жителей, но находившихся подъ вліяніемъ католическаго духовенства, продавались только молитвенники, житія святыхъ и другія духовныя книги. О проникновеніи свѣтской книги въ деревню нечего было при такихъ условіяхъ и мечтать. Не лучше обстояло дѣло съ газетами. По общему правилу, деревня не знала иныхъ газетъ, кромѣ католическихъ. Если же случайно туда и попадала какая-нибудь либеральная газета, то кюре или отнималъ ее у почтальона, или тысячью средствъ, находящихся въ его распоряженіи, быстро прекращалъ подобный „скандалъ".

На помощь „дѣятельной милиціи" кюре шла рать чернаго духовенства, для котораго со времени испанскаго владычества Бельгія была обѣтованной страной. Монастыри процвѣтали. Въ 1846 г. насчитывалось въ этой маленькой странѣ 779 монастырей съ 11.968 монахами и монахинями, т. е. столько же, сколько ихъ было въ концѣ XVIII вѣка, когда императоръ Іосифъ II долженъ былъ признать ихъ опасностью для общества и счелъ нужнымъ уменьшить ихъ число. На почвѣ свободной конституціи обители продолжали развиваться и богатѣть, и въ 1866 г. было уже 1.314 монастырей и 18.162 монаховъ и монахинь. Уже тогда приходилось въ Бельгіи по 2 монастыря на 3 коммуны. Ихъ богатство непрестанно разросталось, но они тщательно скрывали

его размѣры, избѣгая увеличенія своихъ земельныхъ владѣній. Это бросалось бы въ глаза. Зато, приноровляясь къ условіямъ денежнаго хозяйства, они обращали свои сокровища въ денежныя и банковыя цѣнности. Монастыри занимали въ большихъ городахъ, какъ Намюръ, Антверпенъ, Гентъ, Брюгге, Люттихъ, цѣлые кварталы.

Уже въ то время воздѣйствіе клерикаловъ на избирателей характеризовалось тѣми чертами, которыя составляютъ общее достояніе реакціонныхъ партій во всемъ мірѣ Прежде всего въ рукахъ кюре находится церковная каѳедра, съ высоты которой каждое воскресенье раздаются громы противъ нечестивыхъ. Еще болѣе могущественнымъ орудіемъ воздѣйствія является исповѣдальня. Такъ, напр., случалось, что кюре отказывали въ отпущеніи грѣховъ тѣмъ, кто выписывалъ либеральныя газеты, несмотря на то, что въ началѣ 70-хъ г.г. онѣ крайне рѣдко затрагивали религіозный вопросъ. Въ исповѣдальнѣ кюре добивается отъ женщинъ обѣщанія, что ихъ дѣти поступятъ въ іезуитскіе коллежи и въ Лувенскій Университетъ. Здѣсь же подготовлялась почва для пожертвованія огромныхъ вкладовъ на дѣла церкви. Дошло до того, что отказывали въ отпущеніи грѣховъ судьямъ, постановлявшимъ, в ъ с и л у з а к о н а, рѣшенія противъ церковныхъ коммерческихъ предпріятій,—и клерикальное правительство постаралось замять это дѣло (въ 1872 г.). Передъ выборами священники дѣлали обходы своихъ прихожанъ, совѣтуя (часто съ угрозами) вотировать за епископскаго кандидата; это дѣйствовало, главнымъ образомъ, на женщинъ, которыя, полныя святого ужаса, уговаривали своихъ мужей голосовать по указанію кюре. Къ угрозамъ будущихъ мукъ присоединялось лишеніе хлѣба насущнаго. Аристократія и крупные землевладѣльцы, принадлежащіе почти всегда къ католической партіи, заставляли зависящихъ отъ нихъ фермеровъ вотировать за реакціоннаго кандидата, подъ угрозой изгнанія изъ фермы. А если мы припомнимъ, что Бельгія скорѣе страна мелкихъ арендаторовъ, чѣмъ мелкихъ собственниковъ (это особенно примѣнимо къ обѣимъ Фландріямъ, гдѣ число арендаторовъ составляетъ около $^4/_5$ числа хозяевъ), то мы поймемъ все значеніе подобной угрозы. Утвердившись у власти съ помощью, между прочимъ, подобныхъ пріемовъ, католики первымъ дѣломъ протянули руки къ школамъ. Сущность тактики католической партіи въ области народнаго просвѣщенія сводилась къ тому, чтобы отстоять во что бы то ни стало суприматію конфессіональнаго обученія. Во время преній объ организаціи средняго образованія болѣе

осторожный клерикалъ заявляетъ: „Опасность заключается въ томъ, что учителя во время своихъ уроковъ прямо или косвенно будутъ оспаривать религіозное ученіе, преподаваемое служителями церкви“, т. е. священниками, приглашаемыми въ атеней въ извѣстные дни и часы. Другіе, болѣе откровенные, какъ де-Те, идутъ дальше и говорятъ открыто, что „правая желаетъ организовать среднее образованіе, но съ такимъ условіемъ, чтобы не создавать ненужной конкурренціи свободнымъ (т. е. католическимъ) школамъ“. Католики готовы пожертвовать интересами народнаго просвѣщенія своимъ политическимъ расчетамъ. Они провозглашаютъ цѣлью своей школьной политики не развитіе ума, а господство надъ душою народа.

Католики объявили дѣло народнаго просвѣщенія не государственнымъ, а частнымъ дѣломъ. И эту политику они проводятъ съ удивительной послѣдовательностью Вѣдь это невѣроятный фактъ, что въ Бельгіи нѣтъ отдѣльнаго министерства народнаго просвѣщенія, которое составляетъ необходимую принадлежность всякой цивилизованной страны. Его не было до 1878 г. Либералы, вернувшись тогда къ власти и убѣдившись, что нужно предпринять рѣшительныя мѣры для борьбы съ клерикальной школой, учредили это министерство, но добившіеся снова господства въ 1884 г. католики уничтожили его. Вустъ по этому поводу заявляетъ: „Просвѣщеніе не есть общественная служба, это дѣло отца, а не государства; государство можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, прійти на помощь отцу, открывая для его дѣтей учебныя заведенія; но оно не имѣетъ никакого права навязывать эти учрежденія кому бы то ни было“ [1]).

Католики имѣли основаніе отстаивать „вольную“ школу: издавна уже народная школа была монополизирована клерикалами. И послѣ двадцатилѣтняго пребыванія либераловъ у власти, въ началѣ 70-хъ г.г., церковныя школы имѣли втрое больше воспитанниковъ, чѣмъ государственныя. Духовенство исключительно распоряжалось суммами, жертвуемыми на народное образованіе. Его школы, коллежи, его университетъ въ Лувенѣ поглощали всѣ эти суммы, которыя и расходовались на образованіе дѣтей буржуазіи и части рабочаго класса. Кромѣ этихъ суммъ, идущихъ непосредственно въ руки епископовъ, правительство и коммуны субсидировали школы и назначали стипендіи. Католики хотѣли наложить свои руки и на эти средства, чтобы совершенно обезкровить „враждебныя“ школы. Въ 1869 г. либералы потре-

---

[1]) „Vingt ans de pol.“, v. II, 50.

бовали, чтобы назначеніе стипендій, шедшихъ до того, главнымъ образомъ, черезъ епископскія руки, было предоставлено государству, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда жертвователь выражаетъ опредѣленное желаніе предоставить это право коммунамъ или частнымъ лицамъ. Съ другой стороны, въ виду богатства клерикальныхъ школъ либералы естественно стояли за усиленную поддержку другихъ школъ. Наоборотъ, католическая программа въ этомъ пунктѣ гласила: субсидировать всѣ школы безъ различія, пропорціонально числу учениковъ. Это было бы сильнымъ ударомъ для коммунальныхъ школъ и полной побѣдой для клерикальныхъ, которыя послѣ закона 1879 г. насчитывали гораздо больше воспитанниковъ, чѣмъ свѣтскія.

Борьба партій во время короткаго управленія клерикаловъ достигла крайняго напряженія. Въ странѣ какъ бы вновь вставалъ грозный призракъ междоусобной религіозной войны. Антверпенскіе либералы приняли знаменитое имя гезовъ (нищихъ), которое такъ тѣсно было связано съ усобицами XVI вѣка и звуки „Пѣсни Нищихъ“ раздавались во время политическихъ манифестацій. Либералы и радикалы снова временно соединяютъ свои усилія для борьбы съ общимъ врагомъ. Возникаетъ новая газета, быстро выдвигающаяся на первый планъ, „La Flandre libérale“, призывающая либераловъ на смертный бой съ клерикалами. Журналъ „Revue de Belgique“ преобразовывается въ 1874 г. и выставляетъ программу: „борьба съ папизмомъ на религіозной и политической почвѣ“. Весной 1875 г. гентскіе либералы силой разсѣиваютъ католическую манифестацію въ пользу свѣтской власти папы, а въ Люттихѣ попытка епископа организовать подобную демонстрацію вызываетъ такое возбужденіе среди либераловъ, что бургомистръ долженъ былъ запретить появленіе на улицахъ епископскаго кортежа. Крестьяне изъ окрестностей Гента перестали появляться на базарахъ города послѣ инцидента съ разбитой католической манифестаціей, а въ Сенъ-Никола фанатизированная чернь едва не разорвала нѣсколькихъ невинныхъ иностранцевъ, которыхъ она приняла за брюссельскихъ либераловъ. Въ воздухѣ чуялся запахъ пороха; къ избирательнымъ урнамъ шли какъ во времена общественной опасности. Послѣ неудачной попытки 1876 г., не измѣнившей относительной силы партій въ парламентѣ, либераламъ удалось низвергнуть католическое большинство въ 1878 году.

Составленный изъ анти-клерикальныхъ элементовъ, новый либеральный кабинетъ сначала выдѣлилъ въ особое министерство учебное вѣдомство, а затѣмъ, 21 января 1879 г.

внесъ законопроектъ касательно пересмотра закона 1842 г. о первоначальномъ обученіи. Этотъ законъ, отчасти провозглашавшій нейтральность государственной школы и. въ видѣ уступки католикамъ, допускавшій преподаваніе закона Божія священниками, но только до или послѣ общихъ учебныхъ занятій, былъ принятъ, несмотря на отчаянную оппозицію клерикаловъ, палатой, а затѣмъ и сенатомъ и опубликованъ 1-го іюля. Епископы организовали систематическую кампанію противъ этого закона, который, въ сущности, былъ лишь несовершенной попыткой секуляризаціи народнаго просвѣщенія. Отлученія посыпались на отцовъ, на учителей, на членовъ школьныхъ комитетовъ, на матерей, которыя позволяли мужьямъ посылать дѣтей въ безбожныя общественныя школы. Священники отказывались вѣнчать, причащать, отпускать грѣхи и вообще совершать таинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтскіе члены католической партіи, депутаты, сенаторы, совѣтники и пр. разъѣзжали по всей странѣ, собирая всюду митинги, произнося бурныя рѣчи и взывая къ вѣрнымъ католикамъ, чтобы они жертвовали свою лепту на святое дѣло. Результатъ этой энергической кампаніи былъ тотъ, что къ началу учебнаго года не было почти ни одной деревушки въ странѣ, которая не обладала бы клерикальной школой. Путемъ такой же агитаціи школы скоро были наполнены,—и государственныя школы сразу потеряли около $^1/_3$ своихъ учениковъ.

Но католическая партія скоро взяла свой реваншъ. Воспользовавшись обострившимися раздорами въ либеральномъ лагерѣ (между доктринерами и радикалами) и упорнымъ нежеланіемъ доктринеровъ согласиться на избирательную реформу и соціальное законодательство, она подхватила нѣкоторые носившіеся въ воздухѣ демократическіе лозунги, выставила программу соціальныхъ реформъ и, сильно организовавшись въ странѣ, а, съ другой стороны, ловко играя на недовольствѣ либералами однихъ — за школьную реформу, другихъ—за умѣренность, третьихъ—за увеличеніе налоговъ и ростъ дефицита, католическая партія на дополнительныхъ выборахъ 1884 г. провела 66 своихъ кандидатовъ противъ трехъ либеральныхъ и сразу получила неожиданное большинство 32 голосовъ въ палатѣ. Католическое министерство Малу распустило сенатъ, и новые выборы дали ему большинство и въ верхней палатѣ.

Теперь католики вернулись къ власти надолго. Сперва они поторопились разрушить дѣло либераловъ — и въ первую очередь законъ 1879 г. Министерство народнаго просвѣщенія, просуществовавши всего 5 лѣтъ, было

уничтожено и превращено въ департаментъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ послѣдовалъ законъ о первоначальномъ обученіи 1884 г. Онъ предоставилъ коммунамъ старое право адоптировать одну или нѣсколько частныхъ школъ. Далѣе, коммуна получила право вносить въ обязательную учебную программу преподаваніе закона Божія. Двадцать свободомыслящихъ родителей (которыхъ не наберется въ деревнѣ) могутъ потребовать открытія въ общинѣ свободной, неконфессіональной школы. Но что было гораздо вѣрнѣе для католиковъ — 20 вѣрующихъ родителей могутъ заставить также свободомыслящую общину (что имѣетъ мѣсто въ крупныхъ центрахъ) открыть для ихъ дѣтей конфессіональную школу. Этимъ закономъ поспѣшили воспользоваться клерикальныя коммуны, чтобы закрыть общественныя школы и адоптировать частныя, конфессіональныя.

Противъ закона 1884 г. и связанныхъ съ нимъ мѣропріятій католическаго правительства либералы организовали протестъ. Составился „компромиссъ“ коммунъ и крупныхъ мѣстечекъ для борьбы противъ закона 1884 г. 9 августа королю представлялась делегація, торжественно протестовавшая отъ имени 820 коммунъ съ населеніемъ въ 2.732.659 жителей противъ клерикальнаго закона. Но напрасны были всѣ протесты. Теперь католики пустили глубокіе корни въ странѣ и, не смущаясь, продолжали свое дѣло. Въ 1894 г. назначена была, въ видѣ пробнаго шара, субсидія въ 300.000 франковъ вольнымъ школамъ. А въ 1895 г. министерство совершенно неожиданно провело новый законъ о первоначальномъ образованіи, по которому выдача субсидій вольнымъ школамъ сдѣлана была регулярной и который, съ одной стороны, улучшалъ матеріальное положеніе учительскаго персонала, а съ другой, дѣлалъ посѣщеніе уроковъ „религіи и морали“ обязательнымъ для всѣхъ учениковъ, за исключеніемъ тѣхъ, чьи родители письменно потребуютъ освобожденія своихъ дѣтей отъ этихъ уроковъ. Этимъ послѣднимъ распоряженіемъ закрѣплялась побѣда католиковъ. Снова либералы и соціалисты протестовали въ рядѣ манифестацій. Католики почти не считались съ ними теперь и спокойно продолжали дѣлать свое реакціонное дѣло.

Политическая организація католиковъ моложе либеральной, которая датируетъ съ начала 40-хъ годовъ, но она скоро опередила ее и размѣромъ, и сплоченностью. Въ 1867 г. на Мехельнскомъ Конгрессѣ Нэйтъ предложилъ организовать Федерацію католическихъ кружковъ. Существовали и раньше избирательные комитеты, кружки и т. п., но все это было разбросано, разрознено, безъ вождя и общей про-

граммы дѣйствій. Федерація была основана въ 1869 г. и уже въ слѣдующемъ году оказала извѣстное вліяніе на выборы. Въ первые годы своего существованія она включала лишь католическіе кружки; политическія же ассоціаціи оставались внѣ ея. Но когда, въ 1884 г., президентомъ Федераціи избранъ былъ Вустъ, онъ постепенно превратилъ ее въ центръ политической дѣятельности реакціонной партіи. Для этого она была раздѣлена на секцію политическихъ кружковъ и секцію политическихъ ассоціацій. Постепенно всѣ ассоціаціи присоединились къ ней, одна за другой; Федерація установила тѣсныя связи съ парламентской правой, которой обезпечена была половина мѣстъ въ обѣихъ комиссіяхъ Федераціи. Вліяніе ея распространяется на всю страну, благодаря стоящимъ подъ нею: а) ассоціаціямъ кантональнымъ, федерированнымъ между собою, и б) ассоціаціямъ окружнымъ, каждая изъ которыхъ имѣетъ своихъ 2 представителей въ Федераціи (съ 1890 г.).

Другое преимущество католической партіи надъ либеральной заключается въ томъ, что она организуетъ въ большомъ числѣ такъ называемыя „oeuvres sociales", т. е. экономическія и общественно-благотворительныя учрежденія. Слабость и безпочвенность либеральной партіи зависитъ, между прочимъ, отъ отсутствія связи между нею и народной массой. Католики же учились у своихъ враговъ: въ интересахъ борьбы съ соціализмомъ, они также обратились къ широкимъ народнымъ слоямъ и, организуя ихъ подъ своимъ знаменемъ, создали себѣ прочную опору въ народѣ, главнымъ образомъ, въ крестьянствѣ. Дѣятельность католиковъ среди рабочихъ начинается еще съ 1854 г.

Филантропическій конгрессъ 1856 г. уже поставилъ на очередь нѣкоторыя изъ тѣхъ реформъ, которыя осуществляются лишь въ наше время.

Въ 1854 году въ темномъ погребкѣ одной брюссельской улицы нѣсколько рабочихъ, собранныхъ священникомъ Ванъ-Калуномъ, положили основаніе Обществамъ св. Франсуа Ксавье, которыя въ настоящій моментъ насчитываютъ 354 общества, 67.198 взрослыхъ рабочихъ и 8.240 подростковъ. Цѣль этихъ обществъ собственно чисто-религіозная, но для успѣха ихъ узкой цѣли религіозной пропаганды съ самаго начала къ нимъ присоединены были экономическія организаціи: синдикаты, сберегательныя кассы и пр. Въ 1867 г. священникъ Струйфъ и польскій дворянинъ Варегъ Массальскій положили въ Ливенѣ основаніе „Федераціи бельгійскихъ католическихъ рабочихъ обществъ". Въ началѣ она состояла только изъ 5 обществъ, а въ 1872 г. насчитывала уже свыше 55.000 примыкающихъ рабочихъ.

Въ органѣ Федераціи „Economie chrétienne", рекомендовалось „вызвать католическое движеніе въ пользу народныхъ свободъ", и выставлена программа разныхъ реформъ. Федерація поглотила „Національную Бельгійскую Лигу для защиты порядка посредствомъ религіи и труда", основанную въ 1872 г. однимъ графомъ. На конгрессы Федераціи епископы посылали своихъ делегатовъ. Затѣмъ она сама растворилась въ „Демократической Лигѣ". Послѣдняя образовалась въ 1891 г. изъ сліянія католическихъ ремесленныхъ гильдъ и положила въ основаніе своей дѣятельности принципы, развитые въ папской энцикликѣ Rerum Novarum. Принципы и составъ Лиги, которая въ отличіе отъ прежней Федераціи, является до извѣстной степени народной организаціей, такъ какъ въ ней участвуютъ дѣйствительные рабочіе и ремесленники, были одобрены на Мехельнскомъ Конгрессѣ 1891 г. Примыкающія къ ней общества могутъ состоять какъ изъ рабочихъ, такъ изъ хозяевъ. Отъ статутовъ ихъ требуется подтвержденіе принципа семьи и собственности и признаніе, что религія необходима для существованія общества. Лига, имѣющая ежегодныя общія собранія примыкающихъ союзовъ, обнимаетъ 300 обществъ и около 90.000 членовъ.

Во главѣ этого движенія стоятъ котолическіе епископы. Ихъ роль особенно обнаруживается на католическихъ съѣздахъ, которые ими созываются и на которыхъ они предсѣдательствуютъ. Первый конгрессъ въ Мехельнѣ (1868 г.) отводитъ еще наибольшее мѣсто соціальному вопросу, подъ рубрикой „Дѣла благотворительности". Въ слѣдующемъ году сюда прибавляется новый отдѣлъ „Христіанской экономіи". Въ бесѣдахъ конгресса 1864 г. затрагиваются вопросы объ организаціи современной промышленности, о положеніи женщинъ-работницъ, о взаимномъ вспомоществованіи, объ ассоціаціяхъ и пр. На третьемъ Мехельнскомъ Конгрессѣ 1867 г. рабочій вопросъ дѣлается уже предметомъ формальныхъ дебатовъ, касающихся женскаго и дѣтскаго труда, необходимости содѣйствовать учрежденіямъ предусмотрительности и постройки рабочихъ жилищъ.

„Національная Унія" (Union Nationale pour le redressement des griefs"), созданная для борьбы противъ школьнаго закона 1879 г., беретъ на себя въ 1886 г. инціативу созванія въ Люттихѣ католическаго конгресса для обсужденія соціальнаго вопроса. Успѣхъ конгресса, поддержаннаго папой, заставилъ созвать въ 1887 г. второй, а въ 1890 г.—третій [1]).

[1]) Отчеты этихъ конгрессовъ изданы въ 3 огромныхъ томахъ, весьма интересныхъ для ознакомленія съ католической партіей.

Къ этому времени подоспѣла энциклика о положеніи рабочихъ (15 мая 1891 г.), и черезъ 4 мѣсяца собирается въ Мехельнѣ новый католическій конгрессъ, одобрившій, между прочимъ, основаніе Демократической Лиги.

Четвертый демократическій конгрессъ въ Мехельнѣ состояли при самой торжественной обстановкѣ и привлекъ 2.500 членоовъ. Онъ рекомендовалъ устраивать повсюду антисоціалистическія общества, а католическимъ рабочимъ кружкамъ присоединяться къ Демократической Лигѣ Сознавая, что сила рабочей партіи заключается, между прочимъ, въ примѣненіи принципа ассоціаціи, католическій конгрессъ безусловно высказывается за производительныя товарищества среди земледѣльцевъ и за систему участія въ прибыляхъ, но по вопросу о потребительныхъ обществахъ увѣренность оставляетъ конгрессистовъ, ибо они ни въ какомъ случаѣ не хотятъ оттолкнуть отъ себя мелкую буржуазію. Какъ говорилъ одинъ ораторъ, „въ интересахъ общества слѣдуетъ обезпечить сохраненіе средняго класса, въ которомъ объединяются капиталъ и трудъ, и который даетъ рабочимъ возможность постепенно повышаться по соціальной лѣстницѣ“.

Соціальной программой католиковъ послѣ 1895 г. становится организація профессіональныхъ союзовъ, вознагражденіе за увѣчья, умѣренная регламентація труда. „Мехельнская программа“, выработанная 5 марта 1896 г. комитетомъ изъ епископовъ и свѣтскихъ лицъ во исполненіе рѣшеній Мехельнскаго Конгресса, состоитъ изъ 10 пунктовъ. Главными изъ нихъ являются организація всякаго рода обществъ, главнымъ образомъ, смѣшанныхъ изъ рабочихъ и хозяевъ, и призывы къ хозяевамъ объ улучшеніи матеріальнаго, и моральнаго положенія ихъ рабочихъ.

Дѣлу католической пропаганды служитъ еще хорошо организованная народная пресса. Достаточно сказать, что „Le National“ печатается въ 80.000 экземплярахъ; „Nieuws van den dag“, брюссельская газета въ 2 сантима, въ 52.000 экз., а по воскресеньямъ—въ 68.000, и даже въ рабочемъ центрѣ, въ Шарлеруа, „Le Pays Wallon“ ежедневно расходится въ количествѣ свыше 25.000 экз. Кромѣ того, въ видѣ противодѣйствія соціалистической пропагандѣ, пользующейся такъ наз. tracts, т. е. небольшими брошюрками, излагающими въ общедоступной формѣ одинъ какой-нибудь вопросъ и распространяющимися въ огромномъ количествѣ экземпляровъ по 3 сант. за 16 страничекъ, католическая партія пускаетъ въ народъ такія же листовки. Особенно энергично дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи Федерація Като-

Поль Тансонъ,
вождь прогрессистовъ.

лическихъ Кружковъ, выпустившая уже 47 tracts на французскомъ и 3 на фламандскомъ языкѣ („Библіотека антисоціалистической пропаганды“). Книжка іезуита Кастелейна— „Что такое соціализмъ?“ разошлась въ 35.000 экз., а вообще всѣхъ изданій этой серіи за 1895—1902 гг. продано около полумилліона. Нечего и говорить о безчисленномъ множествѣ альманаховъ, календарей, справочныхъ изданій, которыя продаются по дешевой цѣнѣ и, наряду съ необходимыми въ житейской практикѣ указаніями, содержатъ приноровленнее къ уровню читателей изложеніе программы католиковъ и опроверженіе ученій ихъ противниковъ.

Наряду съ рабочими кружками „саморазвитія“ существуютъ въ католической партіи кружки лекторовъ, называемые еще школами пропагандистовъ. Брюссельская школа организовала во время выборовъ 1898 г. 160 митинговъ по всей странѣ. Кружокъ Вервье, основанный въ 1897 г., состоитъ изъ 52 членовъ-ораторовъ и уже устроилъ въ округѣ свыше 500 лекцій. И недавно въ Брюсселѣ основано католическимъ депутатомъ Hoyois—„Національное предпріятіе политическихъ и соціальныхъ лекцій“, задачей котораго является связать разрозненныя „школы пропагандистовъ“.

Существуетъ также много oeuvres patronales, т. е. учрежденій, устраиваемыхъ предпринимателями въ интересахъ своихъ рабочихъ, чтобы доставлять имъ по дешевой цѣнѣ различные нужные продукты. Многія предпріятія такого рода процвѣтаютъ, тогда какъ другія должны были закрыть свои двери въ виду враждебнаго отношенія якобы опекаемыхъ рабочихъ, увидѣвшихъ въ нихъ своего рода truck-system, т. е. систему расплаты товарами, воспрещенную закономъ. Къ числу патрональныхъ предпріятій относятся экономаты, т. е. магазины при фабрикахъ, экономическія кухни, бани, прачечныя, булочныя, кассы страхованія и вспомоществованія, больницы, пріюты. Кромѣ того, существуетъ католическое учрежденіе „Союзъ патроновъ въ пользу рабочихъ“, основанный по иниціативѣ люттихскаго епископа и находящійся подъ его почетнымъ предсѣдательствомъ. Въ немъ около 500 членовъ, банкировъ и фабрикантовъ.

Съ кооперативами дѣла католиковъ обстоятъ гораздо слабѣе—по указанной уже выше причинѣ. Основанная ими въ 1887 г. большая кооператива Volksbelang въ Гентѣ для конкурренціи Vooruit'у и быстро отнявшая у него 2 000 членовъ, не менѣе быстро превратилась въ обыкновенную анонимную торговую фирму. Есть у нихъ еще кооператива Volk въ Гентѣ же; кооператива Les Ouvriers réunis въ Шарлеруа,

которая является одновременно булочной и пивной. Но, повторяемъ, въ этомъ отношеніи они при всемъ желаніи не могутъ оказывать рабочей партіи серьезной конкурренціи, такъ какъ страхъ передъ мелкой буржуазіей связываетъ имъ руки.

Счастливѣе католики въ обществахъ взаимопомощи. Въ нихъ уже явно проявляется характеръ патронажа, который вообще присущъ всѣмъ католическимъ учрежденіямъ. По общему правилу общества взаимопомощи состоятъ изъ почетныхъ членовъ или членовъ-покровителей, обыкновенно рекрутирующихся изъ директорскаго персонала фабрикъ, и изъ дѣйствительныхъ членовъ, рабочихъ-мужчинъ старше 18 лѣтъ (женщины и дѣти допускаются въ качествѣ членовъ-участниковъ). Для принятія въ общество требуется обыкновенно, кромѣ здоровья, хорошее поведеніе и признаніе святости религіи, семьи и собственности. Выборы въ административный совѣтъ обусловлены такъ, что въ нихъ могутъ попадать только почетные члены. Отдѣльныя общества связываются между собою въ областныя федераціи.

Что касается профессіональныхъ организацій, то, по мнѣнію католиковъ, „наиболѣе христіанскимъ является смѣшанный союзъ, гдѣ патронъ братается съ рабочимъ“. Во время всеобщей стачки 1893 г. тѣ фабрики, на которыхъ работали члены католическихъ синдикатовъ, продолжали итти полнымъ ходомъ. Такое же явленіе повторяется часто, напр., во время большой стачки въ Шарлеруа, гдѣ христіанскій синдикатъ „Свободныхъ Углекоповъ“ отдѣлился отъ всей рабочей массы. Католическіе синдикаты — это поставщики „штрейкбрехеровъ“. Въ нихъ входятъ въ качествѣ членовъ-покровителей лица изъ высшихъ классовъ и священники. Но по численности и по вліянію католическіе синдикаты ни въ какомъ случаѣ не могутъ спорить съ другими. Католическія федераціи синдикатовъ, связывающія въ одно цѣлое нѣсколько мѣстныхъ организацій, также гораздо слабѣе другихъ существующихъ федерацій. Изъ нихъ можно указать на Антисоціалистическую Лигу въ Гентѣ, на Лигу антисоціалистическихъ профессіональныхъ союзовъ въ Алостѣ, Христіанско-демократическій союзъ въ Сенъ - Никола, „Свободныхъ углекоповъ“ Центра, Національную Федерацію синдикатовъ ткачей. Всѣ они входятъ въ Демократическую Лигу. Существуютъ еще лиги христіанскихъ женщинъ; послѣдними католики всегда пользовались тамъ, гдѣ не могли прямо вліять на мужчинъ.

Католики располагаютъ еще цѣлымъ рядомъ другихъ учрежденій для воздѣйствія на ремесленниковъ, рабочихъ,

приказчиковъ, солдатъ и вообще на „маленькихъ“ людей. Но главная ихъ сила, главный оплотъ ихъ господства, главный центръ ихъ усилій — это деревня. Преимущественными организаторами соціальныхъ учрежденій въ селѣ являются крупный землевладѣлецъ и священникъ: только имъ довѣряетъ пока крестьянинъ, воспитанный въ инстинктивномъ недовѣріи къ горожанамъ и до послѣдняго времени сохранявшій упорную вражду ко всякимъ новшествамъ.

Политическія битвы послѣдняго времени, борьба противъ школьнаго закона, кампанія въ пользу всеобщаго избирательнаго права, пропаганда соціализма, возникновеніе христіанско-демократической партіи и цѣлый рядъ экономическихъ причинъ разбудили и крестьянина. Тогда католики поняли, что настала пора дѣйствовать. Съ 1870 г. они начинаютъ лихорадочную дѣятельность въ деревнѣ, основывая всякаго рода союзы, организуя всевозможныя предпріятія, связывая крѣпкими узами всѣхъ тѣхъ, кого они могутъ привлечь на свою сторону. Тогда какъ десять лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ не существовало почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ сельскохозяйственныхъ обществъ, лишенныхъ почти всякаго значенія, въ настоящее время, можно сказать безъ преувеличенія, нѣтъ почти ни одной захолустной деревушки, въ которой не было бы какого-нибудь общества или союза. И главнымъ вдохновителемъ всѣхъ этихъ предпріятій является вездѣсущій и всемогущій католическій кюре.

Чтобы составить себѣ понятіе о той силѣ, которой католическая партія располагаетъ въ деревнѣ, укажемъ, что по даннымъ оффиціальной статистики, по необходимости неполнымъ, къ началу 1899 г. существовало въ бельгійскихъ деревняхъ:

152 сельскохозяйственныя общества съ 25.746 членами и бюджетомъ въ 248.484 фр.;

607 свободныхъ синдикатовъ съ 49.284 член. и бюджетомъ въ 62.230 фр.;

84 признанныхъ закономъ синдиката;

509 обществъ страхованія скота; съ 49.578 членами и 47.500.000 фр. застрахованнаго капитала;

12 обществъ страхованія лошадей съ 380 членами и застрах. капиталомъ въ 459.000 фр.;

187 синдикатовъ скотоводства съ 5.694 членами и 15.000 записанными головами скота;

8 сельскохозяйственныхъ банковъ, выдавшихъ къ 31 дек. 1898 г. 4.500.000 фр. ссуды;

199 кассъ Райффейзена съ 7.812 членами, 2.000.000 фр. вкладовъ и 1.000.000 фр. ссудъ;

602 общества для закупокъ и продажъ съ 48.747 членами, покупающими на 12.000.000 фр. ежегодно;

237 молочныхъ кооперативъ съ 24.519 членами, продающими на 13.000.000 фр. въ годъ;

43 винокурни съ 880 членами, обрабатывающими 7.005 гект., и 1.000.000 фр. подписного капитала;

8 союзовъ, страхованія отъ огня;

3 союза страхованія отъ градобитій;

227 пчеловодныхъ общества съ 9.326 член. и бюджетомъ въ 25.162 фр.;

29 обществъ птицеводства съ 2.407 членами и бюджетомъ въ 25.189 фр.;

2 общества взаимопомощи при несчастныхъ случаяхъ.

Цѣлый рядъ обществъ страхованія козъ, свиней, синдикатовъ свекловодства, ассоціацій „Французовъ" (рабочихъ, уходящихъ на сельскохозяйственныя работы во Францію), кооперативныя пивоварни, сахароварни, мукомольни, пекарни, общества для постройки дешевыхъ жилищъ, пенсіонныя кассы, общества страхованія отъ болѣзни,—словомъ тысячи всевозможныхъ союзовъ тамъ, гдѣ еще недавно господствовалъ узкій и ограниченный эгоизмъ. Правда, многія изъ этихъ обществъ существуютъ пока на бумагѣ и не играютъ серьезной роли но и то, что уже есть, чрезвычайно важно. Почти все это—союзы католическіе и консервативные. Напр., 607 синдикатовъ—всѣ таковы; большинство изъ нихъ основаны кюре, и священники состоятъ ихъ президентами. Съ потребительными ассоціаціями и въ деревнѣ дѣла католической партіи обстоятъ слабо. Насколько это было возможно, инициаторы движенія избѣгали основывать такія общества, изъ страха возстановить противъ себя деревенскихъ торговцевъ. Но вызванное ими движеніе начинаетъ перерастать ихъ —и крестьяне основываютъ постепенно потребительныя общества (напр., въ Люксембургѣ и въ Западной Фландріи).

Консервативные католики въ восторгѣ отъ могущества описаннаго сейчасъ движенія, ибо видятъ въ немъ надежную опору своего владычества и оплотъ противъ попытокъ соціалистической партіи проникнуть въ деревню. Противъ такихъ оптимистическихъ увлеченій протестуетъ тоже католикъ, Гекторъ Планкартъ, одинъ изъ вождей возмутившейся противъ католической партіи христіанской демократіи. „Католическія земледѣльческія ассоціаціи,—да онѣ ровно ничего не представляютъ съ политической точки зрѣнія! Это просто соединенія крестьянъ, которые не высказываютъ своего мнѣнія и почти всегда управляются помѣщикомъ и священ-

никомъ, ничего не смыслящими въ сельскомъ хозяйствѣ и въ его нуждахъ. Такъ создаются консервативныя ассоцаціи, къ которымъ рабочіе совершенно не пристаютъ, а фермеры очень мало. Помѣщикъ и кюре, для которыхъ не жалѣютъ титула президентовъ и старѣйшинъ, это просто пѣшки въ рукахъ торговцевъ удобреніями и комиссіонеровъ, ищущихъ кліентовъ, полученія комиссіонныхъ процентовъ и устройства своихъ личныхъ дѣлишекъ. Можно сказать съ увѣренностью, что какъ только уляжется первый пылъ энтузіазма, огромное множество этихъ ассоціацій провалятся со скандаломъ и позоромъ.—Немного серьезнѣе общества страхованія скота, но въ нихъ стараются обойтись безъ помѣщика и священника. Послѣдніе сильно разочаруются, если думаютъ съ ихъ помощью проникнуть до крестьянскаго сердца и окончательно увѣковѣчить свое господство“.

Конечно, это показаніе политическаго противника. Но исторія аналогичныхъ попытокъ въ другихъ странахъ заставляетъ предвидѣть, что созданные католической партіей крестьянскіе союзы, быть можетъ, готовятъ ей въ недалекомъ будущемъ непріятные сюрпризы. Она пробудила широкіе слои крестьянъ, которые до того жили своей замкнутой, обособленной жизнью. Удастся-ли ей удержать вызванныя такимъ образомъ къ жизни силы въ намѣченныхъ ею рамкахъ? Будутъ-ли онѣ постоянно подчиняться ея руководству и указаніямъ?

Что католическая партія не всегда умѣетъ удерживать въ своихъ рукахъ господство надъ всѣми отрядами своей арміи—показываетъ, между прочимъ, примѣръ отдѣлившейся отъ нея христіанской демократіи, съ которою мы вкратцѣ ознакомимъ сейчасъ читателя.

* * *

Въ августѣ 1896 г. Вандервельдъ писалъ въ „Peuple“: „Мятежъ вихремъ несется по Кемпенской и Фландрскимъ равнинамъ, и сторонній наблюдатель можетъ уже разглядѣть за черными батальонами христіанской демократіи знамена рабочей партіи“. Что же случилось? А то, что въ „единой и нераздѣльной“ католической партіи показалась маленькая трещина, которая грозила все расширяться и превратиться въ пропасть между реакціонными и демократическими ея частями. Нѣкогда гордившаяся своей цѣльностью и смѣявшаяся надъ либералами за внутренніе ихъ раздоры католическая партія со стыдомъ должна была выслушивать отвѣтъ доктринеровъ: „если у насъ есть радикалы, то у васъ

зато христіанскіе демократы,—и еще неизвѣстно, что хуже". Правда, ловкимъ политическимъ фокусникамъ удалось заговорить начавшуюся болѣзнь и предотвратить грозившую опасность,—и пока только незначительная часть оторвалась отъ католическаго центральнаго ядра. Но потушено-ли пламя раздора навсегда? Не загорится-ли оно въ скоромъ времени вновь?

Когда въ 1886 г. недовольство рабочихъ массъ своимъ положеніемъ проявилось въ извѣстныхъ бурныхъ событіяхъ, католическое правительство рѣшилось рядомъ уступокъ попытаться привлечь ихъ на свою сторону. Смѣнившіе затѣмъ другъ друга католическіе кабинеты провели рядъ соціальныхъ реформъ: учреждены совѣты промышленности и труда; пересмотрѣнъ законъ о профессіональныхъ трибуналахъ; изданъ законъ о неприкосновенности заработной платы; облегчены постройка, пріобрѣтеніе и передача изъ рукъ въ руки рабочихъ домиковъ; проведена регламентація женскаго и дѣтскаго труда; пересмотрѣнъ законъ объ обществахъ взаимнаго вспомоществованія и объ общественномъ призрѣніи; изданъ законъ о фабричныхъ правилахъ, учреждена инспекція изъ рабочихъ (по назначенію правительства) въ копяхъ; учрежденъ высшій совѣтъ труда; реорганизована фабричная инспекція; учрежденъ департаментъ, а затѣмъ (въ 1895 г.) министерство труда. Но всѣ эти мѣры были скорѣе бившимъ на демократизмъ парадомъ, чѣмъ серьезными законодательными актами, и рабочіе ихъ прозвали даже „lois de façade". Болѣе дальновидные люди католической партіи требовали болѣе серьезныхъ реформъ.

Въ началѣ 90-хъ г.г. въ странѣ поднята была интенсивная агитація въ пользу всеобщаго избирательнаго права, причемъ въ движеніе вовлечены были широкіе слои населенія. Тѣ же дальновидные люди вмѣстѣ съ демократически настроенными элементами католической партіи требовали, чтобы партія пошла навстрѣчу требованіямъ массы.

Мало-по-малу въ нѣдрахъ католической партіи нарождался новый политическій организмъ, образованіе котораго давало вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе честолюбивымъ стремленіямъ молодыхъ католическихъ дѣятелей, не находившихъ примѣненія своимъ силамъ въ рамкахъ старой, строго-консервативной Федераціи католическихъ ассоціацій, которою умѣло, но слишкомъ деспотически управлялъ католическій доктринеръ Вустъ

Такъ была основана въ Лувенѣ въ 1891 г. Демократическая Лига подъ вліяніемъ профессора католическаго университета Гельпюта (Helleputte), который уже и раньше

устроилъ въ томъ же городѣ смѣшанную ассоціацію подъ названіемъ „Ремесленная Гильдія“. Это было началомъ католической или христіанской демократіи. Программа Лиги гласила, что „она имѣетъ цѣлью сообща обсуждать и предлагать мѣры, полезныя для повышенія положенія, занимаемаго рабочими въ обществѣ, и для установленія мира въ царствѣ труда путемъ признанія правъ каждаго и улучшенія отношеній между хозяевами и рабочими“. На Мехельнскомъ Конгрессѣ 1891 г. Гельпютъ, объясняя, почему принято было такое названіе Лиги, говорилъ: „Слово демократія, къ счастью, еще не конфисковано. Мы его взяли, потому что оно выражаетъ идею, согласную съ Евангеліемъ: это красивое, христіанское имя. Мы сохранимъ и сумѣемъ его оправдать“.

Первый конгрессъ Лиги состоялся въ Брюсселѣ въ 1892 г. Онъ, по примѣру рабочей партіи, потребовалъ законодательной регламентаціи труда, общей системы страхованія, дарованія профессіональнымъ синдикатамъ правъ юридическаго лица. На немъ разбирался и вопросъ объ избирательной реформѣ. Нѣкоторые члены требовали всеобщаго избирательнаго права, но конгрессъ высказался противъ всеобщаго права голоса и за систему, основанную на образованіи и постоянной профессіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ принялъ слѣдущую резолюцію: „Принимая во вниманіе, что по справедливости рабочіе должны быть прямо представлены въ общественныхъ собраніяхъ; что рабочіе сами лучше другихъ знаютъ особенности своего положенія, равно какъ и тѣ злоупотребленія, которымъ они могутъ подвергаться, Конгрессъ выражаетъ желаніе, 1) чтобы рабочіе имѣли своихъ представителей въ палатахъ, въ провинціальныхъ и общинныхъ совѣтахъ;... 2) чтобы въ различныхъ мѣстахъ страны секціи Демократической Лиги назначили извѣстное число кандидатовъ во время выборовъ и входили по мѣрѣ надобности, для обезпеченія ихъ побѣды, въ соглашеніе съ политическими союзами, допускающими основныя положенія программы Лиги“. Другими словами, Лига не только требовала собственнаго представительства для своей фракціи и для рабочихъ, но и высказалась не за единство, а за федеративное устройство католическій партіи, т. е. фактически выходила изъ состава послѣдней.

Во главѣ Лиги стоялъ сначала Гельпютъ, а затѣмъ Вергагенъ, принадлежащій скорѣе къ разряду католическихъ „іезуитовъ“, а не фанатиковъ. Такъ какъ первый же конгрессъ обнаружилъ присутствіе нежелательныхъ для вдохновителей движенія стремленій, то надлежало дать энергіи

участниковъ иное направленіе, болѣе безопасное для католической правой. И вотъ на второмъ конгрессѣ Лиги (въ Брюсселѣ, 24 и 25 сент. 1893 г.) въ рѣчи предсѣдателя Гельпюта слышатся уже обычныя въ рѣчахъ консервативныхъ католиковъ слова о „внутреннемъ врагѣ" и пр. Въ той-же рѣчи изложена была программа Лиги, не вошедшая, впрочемъ, въ такомъ видѣ въ ея статуты. „...Наша программа, общая 125 союзамъ, вошедшимъ въ Лигу, какъ и другимъ католическимъ демократамъ, нашимъ друзьямъ во Франціи, Германіи и Швейцаріи,—это возстановленіе корпоративнаго режима, приноровленнаго къ условіямъ нашей эпохи, гарантирующаго различнымъ профессіямъ или соціальнымъ функціямъ самостоятельную организацію, причемъ вмѣшательство государства ограничивается регулированіемъ ихъ отношеній и внесеніемъ въ нихъ необходимой гармоніи". Лига продолжала расти, привлекая въ свои ряды рабочихъ, находящихся подъ вліяніемъ кюре, приказчиковъ, рабочихъ, недавно прибывшихъ изъ деревни и не успѣвшихъ еще поддаться дѣйствію большихъ городовъ, мастеровъ и пр. Въ ней же участвуютъ предприниматели, директора промышленныхъ заведеній и много аббатовъ. При открытіи 5 го съѣзда Лиги въ Шарлеруа въ 1896 г., ея президентъ Вергагенъ насчитывалъ уже 300 примыкающихъ обществъ съ 90.000 членовъ. Въ той же рѣчи онъ заявилъ, что, вопреки нападкамъ правой, христіанская демократія согласна съ консерваторами по всѣмъ главнымъ вопросамъ. Въ 1900 г. Лига насчитываетъ 706 обществъ и 115.000 членовъ, въ 1901 (31 декабря)—752 общества и 116.000 членовъ. Но когда Лига устроила референдумъ по вопросу о лучшей системѣ страхованія, она получила лишь 38.000 отвѣтовъ,—и Вустъ увѣряетъ, что у нея не больше членовъ, да и тѣ на выборахъ вотируютъ за соціалистовъ!

На собраніи делегатовъ Лиги въ Брюсселѣ въ сентябрѣ 1897 г. принята была слѣдующая резолюція: „Бельгійская Демократическая Лига снова подтверждаетъ необходимость сплоченія силъ католической демократіи, а) чтобы дать удовлетвореніе стремленію рабочихъ къ политической автономіи постольку, поскольку эти стремленія не противорѣчатъ сохраненію политическаго единства между всѣми католиками; b) чтобы обезпечить успѣхъ законныхъ требованій рабочихъ въ экономической области; с) чтобы успѣшно бороться со сплоченіемъ силъ соціальной демократіи". Она же подтвердила, что Лига есть партія рабочая, потому что ставитъ себѣ цѣли, полезныя для рабочаго класса, но не партія рабочихъ, ибо доступъ туда открытъ и членамъ буржуазіи.

Члены Лиги требовали, чтобы въ провинціи всюду составлены были „смѣшанные комитеты“ изъ делегатовъ католическихъ ассоціацій, представляющихъ буржуазный элементъ, и делегатовъ секцій Демократической Лиги, представлявшихъ рабочій элементъ. Эти комитеты должны были составлять общіе списки кандидатовъ для католическаго листа, всюду давая также мѣсто и демократическимъ или „рабочимъ“ кандидатурамъ. Вустъ рѣзко выступилъ противъ такихъ притязаній. Онъ понималъ, что уступки стремленіямъ къ автономіи и демократизму заведутъ католиковъ слишкомъ далеко, и употребилъ все свое вліяніе, чтобы не допустить составленія смѣшанныхъ комитетовъ и не признать за христіанскими демократами права назначать собственныхъ кандидатовъ. Онъ опасался, что христіанскіе демократы, добившись удовлетворенія своихъ требованій, проведутъ 25—30 своихъ кандидатовъ, съ которыми принуждено будетъ считаться правительство, потому что безъ нихъ оно не въ состояніи будетъ управлять. Представитель старыхъ традицій католической партіи, Вустъ, боится пробужденія массъ. Онъ надѣется, что съ помощью множественныхъ вотумовъ буржуазія всегда сможетъ держать рабочія массы въ своихъ рукахъ. Онъ былъ противъ обязательнаго участія въ голосованіи всѣхъ гражданъ вмѣстѣ съ доктринерами, но клерикалы, опасаясь, что безъ принужденія индиферентная крестьянская масса не станетъ вотировать, доставляя побѣду рабочимъ, провели эту мѣру.

На Мехельнскомъ Конгрессѣ 1891 г. Вустъ говорилъ: „До сихъ поръ деревни были въ большинствѣ случаевъ предохранены отъ соціалистической заразы. Нужно, насколько возможно, помѣшать проникновенію ея въ село. Города уже серьезно испорчены болѣзнью; ихъ нужно завоевать обратно, — и въ этомъ главная цѣль Демократической Лиги. Вотъ почему Конгрессъ справедливо приглашаетъ всѣхъ католиковъ помочь достиженію этой двойной, столь полезной цѣли“. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Лига стала уже внушать опасеніе старому вождю католической реакціи. Примѣръ, поданный въ 1884 г. нѣсколькими рабочими кружками Брюсселя и Ассоціаціей Независимыхъ, которые хотѣли держаться съ Католической Ассоціаціей на равной ногѣ, нашелъ подражателей, особенно послѣ 1894 г., когда рабочіе, получивъ право голоса, не хотѣли уже безусловно подчиняться руководству старыхъ ассоціацій, состоящихъ изъ представителей крупнаго капитала и землевладѣнія. Открывая на другой день послѣ пересмотра конституціи 25-ую сессію Федераціи католическихъ ассоціацій и круж-

ковъ, Вустъ говорилъ: „Въ настоящее время католическіе кружки и консервативныя общества рекрутируются преимущественно изъ среды высшихъ классовъ; ихъ кадры формируются изъ лучшихъ элементовъ буржуазіи и дворянства. Нынѣ пробуждается новый міръ, міръ трудящихся классовъ. Мы должны его просвѣтить, стать во главѣ его, привлечь къ намъ. Это будетъ задачей католическихъ кружковъ, которые должны будутъ расширить свои кадры и допустить туда цвѣтъ рабочаго класса. Это будетъ также задачей консервативныхъ ассоціацій, которыя должны будутъ привлечь подъ свое знамя новые слои избирателей". Но понятно, что не такими мѣрами можно было привлечь къ дѣлу реакціи „новые слои избирателей". Давно назрѣвавшій въ католической партіи протестъ противъ исключительности и аристократизма главарей доженъ былъ, хотя и въ слабой формѣ, прорваться именно теперь, когда демократическіе элементы партіи почувствовали подъ своими ногами точку опоры въ лицѣ новыхъ силъ, выступавшихъ на поприще политической жизни. Кромѣ Брюсселя, подобные факты стали обнаруживаться повсюду. Въ Гентѣ католическая ассоціація съ трудомъ удержала свою гегемонію, но принуждена была уступить на своемъ листѣ мѣсто кандидатамъ земледѣльцевъ и антисоціалистической лиги. Въ Алостѣ одна группа, съ аббатомъ Дансомъ во главѣ, выпустила манифестъ, въ которомъ заявила объ образованіи новой партіи—Христіанской Демократіи, выступающей въ защиту рабочихъ и мелкихъ земледѣльцевъ.

Въ промежутокъ времени 1894—1896 г.г. на избирательную сцену выступила Демократическая Лига. И она обманула надежды Вуста, который вовсе не хотѣлъ, чтобы Лига заходила въ своей демагогіи такъ далеко и развивала у рабочихъ чувство политической самостоятельности и самодѣятельности. На конгрессѣ Лиги въ Шарлеруа раздавались уже такія рѣчи: „Рабочія общества, входящія въ Бельгійскую Демократическую Лигу, намѣрены строго уважать права другихъ католическихъ группъ. Онѣ требуютъ, чтобы не игнорировали также и ихъ правъ и чтобы старыя ассоціаціи, считаясь съ огромнымъ увеличеніемъ числа избирателей, не ограничивались расширеніемъ своихъ рамокъ, но допустили новые кадры католической демократіи занять въ католической арміи мѣсто наряду со старыми".

Первая попытка христіанскихъ демократовъ составить въ парламентѣ отдѣльную группу относится къ 1894 г. Въ 1896 г. она осуществляется, и въ группу принимается аббатъ Дансъ, который открыто возмутился противъ клерикальной

реакціи и котораго до тѣхъ поръ Лига не принимала въ свою среду, какъ „агента раздора и несогласія [1])“. Къ нимъ примыкало въ парламентѣ 10—15 депутатовъ, которые часто не считались съ мнѣніемъ католическаго правительства, иногда даже рискуя провалить его. Во всякомъ случаѣ, часто христіанскіе демократы вотировали съ соціалистами. Въ 1897 г. они даже выступили въ палатѣ защитниками обязательной воинской повинности. Въ христіанско-демократическихъ органахъ, какъ „Le Devoir“, „Le Bien du Peuple“, „La Justice Sociale“—на франц. языкѣ, „Het Recht“, „Het Land van Aelst“—на фламандскомъ, велась рѣзкая полемика противъ католической правой. Эти органы говорили вождямъ правой: „Желая сохранить полное единство католической партіи, вы отталкиваете рабочихъ, которые пойдутъ къ соціалистамъ. Есть одно только средство ихъ удержать—это допустить ихъ автономію въ политикѣ. Многіе рабочіе не довѣряютъ своимъ хозяевамъ. Они не хотятъ прямыхъ представителей изъ рабочей среды; нужно позволить рабочимъ ассоціаціямъ сказать свое слово, имѣть свою собственную программу, своихъ представителей, не навязанныхъ извнѣ, а свободно выбранныхъ ими“. („Le Bien du Peuple“, 6 марта 1897 г.). Ранкенъ, одинъ изъ вождей Лиги, писалъ: „Консерваторы, главнымъ образомъ, обращаются къ частной инщіативѣ и къ благотворительности. Демократы взываютъ къ ассоціаціи и къ вмѣшательству государства, которое обязано осуществлять справедливость и прогрессъ“. Картонъ-де-Віаръ на рабочемъ собраніи, Ранкенъ въ „Messager de Bruxelles“ (18 декабря 1899 г.) высказываются за личную службу, обязательное обученіе и за прогрессивный налогъ на доходы, какъ за реформы, „согласныя съ справедливостью“. 21 января 1900 г., т. е. наканунѣ выборовъ, Брюссельская Демократическая Федерація вноситъ въ свою программу обязательное обученіе и отмѣну замѣстительства за деньги. Христіанскіе демократы Лиги были недовольны „роковымъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, владычествомъ Вуста“. Они знали, что программа правой не въ состояніи удовлетворить даже католическихъ рабочихъ; чтобы удержать ихъ отъ перехода къ соціалистамъ, они должны были иногда оказывать сопротивленіе явно реакціоннымъ затѣямъ правительства и выставлять болѣе или менѣе демократически окрашенныхъ кандидатовъ. Иногда (напр. въ 1898 г.) демократическія группы навязывали католическимъ ассоціаціямъ крайнія

---

[1]) Послѣ конгресса Лиги въ Шарлеруа къ ней пристали всѣ христіанскіе демократы.

имена, но тѣ оказывали этому рѣшительное сопротивленіе (въ Вервье), мотивируя свой отказъ тѣмъ соображеніемъ, что на перебаллотировкахъ либералы не будутъ вотировать за католическій листъ, если на немъ будутъ выставлены демократическіе кандидаты, демократическіе даже въ духѣ Лиги. Въ палатѣ, во время дебатовъ о реформѣ провинціальныхъ выборовъ, христіанскіе демократы вотировали съ соціалистами противъ правительства. Ихъ органъ „La Justice Sociale", съ удовольствіемъ констатируя, что правительственный проектъ получилъ только 9 голосовъ большинства, добавлялъ: „Это не успѣхъ, а урокъ". Нечего и говорить о томъ, что христіанскіе демократы стояли за пропорціональное представительство, которое было прямо въ ихъ интересахъ, и отстаивали его противъ реакціоннаго большинства.

Можно было думать, что демократическое движеніе, обнаружившееся въ католической партіи, пойдетъ дальше и поведетъ къ моральной и политической эмансипаціи тѣхъ слоевъ рабочихъ массъ, которыя еще находятся подъ вліяніемъ католицизма. Но этого не случилось. Съ одной стороны часть ея партизановъ прямо переходила къ рабочей партіи,—и вожди Лиги не могли не понимать, что, продолжая дальше игру въ демократическую оппозицію и отрываясь отъ центральнаго ядра католической партіи, они только сохраняютъ условія, облегчающія окончательное дезертирство слѣдующихъ за ними „рядовыхъ католической арміи" во враждебный лагерь. Съ другой стороны, въ ихъ собственныхъ рядахъ обнаружилось теченіе, явно требовавшее не демократическихъ пародій и декламацій, а демократическихъ дѣйствій, и они испугались, когда увидѣли, къ чему поведетъ ихъ дальнѣйшее будированіе противъ католической партіи. Тогда произошло трогательное примиреніе. Сначала (въ 1897 г.). Лига исключила изъ своей среды аббата Данса и его сторонниковъ; на выборахъ 1900 г. оффиціальная „христіанская демократія", получившая отъ дансистовъ кличку „партіи лакеевъ", выступаетъ уже совмѣстно съ католическимъ консерватизмомъ, а затѣмъ совершенно съ нимъ сливается, хотя и сохраняя отдѣльную организацію Лиги. Вустъ побѣдилъ. И если возстановленіе либеральной партіи произошло путемъ усвоенія доктринерами значительной части радикальной программы, то диссиденты католической партіи не въ состояніи были наложить на реакціонную партію отпечатокъ своего вліянія.

Но рабочія массы, вовлеченныя въ Демократическую Лигу, долго волновались. Выразителемъ ихъ стремленій

явился аббатъ Дансъ и его единомышленники, „не лакейская“, а „истинная христіанская демократія“. Духовнымъ отцомъ этого направленія былъ люттихскій аббатъ Потье, первый объявившій войну клерикальному консерватизму. Люттихъ вообще былъ центромъ движенія, задававшагося цѣлью сблизить католицизмъ съ рабочими,—быть можетъ, именно потому, что среди промышленной буржуазіи вліяніемъ издавна пользовались либералы. Создается такъ называемая „люттихская школа“ клерикалъ-демократіи; аббатъ Потье составляетъ ея программу, въ которой были столь крайніе пункты, что даже Дансъ вначалѣ было смутился.

„Бунтъ“ фабрически проявился впервые во Фландріи, гдѣ клерикальная реакція была, казалось, всесильна. Мы уже говорили о рабочихъ, отправляющихся на работу въ городъ, а вечеромъ возвращающихся въ свои деревушки, и объ ихъ разлагающемъ вліяніи на міровоззрѣніе крестьянина. Къ нимъ нужно прибавить такъ называемыхъ „французовъ“, т. е. фламандскихъ крестьянъ, которые ежегодно отправляются на сельскохозяйственныя работы во Францію. Они, благодаря новымъ идеямъ, принесенныхъ изъ своихъ путешествій, отличаются сравнительно высокимъ развитіемъ и независимымъ духомъ и до сихъ поръ являются однимъ изъ главныхъ факторовъ, разлагающимъ образомъ дѣйствующихъ на устарѣлыя фламандскія традиціи, — и именно они составили основное ядро въ арміи христіанскихъ демократовъ, взбунтовавшихся противъ епископской власти [1]). Другой опорой дансизма явились рабочіе кирпичныхъ и другихъ заводовъ во Фландріи, немного отличающіеся отъ коренныхъ крестьянъ по умственному развитію и міросозерцанію. Кажется, именно наблюденіе надъ ужасной жизнью briquetiers въ Алостѣ толкнуло мирнаго 56-лѣтняго профессора іезуитскаго коллежа, аббата Данса, на арену бурной политической дѣятельности.

Въ 1894 г. вожди христіанской демократіи открыто выступаютъ противъ реакціоннаго католицизма: въ Люттихѣ—аббатъ Потье и проф. Куртъ, въ Вервье—Макине и Болянъ, въ Гентѣ — Планкартъ, наконецъ въ Алостѣ—аббатъ Дансъ дѣлаютъ открытый вызовъ направленію Вуста. Дансъ выставилъ въ Алостѣ свою кандидатуру противъ вождя реакціонной партіи, и — фактъ неслыханный! — неизвѣстный

---

[1]) Въ 1898 г. выборы, которые должны были состояться въ октябрѣ, были перенесены на конецъ мая, когда тысячи этихъ земледѣльческихъ рабочихъ находятся за-границей. Этотъ маневръ обезпечилъ побѣду консервативно-католическаго листа.

вчера священникъ заставилъ всемогущаго Вуста узнать униженіе перебаллотировки, и хотя Вустъ вернулся въ парламентъ, но лишь въ сопровожденіи торжествующаго противника. Въ Западной Фландріи христіанскіе демократы вызвали расколъ повсюду: въ Алостѣ, Гентѣ, Оденарде, Термонде они выставили своихъ кандидатовъ, энергично боровшихся съ консерваторами. Дансъ и друзья его. Дю-Катильонъ, Планкартъ, Потье и другіе, организовали Фламандскую Христіанскую Народную Партію (Vlaamsche Ghristene Volkspartij), рекрутировавшую своихъ членовъ, главнымъ образомъ, среди городскихъ и сельскихъ фламандскихъ рабочихъ и во многихъ отношеніяхъ стоявшую гораздо ближе къ рабочей партіи, чѣмъ къ католикамъ. Тогда римская церковь сочла нужнымъ вмѣшаться. Вслѣдъ за посланіемъ епископовъ, взывавшихъ къ миру среди вѣрныхъ сыновъ церкви, на сцену выдвинутъ былъ и папа. Дансъ былъ приглашенъ въ Римъ, куда немедленно вслѣдъ за нимъ выѣхалъ герцогъ Юрсель, сенаторъ отъ Мехельна и зять графа де-Мена. Герцогъ былъ принятъ Львомъ XIII, тогда какъ плебею-аббату пришлось удовольствоваться бесѣдою съ кардиналомъ Рамполлой. Но попытка Данса ничего не могла измѣнить въ положеніи вещей.

Въ декабрѣ 1897 г. гентскій епископъ запретилъ Дансу снова выступать на выборахъ кандидатомъ; дѣло шло явно о спасеніи Вуста и объ устраненіи компрометирующаго аббата со сцены. Членъ Лиги, Картонъ-де-Віаръ, депутатъ, хлопоталъ за Данса у гентскаго епископа, у папскаго нунція и въ Римѣ, но напрасно.

Въ продолженіе своего недолгаго пребыванія въ Демократической Лигѣ группа дансистовъ и не думала отрекаться отъ своихъ убѣжденій или жертвовать свободой мнѣній въ угоду политическимъ расчетамъ ея заправилъ. Ни на минуту не прекращала она самой жестокой полемики въ печати, борьбы въ парламентѣ и въ странѣ противъ реакціонной политики католическаго большинства. Если Лига думала допущеніемъ Данса въ свои ряды одновременно пріобрѣсть его сторонниковъ и ослабить рѣзкость ихъ оппозиціи, то скоро она увидѣла, что ошиблась въ своемъ расчетѣ. 3 марта 1898 г. Дансъ говорилъ въ палатѣ: „Долженъ ли я доказывать въ десятый разъ, что никакой дансистской партіи нѣтъ, что это миѳъ, созданный воображеніемъ нашихъ противниковъ? Въ Алостѣ — мы христіанскіе демократы. У насъ та же программа, что у христіанской демократіи повсюду; но мы хотимъ, чтобы эта про-

грамма блыа лояльно осуществлена безъ проволочекъ". Съ такими взглядами дансисты не могли дальше оставаться—да и не могли дольше быть терпимы—въ рядахъ Демократической Лиги. Органъ радикаловъ, „Za Réforme", писалъ отъ 9 ноября 1897 г.: „Истинная христіанская демократія, демократія аббата Данса, несмотря на всѣ свои недостатки, является настоящимъ ферментомъ разложенія старой клерикальной партіи". То же на всѣ лады твердилъ реакціонеръ Вустъ; ту же мысль, но съ другой точки зрѣнія, высказывала и рабочая партія [1]).

Когда Демократическая Лига выступила заодно съ католическими консерваторами на выборахъ 1900 г.. дансисты остались внѣ этой политической комбинаціи. Они боролись отдѣльно и всюду выставляли своихъ кандидатовъ противъ реакціонной коалиціи: въ Брюсселѣ, Лувенѣ, Антверпенѣ, Генуѣ, Остенде, Куртре, Алостѣ, Вервье и пр. Эти выборы, давшіе христіанскимъ демократамъ 55,737 голосовъ и одного депутата въ Алостѣ, де-Бакера, обнаружили, что партія эта насчитываетъ изрядное число приверженцевъ, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ, но особенно во Фландріи. На выборахъ 1902 г. имъ удалось провести въ парламентъ аббата Данса депутатомъ отъ Брюсселя.

V.

Рабочая партія.

Къ началу 1882 г., когда вопросъ о пересмотрѣ конституціи выдвинулся на первый планъ въ ряду политическихъ злобъ дня, либеральная партія представляла пеструю смѣсь самыхъ разнородныхъ элементовъ. Въ нее входили, наряду съ крупными промышленниками, сторонниками анти-клерикальной политики, буржуазные демократы и рабочіе. Въ продолженіе этого періода 1883—1884 г.г. Целестинъ Дамблонъ, бывшій тогда учителомъ въ Люттихѣ, подвергался удаленію со службы за слишкомъ энергическую рѣчь, за которую его привѣтствовала вся прогрессистская партія. Жанъ Вольдерсъ состоялъ секретаремъ одного прогрессистскаго общества; Цезарь де-Папъ былъ внесенъ кандидатомъ въ списокъ Брюс-

---

[1]) „Во фламандской части страны, гдѣ мы пользуемся пока ничтожнымъ вліяніемъ, независимые христіанскіе демократы играютъ роль возбудителей: они говорятъ фламандцамъ, которые ихъ слушаютъ, тѣ истины, которыхъ они не стали бы выслушивать отъ насъ. А разъ брошены первыя сѣмена, размышленіе и экономическій интересъ сдѣлаютъ остальное". („Le soc. en Belgique", 2 изд., стр. 210).

сельскаго Либеральнаго Общества; Гримаръ, Галле, Фюрнемонъ входили въ Молодую Либеральную Гвардію; Вандервельдъ и Дестре были членами студенческаго прогрессистскаго кружка. И всѣ эти будущіе дѣятели рабочей партіи вели страстную борьбу въ пользу немедленнаго пересмотра конституціи и установленія всеобщаго избирательнаго права.

Когда условія политическаго и экономическаго развитія страны привели къ необходимости созданія, наряду съ двумя традиціонными политическими организаціями, новой партіи, то дѣло приходилось начинать почти заново. Немного имѣется въ Бельгіи рабочихъ группъ, переживших паденіе Международной Ассоціаціи и сохранившихся до 1885 г., эпохи основанія бельгійской рабочей партіи. И только одна группа — „Братскій Союзъ ткачей" въ Гентѣ — хронологически предшествуетъ даже основанію Интернаціонала, сложившись въ 1857 г. Другія рабочія общества, напр. шляпочниковъ и наборщиковъ въ Брюсселѣ, еще старѣе, но носятъ, главнымъ образомъ, чисто-профессіональный характеръ. Упомянутый сейчасъ Союзъ ткачей послужилъ въ Бельгіи зародышемъ, изъ котораго развилась впослѣдствіи сильная политическая организація. Благодаря своей энергіи и настойчивости, ткачамъ удалось добиться серьезнаго повышенія заработной платы и почти полнаго уничтоженія системы фабричныхъ лавокъ. Побуждаемые удачей ткачей, рабочіе металлургическаго производства сорганизовались въ свою очередь, въ 1860 г., и изъ трехъ союзовъ ткачей, прядильщиковъ и металлургистовъ — составилась „Федерація гентскихъ рабочихъ". Это была первая въ Бельгіи организація, выходившая за предѣлы одного ремесла и ставившая себѣ цѣлью защиту общихъ интересовъ рабочихъ. Но кризисъ, вызванный междоусобной войной въ Америкѣ, нанесъ сильный ударъ молодой федераціи. Синдикаты прядильщиковъ и металлургистовъ погибли, а союзъ ткачей изъ 2.000 членовъ сохранилъ лишь 300.

Во время Интернаціонала возникаетъ много рабочихъ союзовъ въ Брюсселѣ, Вервье, Геннегау, но послѣ его распаденія большинство ихъ было распущено. Въ 1874 г. нѣсколько членовъ брюссельской секціи, и между ними Цезарь де-Папъ, Густавъ Базенъ и Бертранъ, нынѣ депутатъ отъ Брюсселя, попытались объединить различныя синдикальныя камеры, ремесленные союзы и другія рабочія общества Брюсселя. Камера Труда, федерація брюссельскихъ рабочихъ обществъ, была основана 4 января 1875 г.; ей удалось объединить вокругъ себя нѣсколько секцій, уцѣлѣвшихъ отъ общаго разгрома.

Шарль Вустъ,
вождь консервативныхъ католиковъ.

Немного времени спустя, около половины 1876 г., гентцы, съ Ванъ-Бевереномъ и съ Ансилемъ, возстановили свою секцію, взяли на себя иниціативу петиціи въ пользу регламентаціи дѣтскаго труда и, наконецъ, въ согласіи съ Антверпенской Федераціей и брюссельской Камерой Труда, созвали съѣздъ, чтобы положить основаніе обще-бельгійскаго рабочаго союза. Эта попытка не удалась благодаря сопротивленію нѣсколькихъ валлонскихъ обществъ, противниковъ политической дѣятельности, и отказу гентцевъ допустить принципъ полной автономіи группъ. Послѣдніе основали свою фламандскую рабочую соціальную партію, а брюссельцы, съ своей стороны, образовали брабантскую соціальную партію.

Наконецъ, благодаря усиліямъ газеты „La voix de l'ouvrier", впослѣдствіи ставшей органомъ брюссельской Камеры Труда, собравшійся въ Брюсселѣ конгрессъ единогласно вотировалъ образованіе бельгійской соціальной партіи. Съ этого времени начинается, съ одной стороны, агитація въ пользу всеобщаго избирательнаго права, а съ другой стороны—кооперативное движеніе, которое особенно стало развиваться съ 1880 г., года основанія гентскаго Vooruit'а. Наряду съ новообразовавшейся партіей существовало въ странѣ много рабочихъ обществъ съ болѣе умѣренной программой и цѣлый рядъ обществъ взаимопомощи на случай болѣзни и т. п.

5 апрѣля 1895 г. въ Брюсселѣ собрался съѣздъ приблизительно изъ ста человѣкъ, представлявшихъ 59 обществъ и положившихъ начало существующей донынѣ Бельгійской Рабочей Партіи. Это названіе было принято въ виду настояній брюссельцевъ, тогда какъ „крайніе" гентцы предлагали дать партіи имя соціалистической. Предложеніе закрыть доступъ въ новую организацію представителямъ немускульнаго труда было отвергнуто и никогда болѣе не возобновлялось. Только постепенно удалось партіи привлечь къ себѣ главные профессіональные союзы. Въ Шарлеруа, напр., большинство ихъ принадлежало къ американской федераціи „Рыцарей Труда".

Положеніе новой партіи вначалѣ было не совсѣмъ благопріятно. На провинціальныхъ выборахъ 25 мая 1884 г. три ея кандидата въ Брюсселѣ, ведя кампанію при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и передъ сравнительно широкимъ составомъ избирателей, получили лишь треть поданныхъ голосовъ. Что же касается избирателей съ цензомъ, то во время законодательныхъ выборовъ въ іюнѣ 1884 г. радикальный листъ, состоявшій изъ де-Папа, Пикара и Ванъ-Коберга, получилъ около 400 голосовъ на 18.000 вотирую-

щихъ. Въ другихъ частяхъ страны рабочіе даже не осмѣливались выставлять собственныхъ кандидатовъ.

Положеніе это измѣнилось послѣ событій 1886 г. Въ районѣ Шарлеруа произошло стачечное движеніе, охватившее каменноугольныя копи и стекольные заводы. Рабочіе даже не выставили опредѣленныхъ требованій; неорганизованное движеніе повело къ эксцессамъ, и стачка была подавлена военной силой. Она обратила вниманіе всего общества на положеніе рабочаго класса и на молодую партію, которая сумѣла занять надлежащую позицію во время этого конфликта и требовала рабочихъ реформъ, всеобщаго избирательнаго права и амнистіи.

Въ виду этихъ волненій, обнаружившихъ тяжелое положеніе рабочаго класса, парламентъ назначилъ въ маѣ 1886 г. комиссію труда, которая закончила свои занятія въ іюнѣ 1887 г., предложивъ рядъ реформъ въ области рабочаго законодательства. Но клерикальное правительство, съ помощью послушнаго ему большинства, провело лишь законъ о публичномъ пьянствѣ и о неприкосновенности заработной платы свыше одной пятой. Новая партія указывала на недостаточность этихъ реформъ. Въ этомъ ей помогала и радикальная партія, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оба направленія дѣйствовали совмѣстно. Появившаяся въ рядахъ рабочей партіи тенденція къ болѣе тѣсному союзу съ радикалами повела къ расколу: валлонскія группы, вмѣстѣ съ Дефюиссо, выдѣлились и основали республиканскую соціальную партію, стоявшую за рѣшительныя мѣры, въ томъ числѣ за всеобщую стачку, и упрекавшую другое крыло за излишнюю умѣренность и союзъ съ буржуазными партіями. Съ своей стороны, противники упрекали сецессіонистовъ въ томъ, что они пытаются вовлечь рабочихъ въ рискованныя авантюры и пренебрегаютъ организаціей экономическихъ учрежденій, какъ кооперативы и т. п. Расколъ, впрочемъ, продолжался недолго. На съѣздѣ, состоявшемся 8 октября 1889 г. въ Брюсселѣ, произошло возсоединеніе обѣихъ фракцій, окончательно завершившееся на шестомъ ежегодномъ конгрессѣ партіи въ Лувенѣ 6—7 апрѣля 1890 г. Теперь она могла обратиться къ своей ближайшей задачѣ, агитаціи въ пользу пересмотра конституціи.

Несмотря на враждебное въ большинствѣ случаевъ отношеніе прессы, неподвижность клерикальнаго большинства, нерѣшительность либеральной оппозиціи, реформаторамъ удалось за нѣсколько лѣтъ восторжествовать надъ всѣми трудностями. Въ теченіе періода агитаціи за пересмотръ конституціи молодая партія, искусно лавируя между Сциллой по-

лицейско-судебныхъ преслѣдованій и Харибдой необдуманныхъ увлеченій, развила лихорадочную дѣятельность. Наряду съ неустанной агитаціей въ печати и собраніяхъ, она, чтобы развлечь утомленное общественное вліяніе, прибѣгала иногда къ самымъ неожиданнымъ средствамъ, въ родѣ открытаго письма генеральнаго совѣта къ епископамъ, въ которомъ онъ спрашивалъ, почему они относятся такъ враждебно къ избирательной реформѣ, и которое, конечно, осталось безъ отвѣта и т. п. Въ брюссельскій Народный Домъ приглашались извѣстныя лица изъ другихъ партій, излагавшія тамъ свои взгляды на животрепещущій вопросъ дня; устраивались референдумы относительно всеобщей подачи голосовъ, фиктивные выборы, созывались чрезвычайные конгрессы, митинги-монстры, происходили манифестаціи національныя, провинціальныя, кантональныя, неожиданныя или заранѣе подготовленныя цѣлыми серіями, буржуазныя или рабочія—и всегда на ту же тему: S. U. (suffrage universel, т. е. всеобщее и равное избирательное право для всѣхъ гражданъ, достигшихъ 21-лѣтняго возраста).

10 августа 1890 г. произошла національная манифестація въ Брюсселѣ, въ которой участвовало до 75.000 челов. Къ моменту созванія палатъ (9 ноября) были организованы демонстраціи въ Люттихѣ, Намюрѣ, Антверпенѣ, Лувенѣ, въ Центрѣ и Брюсселѣ. Послѣдняя особенно удалась. Делегаты были приняты въ ратушѣ бургомистромъ, депутатомъ Жансономъ и сенаторомъ де-Брукеромъ. Жансонъ обѣщалъ имъ внести въ парламентъ требованіе пересмотра конституціи. Оно было внесено 27 ноября 1890 г. и, съ согласія правительства, было единогласно принято палатой къ свѣдѣнію и передано на разсмотрѣніе секцій. 26 апрѣля 1892 г. палата рѣшила въ принципѣ необходимость пересмотра конституціи, а 12 іюля уже собралась конституанта для осуществленія этого назрѣвшаго вопроса. Когда 11 апрѣля 1893 г. палата 115 голосами противъ 26 отвергла предложеніе Жансона о введеніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права, генеральный совѣтъ рабочей партіи декретировалъ всеобщую стачку. Въ 48 часовъ союзы были созваны, постановили рѣшенія и организовали прекращеніе работъ. Въ забастовкѣ приняли участіе не только каменноугольные районы, которые уже дважды упредили общее движеніе, но и другіе промышленные и культурные центры (Брюссель, Антверпенъ, Гентъ, Лувенъ и т. д.). 18 апрѣля палата приступила къ обсужденію проекта Ниссенса и покончила съ вопросомъ въ томъ же засѣданіи. 119 голосами противъ 14 принята была система множественныхъ вотумовъ. Въ тотъ же вечеръ

генеральный совѣтъ постановилъ приступить къ работамъ, и черезъ нѣсколько дней страна пришла въ нормальное состояніе.

Состоявшійся вскорѣ послѣ этого конгрессъ партіи въ Кареньонѣ, выработавшій партійную программу и уставъ, долженъ былъ также заняться вопросомъ объ избирательныхъ союзахъ, который съ тѣхъ поръ неоднократно привлекалъ вниманіе партіи и вызывалъ всегда самые оживленные дебаты (вопросъ шелъ, конечно, о соглашеніи съ иными фракціями при первомъ голосованіи). Дальнѣйшій ходъ событій повелъ къ укрѣпленію позиціи противниковъ такихъ избирательныхъ компромиссовъ. Къ нимъ пристали впослѣдствіи даже такіе сторонники сдѣлокъ, какъ представители Фландріи, гдѣ партія не могла расчитывать на собственныя силы для избирательныхъ побѣдъ. Конгрессъ въ Кареньонѣ рѣшилъ предоставить свободу дѣйствія мѣстнымъ федераціямъ, но съ тѣмъ условіемъ, что кандидаты партіи во всякомъ случаѣ должны выставлять программу безъ ослабленій и урѣзываній. Съ доктринерами, впрочемъ, партія отказалась вступать въ какія бы то ни было сдѣлки; была признана лишь возможность соглашенія съ радикалами. Но и послѣднее имѣло мѣсто только въ двухъ округахъ (Люттихъ и Намюръ), гдѣ былъ выставленъ общій списокъ кандидатовъ.

Избирательная кампанія велась съ удивительной энергіей и страстностью. Гдѣ только могло звучать человѣческое слово, тамъ оно раздавалось: въ большихъ городахъ и захолустныхъ деревенькахъ, при выходѣ съ церковной службы и у воротъ фабрикъ. Нѣкоторые пропагандисты говорили по семи разъ въ день. Въ три мѣсяца съ небольшимъ состоялось около 4.000 собраній и распространено два милліона брошюръ. Результаты были сюрпризомъ какъ для старыхъ партій, такъ и для новой. Въ Монсѣ весь списокъ прошелъ при первомъ же голосованіи. Въ Люттихѣ и въ Шарлеруа часть соціалистовъ была выбрана при первомъ голосованіи, а другая попала въ перебаллотировку съ клерикалами, получивъ неожиданно большое число голосовъ. Въ Суаньи и въ Вервье перебаллотировка съ клерикалами. Въ Намюрѣ побѣда общаго съ радикалами списка. Въ Брюсселѣ и во Фландріи—такое значительное меньшинство, что торжество клерикаловъ было Пирровой побѣдой (въ столицѣ за кандидатовъ рабочей партіи было подано 40.000 голосовъ). Либералы были разгромлены и довершили свое моральное пораженіе своимъ поведеніемъ во время перебаллотировокъ, гдѣ они вотировали за клерикаловъ.

Послѣдовавшіе затѣмъ провинціальные выборы были относительно менѣе счастливы, отчасти по недостатку подходящихъ кандидатовъ, отчасти благодаря большей ограниченности избирательнаго корпуса (для участія въ избраніи провинціальныхъ совѣтниковъ требовался 30-лѣтній возрастъ). Тѣмъ не менѣе въ трехъ провинціяхъ (Брабантѣ, Люттихѣ и Геннегау) партія провела нѣкоторыхъ кандидатовъ, а въ Люттихѣ ея коалиціи съ радикалами удалось даже захватить въ свои руки провинціальный совѣтъ. Эти провинціальные выборы пріобрѣли теперь необычайную важность по той причинѣ, что новый институтъ провинціальныхъ сенаторовъ давалъ возможность партіи провести своихъ членовъ и въ сенатъ. Благодаря соглашенію съ либералами, ей удалось послать въ верхнюю палату Эдмонда Пикара и Жюля дезъ-Эссара (отъ провинціи Геннегау), тогда какъ люттихскіе радикалы послали туда П. Жансона.

Появленіе свѣжихъ элементовъ въ парламентѣ внесло такую струю оживленія въ обыкновенно монотонные дебаты его, что отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ, имѣвшіе въ 1894 г. для французскаго изданія 12.414 подписчиковъ и для фламандскаго 5.294, достигли въ 1895 г. тиража 42.380 и 18.802. Тиражъ „Annales Parlementaires“ поднялся съ 4.662 до 14.459. Тогда правительство сочло себя вынужденнымъ увеличить втрое подписную плату за эти изданія, количество абонентовъ которыхъ соотвѣтственно упало въ 1900 г. до 4.778, 11.141 и 1.020. Парламентская дѣятельность депутатовъ рабочей партіи пріобрѣтала еще особое значеніе въ виду того, что, благодаря разгрому либеральной партіи, они являлись въ палатѣ единственной серьезной оппозиціею клерикальному большинству. Они составили совершенно обособленную парламентскую группу, выработавшую себѣ полное единство тактики. Для сохраненія тѣсной связи съ ядромъ партіи, группа время отъ времени устраивала совмѣстныя собесѣдованія съ генеральнымъ совѣтомъ. Всякому воту предшествовала принципіальная декларація отъ имени всѣхъ членовъ группы. Не замедлили, конечно, возникнуть рѣзкіе инциденты и горячіе дебаты, и скоро бельгійская палата, гордившаяся до того времени своею чинностью, сдѣлалась, подобно другимъ европейскимъ законодательнымъ собраніямъ, ареной бурной борьбы партій. Чтобы дать понятіе о многосторонней дѣятельности новыхъ депутатовъ въ парламентѣ, укажемъ, что нѣкоторыми изъ нихъ за 1895—96 г.г. были, между прочимъ, произнесены слѣдующія рѣчи: Вандервельдъ—„Аграрный вопросъ“; „Соціальные законы въ Бельгіи“; Бертранъ—„Бюджетъ юстиціи въ связи

съ соціальнымъ вопросомъ"; Гекторъ Дени — „Раціоналистическая мораль"; Дестре — „Искусство и коллективизмъ"; Ансиль—„Картушъ и К^{о}" и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей представляютъ глубокій научный интересъ. Тѣ же депутаты выступили противъ измѣненія тарифа въ пользу аграріевъ, противъ колоніальной политики (Конго), противъ проекта правительства придать народной школѣ обязательный конфессіональный характеръ. Отодвинутые на второй планъ, либералы могли лишь поддерживать ихъ въ прессѣ, причемъ многіе либералы убѣдились, что представителей новой партіи интересуютъ и другіе вопросы, кромѣ вопроса о заработной платѣ. А когда правительство все-таки провело свой проектъ, то къ партіи примкнула часть либераловъ—изъ наиболѣе убѣжденныхъ антиклерикаловъ.

Несмотря на страстную оппозицію лѣвой, правительство провело новый законъ объ общихъ выборахъ, требовавшій 30-лѣтняго возраста и 3-лѣтней осѣдлости для избирателей, устанавливавшій дифференціальный цензъ и предоставлявшій поземельнымъ собственникамъ 4-й голосъ. Рабочей партіи пришлось отказаться отъ надежды развить широкую и соотвѣтствующую ея программѣ дѣятельность въ коммунахъ, пользуясь для этого ихъ автономіей, ихъ хотя ограниченною, но самостоятельной сферой дѣятельности. Генеральный же совѣтъ не рѣшился снова прибѣгнуть къ новой стачкѣ въ виду усталости и индифферентности массъ. Несмотря на естественный въ первое время недостатокъ подходящихъ силъ, такъ какъ мѣстное самоуправленіе требуетъ особыхъ знаній и способностей, избирательная кампанія начата была въ 507 общинахъ, т. е. почти въ четвертой части страны. Результаты ея оказались вполнѣ удовлетворительными. Въ 80 коммунахъ рабочая партія получила большинство и въ 180—меньшинство.

Теперь борьба направилась на завоеваніе всеобщаго равнаго избирательнаго права. Либералы готовы были бороться, главнымъ образомъ, за пропорціональное представительство, обезпечивающее интересы меньшинства. Въ рядахъ рабочей партіи (какъ, впрочемъ, и среди католиковъ) нашлись сторонники и противники его, но конгрессъ высказался въ пользу пропорціональнаго представительства. Самыми отъявленными противниками послѣдняго были, съ одной стороны, крайніе реакціонеры, во главѣ которыхъ стоялъ Вустъ, а съ другой—лѣвое крыло рабочей партіи, боринажцы, ибо въ Боринажѣ рабочая партія располагала абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Совсѣмъ иначе смотрѣли на дѣло представители болѣе отсталыхъ провинцій, напр., Фландріи,

гдѣ огромное большинство избирателей неизмѣнно голосовали за клерикаловъ и гдѣ рабочіе ожидали отъ установленія пропорціональнаго представительства оживленія своей дѣятельности. Вандервельдъ, защищавшій пропорціональность, которая избавитъ партію отъ необходимости заключать избирательные союзы съ либералами, указалъ еще на то, что введеніе пропорціональнаго представительства предохранитъ партію отъ опасности преждевременнаго захвата власти, благодаря какому-нибудь капризу въ настроеніи избирательнаго корпуса.

24 ноября 1899 г. прошелъ законъ, вводившій пропорціональное представительство, и состоявшіеся на его основаніи майскіе выборы 1900 г. сохранили большинство за правительствомъ. Теперь снова начинается агитація за всеобщее равное избирательное право, но при нѣсколько иныхъ условіяхъ: либералы въ массѣ довольны сдѣланными пріобрѣтеніями и съ нескрываемымъ неудовольствіемъ начинаютъ посматривать на шумливую дѣятельность крайней лѣвой, выжидая удобнаго случая, чтобы снова оставить ее на произволъ судьбы. Въ странѣ поднялась энергичная агитація. Въ парламентѣ составилась группа „всеобщаго избирательнаго права“, состоявшая изъ 25 либераловъ и всѣхъ депутатовъ рабочей партіи. Умѣренное крыло послѣдней, не расчитывая на собственныя силы и желая тѣснѣе привлечь къ себѣ либераловъ и христіанскихъ демократовъ, заставило партію сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки: она признала необходимость внесенія принципа пропорціональнаго представительства въ конституцію и временно отказалась отъ требованія права голоса для женщинъ.

Правительство тѣмъ временемъ приготовилось къ борьбѣ. Когда оно, 8 апрѣля 1902 г., предложило голосовать $^{11}/_{12}$ бюджета, то въ тотъ же вечеръ началась уличная агитація, произошли столкновенія толпы съ полиціей; созвана была гражданская гвардія, рекрутирующаяся изъ среды зажиточныхъ классовъ, и запасные солдаты. Генеральный совѣтъ декретировалъ всеобщую стачку. Она быстро охватила около 300.000 человѣкъ. 18 апрѣля палата 84 голосами отвергла предложеніе о пересмотрѣ конституціи. Этотъ вотъ не вызвалъ особеннаго взрыва, такъ какъ его предвидѣли заранѣе. Безпорядки произошли только въ Лувенѣ, гдѣ гражданская гвардія въ двухъ мѣстахъ стрѣляла въ толпу, безъ предупрежденія. Либералы отказались отъ солидарности съ рабочей партіей, когда увидѣли, что она не останавливается предъ крайними мѣрами. Обращеніе къ посредничеству короля не привело ни къ какимъ результатамъ. Тогда гене-

ральный совѣтъ, не рѣшаясь итти далѣе, вопреки мнѣнію значительной части партіи, 20 апрѣля рѣшилъ обратиться къ рабочимъ съ предложеніемъ возобновить работы. Это рѣшеніе вызвало такой взрывъ негодованія (особенно въ каменноугольныхъ районахъ), что оказалось необходимымъ созвать экстренный конгрессъ партіи на 4 мая для предупрежденія раскола. Генеральный совѣтъ съ трудомъ добился вота довѣрія.

Этотъ кризисъ нанесъ нѣкоторый ущербъ партіи. Законодательные выборы 25 мая 1902 г. показали, что если ряды ея сторонниковъ не порѣдѣли, то они и не усилились. Другими его результатами были: усиленіе отрицательнаго отношенія къ политическимъ компромиссамъ и союзамъ, ростъ антиклерикализма и возросшій интересъ къ организаціи учрежденій экономическаго характера. Вопросъ о пересмотрѣ конституціи и о завоеваніи всеобщаго равнаго избирательнаго права остался для партіи очереднымъ вопросомъ ближайшаго будущаго.

Въ настоящее время бельгійская рабочая партія состоитъ изъ 26 областныхъ федерацій, насчитывающихъ около 500 группъ. Главныя изъ этихъ федерацій имѣютъ своими центрами Брюссель, Гентъ, Люттихъ, Лувенъ, Вервье, Монсъ, Антверпенъ, Шарлеруа и Жолимонъ Другія федераціи, болѣе поздняго происхожденія, въ Намюрѣ, Люксембургѣ, Западной Фландріи и пр., являются какъ бы аванпостами въ земледѣльческой части страны. Съ небольшими отклоненіями, почти всѣ федераціи построены по одному и тому же типу. Центръ организаціи занимаетъ потребительное товарищество, вокругъ котораго группируются общества взаимной помощи, синдикальныя камеры и политическія группы.

Во главѣ федеративной организаціи стоитъ генеральный совѣтъ, правленіе котораго выбирается на ежегодныхъ конгрессахъ партіи и состоитъ изъ 9 членовъ, живущихъ въ Брюсселѣ. Полное собраніе совѣта состоитъ, кромѣ этихъ 9 членовъ, еще изъ делегатовъ отъ областныхъ федерацій (по одному отъ каждой) и отъ профессіональныхъ федерацій (то же по одному). Такъ какъ главные расходы партіи дѣлаются на мѣстѣ федераціями, генеральный совѣтъ, естественно, не располагаетъ большими суммами. Его денежныя средства составляются изъ вносовъ въ 10 сантимовъ съ каждаго члена мѣстныхъ организацій.

Типомъ областной организаціи является Гентская Федерація, послужившая образцомъ для возникшихъ позднѣе

федерацій. Она себѣ ставитъ задачей обезпечить своимъ членамъ какъ матеріальныя, такъ и духовныя выгоды и, такимъ образомъ, привязать ихъ къ преслѣдуемому партіею идеалу тѣсными узами не только убѣжденій, но и повседневныхъ интересовъ. Идетъ-ли дѣло о пріобрѣтеніи съѣстныхъ припасовъ хорошаго качества и по дешевой цѣнѣ, о развлеченіяхъ, сбереженіяхъ на черный день, политикѣ или просвѣщеніи, объ отысканіи работы или о полученіи помощи во время кризисовъ, о рожденіи ребенка, вступленіи въ бракъ, смерти кого-либо изъ членовъ семьи, развитіи физическихъ или умственныхъ способностей,—Федерація старается удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ и восполнить, такимъ образомъ, недостатокъ личныхъ силъ своею помощью. Не удовлетворяясь своею дѣятельностью среди городского населенія, она каждое воскресенье высылаетъ группы пропагандистовъ (большею частью на велосипедахъ) въ окрестныя деревни, гдѣ они собираютъ митинги и произносятъ рѣчи, популяризируя, такимъ образомъ, идеи Федераціи среди земледѣльческаго населенія.

Гентская Федерація включаетъ въ себя общества пяти родовъ: кооперативы, синдикаты, общества взаимнаго вспомоществованія, политическія группы, образовательные и увеселительные кружки [1]). Въ основѣ организаціи лежитъ потребительное товарищество „Vooruit“, продающее своимъ членамъ и другимъ гентцамъ хлѣбъ, бакалейный товаръ, лѣкарства, одежду, обувь, мебель, топливо и т. д.

Въ одномъ Гентѣ ему принадлежитъ 16 зданій. Отчасти Vooruit является и производительнымъ товариществомъ, занимающимъ на наиболѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ около 200 рабочихъ, которые лишились своихъ мѣстъ за свою дѣятельность въ пользу партіи: наборщиковъ, булочниковъ, портныхъ, швей, сапожниковъ и пр. Въ тоже время Vooruit устроилъ для своихъ членовъ пенсіонную кассу: постоянные покупатели, безъ всякихъ особыхъ взносовъ, получаютъ на склонѣ дней ежедневный пенсіонъ въ размѣрѣ отъ 30 сант. до 1 фр. Онъ является въ тоже время сберегательною кассою, платящею своимъ членамъ процентъ высшій, чѣмъ тотъ, который дается государственными сберегательными кассами; онъ организовалъ также для своихъ членовъ страхованіе отъ болѣзней и страхованіе жизни. Наконецъ, онъ распредѣляетъ почти всѣ субсидіи и вспомоще-

---

[1]) Varlez, „Fédération ouvrière gantoise“, въ циркулярахъ „Соц. Музея“ за 1899 г., № 1.

ствованія остальнымъ обществамъ, входящимъ въ составъ Федераціи.

Наряду съ Vooruit'омъ Гентская Федерація обладаетъ еще двумя небольшими кооперативными пекарнями, насчитывающими каждая по нѣсколько сотъ членовъ. Съ 1897 г. существуетъ еще кооперативная типографія, въ которой, между прочимъ, печатается газета Федераціи „Vooruit", равно какъ афиши, брошюры и другія изданія. При типографіи открытъ книжный и писчебумажный магазинъ.

Далѣе къ Федераціи примыкаетъ цѣлый рядъ синдикатовъ, насчитывающихъ вмѣстѣ около 10.000 членовъ. Синдикаты рекрутируютъ своихъ сторонниковъ преимущественно въ отрасляхъ крупной промышленности. Особенно сильную организацію представляетъ синдикатъ металлургистовъ. Почти одни лишь металлургисты создали въ Бельгіи настоящую національную федерацію и принудили синдикатъ хозяевъ признать рабочее общество. Выдающееся мѣсто въ Гентской Федераціи занимаетъ синдикатъ прядильщиковъ хлопка. Ему удалось особенно хорошо организовать свою финансовую часть: онъ выдаетъ извѣстныя суммы своимъ членамъ въ случаѣ безработицы, несчастныхъ случаевъ, смерти кого-либо изъ членовъ семьи, выдаетъ пенсіи старикамъ, помогаетъ молодымъ своимъ членамъ обзаводиться инструментами и посѣщать ремесленныя школы, въ теченіе 6 недѣль выдаетъ стачечникамъ почти полную заработную плату и т. п.; но члены не имѣютъ права начать стачку, не испросивши предварительнаго разрѣшенія какъ у своей ассоціаціи, такъ и у центральнаго комитета Гентской Федераціи.

Изъ всѣхъ входящихъ въ Гентскую Федерацію обществъ самымъ крупнымъ является Союзъ Moyson, названный такъ по имени одного изъ піонеровъ движенія во фламандской части страны. Въ общемъ, Союзъ этотъ насчитываетъ около 50.000 членовъ. До 1886 г. общества взаимнаго вспомоществованія Мойсона выдавали своимъ сочленамъ только пособіе во время болѣзни. Затѣмъ они начали доставлять участникамъ даровую медицинскую помощь и безплатныя лѣкарства—все это за 5 сант. въ недѣлю. Въ 1890 г. разрозненныя общества слились въ одинъ союзъ, который съ тѣхъ поръ развивался безостановочно. Въ Союзъ Мойсона входятъ: 1) общества взаимопомощи въ собственномъ смыслѣ (около 10.000 членовъ); 2) кассы инвалидовъ, куда входятъ мужчины; 3) кассы врачебно-аптечной помощи (11.000 чел.), въ которыхъ участвуютъ, главнымъ образомъ, жены и дѣти членовъ кассъ взаимопомощи и кооперативы Vooruit; 4) члены потребительныхъ товариществъ.

Въ каждомъ изъ приходовъ города Гентская Федерація Обществъ организовала одинъ или нѣсколько „квартальныхъ клубовъ“, состоящихъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ партіи. Это политическія организаціи партіи, которыя заботятся о выборѣ кандидатовъ, организуютъ выборную агитацію, занимаются обсужденіемъ принципіальныхъ вопросовъ и формулируютъ пожеланія новыхъ законовъ. Такихъ клубовъ 22,—и насчитываютъ они 2.200 членовъ, которые обыкновенно собираются въ кабакахъ, содержимыхъ лишившимися профессіональнаго заработка за свои убѣжденія товарищами. Если нужно построить колесницу или сдѣлать транспарантъ для 1 мая, организовать кортежъ изъ дѣтей, устроить пышныя похороны какому-нибудь выдающемуся дѣятелю партіи, раздать 100.000 воззваній, распространить тысячи листковъ по деревнямъ, созвать сто митинговъ или поддержать ораторовъ въ селѣ, собрать деньги для стачечниковъ или организовать избирательную компанію, тогда обращаются къ этимъ клубамъ, и они устраиваютъ все, что требуется, даромъ и съ величайшею тщательностью. Клубы эти, подобно обществамъ взаимопомощи и синдикатамъ, составляютъ свою федерацію, которая занимается общими политическими вопросами.

Кромѣ перечисленныхъ, федерація насчитываетъ рядъ болѣе мелкихъ обществъ, въ которыхъ участвуютъ люди разныхъ темпераментовъ и возрастовъ и совокупность которыхъ придаетъ Федераціи тотъ характеръ универсальности къ которому стремятся ея руководители. Укажемъ на нѣкоторыя. Во первыхъ, дѣтскія общества, устраивающія игры, экскурсіи въ лѣса, въ горы, на море и т. п.; дѣтскіе хоры; общества „Дѣтей народа“, участвующія въ первомайскихъ кортежахъ. Затѣмъ политическіе кружки: кружки новобранцевъ, Лига бывшихъ солдатъ, Молодая Гвардія, Клубы пропаганды, задача которыхъ заключается въ выработкѣ опытныхъ ораторовъ. Далѣе кружки образовательные и пр., и пр.

Партія старается удовлетворить духовныя потребности своихъ приверженцевъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ физическія. На всѣхъ собраніяхъ кружковъ партія совѣтуетъ членамъ посѣщать курсы для взрослыхъ, воскресныя школы, профессіональныя училища и пр. Существуетъ Лига родителей—для надзора за преподаваніемъ въ общественныхъ школахъ, Лига учителей, состоящая въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ съ рабочей партіей. Федерація обладаетъ двумя библіотеками съ нѣсколькими тысячами томовъ, которыя признаны правительствомъ „учрежденіями общественной пользы“. Не малыя услуги оказываетъ и „Общество для пропаганды

пріобрѣтенія книгъ“. Vooruit устроилъ для желающихъ курсы иностранныхъ языковъ. „Кружокъ для изученія общественныхъ наукъ“ регулярно посѣщается рабочими, и засѣданія его отличаются серьезнымъ научнымъ характеромъ. Издаваемая Федераціей газета „Vooruit“ существуетъ съ 1884 г. и имѣетъ за собой довольно бурную исторію. Цѣна ея 2 сантима, т. е. меньше 1 копейки, а между тѣмъ эта газета довольно большого формата, очень дѣльная и серьезная. Дефицитъ по ея изданію (около 10.000 фр. въ годъ) покрывается центральнымъ комптетомъ Федераціи. Кромѣ того, Федерація издаетъ рядъ брошюръ и объемистыхъ книгъ по различнымъ отраслямъ науки.

Наконецъ, къ Федераціи примыкаетъ цѣлый рядъ увеселительныхъ кружковъ и кружковъ спорта, которые стремятся и къ удовлетворенію эстетическихъ потребностей членовъ, и къ укрѣпленію физическихъ силъ, и къ развитію въ нихъ духа дисциплины. Такъ существуетъ федерація гимнастическихъ обществъ, множество пѣвческихъ кружковъ и музыкальныхъ обществъ которые ежегодно въ большой праздничной залѣ даютъ концерты классической музыки привлекающіе всегда многочисленную публику; драматическій кружокъ, кружокъ экскурсіонистовъ и пр. Всѣ эти увеселительные кружки, а особенно музыкальныя общества играютъ также политическую роль, участвуя во всѣхъ кортежахъ и манифестаціяхъ партіи, равно какъ на митингахъ. Кромѣ того, по воскресеньямъ и въ праздничные дни они собираются вмѣстѣ въ помѣщеніяхъ Федераціи,—и рабочіе пріучаются проводить воскресный день не въ кабакахъ, а въ обществѣ товарищей, слушая хорошую музыку или лекцію.

Если сюда прибавить еще кружки моральной пропаганды (анти-алкоголизмъ и т. п.), кружокъ кооперативной пропаганды, кружки свободныхъ мыслителей, женскую Лигу и т. п., то получается сѣть разнообразныхъ учрежденій, совокупность которыхъ и образуетъ федерацію—типъ. Интересно, что Гентская Федерація не имѣетъ писаннаго устава; подобно англійской конституціи, она развивалась постепенно, и прецеденты составляютъ тамъ руководящія правила. Во главѣ Федераціи стоитъ центральный комитетъ, состоящій изъ 50 делегатовъ отъ различныхъ обществъ, входящихъ въ ея составъ. Онъ рѣшаетъ всѣ интересующія Федерацію дѣла (обыкновенно въ послѣдней инстанціи) и является нѣкоторымъ образомъ дисциплинарнымъ судомъ для ея членовъ. На постановленія центральнаго комитета можно аппелировать къ общимъ собраніямъ Федераціи, въ которыхъ имѣютъ право участвовать всѣ члены примыкающихъ къ ней обществъ.

На этихъ собраніяхъ обсуждаются всѣ вопросы, касающіеся общей политики, избирательныхъ союзовъ и т. п.

Таковы же, въ общемъ, и другія областныя федераціи, но ни одна не достигла того гармоническаго сочетанія разнородныхъ элементовъ, какое наблюдается у Гентской Федераціи. Однако нѣкоторыя кооперативы превосходятъ гентскій Vooruit числомъ своихъ членовъ. Таковы: „Прогрессъ“ въ Жолимонѣ (15.000 членовъ) и „Народный Домъ“ въ Брюсселѣ (18.000 членовъ); антверпенская кооператива „Werker“ имѣетъ столько же членовъ, какъ и Vooruit (7.000). Несмотря на ожесточенную конкурренцію капиталистическихъ предпріятій, брюссельскій „Народный Домъ“ является самой крупной пекарней въ странѣ. Его новое зданіе, выстроенное въ 1899 г.—настоящій дворецъ, постройка котораго обошлась въ 1.200.000 франковъ, на которые заключенъ былъ заемъ подъ гарантіей государства Изъ общаго числа ассоціацій, которыхъ въ Бельгіи къ 1 января 1901 г. насчитывалось около 1.800, 189 обществъ (23 производительныхъ и 166 потребительныхъ) съ 86.000 членовъ [1]) входили въ примыкающую къ рабочей партіи Федерацію кооперативныхъ обществъ. Производительныя товарищества занимаютъ въ федераціи ничтожное мѣсто; они организуются, главнымъ образомъ, синдикатами, чтобы доставить нѣкоторое занятіе безработнымъ. Центральное мѣсто въ партіи принадлежитъ потребительнымъ товариществамъ. Они, между прочимъ, удѣляютъ извѣстную часть своихъ доходовъ на партійныя дѣла; такъ, напр., брюссельскій Народный Домъ затрачиваетъ съ этой цѣлью ежегодно не менѣе 25.000 франковъ.

Большинство существующихъ въ странѣ профессіональныхъ синдикатовъ принадлежитъ къ рабочей партіи. Съ 1899 г. при генеральномъ совѣтѣ основана отдѣльная секція, синдикальная комиссія, для изученія условій труда и организаціи синдикальныхъ конгрессовъ. На третьемъ конгрессѣ въ 1901 г. представлено было 84.896 членовъ синдикатовъ, изъ которыхъ 76.440 примыкало къ рабочей партіи (изъ нихъ однихъ углекоповъ 45.000), а 8.456 принадлежало къ нейтральнымъ организаціямъ (Федерація типографщиковъ и Союзъ стеклодѣловъ). Всѣхъ же вообще синдицированныхъ рабочихъ насчитывается въ Бельгіи около 110.000, изъ которыхъ отъ 10 до 15 тысячъ принадлежитъ къ католическимъ союзамъ. Вообще, въ Бельгіи синдикальное движеніе развито относительно слабо; поэтому въ случаѣ конфлик-

---

[1]) Т. е. не много менѣе половины всѣхъ вообще коопeраторовъ въ Бельгіи (Бертранъ насчитываетъ ихъ до 200,000 человѣкъ, считая и всѣ земледѣльческія общества).

товъ, синдикаты обыкновенно не могутъ расчитывать на собственныя средства и должны обращаться къ помощи кооперативъ.

Политическія группы въ собственномъ смыслѣ слова весьма рѣдки въ рабочей партіи; при приближеніи выборовъ создаются пропагандистскіе кружки и избирательные комитеты, но они обыкновенно исчезаютъ съ минованіемъ въ нихъ надобности. Общія собранія федерацій, равно какъ партійные съѣзды состоятъ почти исключительно изъ делегатовъ экономическихъ организацій -- и въ этомъ отношеніи бельгійская рабочая партія сильно отличается отъ другихъ. Главные рессурсы партіи доставляются кооперативами въ видѣ взносовъ, субсидіи во время стачекъ (деньгами и хлѣбомъ), подписокъ въ пользу партійной прессы и т. п. Кромѣ того, дѣятели партіи, пострадавшіе за свои убѣжденія, находятъ вѣрное убѣжище и кусокъ хлѣба на службѣ у кооперативъ.

Благодаря тому, что въ различныхъ учрежденіяхъ партія успѣла сгруппировать массу силъ, она въ состояніи выполнять такія работы, которыя требуютъ затраты громадной энергіи. Такъ, во время выборовъ 1900 г. было роздано даромъ 2 милліона брошюръ (въ 8 страницъ), причемъ для каждой крупной корпораціи предназначена была спеціальная брошюра, тиражъ которой соразмѣрялся съ данными промысловой переписи 1890 г. Въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., въ Брюсселѣ, раздача этихъ брошюръ была такъ удачно произведена, что всѣ рабочіе имѣли въ рукахъ брошюру, предназначенную для ихъ профессіи. Часть этихъ листовокъ обращалась спеціально къ католическимъ рабочимъ и къ крестьянамъ. Чтобы распространить эти послѣднія, каждое воскресенье съ 6-ти часовъ утра группы велосипедистовъ отъ 20 до 25 человѣкъ выѣзжали изъ городскихъ центровъ съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть въ деревни ко времени ранней обѣдни. Крестьянамъ раздавались брошюры и приглашенія на митингъ, который долженъ былъ состояться по окончаніи второй обѣдни. Въ назначенный часъ пропагандистъ, взобравшись на стулъ насупротивъ церкви, излагалъ крестьянамъ программу рабочей партіи. Случалось, что лекціи прерывались палочными ударами, но организаторы дѣла находятъ, что пропаганда эта въ общемъ дала удовлетворительные результаты.

Дѣятельность партіи въ деревнѣ только начинается. Организація рабочихъ сельскихъ синдикатовъ весьма затруднительна въ виду разбросанности деревенскихъ пролетаріевъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе въ значительномъ числѣ имѣются

только въ мѣстахъ крупнаго капиталистическаго земледѣлія (западная часть Люттиха). Въ настоящее время клерикалы почти цѣликомъ владѣютъ деревней, т. е., крестьянствомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Но въ Бельгіи есть деревни, являющіяся въ тоже время промышленными центрами или же населенныя промышленными рабочими, уѣзжающими въ городъ на работу и вечеромъ возвращающимися обратно. Въ этихъ мѣстахъ рабочей партіи удалось упрочиться. Въ другихъ деревняхъ съ собственно крестьянскимъ населеніемъ она успѣхомъ не пользуется.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ учрежденіяхъ рабочей партіи, которыя заботятся объ умственномъ и нравственномъ развитіи ея членовъ. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ партійная пресса. Главная ея задача состоитъ въ обсужденіи текущихъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ, въ пропагандѣ ученія партіи, въ агитаціи въ различныхъ слояхъ населенія, въ особенности во время избирательныхъ кампаній. Но наряду съ этимъ она старается восполнить недостатокъ знаній въ рабочей массѣ и повысить ея умственный уровень. Оффиціальнымъ органомъ партіи является „Le Peuple", выходящій въ Брюсселѣ съ 1885 г. и не уступающій какъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, такъ и по богатству свѣдѣній газетамъ другихъ партій; цѣна его 5 сантимовъ. Его уменьшенное изданіе, „L'Écho du peuple", ежедневная газета въ 2 сант., расходящаяся въ 55.000 экземпляровъ, создана для борьбы съ реакціонной прессою. Партія имѣетъ еще 3 ежедневныя газеты, выходящія въ провинціи: „Journal de Charleroi" для валлонской части страны, „Vooruit" въ Гентѣ и „Werker" въ Антверпенѣ. Кромѣ того, существуетъ множество еженедѣльныхъ газетъ, между прочимъ „Le Laboureur", предназначенный для крестьянъ. Теоретическимъ органомъ партіи является журналъ „L'Avenir Social", основанный въ 1895 г.

Кромѣ газетъ, партія издаетъ много брошюръ. Уже около 10 лѣтъ милліонами распространяются среди крестьянъ и рабочихъ небольшія брошюрки, излагающія ученіе партіи или разъясняющія тотъ или иной пунктъ его. Онѣ имѣютъ отъ 8 до 32 страницъ и стоятъ отъ 3 до 6 сантимовъ. Кромѣ того, партія старается устраивать при кооперативахъ, народныхъ домахъ и т. п. значительныя библіотеки, благодаря которымъ завоеванія человѣческой мысли популяризируются среди широкихъ массъ. Мы говорили уже о гентскомъ Vooruit'ѣ, упомянемъ еще о жалимонской кооперативѣ, обладающей замѣчательной библіотекой Цезаря де-Папа, и о „Храмѣ Науки" въ Шарлеруа.

Въ 1893 г. профессора Брюссельскаго Университета, Вандервельдъ и Леклеръ, рѣшили создать, по образцу Англіи, народные университеты. Въ первый же годъ организовано было 25 курсовъ, привлекшихъ около 4.000 слушателей: чиновниковъ, учителей, приказчиковъ и много рабочихъ въ промышленныхъ центрахъ. Наиболѣе посѣщались лекціи по исторіи и соціологіи. Основавшійся въ 1894 г. въ Брюсселѣ Вольный Университетъ, создалъ свои популярные университетскіе курсы, которые дѣйствуютъ параллельно съ первыми. Кромѣ того, народные университеты устроены во многихъ городахъ Бельгіи—въ Монсѣ, Шарлеруа, при Народномъ Домѣ въ Брюсселѣ и т. д. Отмѣтимъ еще вечерніе курсы для взрослыхъ, организованные во многихъ демократическихъ коммунахъ; такъ, въ одномъ округѣ Шарлеруа насчитывается свыше 200 такихъ учрежденій.

Партія заботится и объ эстетическомъ развитіи своихъ членовъ. Такъ, при Брюссельскомъ Народномъ Домѣ организовалась „Секція Искусства", обратившаяся за содѣйствіемъ къ извѣстнымъ артистамъ, литераторамъ, художникамъ, музыкантамъ. Секція организуетъ музыкально-литературные вечера, на которыхъ знакомитъ рабочихъ съ выдающимися произведеніями человѣческаго ума во всѣхъ отрасляхъ искусства. Такъ, въ программахъ вечеровъ 1892—1902 гг. мы находимъ лекціи по русской литературѣ, о произведеніяхъ Ибсена, Эмиля Золя, о шекспировскомъ періодѣ, о Вильямѣ Моррисѣ, объ Эмилѣ Вергагенѣ, о Викторѣ Гюго, о Ришпенѣ, о Вагнерѣ, объ Италіи, Сициліи и т. д., и т. д. Въ музыкальномъ отдѣлѣ исполнялись произведенія Глазунова, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Бородина, Мусоргскаго, Баха, Берліоза, Вагнера, Грига, Гайдна, Бетховена, Листа, Шумана, Брамса, Моцарта и т. д. Были представлены „Ткачи" Гауптмана, „Бродяга" Ришпена, „Врагъ народа" и „Сольнесъ-строитель" Ибсена, „Разсвѣтъ" Вергагена и пр. О мѣрахъ, принимаемыхъ для эстетическаго развитія своихъ членовъ Vooruit'омъ, мы уже говорили. Аналогичныя группы существуютъ и въ другихъ большихъ федераціяхъ партіи, напр. въ Шарлеруа и Люттихѣ. Партія назначила даже спеціальную комиссію для изданія ряда дешевыхъ и хорошихъ гравюръ, чтобы рабочій могъ украсить свое жилище произведеніями искусства. Дѣло это только начинается.

Программа рабочей партіи состоитъ, во первыхъ, изъ деклараціи принциповъ, въ которой высказываются ея

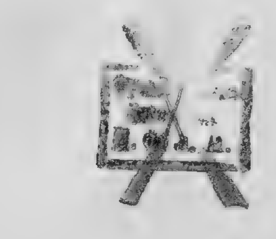
Проф. Эмиль Вандервельдъ,
вождь соціалъ-демократической партіи.

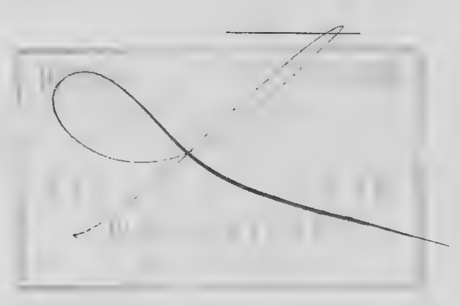
им Горького
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.

взгляды на основныя черты современнаго строя и выставляется цѣль, къ которой она стремится, и обозначаются средства, которыми она думаетъ достигнуть этой цѣли. Далѣе идетъ такъ называемая программа минимумъ, т. е. совокупность тѣхъ требованій, которыя предъявляются партіей къ нынѣшнему обществу и которыя теоретически могутъ быть осуществлены въ рамкахъ современнаго строя. Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ 3-хъ частей: программы политической, экономической, коммунальной. Политическая программа требуетъ: избирательной реформы, децентрализаціи законодательной власти, коммунальной автономіи, прямого народнаго законодательства, реформы обученія, отдѣленія церкви отъ государства и пр. Коммунальная программа содержитъ требованіе реформъ, входящихъ въ вѣдѣніе общиннаго самоуправленія и касающихся постановки учебнаго дѣла, регламентаціи труда, общественнаго призрѣнія, финансовъ и организаціи общественныхъ службъ на основахъ городского управленія и устраненія подрядчиковъ или капиталистическихъ кампаній. Экономическая программа распадается на три части Первая (общія мѣры) требуетъ организаціи рабочей статистики; законодательнаго признанія ассоціацій; всесторонней регламентаціи рабочаго договора; замѣны системы общественнаго призрѣнія системой общаго страхованія; реорганизаціи подобной системы на основѣ замѣны косвенныхъ налоговъ прогрессивно-подоходнымъ налогомъ, монополіей государства на спиртъ и табакъ, уничтоженіемъ наслѣдованія въ боковой линіи; прогрессивнаго расширенія области государственнаго хозяйства (обращеніе въ государственную собственность копей и рудниковъ, націонализаціи лѣсовъ, возстановленіе или расширеніе общинныхъ имуществъ, постепенное возвращеніе государству или общинамъ поземельной собственности); автономіи общественныхъ службъ. Вторая часть (спеціальныя мѣры для промышленныхъ рабочихъ) требуетъ отмѣны всѣхъ постановленій ограничивающихъ свободу коалицій; всесторонней регламентаціи промышленнаго труда; выборной (совѣтами промышленности и труда) фабричной инспекціи; реорганизаціи профессіональныхъ трибуналовъ; регламентаціи труда въ тюрьмахъ и обителяхъ. Третья часть (спеціальныя мѣры для сельскохозяйственныхъ рабочихъ) требуетъ реорганизаціи сельскохозяйственныхъ обществъ, регламентаціи арендныхъ договоровъ; провинціальнаго страхованія и государственнаго перестрахованія противъ падежей, неурожаевъ, градобитій, наводненій и т. п.; организаціи общественнаго

дарового сельскохозяйственнаго обученія; пріобрѣтенія общинами земледѣльческихъ орудій, предоставляемыхъ въ распоряженіе крестьянъ; организаціи въ селѣ даровой врачебной помощи; реформы закона объ охотѣ; участія государства и коммунъ въ созданіи сельскохозяйственныхъ кооперативъ; организаціи сельскохозяйственнаго кредита.

Ю. Стекловъ.





Типографія Б. Вольфа, Разъѣзжая ул. д. № 15.

4 руб